

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ
БЛАВАТСКИЙ
(1899—1980 гг.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

В.Д.БЛАВАТСКИЙ

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Ответственный редактор
доктор искусствоведения
М. М. КОБЫЛИНА

Москва
«Наука»
1985

В книгу включены статьи, опубликованные автором в течение более 50 лет в зарубежных научных изданиях, ставших уже библиографической редкостью. Тематика этих статей разнообразна. Они посвящены и исследованию социальной и культурной истории античных государств, в особенности Северного Причерноморья, и археологии, и эпиграфике, и искусству античных Средиземноморья и Причерноморья.

Рецензенты:

Н. А. ОНАЙКО, В. С. ДОЛГОРУКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Многогранное творческое наследие выдающегося советского антиковеда, профессора, доктора искусствоведения В. Д. Блаватского включает более 200 статей и книг, опубликованных в нашей печати. Однако обширный научный вклад ученого ими не ограничен, и ряд его работ вышел за пределы нашей страны.

Выпуская данный сборник в свет, составители его стремились сделать доступными для широких кругов специалистов те работы профессора В. Д. Блаватского, которые были опубликованы им в зарубежных изданиях или были прочтены в виде докладов на международных встречах антиковедов и не были еще напечатаны в нашей стране.

С именем В. Д. Блаватского (12.IX 1899—10.XI 1980) связаны многие аспекты научной работы и международное научное сотрудничество советских археологов и историков. Будучи ученым с мировым именем, он с успехом представлял советское антиковедение на многих международных форумах. В 1958 г. на VII Международном конгрессе классической археологии в Риме В. Д. Блаватский был избран членом Почетного комитета и читал пленарный доклад¹. В 1960 г. на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме был председателем секции и прочитал доклад². В 1963 г. на VIII Международном конгрессе классической археологии в Париже был избран членом Почетного комитета и представил доклад³. В 1964 г. на VII Международной конференции, проводимой Международной ассоциацией историков-антиковедов социалистических стран «Эйрене» в Ленинграде⁴, и в 1965 г. на VIII Международной конференции «Эйрене» в Будапеште⁵ читал доклады. В 1969 г. на IX Международном конгрессе классической археологии в Дамаске был избран членом Президиума конгресса, председателем одного из пленарных заседаний, а также представил доклад⁶. В 1970 г. на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве читал доклад⁷. Кроме того, в 1958 г. принимал участие в национальном ежегодном съезде греческих археологов в Афинах и прочитал там доклад⁸.

В некоторых международных научных совещаниях В. Д. Блаватский не смог принять личного участия, но посланные им доклады были там прочтены и напечатаны в трудах этих конгрессов⁹.

По приглашениям зарубежных научных организаций В. Д. Блаватский опубликовал ряд статей в социалистических странах, неоднократно его привлекали к участию в специальных изданиях капиталистических стран. Там же были опубликованы переводы некоторых статей, напечатанных им в Советском Союзе.

Значителен вклад В. Д. Блаватского в особую форму международного научного сотрудничества — проведение совместных научных исследований. В 1957 г. в руководимой им Пантикапейской экспедиции сотрудничал директор Национального археологического музея в Будапеште проф. Ф. Фюлеп. В 1958—1960 гг. В. Д. Блаватский был научным руководителем археологической экспедиции, исследовавшей Аполлонию Иллирийскую, один из крупнейших городов древности на Адриатике⁴⁰. В 1958 г. В. Д. Блаватский вошел в Международный совет ученых (Consiglio scientifico Internazionale), созданный в Италии Институтом культурного сотрудничества (Istituto per la collaborazione culturale) для издания многотомной «Истории мирового искусства»⁴¹. Упомянем также деятельное участие В. Д. Блаватского в подготовке иностранных студентов и аспирантов-антиковедов, обучавшихся в Советском Союзе.

Высокий научный авторитет В. Д. Блаватского получил широкое признание за рубежом. Он был избран членом ряда международных научных обществ и организаций и национальных научных учреждений: в 1962 г. В. Д. Блаватский был избран членом-корреспондентом Венгерского общества классических исследований (Венгрия); в 1964 г. он избран членом Международного совета Подводной археологии (США); в 1966 г. избран членом-корреспондентом des Deutschen Archäologischen Instituts (ФРГ); в 1966 г. Археологическое дружество Югославии избрало В. Д. Блаватского своим почетным членом (Югославия); в 1975 г. В. Д. Блаватский был избран членом Почетного международного комитета Общества мифранстических исследований (Иран).

Широта постановки вопросов, историческая направленность исследований и глубокое знание истории, археологии и культуры Средиземноморья и Причерноморья в античную эпоху, отличающие многогранное научное творчество В. Д. Блаватского, в полной мере проявляются в его зарубежных статьях. Ряд собранных в настоящем сборнике исследований посвящен кардинальным вопросам истории и культуры античного мира. Назовем «Период протоэллинизма на Боспоре» или «Иррадиация античной культуры в странах Северного Причерноморья». Другие работы представляют детальное исследование новых археологических памятников или углубленный анализ античных письменных источников. Не меньшую научную значимость имеют публикации подводных археологических исследований или обширных раскопок в Аполлонии Иллирийской. Отмеченные строгим исследовательским подходом и высоким научным качеством, эти работы являются важным орудием в арсенале советской исторической науки. Но доступ к ним затруднен тем, что большая часть их опубликована в изданиях, уже ставших библиографической редкостью. Надлежит особо упомянуть обзорные статьи, в которых В. Д. Блаватский знакомил зарубежные научные круги с достижениями советских антиковедов. С присущим ему глубоким исследовательским подходом В. Д. Блаватский ярко обрисовал основные результаты раскопок в Ольвии, Херсонесе, в городах и селениях Боспора. Из этого раздела зарубежных публикаций В. Д. Блаватского в сборнике помещается только краткий очерк «Античная археология Северного Причерноморья за последние десятилетия»⁴².

Включенные в сборник статьи публикуются в том виде, в каком они вышли из печати при жизни автора. При подготовке сборника были сняты иллюстрации, воспроизводящие широко известные у нас памятники античной эпохи из Северного Причерноморья, а также некоторые географические схемы.

За помощь в подготовке книги выражаем благодарность сотрудникам Сектора античной археологии Института археологии АН СССР — А. А. Масленникову, В. К. Голенко и В. Д. Кузнецову, а также перепечатавшей весь текст З. К. Андреевой.

М. М. Кобылина

¹ См.: Период протоэллинизма на Боспоре.

² См.: Процесс исторического развития...

³ См.: Иррадиация античной культуры...

⁴ Блаватский В. Д. Рабский вопрос в идеологии эллинизма. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 13—17.

⁵ См.: Воззрения боспорского анонимного историографа...

⁶ См.: Античные традиции в византийском серебре...

⁷ Блаватский В. Д. Античный мир и Древний Восток. М., 1970.

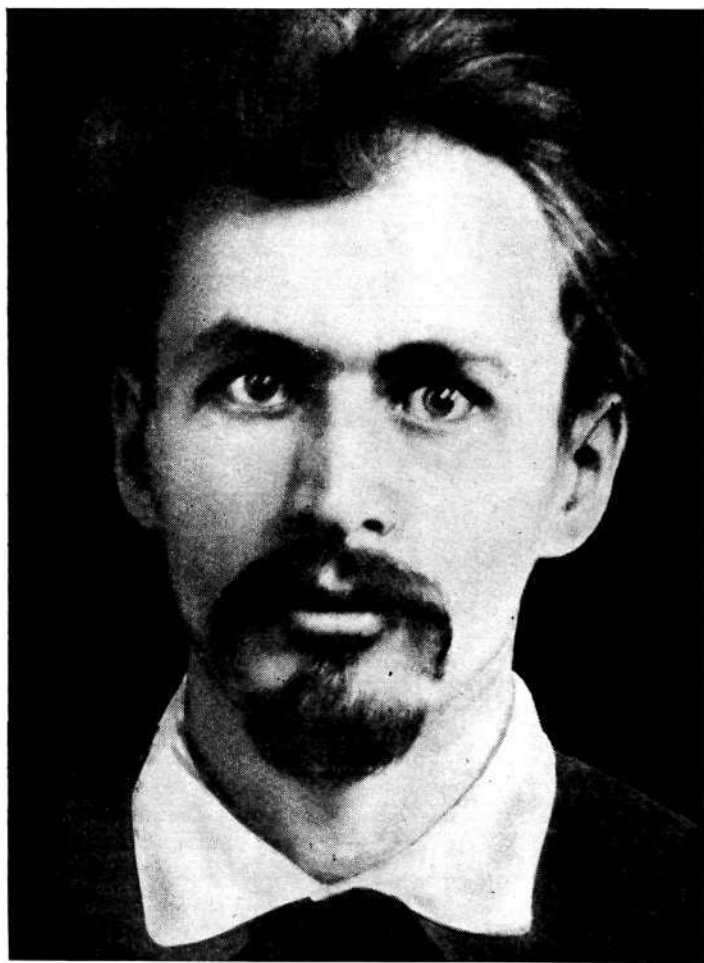
⁸ См.: Античная археология...

⁹ См.: Основание Аполлонии Иллирийской; Аполлония и иллирийцы..., Дорьяне в XIV—XIII вв. до н. э.; Эллинское искусство...

¹⁰ См.: Раскопки Аполлонии Иллирийской; Дудзинская Е. А. Международные научные связи советских историков. М., 1978, с. 60.

¹¹ Enciclopedia universale dell'arte. Venezia; Roma, 1958—1967, vol. I—XV. Переиздана в Англии — Encyclopedia of World Art. London, 1959—1968. Vol. I—XV.

¹² Наиболее подробен «Обзор исследований античных памятников Северного Причерноморья за последнее сорокалетие» (Blawatsky W. D. Badania antycznych zabytkow na północnych wybrzeżach morza Czarnego w ostatnim sztyrdziestoleciu. — Archeologia 1959/1960, Warszawa, 1961, vol. XI, s. 13—35).

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ
БЛАВАТСКИЙ
(конец 1920-х годов)

НОВАЯ АМФОРА ПОЛИГНОТА *

В 1896 г. в Исторический музей в Москве Н. П. Боткиным была подарена амфора, которая, по-видимому, происходила из собрания Мазурина (инвентарный номер Исторического музея 31750). Предполагают, что ваза была найдена в Ноле. В 1922 г. амфору передали в Государственный музей изящных искусств (инвентарный номер Государственного музея изобразительных искусств 73). Она была сплошь записана, и я начал ее расчищать. Оказалось, что под новой росписью находился великолепный античный рисунок; точно также была открыта полностью замазанная подпись мастера.

Ваза склеена из фрагментов, причем утрачены лишь незначительные ее кусочки. Высота амфоры 0,579 м. Глина амфоры оранжево-коричневого цвета. Роспись исполнена блестящим черным лаком, имеющим местами оливковый оттенок. Подпись художника и некоторые детали рисунка (перевязи меча, повязки, поводья, волны, надписи) исполнены белой краской. По краю устья вазы снаружи проходит полоса ов. На горле нарисованы пальметты с волютами; на плечах — Stabornament, под ручками помещены небольшие пальметты, под ними — усики с большими пальметтами. Ниже рисунков идет опоясывающая вазу полоса меандра с крестами.

Лицевая сторона (А) (рис. 1). На колеснице, запряженной двумя крылатыми конями, стоит Эос (ἨΕΩΣ) одетая в длинный хитон и украшенную застёжками накидку (рис. 2). Под конями дельфин (рис. 4, 5), ниже обозначены белой краской волны. Эта сцена напоминает другие краснофигурные рисунки ¹.

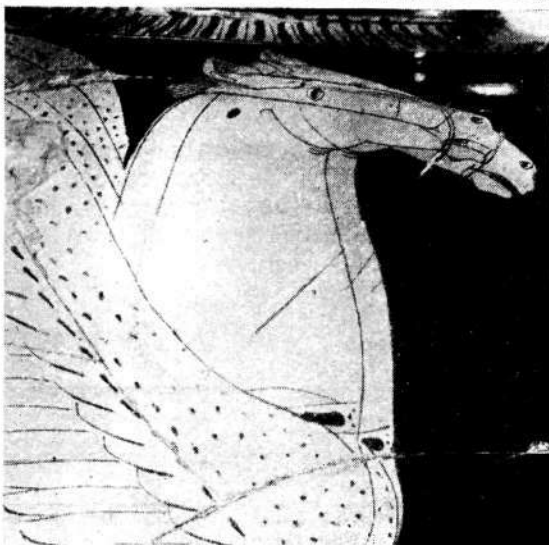
Под вожжами, которые держит Эос, находится надпись:

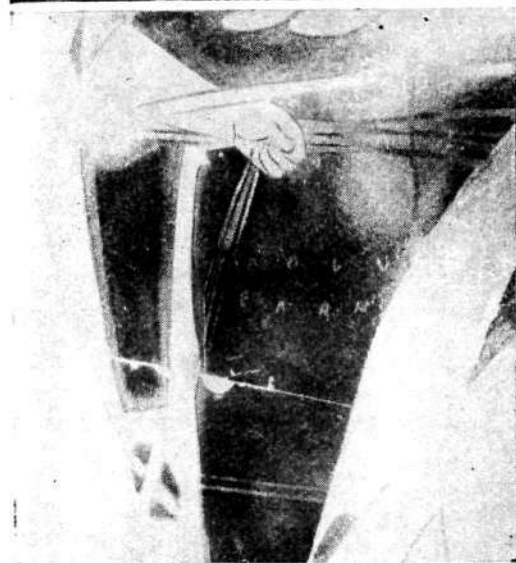
$\text{ΠΟΛΥΓΥΝΟ} \text{ ΤΟΣ}$

$\text{ΕΡΑ} [\PsiΕΝ]$

дуктус которой полностью согласуется с сигнатурами этого мастера на других вазах ².

* *Blawatski W.* Eine Neue Amphora des Polygnotos. — AA, 1927, S. 75—78, Beilage 3 u. 4, Abb. 1.—7.

1	2	5	6
3	4	7	

Рис. 1. Амфора Полигнота. Лицевая сторона

Рис. 2. Деталь. Эос

Рис. 3. Амфора Полигнота. Обратная сторона

Рис. 4. Деталь. Головы лошадей

Рис. 5. Деталь. Кони и дельфин

Рис. 6. Юноша с мечом

Рис. 7. Подпись вазописца Полигнота

Обратная сторона (В) (рис. 3). Сидящий Ахилл ([Ἀχ]ΙΛΕΥΣ)

обращен влево, он завернут в гиматий и опирается правой рукой на копье. Перед ним стоит юноша в гиматии, протягивающий герою меч в ножнах. Позади Ахилла стоит бородатый мужчина в гиматии, который правой рукой опирается на посох. Возможно, что в юноше, стоящем перед героем, следует усмотреть Патрокла, тогда как фигура бородатого мужчины представляла Фойникса. В таком случае вся сцена должна быть связана с изображениями Ахилла, печальющегося о Брисеиде³.

Сравнение с известными ныне подписными вазами Полигнота показывает, что Московская амфора принадлежит к числу позднейших произведений, несущих сигнатуру этого мастера (рис. 7). Самым ранним в этом ряду является Брюссельский стамнос, за ним следует стамнос Британского музея с изображением Геракла и Дейяниры, затем пелика из Гелы в Сиракузском музее, наконец, амфора Британского музея с изображением приготовлений к жертвоприношению. Так как стамнос с Гераклом и Дейянирой датируется серединой V в.⁴, то Московскую амфору следует отнести к 440-м годам. В пользу этого предположения говорят многие черты, связывающие рисунки Московской амфоры с работами «Мастера Клеофона», принадлежащими к указанному времени⁵.

¹ Например; *Bulletino Napolitano. Nuova Serie*, V, Tav. 10, N 9; *Gerhard E. Auserlesene Vasenbieder* Berlin, 1840, Taf. 78, 80; *Pellegrini G. Museo Civico di Bologna. Catalogo dei Vasi Greci dipinti delle Necropoli Etrusche*. Bologna, 1912, p. 161, N 324, fig. 93; см. также: *Walters H. B. Redfigured Vases recently acquired by the British Museum.* — JHS, 1921, XLI, p. 145, Pl. 6.

² *Hoppin J. C. A Handbook of Attic Redfigured Vases*. Cambridge, 1919, II, p. 375 (N 1), 377 (N 2), 379 (N 3), 381 (N 4).

³ Cp. *Laurent M. L'Achille voilé dans les peintures des vases grecs.* — RA, 1898, XXXIII, p. 153 et suiv.

⁴ *Buschor E. Griechische Vasenmalerei*³. München, 1921, S. 193.

⁵ *Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen*. München, 1923, III, S. 218, Abb. 558; *Beazley J. D. Attische Vasenmaler des rotfigurigen Stils*. Tübingen, 1925, S. 420, N 2.

ИЗ СОБРАНИЯ ВАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ В МОСКВЕ *

За последние годы коллекция античных vaz Государственного музея изобразительных искусств пополнилась ценными поступлениями, многие из которых представляют значительный интерес. Ниже будут опубликованы некоторые вещи, заслуживающие особого внимания.

1. «Итало-коринфский» кувшин. Инвентарный № 55 (рис. 1). Из собрания Строгановского училища. Происходит из Тосканеллы, в 1898 г. куплен Гельбигом. Высота 0,31 м, верхний диаметр 0,129 м. Глина вазы желтоватая, лак из темно-коричневого переходит в светло-коричневый, роспись нанесена белой и красной красками. На круглых медальонах ручки — белые кресты в круге. На шейке белые точечные розетты, ниже идет рельефный пояс с белыми точками. Тулово вазы украшено Stabornament'ом, «финкийскими» пальметтами с гравировкой и врезанным полукругом с белой и красной красками. Возле ручки нарисована белая спираль, внизу лучи¹.

2. Коринфская пиксида с крышкой. Инвентарный № 16 (рис. 2). Из собрания Московского университета². Общая высота вазы 0,147 м, глина ее желтоватая. Сосуд покрыт черным лаком, переходящим в светло-коричневый, роспись нанесена пурпурной краской. На крышке пиксиды нарисованы Stabornament и мотив шахматной доски. Тулово в наиболее широкой части занимает фриз с фигурами пантеры, лебедя, водяной птицы и козла³.

3. Коринфская пиксида с крышкой. Инвентарный № 8 (рис. 3). Из собрания Исторического музея, Москва. Место находки предположительно Коринф. Общая высота вазы 0,148 м. Глина ее желтоватая, лак переходящий из черного в светло-коричневый, роспись нанесена красной краской. Сосуд склеен из фрагментов. Крышка пиксиды украшена Stabornament'ом, мотивом шахматной доски и розеттами. На тулове на главном поясе представлено восемь бородатых голов⁴.

4. Коринфский скифос. Инвентарный № 14 (рис. 4). Из собрания Московского университета⁵. Из Ла-Тальфы (куплен Гельбигом у Бароне в 1868 г.). Высота 0,125 м, диаметр 0,171 м. Склеен из обломков. Скифос исполнен из желтоватой глины и расписан лаком от черного до коричневого цвета и красной краской. Внутренняя поверхность вазы покрыта черным лаком. Сосуд украшен несколькими поясами орнамента. На главном фризе изображены фигуры спрены, кабана, петуха, льва, водяной птицы, сфинкса, пантеры. Над ножкой сосуда тянется пояс очень тонко исполненных двойных лучей⁶.

* *Blawatski W.* Aus der Vasensammlung des Museums für Bildende Kunst in Moskau. — AA, 1927, S. 304—307, Abb. 1—17.

1	2
	3

Рис. 1. Итало-коринфский кувшин

Рис. 2. Коринфская пиксида с крышкой

Рис. 3. Коринфская пиксида с крышкой

Рис. 4. Коринфский скифос

Рис. 5. Беотийско-коринфская пиксида с двумя ручками

Рис. 6. Беотийско-коринфский арибалл. Геракл

Рис. 7. Беотийско-коринфский арибалл. Лев

Рис. 8. Беотийско-коринфский арибалл. Пантера

Рис. 9. Аттическая чернофигурная крышка пиксиды

4	6	7
5	8	9

10	11
12	13

Рис. 10. Аттический мелкофигурный килик

Рис. 11. Аттический чернофигурный килик

Рис. 12. Чернофигурная амфора. Лицевая сторона

Рис. 13. Чернофигурная амфора. Обратная сторона

14	15	17
16		

Рис. 14. Чернофигурная амфора. Лицевая сторона

Рис. 15. Чернофигурная амфора. Обратная сторона

Рис. 16. Краснофигурная гидрия

Рис. 17. Краснофигурная гидрия. Роспись на плечах вазы

5. «Беотийско-коринфская» пиксида с двумя ручками. Инвентарный № 36 (рис. 5). Из собрания Строгановского училища (куплена Гельбигом в 1899 г.). Высота 0,139 м. Глина вазы желто-коричневая, она расписана лаком черного и светло-коричневого цвета и красным пурпуром. На верхнем поясе на лицевой стороне представлены два льва, на обратной стороне — лев и лань. В нижнем фризе — фигуры двух пантер и двух козлов⁷.

6. «Беотийско-коринфский» арибалл на поддоне. Инвентарный № 1 (рис. 6—8). Из собрания Исторического музея. Вероятно, происходит из Танагры. Высота 0,153 м. Сосуд сделан из коричневато-желтоватой глины со следами вкраплений известняковой крошки, расписан черным лаком, переходящим в коричневый, и красной краской. На лицевой стороне в схеме коленопреклоненного бега представлен бородатый мужчина (Геракл?). Левую руку он протягивает вперед, касаясь спокойно сидящего льва. В поднятой правой руке Геракл держит дубину. Позади него нарисована сидящая пантера⁸.

7. Аттическая чернофигурная крышка пиксиды VI в. Инвентарный № 71 (рис. 9). Из собрания Московского университета⁹. Происходит из Тосканеллы. Куплена Гельбигом в 1869 г. Высота 0,086 м, диаметр 0,199 м. Крышка изготовлена из красноватой тонкоотмученной глины, расписана великолепным черным лаком, белой и красной красками. Склеена из многих фрагментов, недостающие кусочки дополнены. Ручка крышки исполнена в виде шишки, покрытой сплошным черным лаком,

окруженной семью красными кругами, обведенными широкой красной полосой. Под ручкой нарисованы лучи, попеременно черполаковые и цвета глины, ограниченные двумя поясами из очень тонких черных линий. На фризе изображены битва гоплитов, две боевые колесницы и павший воин. По краю — сетчатый орнамент. Роспись выделяется необыкновенной тонкостью и тщательностью¹⁰.

8. Аттический мелкофигурный килик. Инвентарный № 81 (рис. 10). Из собрания Московского университета¹¹. Найден, по-видимому, в Вульчи. Высота сохранившейся части 0,069 м, диаметр устья 0,214 м. Сосуд изготовлен из красноватой глины, расписан блестящим черным лаком и красной и белой красками. Ваза склеена из обломков, недостающие части восполнены: ножка изготовлена в новое время. Внутри килика нарисован черный круг, по краю — красные полосы. На лицевой стороне представлен всадник с копьем, преследующий оленя (рога нарисованы белой краской по глиняному фону). На обратной стороне нарисован всадник, мечущий копье в раненую лань. Возле ручек — пальметты. Нижняя часть вазы покрыта черным лаком¹².

9. Аттический чернофигурный килик VI в. до н. э. Инвентарный № 72 (рис. 11). Из собрания Московского университета¹³. Куплен Гельбигом у Бароне в 1868 г. Высота 0,107 м, диаметр устья 0,156 м. Глина сосуда красноватая, роспись исполнена черным блестящим лаком и красной краской. Ваза склеена из фрагментов. На внешней стороне нарисованы полосы, внутри сосуда, на дне, изображена борьба Тесея с Минотавром. Рядом — надпись, не имеющая смысла¹⁴.

10. Чернофигурная амфора. Инвентарный № 75 (рис. 12 и 13). Из собрания Московского университета¹⁵. Найдена, по-видимому, в Кумах; в 1872 г. куплена Гельбигом. Высота 0,214 м. Ваза изготовлена из красноватой глины, расписана блестящим черным лаком и красной и белой красками. Склеена из обломков, недостающие части дополнены. На лицевой стороне — изображение битвы амазонок с Гераклом. На оборотной стороне — два воина между старцем и женщиной¹⁶.

11. Чернофигурная амфора. Инвентарный № 70 (рис. 14 и 15). Из собрания Московского университета¹⁷. Происходит из Корнето; куплена Гельбигом у Бароне в 1868 г. Высота 0,56 м, диаметр устья 0,263 м. Амфора сделана из красноватой глины, расписана блестящим черным лаком и красной и белой красками. Сосуд был разбит и склеен, причем утрачены значительные его части. На ручках изображены побеги плюща. На тулове вазы — трапецевидные клейма, в нижней части амфоры нарисована корзинка листьев. На лицевой стороне изображен Геракл, который с помощью Гермеса выманивает Кербера из дворца Аида, от которого показана дорийская колонна с капителю. За Кербером стоит Персефона. На клейме обратной стороны — профильное изображение квадриги, позади которой стоят Гермес и шесть фигур, задрапированных в гиматии. Возможно, что амфора происходит из мастерской Андокида¹⁸.

12. Краснофигурная гидрия. Инвентарный № 79 (рис. 16 и 17). Из собрания Строгановского училища. Происходит из Орвието; куплена в 1898 г. Гельбигом. Высота 0,328 м. Ваза изготовлена из красноватой глины, расписана блестящим черным лаком и белой краской. Сосуд

склеен, в некоторых местах сделаны вставки. По краю устья идет орнаментов. На тулове в трапециевидном клейме изображен Геракл, борющийся со львом (схема лежащего героя). Рядом сидит Иолай с палицей. Над львом висит колчан. Белой краской исполнены венки в волосах, ремни и колчан. Нарисованы также надписи, не имеющие смысла¹⁹.

- ¹ Ср. *Siebeking I., Hackl R.* Die Königliche Vasensammlung zu München. München, 1912, I, S. 75, N 634—635a, Taf. 27; CVA, Copenhagen; Musée National, III C, Taf. 95, 11.
- ² *Шварц А. Н.* Краткое описание древнегреческих глиняных сосудов, принадлежащих императорскому Московскому университету. М., 1890, с. 32, № 55.
- ³ Ср. *Siebeking I., Hackl R.* Op. cit., S. 26 f., 327, Taf. 10.
- ⁴ Ср. с изображением одной протома: *Couve L.* Notes céramographiques. — BCH, 1898, XXII, p. 286 et suiv., fig. 6; с двумя протомами: Collection de M. E. Vente Drouot. Paris, s. a., p. 15 et suiv., N 104, pl. 6.
- ⁵ *Шварц А. Н.* Краткое описание..., с. 32, 33, № 56.
- ⁶ Ср.: *Siebeking I., Hackl R.* Op. cit., S. 10 f.; N 223, 223a, Abb. 15 u. 16.
- ⁷ Ср. *Walters H. B.* History of Ancient Pottery. New York, 1905, I, Pl. 20, 1.
- ⁸ *Roscher W.* Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie, I, 2. S. 2139 f.; Annali dell'Istituto di Correspondenza archeologica. Roma, 1877, vol. 49, tav. C. D 2.
- ⁹ *Шварц А. Н.* Краткое описание..., с. 9, 10, № 2.
- ¹⁰ Ср. *Hopkin J. C.* A Handbook of Greek Blackfigured Vases. Paris, 1924, II, p. 206 f., N 20 (Nikosthenes); *Pellegrini G.* Museo Civico di Bologna. Catalogo dei vasi Greci dipinti delle Necropoli Felsineo, Bologna, 1912, p. 33, N 102, fig. 19.
- ¹¹ *Шварц А. Н.* Краткое описание..., с. 35, 36, № 66.
- ¹² Ср. *Вальдгауэр О. Ф.* Императорский Эрмитаж: Краткое описание собрания античных расписных ваз. СПб., 1914, с. 43, № 216, рис. 2.
- ¹³ *Шварц А. Н.* Краткое описание..., с. 34, № 60.
- ¹⁴ Ср. *Pottier E.* Les Vases antiques du Louvre. Paris, 1901, II, p. 99, fig. 83, Pl. 69.
- ¹⁵ *Шварц А. Н.* Краткое описание..., с. 10, № 3.
- ¹⁶ *Gardner E. A.* Catalogue of Vases in Fitzwilliam Museum. Cambridge, 1897, p. 26, N 51 A, Pl. 13; *Leroux G.* Vases grecs du Musée Archéologique de Madrid. Bordeaux, 1912, p. 38, N 64, pl. 8; *Poulsen F.* Vases grecs récemment acquis par la Glyptothèque Ny-Carlsberg. Copenhagen, 1922, p. 10 et suiv., N 10, fig. 16; CVA, Villa Giulia, III He, Pl. 7, 1.
- ¹⁷ *Шварц А. Н.* Краткое описание..., с. 12, 13, № 6.
- ¹⁸ Ср. *Beazley J. D.* Attische Vasenmaler des rotfigurigen Stils. Tübingen, 1925, S. 7, N 4 (мастер Андокид); *Pottier E.* Les Vases antiques du Louvre. Paris, 1901, II, pl. 78, 204.
- ¹⁹ Ср., например: *Hopkin J. C.* A Handbook of Attic Red-figured Vases. Cambridge, 1919, II, p. 282 f., № 4 (Памфей); p. 298, № 14 (Памфей) — *Hopkin J. C.* A Handbook of Greek Blackfigured Vases, p. 470 f., N 14* (Памфей).

УНИЧТОЖЕННОЕ ГРАФФИТО *

В 1957 г. при раскопках Паптикапея в слое II в. н. э. среди довольно многочисленных обломков чернолаковых сосудов были обнаружены два подходящие друг к другу фрагмента блюда, заслуживающие некоторого внимания (рис. 1, 2). Сохранилось немного менее половины неглубокого блюда на широком низком поддоне. Диаметр этого сосуда достигал 0,15 м, высота его около 0,18 м. Боковые стенки снаружи немного профилированы. Вся поверхность сосуда была покрыта черным лаком, в настоящее время сильно поврежденным потертостями и сбоями. На две внутри блюда тисненый орнамент, состоящий из двух концентрических колец простых насечек, внутри которых находились накрест расположенные штампованные пальметты. Судя по форме, характеру черного лака и орнамента, блюдо следует отнести к IV в. до н. э.

На наружной поверхности доньшка вдоль поддона резко бросаются в глаза следы старательного соскабливания и зачеркивания, которое было сделано посредством какого-то твердого инструмента — возможно, ножа. Подобное явление необычно для чернолаковой керамики, особенно для такой части сосуда, как наружная поверхность дна. Это обстоятельство побудило нас проявить особое внимание к данному фрагменту. При сильном боковом освещении удалось установить, что на поверхности глины было граффито, начисто стесанное еще в древности. Это граффито удалось прочесть. См. рис. 2.

Как нам кажется, граффито следует восстановить следующим образом: [Ἄλ] κηίδωνος — и видеть в нем родительный падеж собственного имени: Ἄλκηίδων. Судя по шрифту, эту надпись нужно отнести к тому же времени, что и блюдо, т. е. к IV в. до н. э.

Нужно думать, что надпись могла обозначать либо имя владельца блюда, либо отчество лица, посвятившего этот сосуд божеству. В последнем случае перед отчеством, видимо, стояло имя дарителя.

Имя Ἄλκηίδων не принадлежит к числу распространенных греческих имен; так, во всех трех томах изданного В. В. Латышевым Корпуса античных надписей Северного Причерноморья оно не упомянуто ни разу. Однако имя Ἄλκηίδων все же встречается как среди героев эллинской мифологии, так и греков классического времени. Примером может служить один из воспетых Пиндаром победителей — олимпиец Алкимедонт из Эгины.

Публикуемая нами надпись еще в древности подверглась сознательному, и притом весьма старательному, уничтожению. Нужно думать, что это явление было связано с переходом данного предмета к другому владельцу. Трудно, конечно, гадать о том, при каких обстоятельствах это произошло. Однако нельзя не подчеркнуть, что подобное уничтожение граффито с именем прежнего владельца — явление исключительное. Ведь среди тех многочисленных обломков чернолаковой керамики, которые нам приходилось встречать на протяжении шестнадца-

* Блаватский В. Д. Уничтоженное граффито. — In: Omagiu lui Constantin Daicoviciu cu prilejul implinirii a 60 de ani. București, 1960, p. 37—39.

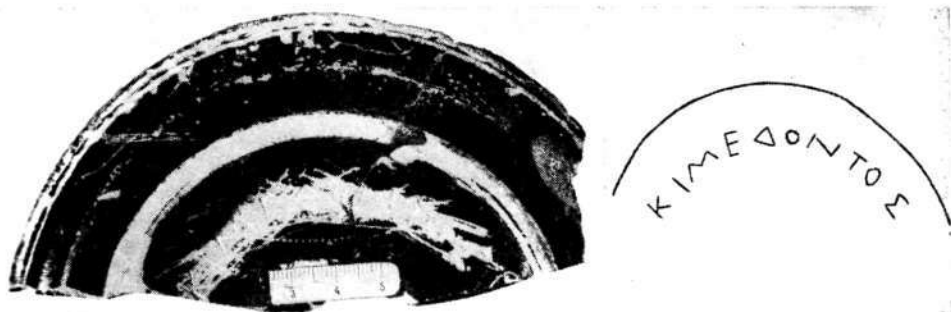

Рис. 1. Фрагмент чернолакового блюда с зачеркнутой надписью

Рис. 2. Прорись уничтоженного текста

тилетних работ в Фанагорин и Пантикапее, ни один черепок не имел сколько-нибудь бросающихся в глаза следов сознательно уничтоженного граффито. Вместе с тем, вероятно, хотя бы часть сосудов, ранее чем попасть в культурные напластования античного городища, переходила от одного владельца к другому, а возможно и не один раз. Поэтому у второго владельца нашего чернолакового блюда, видимо, были особые причины, побудившие его, вероятно, удалить компрометирующую его надпись. Такой причиной скорее всего могло быть то, что сосуд попал к нему в руки не вполне честным путем, а вырезанная на нем надпись, возможно, даже была посвяtitельной. В связи с высказанным предположением о причинах уничтожения этого граффито отметим найденное в Пантикапее дно чернолакового сосуда с надписью конца V — начала IV в. до н. э., гласящей «Ἰησοῖο μ' ἐκλεψε», т. е. «он украл меня у Гикесия»². Эта надпись, сделанная явно с целью лишить возможности вора открыто пользоваться похищенной вещью, показывает, что случаи кражи чернолаковой посуды в Пантикапее были вполне возможны.

¹ Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, 3. Auflage von G. E. Benseler. Braunschweig, 1911, s. v.; Hesperia, Index Vol. I—X, Supplements I—VI. Baltimore, 1946, s. v.

² Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953, с. 94, № 151.

ГРАФФИТО АФРОДИСИИ *

Среди граффити на чернолаковых фрагментах, обнаруженных при раскопках Пантикапея в 1957 г., было одно, заслуживающее особой публикации. В слое II в. н. э. была найдена нижняя часть чернолаковой котилы IV в. до н. э. Сохранились: ножка (типа низкого, довольно широкого поддона), дно и прилегающая нижняя часть боковых стенок (рис. 1, 2). Внутри котила покрыта лаком; снаружи на нижней части боковых стенок находится неширокий поясок «лучей» (вертикальных черточек), выше его стенки покрыты лаком; ножка также покрыта лаком. На дне сосуда снизу — два concentрических черных круга. Диаметр ножки равен 0,073 м, а наибольшая высота фрагмента 0,023 м.

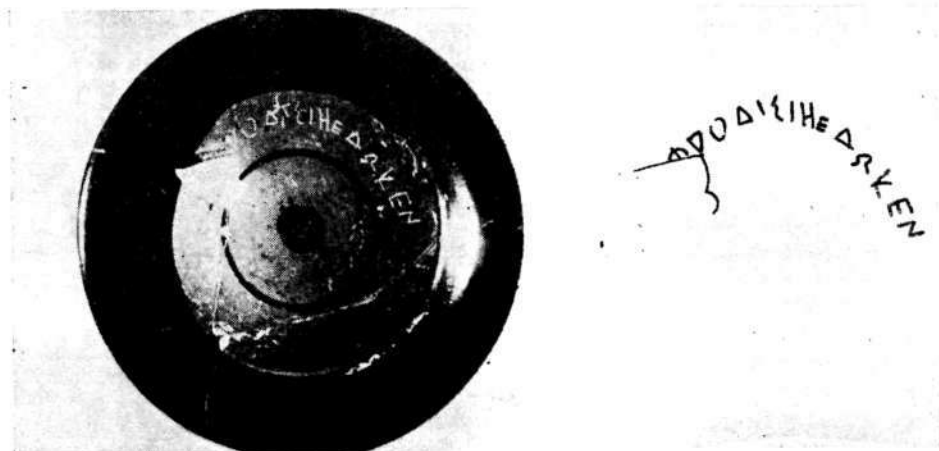

Рис. 1. Фрагмент чернолаковой котилы с надписью

Рис. 2. Прорисовка текста

На наружной поверхности дна, вдоль ножки, отчетливо вырезана почти полностью сохранившаяся надпись, т. е. [Ἀ]φροδίτῃ ἑδωκεν.

Надпись вырезана очень тщательно, небольшие, не лишенные изящества буквы, возможно, были написаны женской рукой. Судя по шрифту, надпись нужно отнести примерно к тому же времени, что и котилу, т. е. к IV в. до н. э.

Содержание надписи очень простое: «Афродисия дала» (или подарила), разумеется, ту котилу, на которой вырезано наше граффито. Подарок, нужно думать, был сделан какому-либо человеку, ибо словом ἑδωκεν вряд ли могло быть выражено посвящение божеству.

Форма Ἀφροδίτῃ вместо Ἀφροδίτᾳ указывает на ионийское происхождение его обладательницы. Подобные ионизмы известны в ряде

* Блаватский В. Д. Граффито Афродисии. — *Listy filologické*. Prague, 1961, roc. IX (LXXXIV), Eupomia, sv. I, s. 47—48, t. VIII.

боспорских лапидарных надписей, особенно IV в. до н. э.¹ Отметим также аналогичную форму на пантикапейском граффито того же времени²

Αφροδίσα принадлежит к числу довольно редких женских имен³. Применялось оно как в Аттике, так и в Милете⁴. Значение этого имени («относящаяся к Афродите», или «принадлежащая любви») допускает предположение, что оно могло быть именем гетеры. В соответствии с такой профессией находится и сделанный Афродисией подарок одному из ее поклонников — котила, т. е. чаша для вина. Сказанное позволяет отнести опубликовываемое граффито к числу сравнительно многочисленных⁵ застольных надписей на античной керамике, найденной в Северном Причерноморье.

¹ IOSPE, II, № 20, 68, 97, 202, 370.

² Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.: Л., 1953, с. 125, № 218.

³ Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3. Auflage von G. E. Benseler. Braunschweig, 1911, s. v.

⁴ Hesperia, Index Vol. I—X, Supplements I—IV. Baltimore, 1946, p. 32.

⁵ Толстой И. И. Греческие граффити..., с. 12 и сл., № 10—17, с. 72 и сл., № 107—109; Блаватская Т. В. Надпись на сосуде из Киммерика. — КСИИМК, 1952, XLIII, с. 69 и сл.; Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1945 г. — КСИИМК, 1947, XVII, с. 109.

СОСУД С НАДПИСЬЮ «ΦΩ»*

Настоящий небольшой очерк преследует скромную задачу ввести в круг раннесредневекового художественного ремесла небольшую группу керченских находок. Не являясь медиевистом, автор не может претендовать на большее.

При раскопках Пантикапея, производившихся в 1957 г. на северо-восточном склоне Митридатовой горы, был обнаружен целый ряд раннесредневековых гробниц в напластованиях античного времени.

Одна из этих могил (№ 25)¹, впущенная в слой III в. н. э., заключала необычную находку, а именно: в головах покойника стоял небольшой одноручный расписной сосуд, близкий по форме арибаллическому лекифу (рис. 1—3). Венчик сосуда имеет, в отличие от обычных арибаллических лекифов, почти вертикальный боковой срез, шейка сравнительно широкая, тулово не стоит на ножке, а имеет плоское дно. Высота сосуда равна 0,162 м, диаметр устья 0,049 м, диаметр дна 0,055 м. Сделан сосуд из светлой желтовато-серооливковой синопской глины и украшен довольно плохо сохранившейся росписью, нанесенной черной, красной, розовато-желтой и белой красками. На венчике и шейке сосуда — широкие пояски красной краски. Нижняя половина ручки и задняя часть сосуда покрыты черной краской. Под ручкой накладной белой

* Блаватский В. Д. Сосуд с надписью «ΦΩ». — Исследования в память о Карле Шкорпиле. София, 1961, с. 95—99.

краской нанесена вертикально расположенная надпись:

Е
Ф
Ω

Над надписью и под нею видны следы орнамента, исполненного также белой краской. Боковые стороны плеч и тулова покрыты красной краской, поверх которой нанесены белые волнистые линии. Роспись лицевой стороны дошла до нас в очень плохом состоянии, но ее помогают восстановить лучше сохранившиеся сосуды, хранящиеся в Керченском и Одесском музеях. Видимо, эта роспись представляла мужское бородастое лицо, анфас, обрамленное круглым нимбом. На нашем сосуде отчетливо видны только контуры нимба, исполненного розовато-желтой краской, и волосы на темени, обозначенные серой краской и очерченные черными контурами; помимо этого, заметно только несколько незначительных мазков.

В течение последнего десятилетия упомянутые нами сосуды Одесского и Керченского музеев неоднократно привлекали внимание исследователей. В. Ф. Гайдукевич опубликовал² найденный в Керчи и ныне хранящийся в Одесском музее полихромный сосуд, роспись которого сохранилась в очень хорошем состоянии (рис. 4). Согласно мнению В. Ф. Гайдукевича, этот сосуд был сделан на Боспоре в III в. до н. э., а рисунок на нем передавал портретные черты какого-то неизвестного нам боспорца. К этой точке зрения присоединилась Т. Н. Книпович³.

В недавно вышедшей статье В. И. Цехмистренко⁴ опубликовал два сосуда Керченского музея, аналогичных по форме и близких по росписи одесскому. Не оспаривая ранее предложенной датировки, В. И. Цехмистренко внес существенное исправление в вопрос о месте изготовления рассматриваемых сосудов, указав, что они сделаны из синопской глины.

Новая находка, подтвердив синопское происхождение рассматриваемой небольшой группы сосудов, побуждает нас пересмотреть и вопрос о датировке последних. Уже одни стратиграфические условия не позволяют датировать могилу, в которой был найден исследуемый сосуд, временем ранее конца IV в. н. э.: ведь весь этот некрополь возник над развалинами Пантикапея после гуннского разгрома в начале семидесятих годов IV в. н. э.

В соответствии с этой датой — конец IV—V в. н. э. или, может быть, немного позднее — находятся тема и стиль изображения на лицевой стороне сосуда (о которой мы можем судить по одесскому экземпляру), а также надпись на обратной стороне, которая хорошо заметна на московской вазе. Обрамленное круглым нимбом бородастое лицо, испол-

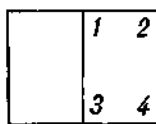

Рис. 1. Пантикапей. Роспись на боковой стороне сосуда

Рис. 2. Надпись под ручкой сосуда

Рис. 3. Остатки росписи лицевой стороны сосуда

Рис. 4. Керченский сосуд из собрания Одесского археологического музея

ненное в традициях раннехристианской иконографии, скорее всего представляет одного из святителей⁵.

Если техника росписи одесского сосуда еще может в известной мере показаться схожей с так называемыми акварельными вазами III—II вв. до н. э., то в стиле рисунка выступают заметные отличия. Именно полихромные росписи эллинистического времени, даже и при довольно ремесленном исполнении, отличаются значительно более живописным характером трактовки, тенденцией передавать ракурсы, а также отсутствием склонности к линейным приемам рисунка и той застылости, которая заметно выступает на одесском сосуде. В качестве примера росписей эллинистического периода сошлемся хотя бы на полихромную пелику конца IV — начала III в. до н. э.⁶ с изображением амазономохии, оливийскую амфору III в. до н. э. со сценой прощания матери с покойным ребенком и переселения его в Аид⁷, или же на вазы из Кенторипы II—I вв. до н. э., в росписях которых использовались достижения иллюзионистической живописи эллинизма⁸.

Вместе с тем линейный характер трактовки, некоторая застылость фронтального изображения, большие широко раскрытые, устремленные на зрителя глаза — все это сближает рисунок на одесском сосуде с христианской живописью начала средневековья.

Так, при сопоставлении росписи одесской вазы с изображениями голов на знаменитом Дурострумском склепе бросается в глаза более живой и объемный характер последних; они резко отличаются от оцепенелой неподвижности лица на одесском сосуде. Таким образом, керченские сосуды были расписаны позже Дурострумского склепа, который датируется послеконстантиновским временем⁹.

Не менее важна для определения времени пантикапейского сосуда, найденного в 1957 г., короткая надпись, расположенная под ручкой. Судя по остаткам орнамента, сохранившимся выше и ниже текста, мы можем заключить, что надпись дошла до нас полностью, по всей видимости, без каких-либо сокращений. Надпись читается сверху вниз: εφω. Вряд ли нужно особо доказывать, что эту надпись нельзя понимать как εφ'ω, т. е. сокращенное выражение: ἐπὶ τοῦτω ὥστε¹⁰, означающее: «на таких условиях, чтобы». Это было бы возможно лишь в том случае, если это слово стояло бы в подходящем контексте, как например, в надписи на одном стеклянном сосуде¹¹ Варшавского музея.

Слово εφω возможно понимать только как εἶπω — первое лицо, единственного числа Aoristus II, activi, conjunctivi от глагола εἰρήμι, означающее «чтобы я поручил» или «чтобы я предстал». Таким образом, надпись свидетельствует о желании покойного предать свою душу Христу, что можно сопоставить с заключительными словами великой эктены: αὐτοῦς καὶ ἀλλήλους, καὶ πᾶσαν τὴν ζωὴν ἡμῶν Χριστῷ τῷ Θεῷ παραθῶμεθα¹².

Эпиграфические особенности надписи, как показывает сопоставление ее с папирусами IV—V вв. н. э., по меньшей мере не препятствуют нашей датировке¹³.

Предлагаемое истолкование росписей рассматриваемых сосудов, а равно и надписи на последней находке находятся в полном соответствии с несомненно христианским обрядом погребения № 25 1957 г.—трупо-

положение головой на запад. Таким образом, небольшая группа наших сосудов связана с ранним христианством на Боспоре, которому исследователи обычно уделяют мало внимания. Появившись на Боспоре, возможно, еще во II—III вв. н. э.¹⁴, оно надежно засвидетельствовано с начала IV в. н. э.¹⁵ рядом надгробных надписей¹⁶. В числе епископов, принимавших участие в первом Никейском соборе в 325 г. н. э., упоминается Кадм Боспорский. История церкви и ряд керченских могил свидетельствуют о господстве христианства¹⁷ на Боспоре в V в. н. э. и последующих столетиях.

Если наше истолкование значения надписи и изображения на издаваемом сосуде справедливо, то само собой напрашивается сопоставление его с близким по общему характеру формы явно христианским стеклянным сосудом V—VI вв. н. э., также найденным в Керчи¹⁸.

В заключение нам хотелось бы отметить, что обычно исследователи Боспора кончают историю этого государства гуннским разгромом, а истории крымского средневековья крайне мало внимания уделяют судьбам Боспора в V—VI вв. н. э.

Конечно, не подлежит сомнению, что нашествие гуннов было весьма опустошительным и после него большая часть разрушенного Пантикалея осталась лежать в развалинах и стала пустырем. Однако весьма примечательно, что обширный пустырь стал некрополем, и притом местами насыщенным погребениями. Десятки могил, почти ежегодно открываемых при раскопках античных напластований на северном склоне Митридатовой горы, не говоря о богатых земляных склепах около Госпитальной улицы, являются историческим источником немаловажного значения. Пантикапей явно не прекратил своего существования после гуннского разгрома и, хотя и сильно сократившийся по размерам, продолжал оставаться сравнительно многолюдным населенным пунктом. Так это, возможно, было и при гуннском владычестве, продолжавшемся, нужно думать, до первых десятилетий VI в. н. э. После этого, согласно Прокопию¹⁹, город Боспор был освобожден императором Юстинианом от власти гуннов и укреплен стенами. С этими военными событиями, возможно, связана одна из находок в Керчи в 1891 г. — серебряный щит с изображением победоносного Юстиниана²⁰.

По всей вероятности, в дальнейшем, судя по найденной в Керчи надписи²¹, правда довольно загадочного царя Тиберия Юлия Диуптуна, Пантикапей в VI в. н. э. был столицей Боспорского государства, а его правители стремились подчеркнуть свою преемственную связь с царями первых веков нашей эры.

¹⁴ Плитовая могила № 25 имела глубину дна — 2,35 м, а верхней поверхности заклада 1,75 м. Заклад состоял из четырех плит, длина его была 2,05 м, ширина 0,60—0,95 м, толщина 0,10 м. Длина ящика была 2 м, ширина 0,55—0,70 м. По продольным стенкам ящика стояло по четыре, а по торцовым — по одной плите. В ящике обнаружены следы гроба, судя по которым, толщина досок достигала 0,4 м. Костяк лежал в вытянутом положении, головой на запад, лицом вверх, левая рука покоилась вдоль туловища, а кисть правой руки на тазовых костях, ноги вытянуты. К северу от головы стоял расписной одноручный сосуд (типа арибаллического лекифа). Около глазницы обнаружены железная пряжка и обломки железа. Достоинно внимания, что могила № 25 была частично покрыта плитовой могилой № 23, в которой были обнаружены железный перстень и золотая серьга в виде пи-

- линдрического стерженька с округленными концами, сбоку которого имеется петелька.
- ² Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 143, рис. 24.
  - ³ Книпович Т. Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. — АГСП, с. 385 и сл., р. 23.
  - ⁴ Цехлистренко В. И. Два керченских сосуда с акварельной росписью. — КСИИМК, 1957, вып. 70, с. 147 и сл., р. 58.
  - ⁵ Ср. изображение апостола Петра в катакомбе Домитиллы (Wilpert J. Die Malerei der Katakomben Roms. Freiburg am Breisgau, 1903, Tab. 182, 1 и 248).
  - ⁶ Кобылина М. М. Фанагория, МИА, № 57, 1956, с. 51 и сл., р. 16.
  - ⁷ Книпович Т. Н. Художественная керамика..., с. 383, р. 21.
  - ⁸ Richter G. Polychrome vases from Centuripe in the Metropolitan Museum. — Metropolitan Museum Studies, 1930, vol. II, Part 2, p. 187 i.; Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 247 и сл.
  - ⁹ Dimitrov D. Ancient tomb in Silistra. — Bulgaria today, 1959, N 4, p. 29.
  - ¹⁰ Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon⁹. Oxford, 1869, p. 654.
  - ¹¹ Filarska B. Szklane kubki biesiandne z napisami greckimi. — Meander, 1958, XIII, 1, s. 19.
  - ¹² Григорьевский М. Курс греческого языка по Коху и Кэги, ч. I. Этимология. СПб., 1912, с. 154.
  - ¹³ Schubart W. Papyri Graecae Berolinensis. Вонпае, 1911, р. 40—43; Кулаковский Ю. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. — МАР, 1896, № 19, с. 61 и сл., табл. XIII.
  - ¹⁴ Новосадский Н. И. Боспорские фиасы. — Труды Секции археологии/Институт археологии и искусствознания, М., 1928, III, с. 63 и сл.
  - ¹⁵ Об этом свидетельствует найденное в Пантнкалее христианское надгробие Евтропия, датированное 304 г. н. э. (Шкорпил В. Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 г. — ЗООИД, 1900, XXII. Протоколы, с. 59; Марти Ю. Ю. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. ЗООИД 1913, XXXI. Приложение, с. 19, 50).
  - ¹⁶ Васильев А. А. Готы в Крыму. — ИРАИМК, 1921, т. I, с. 274.
  - ¹⁷ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, с. 56 и сл.
  - ¹⁸ Айналов Д. В. Три древнехристианские сосуда из Керчи. — Зап. Русского Археологического общества. Новая серия. 1981, V, с. 14, табл. III.
  - ¹⁹ Procop. de aedif. III, 7, 12.
  - ²⁰ Стржиговский Н., Покровский Н. В. Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. — МАР, СПб., 1892, № 8.
  - ²¹ IOSPE, I², N 49¹.

РАСКОПКИ АПОЛЛОНИИ ИЛЛИРИЙСКОЙ *

Тридцать античных городов носили наименование — Аполлония¹. В числе их была Аполлония Иллирийская, расположенная² возле реки "Авоо, в нижнем течении последней (рис. 1). По словам Диона Кассия³, она находилась на прекрасной земле, удобно сообщалась с морем и особенно хорошо с рекой: ἐν καλῷ τῆς γῆς, ἐν καλῷ δὲ καὶ τῆς θαλάσσης, ποταμῶν τε ἄριστα κεῖται.

Аполлония упоминается древними авторами, преимущественно историками, описывавшими события V—I вв. до н. э.

По вопросу о времени основания Аполлонии у современных исследователей нет единомыслия. Чаще всего ее возникновение относят к

* Blawatsky W. D. Ausgrabungen in Apollonia in Illyrien. 1958. — Klio. Berlin, 1962, Bd. 40, S. 271—291.

Рис. 1. Общий вид Аполлонии с востока

588 г. до н. э.⁴, но датируют это событие и концом VII в. до н. э.⁵, и 600 г. до н. э.⁶, и примерно первой половиной VI в. до н. э.⁷ Единственное краткое и недостаточно отчетливое свидетельство Плутарха⁸ позволяет только заключить, что Аполлония уже существовала незадолго до смерти Перияндра (т. е. до 585 г. до н. э.). Археологические материалы прежних исследований⁹ также не противоречат датировке основания Аполлонии первыми десятилетиями VI в. до н. э.

Согласно свидетельству Фукидида¹⁰, Аполлония была основана переселенцами из Коринфа; то же мнение разделяли Плиний Старший¹¹, Дион Кассий¹² и Стефан Византийский¹³, Страбон¹⁴ считал основателями Аполлонии коринфян и коркирян, той же версии, вероятно, придерживался Павсаний¹⁵. Судя по словам Плутарха¹⁶, к основанию Аполлонии имел отношение коринфский тиран Перияндр.

Доступные нам источники ничего не говорят о том, при каких обстоятельствах происходило вселение основателей Аполлонии в южную Иллирию. Однако, поскольку переселенцы захватили не только место для города, но также земли для занятия сельским хозяйством, вряд ли это вторжение носило совершенно мирный характер. Занятая земля, как это бывало в дорийских апойкиях, была разделена на клеры, раздававшиеся гражданам вновь основанного полиса¹⁷. О наличии клеров у аполлониатов говорит Геродот¹⁸, описывая события, происходившие, вероятно, еще в конце VI в. до н. э.

О внешнеполитической истории Аполлонии в течение первого столетия ее существования нам ничего не известно. Да и позднее, когда Аполлония достигла своего экономического и культурного расцвета, она, видимо, не выступала на международной арене и не играла сколько-нибудь заметной роли хотя бы в общепалестинской или общегреческой политике. Силы ее давали возможность сохранять свою самостоятельность в течение трех с половиной веков и проявлять военную активность лишь в ближайшей округе, но не выходить за ее пределы. О такой военной активности аполлониагов нам сообщает Павсаний¹⁹, описывая многочисленные *ex voto*, находящиеся в Олимпии. Там стояла группа статуй, исполненная Ликием, сыном Мирона, сооруженная в ознаменование завоевания Абантиды и Фрония. По указанию того же Павсания, область Абантида и город Фроний находятся в Феспротийском Эпире, около Керавнийских гор. Это свидетельство знаменитого перипета позволяет заключить, что во второй половине V в. до н. э. (вероятно, в первых десятилетиях) в хору Аполлонии были включены земли в глубине Орикского залива (ныне залив Влеры), а возможно, и вдоль его юго-восточного берега. При таких обстоятельствах, можно думать, что хора Аполлонии до покорения Абантиды простиралась на юг от города примерно на 20—25 км, а после завоевания последней, возможно, продвинулась до 40 км. Так или иначе хора Аполлонии представляется нам довольно значительной.

Бури Пелопонесской войны, видимо, не коснулись Аполлонии. Фукидид²⁰ упоминает о ней всего один раз, и то в связи со сравнительно второстепенным событием, а именно: когда в 435/4 гг. до н. э. коринфяне посылали на помощь Эпидамну отряд своих и союзных гоплитов, они проходили через Аполлонию.

В 30-х и 20-х годах V в. до н. э. два ближних к Аполлонии полиса — Эпидамн²¹ и Коркира²² испытали сильные социальные потрясения. Однако у нас нет оснований переносить события в этих городах и в Аполлонию. Напротив, некоторые свидетельства, правда, возможно относящиеся только к гораздо более позднему времени, позволяют заключить о значительных различиях в государственных установлениях Аполлонии и Эпидамна. Так, Клавдий Эллиан²³ подчеркивает в своей *τοιμήλη ιστορία*, что аполлониагам была свойственна *ἐννέμειρα*, а эпидамняне разрешали *μετοικεῖν* всем, того желавшим.

Письменные источники мало говорят об экономической жизни Аполлонии. Геродот²⁴ упоминает о разведении мелкого рогатого скота. О хлебопашестве в Аполлонии свидетельствует один из эпиграфических памятников, найденных в Дельфах, а именно список²⁵ жертвователей в знаменитое святилище, датированный 363 г. до н. э. Там сообщается, что аполлониаги пожертвовали 3000 *μεδέμνους* *Φειδωρέους* ячменя, стоимость которого составляла 3587 драхм 3 1/2 обولا.

Представлявшая собой довольно большой полис Аполлония сравнительно поздно начала чеканить монету. Первая серия²⁶ ее серебряных статеров датируется второй половиной V—первой половиной IV в. до н. э. По весу и типам они следуют коркирской чеканке. Это обстоятельство показывает, что Аполлония входила в число полисов, где коркирская монета была в широком хождении. В середине IV в. до н. э. коркирский

тип в монетной чеканке Аполлонии сменяется коринфским²⁷, который во второй половине этого столетия охватил ряд греческих городов побережья Адриатики, Италии и Сицилии. Это явление, вероятно, было связано с развитием междуполисной торговли.

Что касается торговли Аполлонии в IV в. до н. э., то мы можем на основании упомянутой выше дельфийской надписи говорить о вывозе хлеба; находки керамики, обнаруженной при раскопках города, позволяют заключить о ввозе ее из Великой Греции.

Примерно к рубежу второй и последней трети IV в. до н. э. относится очень важное свидетельство Аристотеля²⁸ о том, что в Аполлонии государственные должности могли занимать лишь лица благородного происхождения, потомки первопоселенцев.

Аполлония сохраняла свою автаркию до 314 г. до н. э., когда она была захвачена царем Македонии Кассандром²⁹. Правда, ей удалось освободиться через два года³⁰, но в дальнейшем она находилась под властью Пирра³¹. В 229 г. до н. э. угроза нападения иллирийцев побудила аполлониатов отдаться под защиту Рима³². Однако во время II Пунической войны ей пришлось подвергаться нападениям Филиппа III Македонского³³. В 148 г. до н. э. была организована римская провинция Македония, в состав которой вошла и Аполлония. Во время гражданских войн триумвиров Аполлония неоднократно была ареной военных событий.

О социальном строе Аполлонии в последние века до н. э. можно заключить по словам Страбона³⁴, который писал о ней: 'Απολλωνία πόλις εὐνομετάτη. Это свидетельство древнего географа об «очень хороших законах» в Аполлонии показывает, что там большую роль играли зажиточные слои и крупные собственники.

В период Римской империи Аполлония была одним из довольно богатых провинциальных городов. От этого времени до нас дошел ряд эпиграфических памятников. Надпись одного из аполлонийских агонифетов³⁵ дает нам представление о роли, которую могли играть в римской армии аполлонийские магистраты; эта надпись датируется II в. н. э. но не позднее времени реформ Септимия Севера. Последний точно датированный эпиграфический памятник из Аполлонии относится ко времени императора Гордиана — 238—239 гг. н. э.³⁶ Город просуществовал до позднеантичного времени; в средние века на его месте находился только небольшой монастырь.

* * *

Местонахождение Аполлонии на продолговатом холме к юго-востоку от нынешней деревни Пояни было установлено англичанином Вилльямом Ликом (в 1805 г.) и французом Франсуа Пукевиллем (в 1806 г.)³⁷. В дальнейшем Аполлония неоднократно привлекала внимание археологов³⁸. В 1916—1918 гг. производил исследования К. Прашникер³⁹, сопровождая их многочисленными зондажами; эти работы заложили основу наших представлений об археологической топографии города. С 1924 г. в течение ряда лет вел раскопки Леон Рей⁴⁰, обследовавший два жилых дома, целый ряд сооружений различных общественных зданий (стоя, одейон, здание Агонифетов), а также большое количество

могил. В 1941 г. П. Сестьери⁴¹ производил раскопки Аполлонии как в городе, так и на некрополе. С 1948 по 1956 г. Х. Цека⁴² и другие албанские археологи раскапывали восточную часть города и некрополь.

Весною 1958 г. начала работать Аполлонийская экспедиция, организованная Тиранским университетом с помощью Академии наук СССР. Работы экспедиции производились⁴³ главным образом в средней части городища, где было раскопано шесть участков⁴⁴.

Наиболее ранние напластования были обнаружены на участке С, расположенном на восточном краю города у северного подножия самой большой вершины в пределах Аполлонии. Там было раскопано 475 кв. м, причем толщина культурного слоя достигала 3 м.

На этом месте была обнаружена довольно сложная стратиграфия. Внизу, на материке, лежал культурный слой VI — начал V в. до н. э., заключавший обломки расписной посуды: коринфской и архаической с узором в виде поясов, чернолаковых сосудов и амфор VI в. до н. э., грузила конической формы⁴⁵, фрагменты черепиц (со скошенными утолщениями по краям продольных сторон) и железную крицу, свидетельствующую о наличии в Аполлонии кузнечного дела в первое время ее существования. К VI в. до н. э. относится также маленькая свинцовая рельефная фигурка сидящей богини, предназначенная для прикрепления к фону, вероятно деревянному. По типу эта фигурка напоминает многочисленные архаические свинцовые скульптуры, найденные в Спарте.

Вторая половина V—III в. до н. э. — это время оживленной строительной деятельности на рассматриваемом участке. Во 2-й половине V — первой половине IV в. до н. э. была сооружена оборонительная стена, которая тянется над склоном холма с юго-юго-востока на запад — северо-запад, а затем под острым углом поворачивает на восток — юго-восток (примерно на 5 м). Ширина стены 2 м.; она имеет два панциря, промежуток между которыми (шириною не более 0,5 м) заполнен бутовым камнем. С наружной стороны стена сохранилась в высоту на 2,65 м, причем из них фундаментная часть составляет 1 м. Фундамент сложен из больших грубоотесанных плит. Лежащая на нем стена построена из продолговатых квадров до 1,60 м длиной. С внутренней стороны стена сложена преимущественно из квадров меньших размеров, но более тщательно обработанных. Подошва наружной стороны стены на 2,56 м глубже подошвы внутренней стороны. Таким образом, в массив стены была как бы включена масса земли, залегающая под внутренним панцирем⁴⁶.

Вдоль внутренней стороны стены проходила стратегическая дорога шириной не менее 6 м, от нее уцелели части мостовой из гальки и отчасти обломков черепицы, а также щебня. Над этой дорогой лежал слой 2-й половины IV—III в. до н. э. В III в. до н. э. оборонительная стена подверглась капитальному ремонту; новые блоки из пиленого песчаника укладывались без четкой системы, применялись также прокладки обожженным кирпичом. Около того же времени была сооружена подпорная стена, поддерживавшая нижнюю террасу той вершины, к которой примыкал раскапываемый участок.

Во II в. до н. э. оборонительная стена, очевидно, утратила свое воен-

ное значение. Место, прежде занятое стратегической дорогой, стало теперь свалкой отходов керамического производства. Был обнаружен слой сажи и золы (в среднем толщиной 0,35—0,40 м), густо насыщенный обломками керамики. Это был керамический брак преимущественно миниатюрной, но также и средней величины посуды, простой или расписной. Только слегка поврежденных сосудов было несколько тысяч. Формы сосудов были разнообразны: килики, ольпы, ойнохон, пелики, фялы и др. На некоторых сосудах были простые узоры, характерные для эллинистического времени.

Над этой свалкой залегал слой I в. до н. э., а над ним напластования первых веков нашей эры с остатками кирпичных построек.

К югу от описанного участка, по другую сторону самой большой вершины, примерно посередине восточной окраины города находится участок А. Там производились раскопки оборонительной стены. Эти раскопки были продолжением работ Х. Цеки 1956 г., который в свою очередь продолжал исследования К. Прашникара.

На участке А было вскрыто около 470 кв. м, здесь открыта оборонительная стена, наружная сторона которой частично раскопана в 1956 г. Длина выявленной части стены 35 м, ширина 6,10 м, в высоту она сохранилась до 6,48 м. Снаружи стена имеет цоколь, в котором до пяти рядов хорошо отесанных каменных квадров различной формы и размеров (рис. 2). Цоколь понижается уступами по направлению к западу — юго-западу, следуя рельефу местности. Цоколь стоит на фундаменте из грубообработанного камня. Высота фундамента 1,05 м. Над цоколем, местами на черепичной прокладке возвышается стена, сложенная из обожженного кирпича квадратной формы на тонком слое раствора. Длина боковых сторон кирпича 0,42—0,45 м, а толщина 0,06—0,08 м. Эти размеры показывают, что образцом для кирпича служил греческий сырцовый кирпич.

Стена была усилена прямоугольной башней; она выступала за линию стены на 3,05 м и имела в длину по фасаду 6,10 м. Толщина стены и размеры башни позволяют думать, что аполлонийский фут был равен 0,305 м.

В западо-юго-западной части стены в ее толще было устроено полукруглое в плане помещение; длина его 4,34 м, наибольшая ширина 2,10 м. Помещение имело два периода жизни (рис. 3). Нижний пол был засыпан полутораметровым пластом земли. Над верхним полом найдены две фрагментированные остродонные амфоры, весы с железным коромыслом и бронзовыми чашками, а также бронзовая фигурка танцующего сатира.

Наружная стена полукруглого помещения была целиком сооружена из целых кирпичей; толщина ее 1,90 м. Обращенная внутрь полукруглая стена помещения была выложена в один кирпич. Также в остальных частях оборонительной стены из целых кирпичей были выложены только панцири наружной и внутренней сторон, а заполнение между ними состояло из ломаного кирпича, подобно буту внутри каменных стен. Внутри стены имеются просветы, вероятно следы деревянного каркаса⁴⁷, повышавшего прочность стены при ударах таранов и землетрясениях.

Задний фасад стены до основания выведен из кирпича, глубина его подошвы на 3,40 м выше подошвы цоколя передней стороны. Таким обра-

Рис. 2. Оборонительная стена III в. до н. э.

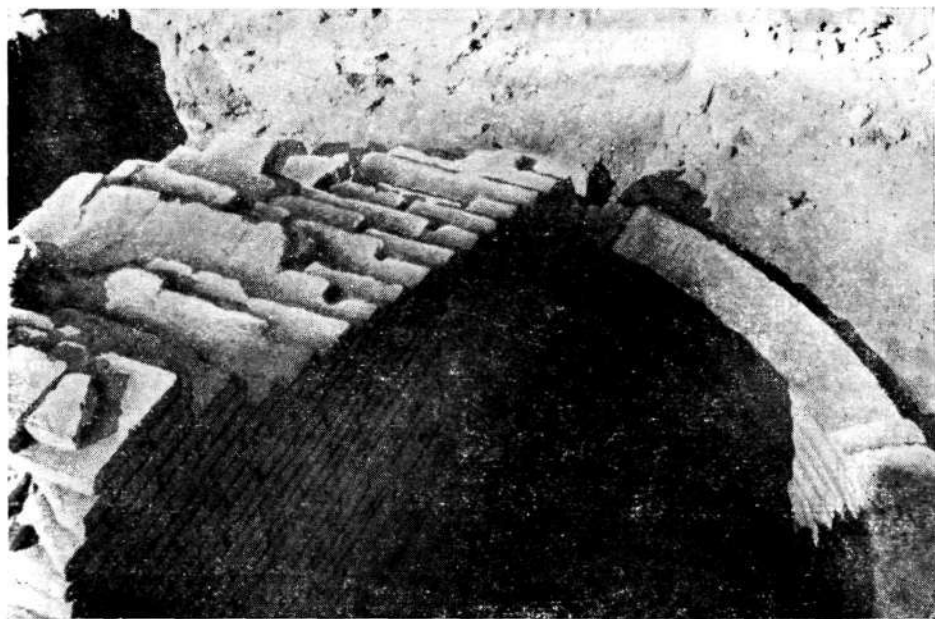
Рис. 3. Полукруглое помещение в оборонительной стене

зом, в стену на участке А, так же как и на участке С, как бы включен большой массив земли.

Оборонительная стена на раскопе А имела сложную историю. Каменные квадры, вероятно, были отесаны еще в IV в. до н. э., когда возможно была сооружена и часть цоколя. Вероятно, в III в. до н. э. цоколь был переложен, причем в него были добавлены рустованные блоки, а над цоколем была построена кирпичная стена.

Во II—I вв. до н. э. (как и на участке С) стена утратила свое крепостное назначение, в связи с чем была произведена ее коренная реконструкция. При этом часть стены от башни до сооруженного в это время водостока была переложена, и кирпичи укладывались на толстом слое раствора.

Утратив свое оборонительное назначение, стена стала теперь использоваться как подпорная — поддерживающая насыпь террасы. Эта насыпь толщиной до 3 м была сооружена вдоль внутренней стороны стены. Насыпь содержала различные обломки керамики. Среди них встречались характерные для Аполлонии крышки остродонных амфор⁴³.

В восточной части стены был устроен большой водосток для спуска дождевой воды с верхней террасы. Длина этого водостока (по горизонтали) 10,61 м; больше половины ее приходится на толщу стены, остальная часть находится внутри города. Водосток представляет собой своего рода коридор, каменный пол которого заметно спускается наружу. Фасад выхода водостока обрамлен каменным наличником высотой 2,08 м. Высота проема в нем 1,56 м, ширина 0,36 м. В начале водостока находится заглубленное в землю прямоугольное сооружение, куда ведет каменная лестница с пятью ступенями, обращенная на восток.

После превращения оборонительной стены в подпорную на краю верхней террасы было сооружено какое-то, вероятно общественное, сооружение, от которого уцелел только фундамент. Можно думать, что тогда же на нижней террасе, перед наружной стороной прежней оборонительной стены, была поставлена монументальная колоннада, части которой были обнаружены в 1956 г.

Над описанными сооружениями были обнаружены еще напластования I—II и III—IV вв. н. э.

Участок F, раскапывавшийся в средней части города, находится недалеко от двух домов, обследованных Л. Реем⁴⁹. Площадь участка F составляла 350 м². В древности на этом участке было две террасы; на верхней, обнаруженной у восточного края участка, лежал очень тонкий культурный слой; на нижней террасе стратиграфия была значительно сложнее, а толщина напластований достигала 2,32 м.

Описываемый участок, видимо, входил в число жилых кварталов Аполлонии. Там встречались различные находки, начиная с VI в. до н. э.; однако ранние напластования были сильно перекопаны, причем не уцелело ни одной постройки ранее II—I вв. до н. э. В ранних напластованиях было обнаружено много фрагментов расписных ваз: коринфских, аттических и итальянских, а также терракотовых статуэток, светильников, амфор, черепицы и кирпича; особо отметим обломки формы для оттискивания рельефных фиал и большое число железных криц.

На ранних напластованиях лежат нижние части сооружений II—I вв. до н. э. К ним относятся остатки двух зданий, разделенных нешироким проходом, мощенным рваным камнем. Этот проход тянется с северо-запада на юго-восток, разделяя участок почти пополам.

По одну из сторон прохода находилось здание, стены которого, тщательно сложенные из обломков черепицы эллинистического времени, стоят на основании из рваного камня. По другую сторону прохода стояла обширная постройка, стены которой отчасти сооружены из больших грубоотесанных блоков, отчасти же из кирпичей (шириной 0,45 м, толщиной 0,08 м) насухо на цоколе из каменных квадров. Ориентация всех этих стен (с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад) строго подчинена направлению мощенного камнем прохода. Такую же ориентацию имеют все сооружения, обнаруженные в более поздних напластованиях на описываемом участке.

Остатки построек I в. до н. э.—I в. н. э. были сосредоточены в северо-западной части раскопа по обе стороны прохода между домами. Некоторые из сооружений этого времени примыкали вплотную к кладкам предшествующего периода. Такова одна из стен к юго-западу от прохода,

стоящая на цоколе из каменных квадров, она сложена насухо из кирпичей шириной 0,38 м и толщиной 0,07 м. К этой стене примыкала круглая печь из битой черепицы и кирпича; внутренний диаметр ее 1 м.

Наиболее обильны строительные остатки следующего слоя, примерно II в. н. э. К этому времени мощный рваным камнем проход между домами был засыпан и над насыпью была устроена вымостка из кирпичей (размером $0,41 \times 0,41 \times 0,07$ м). Кирпичи лежали в три ряда, причем средний ряд был расположен горизонтально, а оба боковые со значительным наклоном вовнутрь. Очевидно, кирпичный настил прежде всего был предназначен для того, чтобы служить водостоком, хотя, конечно, им можно было пользоваться и как проходом. Водосток довольно круто спустился по направлению к северо-западу. Такой водосток-проход между домами найден в Аполлонии не впервые, аналогичное сооружение было обнаружено и Л. Реем⁵⁰ при его раскопках 1923—1924 гг.

К северо-востоку от водостока-прохода сохранились две стены, подходившие под прямым углом друг к другу. Принадлежат к одному зданию, они служили подпорными стенами верхней террасы. Стены были сложены на глиняном растворе из камня и кирпича (размером $0,45 \times 0,45 \times 0,07$ м). Со стороны верхней террасы к этим стенам прилегал бут из битого кирпича на глине, имевший неровные очертания; очевидно, этот бут заполнял промежутки между стенами и насыпью террасы.

К северо-западу от описанного здания сохранились стены двух помещений, построенных из кирпича и черепицы на глиняном растворе. Частично они стоят на использованной в качестве фундамента кирпичной стене I в. до н. э. — I в. н. э.

По другую сторону водостока-прохода обнаружены остатки построек; стены их сложены на глиняном растворе из ломаных и отчасти целых кирпичей (размером $0,37 \times 0,37 \times 0,07$ м). Возведены эти стены на каменных фундаментах или же над стенами более ранних сооружений. В одном из помещений пол был покрыт слоем розоватого раствора извести с примесью толченой керамики.

Последнее напластование относится к III—IV вв. н. э. В это время в северо-западной части раскопа была построена стена, выложенная из самых разнохарактерных материалов, вероятно взятых из различных, может быть, разновременных, построек; там были употребленные в дело обломки кирпичей и черепицы, бутовые и квадратные камни, среди которых был заложен обломок барабана колонны. Другая стена того же времени, сложенная из крупных квадров, была обнаружена в юго-восточном углу раскопа; стена находится над водосток-проходом, пересекая его поперек. Это обстоятельство наглядно показывает, что планировка данного участка, сохранявшаяся в течение нескольких столетий, была нарушена в позднеантичное время.

Многочисленные архитектурные фрагменты, найденные в верхних слоях, позволяют заключить о богатстве отделки построек, стоявших на исследованном участке и в прилежащем районе. Именно там были обнаружены куски облицовочных плиток из белого и цветного мрамора, куски раствора со следами таких плиток, обломки баз, стволов и капителей колонн дорийского и ионийского ордера.

Очень обильны были находки обломков кирпичей, черепицы, различной глиняной посуды, в том числе простой, чернолаковой, краснолаковой и расписной. Встречались ручки амфор с латинскими клеймами и крышки амфор. Упомянем стеклянную посуду из прозрачного стекла: простую и с рельефными украшениями, а также обломок чаши из синего стекла с глазками. О ремесленном производстве Аполлонии говорят обломок пола камеры обжигательной печи и многочисленные крыцы.

Наконец, на описываемом участке были обнаружены две мраморные скульптуры. Одна из них представляет портретную голову бородатого пожилого мужчины (рис. 4), черты которого очень близко напоминают лицо знаменитого аттического оратора Демосфена, хорошо засвидетельствованное ватиканской копией⁵¹ известной статуи работы Полиевкта. Все же полного сходства между этими двумя скульптурами не наблюдается. Однако следует заметить, что и среди других дошедших до нас реплик полиевктова оригинала имеются значительные различия, в силу чего вполне возможно, что аполлонийская голова тоже должна была представлять Демосфена. Скульптура исполнена незаурядным мастером, манера работы которого ближе традициям аттической художественной школы, чем портретному искусству Италии. Техника исполнения побуждает думать, что аполлонийская голова была сделана не раньше конца II в. н. э., а возможно и первых десятилетий III в. н. э.

Другая мраморная скульптура представляет собою задрапированную женскую фигуру. Голова, руки и ступни ног утрачены. По типу эта статуя очень близка многочисленным женским портретным статуям, столь характерным для римского искусства периода империи.

Следующий участок D площадью 687,5 м² находился в западной части города. Весь этот участок был занят частично раскопанным домом римского периода, и лишь на небольшом пространстве были обнаружены напластования более раннего времени, заключавшие обломки эллинистической керамики, чернолаковой посуды IV—III вв. до н. э. и фрагментированную коринфскую расписную ойноху⁵².

Стены дома римского периода сохранились в высоту до 0,80 м. Они сложены из кирпича, обычно ломаного, и рваного и грубоотесанного камня. Кладка небрежная на известковом растворе; различные части здания, видимо, неоднократно подвергались переделкам.

Центром композиции раскопанной части дома служил перистильный двор размером 15×12,5 м, который был обрамлен многочисленными помещениями, преимущественно парадными. Двор был ориентирован углами по сторонам света. Посередине двора находится квадратный стилобат (величиной 8×8 м), сооруженный из больших квадров. Остатки раскрошившейся базы колонны в западном углу стилобата и достаточно отчетливые следы⁵³ других баз на камне (диаметром 0,45 м) показали, что на каждой стороне стояло по четыре колонны, а всего их было двенадцать. Во дворе лежали большие фрагменты этих колонн. Главным образом это были гладкоствольные барабаны, принадлежавшие к нижним и средним частям колонн; они составляли в высоту до 3 м. К сожалению, верхние барабаны и капители не уцелели.

Помимо этих остатков больших колонн, во дворе лежали три профилированные базы, гладкоствольные барабаны и три ионийских капители

других колонн, значительно меньших размеров (нижний диаметр баз их был 0,35 м). Наличие малых колонн приводит к мысли, что средняя часть двора была обрамлена двухэтажной перистильной галереей, а следовательно, хотя бы часть раскопанного дома была двухэтажной.

Несколько заглубленная средняя часть двора, так же как боковые галереи, была вымощена мраморными плитками; до нас они дошли в плохой сохранности. В слое, лежащем над двором, встречались куски цветной расписной и лепной штукатурки. В северном и южном углах галерей, видимо, в более позднее время были отгорожены прямоугольные помещения.

В перистильном дворе было обнаружено несколько, очевидно, некогда стоявших там мраморных статуй натуральной величины (рис. 5, 6). Это статуи Афины⁵⁴, у которой не сохранились голова и правая рука, и стоящего магистрата⁵⁵ со свитком в левой руке, голова которого также утрачена. Во дворе еще был обнаружен торс юноши; возможно, к нему относится найденная вне двора база скульптуры с нижней частью ступней и треножником, над которым находится щит черепахи, вероятно, часть лиры. Можно думать, что оба фрагмента принадлежали статуе Аполлона.

С северо-запада, юго-запада и юго-востока к перистильному двору примыкали парадные помещения: полы двух комнат были облицованы мраморными плитками, в пяти других — украшены мозаикой.

Наличие в Аполлонии мозаик уже давно отмечалось ее исследователями⁵⁶, однако описываемые нами работы значительно обогатили представления об этом разделе убранства аполлонийских зданий.

Против середины северо-западной стороны двора находится комната размером 5,70×4,80 м. пол которой покрыт довольно хорошо сохранившейся мозаикой, выложенной из разноцветных кубиков. Основным мотивом мозаики является узор из больших, округлых, крестообразных фигур, промежутки между которыми заполнены небольшими кругами с орнаментами внутри⁵⁷. Крестообразная фигура посередине мозаики заполнена более богатыми изображениями; в нее вписан большой круг, в котором была помещена плохо сохранившаяся композиция. От этой композиции уцелела лишь часть фигуры актера — голова в венке и рука в плотно облегающей одежде. В четырех полях, прилегающих к кругу, находятся изображения человеческих голов, возможно представлявших времена года; сохранность их далеко не одинаковая (рис. 7).

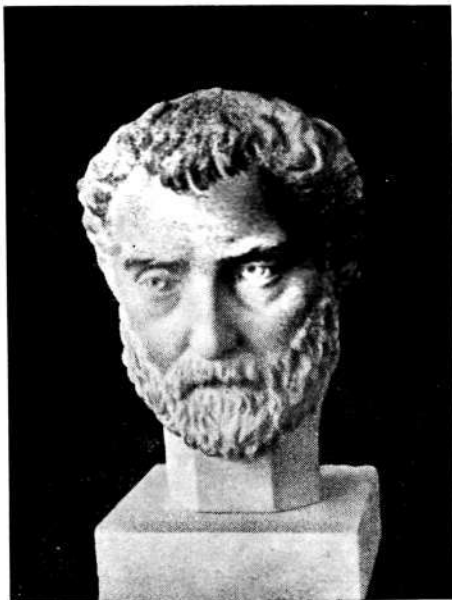

Рис. 4. Мраморная портретная голова

Рядом с описанной нами комнатой «актера», на юго-запад от последней находилась другая, почти квадратная в плане комната (размером $4,80 \times 5,20$ м). Пол ее покрыт полихромной мозаикой. Основным мотивом является узор в виде сети взаимно пересекающихся темных кругов, обрамленный бордюром, заполненным побегом плюща.

На юг от комнаты с узорной мозаикой находилось продолговатое помещение, выложенное разноцветными мраморными плитками, которые сохранились очень плохо. В этом помещении была дверь в примыкающую к нему галерею перистильного двора.

К юго-востоку от описанного помещения был расположен большой зал (размером $9,10 \times 7,25$ м). Нижние части стен его были облицованы беломраморными плитками, а пол вымощен разноцветными плитами мрамора, имевшими различную форму и образующими довольно сложное сочетание квадратных, прямоугольных и круглых фигур. Пол, еще в древности ремонтировавшийся, поврежден во многих местах.

В восточном углу зала находится дверь, которая ведет в отгороженное помещение в южном углу перистильного двора. На каменном пороге двери имеются углубления подпятников двустворчатых дверей. С юго-востока к залу примыкала большая комната с мозаичным полом; туда из зала вела широкая (1,65 м) дверь с высоким каменным порогом. На пороге сделаны углубления для подпятников двустворчатых дверей. Юго-восточная створка двери, очевидно, сильно осела и протерла четко заметные следы на

Рис. 5. Мраморная статуя Афины

пороге, что позволяет установить размер створки — 0,83 м. Часть мозаики возле порога, поврежденная еще в древности, была заменена вымосткой из мраморных плит.

Мозаика, покрывавшая пол комнаты, состояла из очень сложных мотивов. С трех сторон (кроме юго-западной) комната была обрамлена узором из квадратов и ромбов, с четвертой стороны примыкала широкая полоса монотонного геометрического орнамента. Сдвинутая к северо-востоку большая квадратная композиция была заключена в рамку из шести поясов различных узоров. Внутри их находятся тринадцать разделенных бордюрами белых полей с фигурными изображениями. По четырем углам квадрата, в четверти круга, помещались изображения каких-то морских животных, дошедшие в плохой сохранности. Между ними на полукруглых полях были представлены гиппокампы. Посередине находится круг, а в промежутках между ним и остальными полями помещены изображения рыб. В круг вписан восьмиугольник, обрамленный полосой орнамента, а в нем находится изображение нагой nereidy, которая сидит на дельфине. Полихромия описанной мозаики очень богатая (рис. 8, 9).

На северо-восток от комнаты «Нереиды» раскопан ряд комнат; пол ближайшей из них покрыт хорошо сохранившейся мозаикой, главным мотивом которой является сетка темных взаимно пересекающихся кругов.

В доме не было найдено каких-либо предметов обихода или остатков мебели. Развалины дома были покрыты пластом гумиро-

Рис. 6. Мраморная статуя магистрата

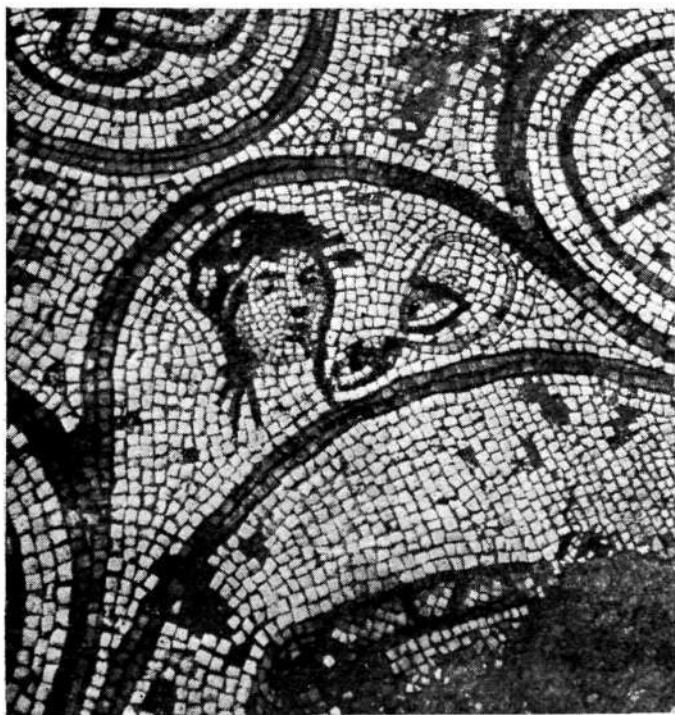

Рис. 7. Мозаика. Женская голова

Рис. 8. Мозаика. Гиппокамп

Рис. 9. Мозаика. Нереида на дельфине

7	8
	9

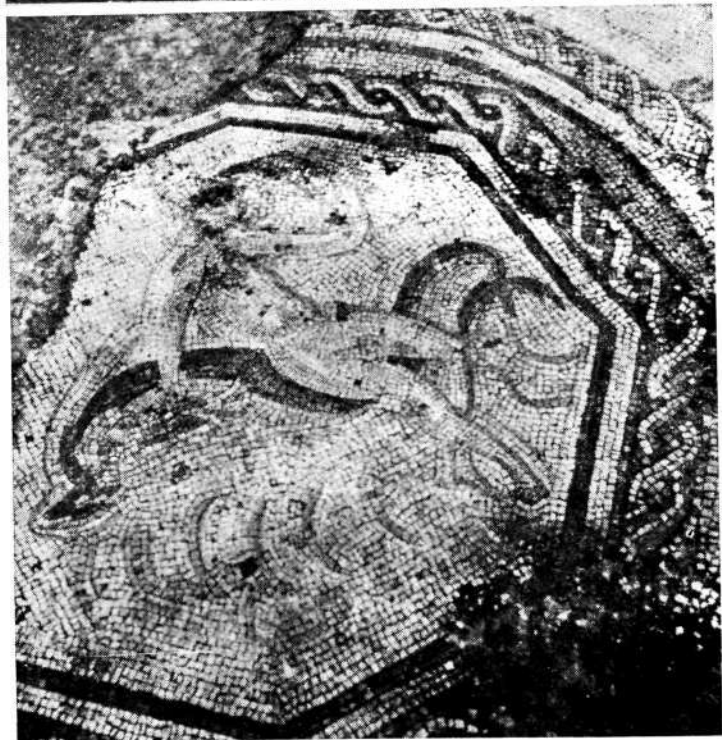
ванного суглинка, заключавшим различные керамические обломки. Этот суглинок, видимо, постепенно сползал с довольно крутого склона соседнего холма.

В пределах города был раскопан еще один участок (раскоп G), где была обнаружена часть дома с мозаичным полом и скульптурами.

В долине к востоку от Аполлонии, возле нынешней деревни Бакер, был раскопан еще один участок площадью 200 кв. м. Там открыты развалины многокомнатного дома первых веков нашей эры, построенного из грубоотесанных камней, кирпичей (размером $0,37 \times 0,36 \times 0,075$ м) и их обломков. В качестве строительного материала были использованы еще обломки двух мраморных статуй львов, рельеф с изображением Ники, приносящей в жертву быка, и мраморная голова юного атлета-победителя (рис. 10), являющаяся римской копией с оригинала круга Поликлета.

Также к востоку от города раскапывался курган, заключавший большое количество разнотипных погребений VI—II вв. до н. э.

В результате работ в Аполлонии в 1958 г. обследованы культурные напластования и собраны многочисленные находки с VI в. до н. э. до

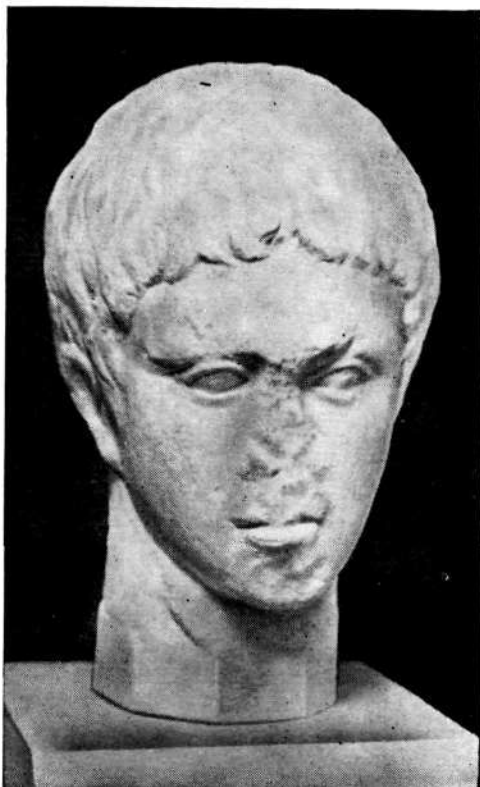

Рис. 10. Мраморная голова юного атлета

III—IV вв. н. э. При этом отметим обильные материалы, относящиеся ко времени Римской империи—тому периоду истории Аполлонии, который сравнительно скудно освещен письменными источниками.

Вскрытие двух участков оборонительной стены пополнило сведения по фортификации Аполлонии; при этом на обоих участках стена имела крепостное значение до II в. до н. э., после чего на южном участке она была превращена в подпорную, а на северном возле нее была устроена свалка отходов керамической мастерской. На других городских участках обнаружены части домов, познакомившие нас со строительством Аполлонии II в. до н. э.—III—IV вв. н. э. и обликом богатых зданий римского времени. Достоин внимания, что стены домов последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры на обоих участках имеют одинаковую ориентацию, а именно с северо-запада на юго-восток и с северо-востока на юго-запад. Это обстоятельство позволяет предполагать наличие в Аполлонии регулярной

планировки, во всяком случае в указанное время.

Раскопки показали значительное развитие ремесла в Аполлонии, а именно кузнечного, бронзолитейного и керамического производств. Весьма обширным было изготовление кирпича, который с эллинистического времени стал очень важным строительным материалом.

* * *

Во время раскопок Аполлонии при земляных работах в Пашалимане, расположенном на месте древнего Орика, обнаружена монументальная постройка, потребовавшая обследования (рис. 11). Был раскопан участок площадью 400 м², расположенный на склоне холма. В юго-западном углу участка раскопана довольно отлогая лестница, на которую налегают субструкции большой монументальной постройки, вероятно театра. Подковообразная площадка обрамлена полукруглым подъемом⁵⁸, над которым уступами поднимаются места для зрителей. Диаметр округлой стороны площадки равен 9,55 м, высота подия 1,57 м. На уступах стояли массивные кресла для зрителей, часть которых сохранилась. Здание по-

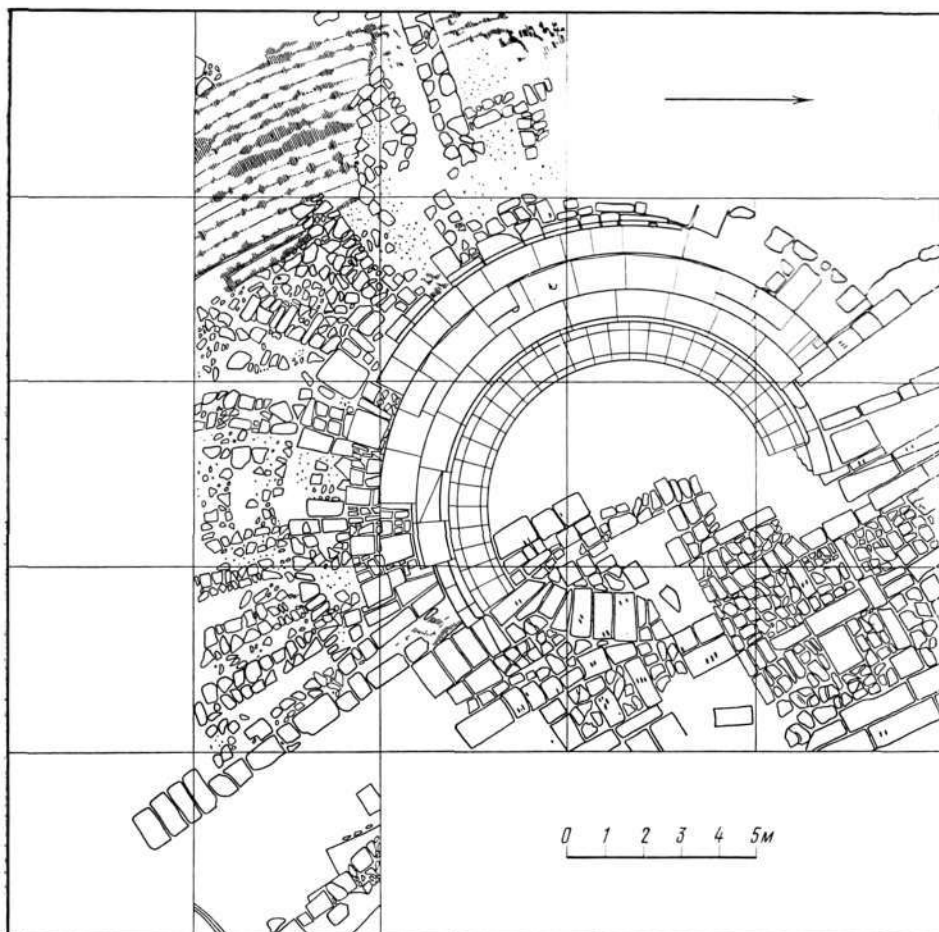

Рис. 11. План раскопок в Орике

строено в римское время, причем материалом в основном служили камни повторного использования. Среди них были архитектурные детали и два блока с надписями: одна из них — ΟΝΑΣΙΜΟΥ , другая — ΑΜΜΙΑΣ ... Судя по шрифту, надписи не раньше II в. до н. э.

¹ Hirschfeld G. Apollonia. — RE, 1896, II, Sp. 111 ff.

² Strab., VII, 5, 8.

³ Dio Cass., XLI, 45, 1.

⁴ Hirschfeld G. Apollonia. RE. II, Sp. 112; Praschniker C., Schober A. Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Wien, 1919, S. 71; Praschniker C. Muzakhia und Malakastra. — Jahresh., 1922, XXI—XXII, S. 37. О других работах см.: Comper-nolle M. van. La date de la fondation d'Apollonie d'Illyrie. — L'Antiquité Classique, 1953, XXII, p. 64.

⁵ Пельман Р. Очерк греческой истории в связи с источниковедением. СПб., 1906, с. 44.

⁶ Beaumont R. L. Greek influence in the Adriatic sea before the fourth century B. C. —

- JHS, 1936, LVI, p. 168 ff., note 67 and especially note 69; *Bérard J.* La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. Paris, 1957, p. 274; *Compernelle M. van.* Op. cit., p. 64.
- ⁷ *Casson St.* Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926, p. 322.
- ⁸ *Plut.* De sera num. vind. VII.
- ⁹ *Praschniker C.* Muzakhia, S. 33 ff.; *Rey L.* Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie (1930—1931). Exploration de la nécropole. — Albania. Revue d'archéologie, d'histoire, d'art et des appliquées en Albanie et dans les Balkans. Paris, 1932, N 4, p. 7 suiv., p. 16.
- ¹⁰ *Thuc.*, I, 26, 2. ¹¹ *Plin.*, N. H., III, 23 (145).
- ¹² *Dio Cass.*, X, fr. 42; XLI, 45, 1. ¹³ *Steph. Byz.*, s. v. 'Απολλωνία
- ¹⁴ *Strab.*, VII, 5, 8. ¹⁵ *Paus.*, V, 22, 3.
- ¹⁶ *Plut.* De sera num. vind., VII.
- ¹⁷ *Müller K. V.* Die Dorier. Breslau, 1824, II, S. 61, Anm. 2.
- ¹⁸ *Herod.*, IX, 94. ¹⁹ *Paus.*, V, 22, 2—4.
- ²⁰ *Thuc.*, I, 26, 2. ²¹ *Thuc.*, I, 24, 1—5.
- ²² *Thuc.*, III, 70—81. ²³ *Aelian.* Var. hist., XIII, 15. ²⁴ *Herod.*, IX, 93.
- ²⁵ *Dittenberger G.* Syll.³, N 239 B, II 1—20, not. 13.
- ²⁶ *Gardner P.* Catalogue of Greek Coins in the British Museum: Thessaly to Aetolia. London, 1883, p. 56, pl. XII, 1; *Schlösser J. von.* Beschreibung der altgriechischen Münzen. Wien, 1893, I, S. 26; *Head B. V.* Historia Numorum², Oxford, 1911, p. 314.
- ²⁷ *Macdonald G.* Catalogue of Greek Coins in the Hunterian Collection: University of Glasgow. Glasgow, 1901, II, p. 109. ff.; *Head B. V.* Op. cit., p. 314.
- ²⁸ *Arist. Polit.*, IV, 3, 8. ²⁹ *Diod.*, XIX, 67.
- ³⁰ *Diod.*, XIX, 78, 89. ³¹ *Liv.* per. XV.
- ³² *Polyb.*, II, 11, 8.
- ³³ *Polyb.*, V, 110, 1; *Liv.*, XXIV, 40; XXVI, 25; XXVIII, 8; XXIX, 12.
- ³⁴ *Strab.*, VII, 5, 8.
- ³⁵ *Bruhl A.* L'inscription du monument des Agonothètes. — Albania, N 5, p. 43 suiv.
- ³⁶ *Patsch C.* Das Sandschak Berat in Albanien. Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung. Wien, 1902, III, S. 185 ff.
- ³⁷ *Pouqueville F. C. H. L.* Voyage dans la Grèce. Paris, 1826—1827², p. 354; *Leake W. M.* Travels in Northern Greece. London, 1835, vol. I, p. 368 f.
- ³⁸ *Heuzey L., Daumet H.* Mission archéologique de Macédoine. Paris, 1876, p. 394 suiv.; *Patsch C.* Das Sandschak..., S. 149 ff.
- ³⁹ *Praschniker C., Schober A.* Archäologische Forschungen..., S. 69 ff.; *Praschniker C.* Muzakhia..., S. 37 ff.
- ⁴⁰ *Rey L.* Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie et à Durazzo (1923—1924). — Albania, 1925, (I), p. 11 suiv.; Albania, 1927, II, p. 11 suiv.; Albania, 1928, N 3, p. 13 suiv.; Albania, 1932, N 4, p. 7 suiv.; Albania, 1935, N 5, p. 7 suiv.; Albania, 1939, N 6, p. 5 suiv.
- ⁴¹ *Sestieri P. C.* Scavi ad Apollonia Illyrica. — Revista d'Albania. Roma, 1942, vol. I p. 40 seg.; *Homann-Wedeking E., Sestieri P. C.* Archäologische Grabungen und Funde in Italien, Albanien und Libyen, Oktober 1941 bis Oktober 1942. — AA, 1942, IV, S. 362 ff.
- ⁴² *Ceka H.* Mbi historikun e kërkimeve dhe gërmimeve arkeologjike në Apolloni. — Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës, 1958, N 4, f. 232 vv.
- ⁴³ Об этих работах см.: *Блаватский В. Д., Ислами С.* Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. — СА, 1959, № 4, с. 166 и сл. (перевод этой статьи: Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës, 1960, N 1, f. 51 vv.); альбом: Аполлония Иллирийская. М., 1959.
- ⁴⁴ Помимо автора этой статьи, в раскопках принимали участие: начальник экспедиции С. Ислами, начальники отрядов: М. М. Кобылина, Х. Цека, И. Б. Зеест, А. Буда, Т. В. Блаватская, С. Анамали, И. Т. Кругликова, Н. И. Соколовский, Ф. Пренди, Г. А. Цветаева, Д. Будина, Н. А. Онайко, В. Лазари, реставраторы: Н. М. Немнонова и Е. Сорокина, архитектор К. Жегу.
- ⁴⁵ Сравн.: *Rey L.* — Albania (I), p. 22 suiv., Fig. 21.
- ⁴⁶ Сравн.: *Veget.* De re mil. IV, 3.
- ⁴⁷ Сравн.: *Vitr.* I, 5, 3.
- ⁴⁸ *Rey L.* Albania (I), p. 24. Fig. 22—23.
- ⁴⁹ *Rey L.* Albania (I) p. 11 suiv.
- ⁵⁰ *Rey L.* Albania (I), p. 11, Fig. 8.

- ⁵¹ Brunn H., Arndt P. Griechische und römische Porträts. München, 1903, Taf. 574.
- ⁵² Сравн.: Rey L. Albania (I), p. 13, fig. 9.
- ⁵³ Помимо следов на камне на местах некоторых баз сохранялись еще свинцовые листы, служившие подстилами.
- ⁵⁴ Сравн.: Waldhauer O. Die Antiken Skulpturen der Ermitage. Berlin und Leipzig, 1936, S. 4 ff., Taf. VI.
- ⁵⁵ Такие статуи магистратов нередко встречаются в римской скульптуре. Аналогичная по типу фигура была найдена в Аполлонии при прежних раскопках (Rey L. — Albania (I), p. 16, p. 21, fig. 14).
- ⁵⁶ Patsch C. Das Sandschak..., S. 150; Praschniker C., Schober A. Archäologische Forschungen..., S. 71; Praschniker C. Muzakhia..., S. 39.
- ⁵⁷ Сравн.: Pašalić E. Rimsko naselje u flidži Sarajewa.— Glasnik Zemal. Muzeja u Sarajevu. Archeologia, 1959, XIV, s. 121 i d.; tab. II.
- ⁵⁸ Ср. театр в Аспенде (Durm J. Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910, S. 469, Fig. 431 b).

О РАЗВИТИИ ЭЛЛИНСКОГО ХРАМА *

Настоящий очерк посвящен изучению той роли, которую играла культовая скульптура в развитии эллинского храмового зодчества.

Общеизвестно, что для эллинов храм был жилищем божества, олицетворенного в культовой статуе. В классическую эпоху колосс, возвышавшийся в целле периптера, отвечал представлению эллинов о величии божества-покровителя гражданской общины. Эти изваяния божеств и храмы, достойными обитателями которых они являлись, были результатом длительного процесса развития. Попытаемся проследить его в основных чертах.

Давно установлено, что эллинский храм ведет свое происхождение от мегарона — жилого дома микенской эпохи. Различные фазы постепенного перехода от микенского жилища к храму можно проследить на ряде памятников. Должно, однако, отметить, что эволюционные стадии их далеко не всегда отвечают строгой хронологической последовательности. Сплошь да рядом более примитивное здание оказывается моложе, чем более зрелое. В силу этого мы будем рассматривать памятники в стадиально-типологической, а не хронологической последовательности.

Еще совсем примитивную форму имеет храм Аполлона Карнейя¹ на острове Фере, сооруженный не позднее конца VIII в. до н. э. Там храмовая постройка мегаронного типа (довольно больших размеров: 12,15 × 7,50 м) была обстроена жилым комплексом усадебных сооружений. Возникновение храмовых построек такого типа должно быть связано не с государственным, а с семейно-родовым культом, когда алтарь или идол божества были во владении басилевса или иного человека, а не всего полиса.

В этом отношении весьма интересно и происхождение культа Аполлона Карнейского. Согласно Павсанию², Аполлон Карней, именуемый домашним, почитался в Спарте еще до возвращения Гераклидов (т. е. до дорийского завоевания и образования Лакедэмонского государства). По словам знаменитого перизгета, Аполлон Карнейский это «то божество, которое, когда еще ахеяне занимали Спарту, было почитаемо в доме прорицателя Крия»³. Храм в Дреросе⁴ VIII в. до н. э. еще полностью сохраняет традиции мегарона (рис. 1). Расположенная за неглубоким

* Блаватский В. Д. О развитии эллинского храма. Сборник Гаврил Кацаров. — ИБАИ, София, 1950, кн. XVI, с. 70—74.

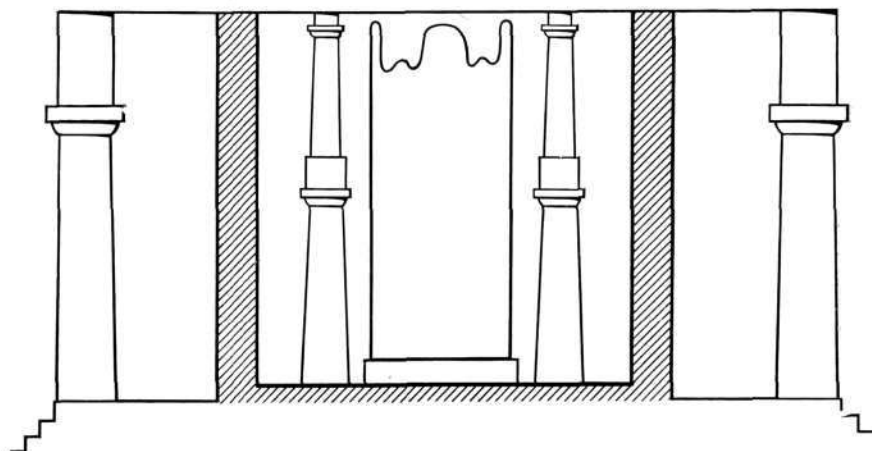
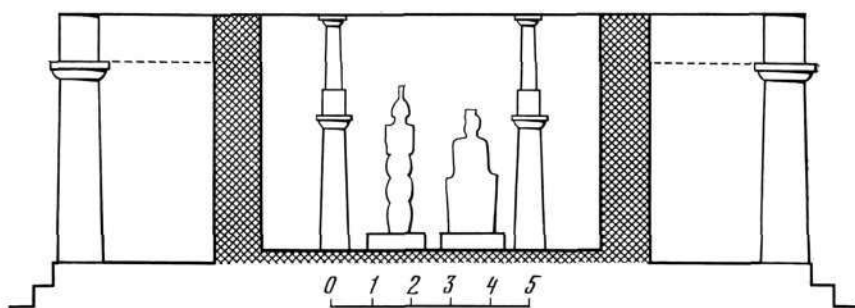
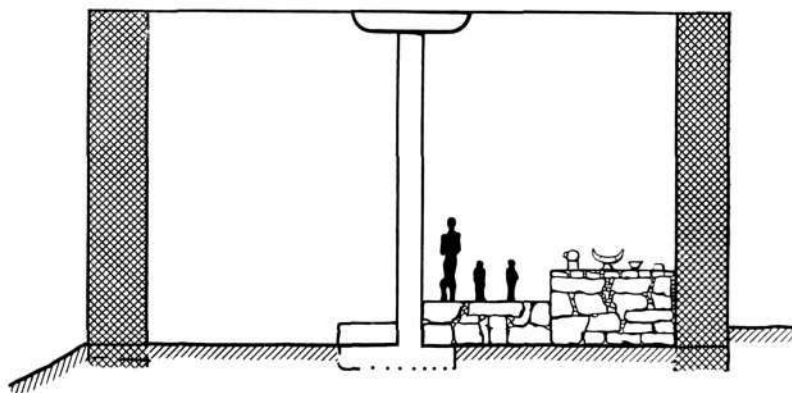

Рис. 1. Храм в Дреросе

Рис. 2. Герайон в Олимпии

Рис. 3. Храм Зевса в Олимпии

пронаосом целла⁵ в сущности не отличается от внутреннего помещения большого жилого дома, рассчитанного только на пребывание в нем людей. Целлу расчленили по продольной оси две колонны, между которыми находился очаг (*εσχάρα*), дым его выходил через отверстие в крыше.

Направо от входа, в глубине корабля, на алтаре стояли бронзовые изваяния Аполлона, Артемиды и Лето. В силу небольших размеров (Аполлон около 0,80, богини — 0,40—0,45 м) эти скульптуры не доминировали над внутренним пространством. Образую своего рода «красный угол», они занимали сравнительно небольшую часть храма. В этом можно видеть традиции домашнего культа, когда идол божества был одним из предметов обихода, хотя и весьма почитался.

Храм Артемиды Орфии⁶ в Спарте IX—VIII вв. до н. э. древнее храма в Дреросе, хотя и представляет более развитое сооружение. Это неширокая, сильно вытянутая⁷ постройка расчленена по оси рядом колонн на два корабля. Таким образом, внутренние помещения храмов в Спарте и в Дреросе имеют сходные решения. То же, видимо, можно сказать и о деревянном идоле Артемиды Орфии. Павсаний⁸ говорит, что изваяние богини было небольших размеров, его свободно могла держать на руках жрица Артемиды во время бичевания эфэбов.

Однако несмотря на все сходство с храмом в Дреросе, в спартанском Артемисионе уже намечается отрыв от традиций жилого дома: в целле нет очага, последний заменен большим алтарем перед храмом. Вокруг алтаря могло собраться много молящихся, что отвечало потребностям культа патрона гражданской общины, а не домашнего. Это свидетельствует о значительном изменении функционального значения храмового здания. Храм Орфии хотя и сохранил во внутреннем облике и характере идола заметное сходство с домашним святилищем, но в целом уже был приспособлен для потребностей общинного культа.

Отмеченное в спартанском Артемисионе осевое членение целлы колоннадой, при отсутствии очага в последней, мы наблюдаем в ряде более поздних архаических храмов, например в Фермосе, или в Неандрии.

Новый, совершенно иной принцип организации внутреннего помещения был применен в Олимпийском Герайоне⁹.

Довольно обширная¹⁰ целла этого храма не имела осевого членения (рис. 2). Внутреннее помещение первоначально лишь слегка расчленялось приставленными к длинным стенам немного выступающими поперечными стенками (по четыре с каждой стороны). Позднее эти стенки заменили двухъярусные колоннады, разделившие целлу на три корабля: широкий — средний и два очень узких боковых. Другими словами, в обоих вариантах решения целлы мы видим стремление сохранить единое внутреннее пространство. Более значительная, чем в храме в Дреросе, высота целлы (6 м), при пятиметровой ширине свободного от стенок или колонн пространства, создавала впечатление не обыденного жилого, а довольно высокого помещения с вытянутой вверх задней стеной.

До сооружения храма Зевса в Олимпии Герайон служил святилищем и Зевса, и Геры¹¹. Согласно Павсанию¹², в нем находились две культовые статуи: восседающей на троне Геры и стоявшего Зевса. Обнаруженная при раскопках колоссальная (0,52 м высотой) архаическая голова Геры является частью названной статуи¹³ и может служить основанием

для реконструкции размеров всей группы. Нужно думать, что изваяние Геры было около 3 м вышиной, а статуя Зевса еще выше. Такая реконструкция культовых статуй в Герайоне дает нам более определенное представление об интерьере целлы, облегчая понимание архитектурных форм последней. Большие изваяния Зевса и Геры требуют помещения их в свободном пространстве. Этому требованию не может удовлетворить целла храма-дома с невысоким потолком, загроможденная по средней оси колоннадой. Вместе с тем большие культовые статуи входят в художественный образ целлы как весьма важная составная часть последней. Выделяясь на фоне задней стены, они завершают интерьер. Без них помещение казалось бы пустым, а значительная высота его необоснованной. Так, в Герайоне архитектурные формы интерьера тесно связаны со стоявшими в целле статуями. С возникновением единого внутреннего пространства находится в связи появление монументальной храмовой скульптуры; последняя в свою очередь требовала достойного ее внутреннего пространства. Зодчество и ваяние развивались параллельно, синтетически сочетаясь в эллинском храме.

Если спартанский храм Орфии, служивший для общинного культа, еще хранит некоторые древние традиции, то Олимпийский Герайон уже полностью отвечает новым формам культа божеств, покровителей полиса. Колоссальные изваяния Зевса и Геры — это уже не скромные маленькие домашние идолы, а монументальные образы богов-патронов гражданской общины. Жилище этих богов — Герайон — имеет облик, достойный своих обитателей.

Образ храма, обогащенный снаружи колоннадой периптера, а внутри двухъярусной колоннадой (или приставными стенками) и большими статуями Зевса и Геры, в той же мере превосходит примитивные храмы IX—VIII вв., как все искусство эллинской архаики, полнокровной, красочной и жизнерадостной, — более бледное и схематичное искусство геометрического стиля.

То новое, что зарождалось в Герайоне, получило полное развитие¹³ в построенном Либоном храме Зевса Олимпийского¹⁴. Обширную¹⁵ целлу этого величавого периптера расчленяли две колоннады на три корабля: боковые — очень узкие и довольно широкий средний (около 7 м). Однако значительная высота целлы, достигавшая 14 м, создавала впечатление высокого и узкого пространства главного нефа. Такое решение целлы неразрывно связано с находившейся в глубине ее статуей Зевса работы Фидия. Здесь взаимодействие между скульптурой и архитектурой было еще более тесным, чем в храме Геры. Колоссальная статуя восседающего на троне бога была как бы вписана в прямоугольные очертания задней стены целлы. Внедрение колоссальной скульптуры в целлу было одной из предпосылок в развитии внутреннего пространства, а развитие этого пространства в свою очередь способствовало последующему расцвету большой храмовой скульптуры (хрисоэлефантинных изваяний Фидия и Поликлета). Увеличение размеров, и в частности высоты, целлы было необходимым условием дальнейшего развития монументального храмового зодчества — сооружения обширных периптеров. Размер наружного ордера был в самой тесной связи с высотой внутреннего объема храмового здания (рис. 3).

В результате этой большой творческой работы стало возможным создать жилище и образ, достойные верховного бога, отца богов и людей, патрона гражданской общины и покровителя всеэллинских состязаний. Сказанное нами о храме Зевса относится и к другим храмам высокой классики, например к Парфенону. Примечательно, что с распадом принципов высокой классики в Фигалийском храме Аполлона изменяется решение целлы и система постановки культовой статуи, помещенной в нарушение симметрии не на продольной оси наоса, и не лицом, а боком к зрителю.

Мы рассмотрели несколько этапов развития внутреннего пространства эллинских храмов. Скажем теперь несколько слов об истоках этих явлений. Многое здесь остается еще неясным. Мы не знаем, когда появились древнейшие храмы, что, согласно некоторым исследователям, было уже в XII в. до н. э.¹⁷

Однако, отказавшись от спорных гипотез и привлекая более надежные факты, можно отметить следующее. По-видимому, с Критом должно связать ряд храмов, создатели которых цепко придерживались старых традиций (храмы в Дреросе и в Принии).

В Спарте, напротив, очень рано, еще в IX—VIII вв. до н. э. появляется новый тип храма (Артемиды Орфии), видимо связанный с культом, отвечавшим потребностям гражданской общины. Далее, изваяние Геры, имевшее столь большое значение в интерьере целлы Олимпийского Герая, по всей вероятности, было произведением спартанской школы, может быть Медона или Дориклейда¹⁸.

Эти факты, свидетельствующие об исключительно большой роли спартанских мастеров в развитии древнейшего эллинского зодчества и храмовой скульптуры, результаты раскопок¹⁹ в Спарте, показавшие расцвет этой общины в древнейшую эпоху и, наконец, слова Павсания, что ему довелось видеть в Спарте деревянное изваяние Афродиты Арес — самое древнее, какое только есть у эллинов²⁰, и что там же находится древнейшая бронзовая статуя Зевса Ипата²¹, приводят нас к выводу, что довольно распространенное мнение о незначительности вклада Спарты в художественное творчество эллинов требует решительного пересмотра.

Спарта с ее твердой государственностью задолго до Афин установила законодательство. Согласно античной традиции, Ликург жил в IX столетии, а Драконт в последней четверти VII в. до н. э.

В IX—VII вв. до н. э. Спарта несомненно была передовым эллинским полисом не только в военно-политическом, но и в культурном отношении. Роль ее в художественном творчестве Эллады этого времени была весьма крупной. Культурное значение Лакедемона в древнюю эпоху заслоняет от нас отсталость Спарты классического времени, когда она оказалась позади Афин и других общин Пелопоннеса.

¹⁷ Die Antike, 1928, VI, S. 199, Abb. 31 (Thera, I, 277).

¹⁸ Paus., III, 13, 2. ¹⁹ Paus., III, 13, 3.

²⁰ Marinatos Sp. Le Temple géométrique de Dréros. — BCH, 1936, LX, p. 214 et suiv., pl. XXVI—XXVII.

²¹ Длина целлы 9,30, ширина 5,70 м.

²² Dawkins R. M. Excavations at Sparta, 1908. — BSA, 1907/8, XIV, p. 12 f.; fig. 5—7,

- pl. I—II; Excavations at Sparta, 1909. — BSA, 1908/9, XV, p. 11 f., fig. 2, Pl. I; Excavations at Sparta, 1910. — BSA, 1909/10, XVI, p. 21 f., fig. 2, 4, 5, pl. IV—V.
- ⁷ Ширина целлы 4,5 м, длина неизвестна, ибо восточная часть храма не сохранилась.
- ⁸ Paus. III, 16, 7.
- ⁹ Curtius E., Adler Fr. Olympia II. Berlin, 1902 (Dörpfeld W.), S. 27 f. tabl. XVIII—XXIII.
- ¹⁰ Размер целлы 8,37×27,84 м.
- ¹¹ Curtius E., Adler Fr. Op. cit., S. 36.
- ¹² Paus., V, 17, 1.
- ¹³ Curtius E., Adler Fr. Op. cit., S. 33; Laloux V., Monceaux P. Restauration d'Olympie. Paris, 1889, p. 106.
- ¹⁴ Мы отнюдь не утверждаем, что отмечаемое нами ниже развитие внутреннего пространства и храмовой скульптуры впервые имело место в храме Зевса Олимпийского. Нужно думать, что весьма многое в этом отношении было сделано и до него в монументальных периптерах VI и начала V вв. до н. э. Мы предпочли остановиться на храме Зевса только потому, что располагаем довольно надежными реконструкциями и храма, и культовой статуи, что далеко не всегда доступно для его предшественников.
- ¹⁵ Curtius E., Adler Fr. Op. cit., S. 4 u. folg., Pl. VIII—XVII.
- ¹⁶ Размер целлы: 13,26×28,74 м.
- ¹⁷ Dörpfeld W. Die altgriechische Kunst und Homer. — AM, 1925, Bd. L, S. 101 f.
- ¹⁸ Langlotz E. Frühgriechische Bildhauerschulen. Nürnberg, 1927, S. 87 u. folg.
- ¹⁹ См. о них: BSA 1905/6, XII, p. 277 f.; 1906/7, XIII, p. 1 f.; 1907/8, XIV, p. 1 f.; 1908/9, XV, p. 1 f.; 1926/7, XXVIII, p. 1 f.
- ²⁰ Paus., III, 17, 5. ²¹ Paus., III, 17, 6.

ДРЕВНЕЙШЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СИНДИКЕ *

Обычно принято считать, что самым ранним из греческих авторов, писавшим об азиатской части Боспора, был Гекатей Милетский, у которого мы находим свидетельство: о Фанагории и острове Фанагора¹, о нахождении в Фанагории святилище Апатуре, а также об одноименном заливе в Азии², о Дандариях, обитавших около Кавказа³, и, наконец, не вполне ясное упоминание о Гермонассе — маленьком острове с городом на Киммерийском Боспоре⁴. Что же касается первого свидетельства о Синдах и Синдике, то таковые обычно приписываются Геродоту⁵. Между тем мы располагаем значительно более ранним упоминанием о Синдике, чем это свидетельство «отца истории». Оно принадлежит старшему современнику Гекатея ямбическому поэту Гиппонакту из Эфеса⁶. Очень краткое указание на него сохранилось в сходящих к Аполлонию Родосскому⁷: καὶ Ἰππῶνας δὲ μνημονεύει πρὸς τὸ «Σινδικὸν διάσπαγμα» т. е. Гиппонакт также упоминает о «Синдской расселине».

В последнем издании греческих лириков Э. Диль⁸ предложил следующую конъюнктуру: Κοραξικὸν μὲν ἡμφισπόμενῃ ἄλσος, (ὑμνῶ δέ) πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσπαγμα.

Это соединение двух отдельных отрывков не может быть достаточно обосновано и вызывает значительные сомнения. Но так или иначе наличие упоминания Гиппонактом «Синдской расселины» является совершенно бесспорным фактом.

* Блаватский В. Д. Древнейшее свидетельство о Синдике. — Исследования в чест на академик Д. Дечев. София, 1958, с. 703—706.

Решение вопроса о том, что представляло собой τὸ Σινδικὸν διάσπαγμα связано с некоторыми затруднениями. С достаточной степенью уверенности можно утверждать только одно, а именно, что «Синдскую расселину» нужно искать где-то около побережья Синдики, а никак не в глубине страны, в отрогах Кавказского хребта, ибо мало вероятно, чтобы столь отдаленная местность могла стать популярной у греческих мореходов середины VI в. до н. э. Вряд ли «Синдскую расселину» можно отождествлять с Керченским проливом, как это полагает комментатор Гиппонакта Т. Бергк⁹. Ведь нам известно надежно засвидетельствованное греческое наименование пролива¹⁰ — Κιμμερικὸς Βόσπορος, нужно думать возникшее еще в киммерийские времена, по аналогии с вошедшим в эллинскую мифологию Боспором Фракийским. Что же касается местного названия Киммерийского Боспора, то таковым скорее всего было ираноязычное составное слово, которое легло в основу наименования Пантикапея: Παντικάλειον от παντ(i) — путь и кара — рыба = рыбный путь¹¹. Таким «рыбным путем» мог называться только Керченский пролив, через который ежегодно проходят колоссальные косяки рыбы¹².

Трудно также допустить, чтобы под «Синдской расселиной» подразумевался Таманский залив, коль скоро древнее местное название его — Корокондамское «озеро» — нам известно по свидетельству Страбона: λίμνη ἢ καλοῦσιν ...Κοροκονδαμίτιν¹³. В силу этого представляется наиболее вероятным видеть в τὸ Σινδικὸν διάσπαγμα пролив, отделяющий северо-западную, островную часть Синдики от юго-восточной, материковой (рис. 1). Этот пролив, находившийся в средней части Синдики, видимо, воспринимался как наиболее характерная ее особенность прибывавшими в эту страну греческими мореходами. Поэтому данное наименование стало поводом для возникновения ходячего выражения, засвидетельствованного Гесихием Александрийским¹⁴.

Рассматриваемое свидетельство схолиаста показывает несомненное наличие интереса Гиппонакта к Синдике и довольно хорошее знакомство с ее топографией или по крайней мере с топонимикой. Судя по малочисленности¹⁵ упоминаний о τὸ Σινδικὸν διάσπαγμα в дошедших до нас источниках, эта «Расселина» не пользовалась сколько-нибудь широкой известностью в эллинской метрополии.

Приведенное свидетельство Гиппонакта весьма примечательно в связи с теми историческими условиями, в которых протекало творчество поэта.

Еще задолго до времени Гиппонакта, в последних десятилетиях VII и в первых десятилетиях VI в. до н. э., установились торговые сношения¹⁶ греческих купцов-мореходов с местными обитателями берегов Боспора Киммерийского, приведшие к возникновению сначала временных, а потом и постоянных факторий — эмпориев. В дальнейшем последовало переселение значительного числа малоазийских эллинов и основание ряда городов на Боспоре. Это переселение малоазийских греков было вызвано как внутренним процессом развития полисов метрополии, приведшим к «избытку» свободного населения, так и внешнеполитическими событиями — подчинением Ионии персам.

Во время этих событий в 542 г. до н. э. персами был завоеван Эфес — родина Гиппонакта, что и побудило поэта переселиться в Клазомены, где

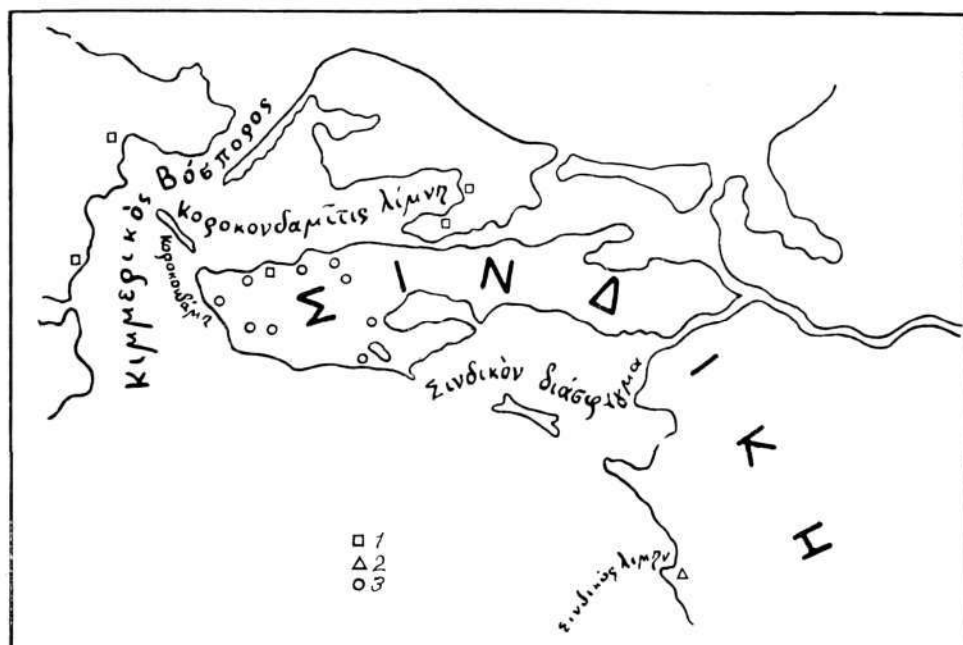

Рис. 1. Схематическая карта Синдики

Сравнительное обилие поселений в северо-западной части при отсутствии таковых в юго-восточной вызвано тем, что вторая в меньшей мере чем первая подвергалась археологическим исследованиям

I — города, 2 — эмпории, 3 — поселения

он влачил полную лишений жизнь бедняка, нуждавшегося в самом необходимом. Около 540 г. до н. э. Фанагор с теосцами, бежавшими «от насилиев персов», основал Фанагорию¹⁷, наиболее значительный из городов Азиатского Боспора. Тогда же или несколько раньше этого времени была основана и Гермонасса¹⁸, первопоселенцами которой наряду с эолянами было также и немалое число ионян. В движении ионян в далекие, манившие своими природными богатствами края, прилежавшие к азиатской части Боспорского побережья, принимали участие и граждане нового отечества Гиппонакта — клазоменцы. Страбон¹⁶ упоминает о находившихся на Азовском побережье наблюдательных пунктах, которые считали клазоменскими: *σχοπαί τινες λέγονται Κλαζομενίων*.

Это свидетельство дополняется также находками клазоменской расписной керамики²⁰.

Не подлежит сомнению, что богатая знать являлась ничтожной частью переселенцев на Боспор, а основную массу составляли ремесленники и малоимущие крестьяне ионийских полисов, которые с ростом рабовладения разорялись и впадали в бедность. Однако далеко не для всех этих бедняков было под силу осуществить такое переселение, для чего обычно требовалась помощь их полиса. Вполне возможно, что в

кратком упоминании Гиппонакта о «Синдской расселине» получили отражение нередко безнадежные чаяния ионийских бедняков о казавшейся им весьма заманчивой привольной жизни на далеких берегах Боспора.

Трудно определить время, когда появилось рассматриваемое топонимическое наименование «Синдская расселина». Вряд ли это было во времена Гиппонакта, т. е. уже в тот период, когда основывались эллинские города на азиатском берегу Боспора. Более вероятно, что возникло оно значительно раньше, когда купцы-мореходы начали устанавливать постоянные торговые связи с Синдикой, т. е. примерно на рубеже VII и VI вв. до н. э., как это можно заключить по находкам эллинской керамики на Таманском полуострове²¹.

Таковы те предварительные замечания, какие мы попытались сделать на основании краткого свидетельства Гиппонакта, которое почти на столетие древнее «Истории» Геродота. Это свидетельство ионийского поэта хотя и не намного, но все же приоткрывает завесу, заслоняющую от нас древнейшую историю Синдики.

¹ *Hecat.*, fr. 164 (Steph. Byz. Φαναγόρεια).

² *Ibid.*, fr. 165 (Steph. Byz. Ἀπίτουρον).

³ *Ibid.*, fr. 161 (Steph. Byz. Δανδάρτοι).

⁴ *Ibid.*, fr. 197 (Steph. Byz. Ἐριώνασσα).

⁵ Herod., IV, 28 и 86.

⁶ Poetae Lyrici Graeci, rec. Th. Bergk. Lipsiae, 1882, II, p. 484. *Hipponax*, 68 A (45).

⁷ Schol. *Apoll. Rhod.* IV, 321.

⁸ *Antologia lyrica Graeca*/Ed. Ern. Diehl. Lipsiae, 1954, Fasc. 3, 8, fr. 2.

⁹ Poetae lyrici Graeci, p. 485, not. in fr. 68 A.

¹⁰ *Ps. Scymn.*, 837; *Strab.*, VII, 4, 3; XI, 2, 5; *Ptol.*, V, 9, 6; *Anon. Peripl. Pont. Eux.* 50, 51.

¹¹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, с. 170, 175 и 193 (скифский язык).

¹² Такое объяснение происхождения наименования Пантикапея нам представляется более вероятным, чем попытка возвести его к названию реки Пантикапа (Παντικαπης) — нынешней Мелек-Чесмы. Эта небольшая и немногочисленная речка вряд ли когда-либо могла именоваться «рыбьим путем», и, скорее всего, так же как расположенный возле нее город, была названа по большому широкому проливу, возле которого она находилась. Связь наименования города Пантикапея с речкой Пантикапом давно отмечалась в литературе (*Minns E. Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 569, N 10), мы также присоединялись к этой точке зрения (*Блаватский В. Д.* Киммерийский вопрос и Пантикапей. — Вестник Московского университета, 1948, № 8, с. 13).

¹³ *Strab.*, XI, 2, 9.

¹⁴ *Hesych. Alex.*, Lexic. Σινδικὸν διόσφαγμα. См. также *Steph. Byz.* Σινδοί.

¹⁵ Schol. *Apoll. Rhod.* IV, 321; *Hesych. Alex. Lexic.* Σινδικὸν διόσφαγμα.

¹⁶ Фармаковский Б. Милетские вазы из России. «Древности». — Тр. Моск. Археол. Общ. 1916, XXV, 49, табл. VIII—IX; Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. — ИАК, 1917, вып. 63, с. 31 и сл.; Жебелев С. А. Возникновение Боспорского государства. — Известия ОГН, 1930, № 10, с. 799 и сл., примеч. 1.

¹⁷ *Eustath. Comm. ad Dion.*, 549.

¹⁸ Блаватский В. Д. Архангелский Боспор. — МИА, 1954, № 33, с. 19 и сл., примеч. 3.

¹⁹ *Strab.*, XI, 2, 4.

²⁰ *Lossewa N. Zwei Klasomenische Vasen.* — AA, 1929, 1/2, S. 43, 48.

²¹ Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове — ИАК, 1917, вып. 63, с. 31 и сл., табл. III.

ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ БОСПОРЦЕВ В VI—II ВВ. ДО Н. Э.*

Задачей настоящего очерка является отметить некоторые особенности имущественного положения населения Боспора и выяснить те изменения, которые оно претерпело с VI до конца II в. до н. э., т. е. со времени возникновения греческих полисов до тех грандиозных событий, которыми завершилось правление Спартокидов. Мы постараемся подойти к решению этого вопроса путем сопоставления скудных данных письменных источников с археологическими материалами, по преимуществу добытыми в последнее время. Ранее мы сделали попытку обрисовать экономическое положение боспорских полисов в VI в. до н. э.¹, т. е. в первое столетие или даже в ближайшие десятилетия после их возникновения. Как мы отмечали, население этих городов тогда в основном состояло не из купцов, а из ремесленников и земледельцев. Переселенцы, обосновавшись на новых местах, обычно продолжали заниматься тем же делом, что и в метрополии. Как и в другие апойкии, на Боспор, видимо, по большей части уходили малоимущие люди². Разумеется, что некоторые переселенцы обладали значительным состоянием, но число таковых было невелико. О сравнительно скромном достатке основной массы изначального населения боспорских городов свидетельствуют довольно бедные некрополи VI в. до н. э., раскопанные в Пантикапее³, Фанагории⁴ и других населенных пунктах.

Характерной особенностью монетной чеканки Пантикапея и других боспорских городов в VI и V вв. до н. э. является обилие мелких номиналов⁵, видимо связанное с наличием большого числа мелких потребителей, а следовательно, и производителей⁶. Намечаемую таким образом картину развития мелочной торговли на Боспоре дополняют известные по находкам в Пантикапее и Фанагории небольшие мерные кувшины для вина с клеймами на шейках или ручках⁷.

Ограниченность материальных ресурсов боспорского города в VI в. до н. э. с большой наглядностью выступает в Дии-Тиритаке. Там во второй половине VI в. до н. э. была сооружена оборонительная линия⁸, в которую были включены обычные жилые дома на окраине города; интервалы между домами были заполнены сырцовою стеной на каменном цоколе 1,6 м шириной. Разумеется, что подобные крепостные сооружения лишь в слабой мере могли обезопасить город от нападения сильного врага и их построили за неимением средств на возведение чего-либо лучшего. Поэтому при первой же возможности уже в V в. до н. э. была сооружена более солидная стена⁹. Сказанное приводит к заключению, что граждане боспорских городов в первые десятилетия их существования по преимуществу были людьми небогатыми: они по большей части располагали небольшим числом рабов или не имели их вовсе¹⁰.

Раскопки последних лет в Керчи, на северо-восточном склоне Митридатовой горы, способствовали дополнению намеченной картины. Они познакомили нас с небольшим участком, занятым домами VI—начала

* *Blavatski W. D. Despre situația proprietății bosporanilor în secolele VI—II î. e. n.—SCIV, București, 1959, an. X, 2, p. 295—303.*

V в. до н. э. Там были обнаружены остатки шести жилых домов. Лишь один из них, от которого уцелели подвал и небольшая часть стен, был заметен больше других. Остальные пять домов представляли собою небольшие постройки, состоящие из одной-двух комнат общей площадью не более 12 м². Нижние части этих зданий иногда довольно сильно были заглублены в землю.

Дома были построены преимущественно из рваного камня — небольших бесформенных плиток, заготовка которых не требовала значительных усилий. В одном здании стены были возведены из сырцовых кирпичей, лежавших на каменном цоколе. Кладка из рваных камней, отличающаяся исключительной тщательностью, создает впечатление постройки для личных потребностей. Небольшие размеры жилищ показывают, что в них едва могла поместиться одна семья, силами которой оно, возможно, и было построено без привлечения (или почти без привлечения) труда рабов. Единственным привозным материалом, употреблявшимся при сооружении этих построек, видимо, была черепица, малочисленные обломки которой были найдены почти возле каждого дома. Примечательно, что значительные куски черепиц, как правило, не встречаются в ранних напластованиях. Видимо, черепица ценилась в это время больше, чем в период расцвета Боспора, и при перестройках ее осторожно снимали, чтобы использовать в других зданиях. Обнаруженные в домах обломки различной утвари также свидетельствуют о довольно скромном уровне существования его обитателей¹¹.

К описанным нами полностью или почти полностью раскопанным домам следует добавить остатки еще одного жилища, обнаруженного на том же раскопе. Оно дошло до нас в значительно худшей сохранности и в силу этого раскрыто лишь частично. Уцелели лежащие под другими остатками очагов и полов, относящиеся к промежутку времени от середины VI до начала V в. до н. э. За столь небольшой промежуток времени, не более 60—70 лет, здесь отложилось восемь пластов. Подобное обилие микрослоев, т. е. локальных мелких напластований, необычно для капитального строительства и легко возникает лишь на месте непрочных скромных построек.

Наконец, набросанную нами картину жизни довольно бедного квартала¹² дополняет несколько беспорядочная планировка сохранившихся домов с узкими проходами между ними. Так, ширина одного переулочка была всего 1,30 м.

Сравнение описанного пантикапейского участка жилых домов VI — начала V в. до н. э. с жилым районом Милета VI в. до н. э., известным по раскопкам в Калабак-тепе¹³, показывает, что первый несколько уступал второму. Средний уровень материального достатка обитателей Милета, очевидно, был выше, чем жителей его апойкии — Пантикапея в первые времена ее существования. В Пантикапей в основном уходили из Милета не богатые купцы — *Ἀεὶναῖται*, а трудовая масса — *Χειρομάχοι*. Все это приводит к заключению, что поначалу в милетской апойкии — Пантикапее рабов было немного и преобладал свободный труд.

С набросанной картиной скромного материального достатка большей части боспорских переселенцев перекликается очень интересное свиде-

тельство ямбического поэта Гиппонакта¹⁴ Эфесского о Синдике¹⁵. Гиппонакт, как известно, был очень беден; в упомянутом свидетельстве, возможно, отразилась заинтересованность поэта в Боспоре, куда стремились из метрополии многие подобные ему бедняки.

Последние десятилетия V и IV вв. до н. э. были временем, когда имущественное положение боспорского населения претерпело сильное изменение; особенно отчетливо оно выступает со второй четверти IV в. до н. э. Исторические условия, которые в это время сложились на Боспоре и существовали в течение остальной части IV в. до н. э., отличались значительным своеобразием¹⁶.

В это время, когда греческие полисы Балканского полуострова испытывали большие затруднения, в более благоприятных условиях оказались государства, расположенные на окраинах эллинского мира. Это — Сицилия, Кария, Македония, Боспор, заключавшие эллинские полисы и местное земледельческое население. Находившиеся там греческие города с их развивавшимися ремеслами и торговлей легко вступали в интенсивное экономическое общение с обширными территориями, населенными местными неэллинскими земледельцами, и возможность широкого обмена способствовала расцвету окраинных государств.

Как известно, во время правления Левкона I произошло включение местных племен нижнего Прикубанья в пределы Боспорского государства, что сделало его более разнохарактерным по составу.

Благоприятные экономические условия, сложившиеся на Боспоре в IV в. до н. э., способствовали накоплению больших богатств в руках правителей и боспорской знати.

Некрополь Пантикапея времени с конца V до начала III в. до н. э. дает очень наглядную картину резкой имущественной дифференциации населения боспорской столицы. Ярким выражением ее являются два типа гробниц, господствовавших в это время¹⁷. Наиболее многочисленные простые грунтовые могилы¹⁸ рядовых пантикапейских граждан по характеру инвентаря принципиально не отличались от гробниц VI в. до н. э., но были богаче последних. Это обстоятельство, наряду с очень большим количеством надгробных памятников¹⁹ данного времени, позволяет заключить, что в IV в. до н. э. основная масса пантикапейского гражданства стала значительно более зажиточной.

Вместе с тем в рассматриваемый период появляется другой тип гробниц — монументальные каменные склепы, над которыми насыпались большие курганы и захоронения в которых сопровождалась разнообразным и дорогостоящим инвентарем. Таковы широко известные гробницы на хребте Юз-Оба и другие курганные погребения Пантикапея²⁰. Знатные покойники, которых хоронили в этих усыпальницах, представляли боспорскую аристократию, нужно думать состоявшую не столько из эллинов, сколько из сильно эллинизованных варваров²¹.

Благоприятные условия, способствовавшие подъему Боспора в IV в. до н. э., заметно изменились к худшему, когда в конце того же столетия в восточном Средиземноморье сложились сильные эллинистические монархии, начавшие вести очень активную внешнюю политику. Ранее выдвигавшиеся небольшие окраинные государства отходят теперь на второй план, отступая перед могущественными эллинистическими держава-

ми. Все эти предпосылки необходимо учитывать, обращаясь к изучению экономики Боспора в III—II вв. до н. э. Говоря о ней, необходимо с самого начала подчеркнуть малочисленность письменных источников²² и ограниченность археологических материалов, не дающих возможности утверждать что-либо категорически и позволяющих только выдвигать наиболее вероятные гипотезы.

Общее положение на Боспоре в рассматриваемое время во многом представляется неясным. Историческая обстановка в этот период была сложной. Внутреннее хозяйственное развитие Боспора в это время испытывало значительные воздействия извне, вызванные изменениями в общей экономической обстановке в восточном Средиземноморье, в частности усилившимся вывозом египетской пшеницы²³, что нанесло большой удар боспорскому хлебному экспорту. Немалую роль должны были также сыграть события в обширных причерноморских степях, где сарматы, перешедшие на правый берег Дона еще во второй половине IV в. до н. э., все более и более теснили скифов, нарушая ранее налаженные экономические связи северопонтийских городов со степью.

Доступные нам, как отмечалось, скудные источники позволяют предполагать, что в этот период экономическое положение в различных частях Боспорского государства не было одинаковым²⁴. В восточной части, т. е. в нижнем Прикубанье, оно, по всей видимости, было сравнительно устойчивым²⁵, а роль рабского труда в земледелии там, вероятно, была не особенно большой²⁶.

Иную картину мы наблюдаем в западной части Боспорского государства, т. е. на Керченском полуострове. Археологические работы, производившиеся в течение последних лет, выявили там значительное число сельскохозяйственных поселений IV—III вв. до н. э., прекративших свое существование на рубеже III и II вв. до н. э.²⁷ Это исчезновение земледельческого населения из центральных частей Керченского полуострова, произошедшее около начала II в. до н. э., несомненно было связано с коренными изменениями экономических условий в жизни европейского Боспора²⁸.

Раскопки Пантикапея и других боспорских центров уже давно позволили утверждать, что в первых веках нашей эры начался процесс рустификации²⁹ этих городов, связанный с перемещением туда многочисленных земледельцев.

Недавно законченное исследование В. И. Цалкиным остеологического материала из боспорских городов показало, что начало рустификации их восходит к периоду эллинизма. Уже тогда началось усиление роли крупного рогатого скота, который занял доминирующее положение в последующее время. Поэтому можно предполагать, что уже в последних веках до нашей эры земледельческое население, покидавшее свои поселки, стягивалось в боспорские города, продолжая заниматься хлебопашеством в округе последних (городской хоре). Кроме этого, некоторые владельцы земельных участков в ближайших окрестностях городов³⁰ уже в III в. до н. э. широко обратились к виноградарству и виноделию³¹, продукты которого, правда, находили спрос только на северопонтийском рынке. Все это в результате привело к сокращению хлебопашества на Боспоре, вызвавшему значительное уменьшение производства хлеба к

началу I в. до н. э. по сравнению с IV в. до н. э. В подтверждение данному положению можно привести ряд указаний древних авторов³².

Весьма показательно в этом отношении знаменитое свидетельство Полибия³³ о вывозе и ввозе с берегов Черного моря в Средиземноморье. Как известно, Полибий сообщает, что Средиземноморье и Припонтийские страны обмениваются хлебом в зависимости от урожая в тех или других местах, а постоянной статьей вывоза с Понта являлись рабы, скот и некоторые предметы роскоши. Вряд ли имеются основания утверждать, что в вывозе скота с Понта не принимали участия страны, расположенные по его северному побережью. Некоторым подтверждением активного участия Северного Причерноморья в вывозе скота является, правда, более позднее свидетельство Страбона³⁴ о торговле Та-наиса. В те времена, когда египетская пшеница заняла видное место на средиземноморском рынке, вывоз боспорского хлеба за море, вероятно, не прекращался, однако экспорт скота стал более рентабельным.

Все сказанное подводит нас к выводу, что скотоводство на некоторой части территории европейского Боспора, вероятно, вытеснило хлебопашество. Это изменение в хозяйстве Боспора, можно думать, было связано с укрупнением земельной собственности.

Около того же времени аналогичный процесс, видимо, имел место и в хоре Херсонеса: большая, сильно фрагментированная надпись³⁵ конца III — начала II в. до н. э. сообщает о продаже земельных участков³⁶.

Итак, мы пришли к заключению, что на Боспоре в III—II вв. до н. э. происходило укрупнение собственности на землю, а следовательно, увеличение состояний богатей³⁷. Некоторым подтверждением этого служат результаты раскопок Пантикапея³⁸ и Фанагории³⁹, которыми обнаружены развалины обширных, богато украшенных домов II в. до н. э.⁴⁰

Значительно сложнее обстоит дело с некрополем Пантикапея в III—II вв. до н. э., который до сего времени не подвергался достаточно детальному анализу как источник для социально-экономической истории Боспора. К тому же те или иные изменения могильных сооружений и погребального инвентаря обуславливаются не одними лишь экономическими факторами. Однако заметное увеличение⁴¹ количества богатых ювелирных изделий в могилах на протяжении времени от последних десятилетий IV в. до н. э. до II в. до н. э. по меньшей мере не противоречат предположениям об усилении имущественного неравенства в этот период.

Увеличение богатств должно было способствовать усилению политической роли наиболее состоятельных граждан Боспора. Возможно, это приводило к политическим брожениям, вызвавшим временное устранение династии Спартокидов и приход к власти архонта Гигизонта⁴², имевший место в последней четверти III в. до н. э. Крупная собственность, вероятно, продолжала играть большую роль на Боспоре и в I в. до н. э., и в первых веках нашей эры.

Подведем итоги нашему очерку. В течение первого полутысячелетия своего существования боспорское общество испытало значительные изменения. Греческие первопоселенцы на Боспоре в VI в. до н. э. по большей части были людьми малоимущими, в значительной мере не реальными, а лишь потенциальными рабовладельцами. Последующие столе-

тия были временем значительного развития рабовладения; вместе с тем усиливалось и имущественное неравенство. Весьма значительное в IV в. до н. э., оно, по всей видимости, продолжало возрастать и в последующих веках до нашей эры.

- ¹ Блататский В. Д. Арханчешкий Боспор. — МИА, 1945, № 33, с. 28—35.
- ² Сравним отправку из Аттики фетов и зевгитов (IG, I, 1², 45).
- ³ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 172; Цветаева Г. А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. — МИА, 1951, № 19, с. 68.
- ⁴ Блататский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. — МИА № 19, с. 212 и сл.; Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, 1956, № 57, с. 15, примеч. 1.
- ⁵ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, с. 164; Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 628, Pl. IX, N 11.
- ⁶ Сказанное вовсе не означает, что денежное обращение на Боспоре ограничивалось только мелкой серебряной монетой. Там несомненно ходили электроны и золотые кизикены, особенно при расчетах с иноземными купцами (Шелов Д. Б. Кизикские статыры на Боспоре. — ВДИ, 1949, № 2, с. 93 и сл.).
- ⁷ Боспорские мерные кувшины по типу формы и особенно незамысловатой росписи восходят к ионийским ойнохоям, украшенным поясами лака VI в. до н. э. Известные нам образцы клейменных боспорских кувшинов встречаются с начала V в. до н. э. и продолжают изготавливаться в IV в. до н. э.
- ⁸ Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии. — КСИИМК, 1948, XXII, с. 48 и сл., рис. 3; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, 1952, № 25, с. 74, рис. 85, с. 88 и сл.
- ⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорские города Тиритаки и Мирмекский на Керченском полуострове. — ВДИ, 1937, № 1, с. 221 и сл., рис. 4; Он же. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, 1952, № 25, с. 17 и сл., с. 19 и сл., рис. 5; Он же. Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 171 и сл., рис. 31 а и б.
- ¹⁰ Возможно, косвенным подтверждением этому положению является значительный процент погребений с оружием в пантикапейском некрополе VI—V вв. до н. э., очевидно принадлежавших полноправному гражданству (Цветаева Г. А. Грунтовой некрополь..., с. 68).
- ¹¹ Наличие некоторого количества обломков расписной керамики, привезенной из городов греческой метрополии, которые были найдены в развалинах пантикапейских домов, не может опровергнуть наше утверждение. Как показывают метки торговцев на греческих вазах, последние были довольно дешевым товаром (Hackl R. Markantile Inschriften aus attischen Vasen. — In: Münchener Archäologische Studien den Andenken A. Furtwängler gewidmet. München, 1909, S. 98).
- ¹² С описанными пантикапейскими домами интересно сопоставить обнаруженный в Киммерике жилищный блок VI в. до н. э. Он состоял из четырех секций; каждая из них, вероятно, служила жилищем отдельной семьи. Секцию составляли жилая комната с небольшим двором перед ней. Площадь двух из этих комнат была около 20 м², третьей около 10 м², а четвертой только 7 м². Таким образом, первопоселенцы в Киммерике жили в условиях вряд ли много лучших, чем в Пантикапее. О киммерикском доме см.: Кругликова И. Т. Раскопки древнего Киммерика. — В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 62 и сл., рис. 2; Блататский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. — МИА 1957, № 56, с. 19 и сл. Недостаточная сохранность лишает нас возможности говорить о том, как могли использоваться помещения в доме VI в. до н. э., раскопанном в Дин-Тиритаке. Размеры их в среднем немного больше, чем в киммерикском доме, а именно: 23 и 24 м², восстановление третьего помещения площадью 20 м² спорно (об этом доме см.: Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, 1952, № 25, с. 74 и сл.). Согласно вполне возможной реконструкции Е. И. Леви и А. Н. Карасева, дом состоял из трех комнат, причем каждая из них имела дверь, расположенную на одной из продольных сторон (Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья. — АГСП, М.; Л., 1955, с. 217, рис. 1). Такое восстановление приближает план этого дома к размещению жилых помещений в киммерикском доме.

- ¹³ Weickert C. Typen der Archaischen Architectur in Griechenland und Kleinasien. Augsburg, 1929, S. 168.
- ¹⁴ Poetae Lyrici Graeci, rec. Th. Bergk, Lipsiae, 1882, II, p. 484, *Hipponax*, 68 A (45).
- ¹⁵ Это свидетельство послужило темой моей статьи для юбилейного сборника в честь болгарского академика Д. Дечева (см. с. 55).
- ¹⁶ Это время мы склонны именовать периодом Протоэллинизма. Вопросу о периоде Протоэллинизма на Боспоре был посвящен мой доклад на VII Международном конгрессе классической археологии в Риме (см. с. 109).
- ¹⁷ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus, S. 174.
- ¹⁸ Ibid., S. 178.
- ¹⁹ IOSPE, II, № 68, 69, 94, 105, 116, 122, 130, 134, 140, 144, 146, 164, 179, 183, 185, 195, 202, 206, 207, 217, 221, 244, 247, 248, 255, 291, 296, 300, 302, 303, 191¹, 154¹, 238¹, 286¹, 66² (= IOSPE, IV, № 66); IV, № 199, 215, 227, 273, 275, 287, 294, 299, 325, 326, 328, 335, 343, 345, 353, 358, 361, 376, 385, 387, 388, 400, 401, 403, 128², 228¹; Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 г. — ИАК, 3, 1902, с. 45, № 12; Он же. Эпиграфические новости из южной России (находки (1901—1903 гг.)). — ИАК, 1904, 10, с. 58, с. 70 сл. № 75; с. 77 сл. № 87; с. 83 № 96; Он же. Эпиграфические новости из южной России (находки 1905 г.). ИАК, 18, 1906, с. 130 сл. № 47; Он же. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.) — ИАК, 28, 1907, с. 43, № 27; Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. — ИАК, 1908, 27, с. 45 сл. № 3; с. 49 сл. № 8; Он же. Боспорские надписи, найденные в 1909 г. — ИАК, 37, 1910, с. 4 сл. № 3; Он же. Боспорские надписи, найденные в 1914 г. — ИАК, 58, 1915, с. 20, № 4; с. 21 сл. № 6; Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. — ИГАИМК, вып. 104, 1934, с. 71 сл. № VIII.
- ²⁰ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus S. 174 ff.; Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея. — МИА, 1957, № 56, с. 233 сл.
- ²¹ Блаватский В. Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. — СА, 1955, XXIV, с. 46 и 52.
- ²² Причиной этого отчасти является государственное устройство Боспора в то время. Он представлял собой монархию, социальная и экономическая жизнь которой сравнительно мало отражалась в памятниках лапидарной эпиграфики. В припонтских полисах в это время, напротив, известен ряд очень ценных надписей: декретов в честь евергетов или актов, отражающих экономическую жизнь государства.
- ²³ Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. — Изв. АН СССР. Отд. общ. наук, 1934, № 9, с. 669 и сл.
- ²⁴ Прежде всего должно отметить, что уровень материального достатка земледельческого населения в азиатской части Боспора был значительно выше, чем в европейской. Об этом говорят находки большого количества привозной керамики в синдских поселках, между тем как в деревнях европейской части Боспора подобные предметы встречаются гораздо реже.
- ²⁵ Разведки и раскопки, производившиеся в Синдике в 1950—1954 гг., не дали материалов, позволяющих заключить о том, что в жизни земледельческих поселений азиатской части Боспорского государства произошли какие-либо резкие сдвиги в III—II вв. до н. э.
- ²⁶ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 181 и сл.
- ²⁷ Кругликова И. Т. Исследование сельской территории европейского Боспора. — СА, 1957, № 1, с. 229 и сл.
- ²⁸ Достойно внимания, что остатки этих поселений отличаются исключительно плохой сохранностью, а раскопки их, обычно, не доставляют сколько-нибудь ценных предметов. Как известно, чем беспокойнее были условия, в которых тот или иной населенный пункт прекращал свое существование, тем более богатую добычу он давал археологам. В данном же случае вряд ли мы имеем дело с каким-либо разгромом, учиненным неприятелем и, скорее всего, население покинуло свои дома в довольно спокойной обстановке. Такое предположение не исключает, однако, возможности того, что причиной оставления поселков была угроза вражеского нападения. Но даже если наши предположения не верны и в дальнейшем удастся доказать, что жизнь в рассматриваемых населенных пунктах была пресечена в результате военных событий, остается в силе другой, гораздо более существенный факт, а именно, что в дальнейшем они не были восстановлены.
- ²⁹ Наглядным доказательством рустификации городов в это время является обилие в

них зерновых ям и виноделен. В полном соответствии с этим наблюдением находится также и отмеченное в Пантикапее изменение состава стада: взамен ранее господствовавшего мелкого рогатого скота с первых веков нашей эры начал преобладать крупный рогатый скот, являвшийся основным тягловым и рабочим скотом в античном сельском хозяйстве. (Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1945 г. — КСИИМК, 1947, XVII, с. 113; Он же. Северо-пантийские города в конце II—I вв. до н. э. — Вестник МГУ, 1949, № 7, с. 60; Он же. Земледелие..., с. 193 и сл.; Зеест И. Б. Земляные зернохранилища Пантикапея. — КСИИМК, 1948, XXIII, с. 80 сл.; Она же. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. — КСИИМК, 1950, XXXIII, с. 101 и сл.; Кругликова И. Т. Раскопки Киммерика. — КСИИМК, 1953, 51, с. 134 сл.).

Ко второй половине IV в. н. э. рустификация северопантийских городов достигла таких размеров, что Аммиан Марцеллин говорил о Херсонесе (Таврическом полуострове) как об изобилующем греческими колониями, население которых занимается хлебопашеством и питается его продуктами (*Ammian Marc.*, XXII, 8, 22).

- ³⁰ Появление виноделен в некоторых боспорских городах уже в III—II вв. до н. э. было также одним из проявлений начала их рустификации.
- ³¹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 103 и сл.
- ³² Веским доказательством уменьшения производства хлеба на Боспоре к началу I в. до н. э. может служить сопоставление следующих данных. Согласно свидетельству Демосфена (*Demosth.*, adv. Lept., 32), относящемуся к 355/4 гг. до н. э., в то время вывоз хлеба с Боспора только в одни Афины составлял ежегодно 400 000 медимнов, следовательно в целом был значительно больше. Между тем, по словам Страбона (*Strab.*, VII, 4, 6), Митридат Евпатор получал ежегодно в качестве дани со своих северопантийских владений по 180 000 медимнов хлеба. Зная, по указанию Аппиана (*App. Mithr.*, 107) какими приемами пользовались подчиненные Митридата при взимании налогов, можно с достаточной долей вероятности заключить, что больше указанного количества вряд ли могли дать северочерноморские владения, а в них входил не один только Боспор.
- ³³ *Polyb.*, IV, 38, 4—5.
- ³⁴ *Strab.*, XI, 2, 3. Правда, Страбон прямо не называет скот, но он, кроме рабов, перечисляет кожи (или шкуры — *δέρματα*) и другие товары кочевников.
- ³⁵ IOSPE, I², № 403; IV, № 80; Блаватский В. Д. Земледелие..., с. 29 сл., с. 34, примеч. 1.
- ³⁶ Правда, должно отметить, что укрупнение земельной собственности в хоре Херсонеса, происходившее в иных ландшафтных условиях, видимо, не сопровождалось вытеснением господствовавших до того времени видов сельского хозяйства (виноградарства и садоводства).
- ³⁷ Аналогичное явление в Херсонесе мы уже отмечали. Достоин внимания, что в это время наблюдается большое увеличение состояний в Ольвии (*Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 109 и сл.). По подсчетам В. В. Латышева (указ. соч., с. 113) сумма, пожертвованная Протогеном в ольвийскую казну, достигала 50 талантов.
- ³⁸ *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, с. 114 сл., табл. XXXVII и сл.; Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея, с. 49 и сл., с. 57 и сл.
- ³⁹ *Кобылина М. М.* Фанагория, с. 32 и сл.; Блаватский В. Д. Фанагорийская стенная роспись. — МИА, 1956, № 57, с. 168 и сл.
- ⁴⁰ Значительный по размерам дом богатого винодела, относящийся к III—II вв. до н. э., может быть также отмечен и в Мирмикии (*Леви Е. И., Карасев А. Н.* Дома античных городов..., с. 241 и сл., рис. 34).
- ⁴¹ *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus, S. 188.
- ⁴² *Шкорпил В. В.* К вопросу о времени правления архонта Игиенонта. — ПРОЕΔΡΟΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, с. 43; *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 102; *Граков Б. Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. — ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 207; *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 183.

ИСКУССТВО ПАНТИКАПЕЯ И КРЫМА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ *

Значительная часть памятников античного искусства Северного Причерноморья находится в Крыму или происходит оттуда. В древности на берегах Крыма был целый ряд античных городов, вместе с тем на этом полуострове обитали многочисленные местные племена — первоначально киммерийцы, а затем скифы и тавры. Древнейшими из этих обитателей были киммерийцы, жившие в Крыму в начале I тысячелетия до н. э.

Художественная деятельность киммерийцев мало известна. О ней можно судить по примитивным каменным изваяниям, обнаруженным в одном из небольших боспорских городов (Дии-Тиритаке), заложенным в стену более позднего времени. Эти изваяния представляют грубоотесанные плиты, одной из них придан облик мужской, а другой — женской фигуры. Сооружением киммерийцев, возможно, является стена, обрамляющая Золотой курган под Керчью, представляющая монументальную циклопическую кладку.

В VII в. до н. э. в Северном Причерноморье киммерийцы были вытеснены скифами. Эти воинственные скотоводы-номады создали своеобразное искусство, тесно связанное с их кочевым бытом. Их художественные изделия служили для украшения одежды, парадного оружия и конской сбруи. Нужно думать, что это искусство было тесно связано с религиозными представлениями скифов и имело магическое значение. Сюжетом служили сильно стилизованные, полные динамики, экспрессивные изображения животных, нередко хищников или фантастических существ. Их изображали нападающими друг на друга, свернувшимися в клубок или в момент прыжка на бегу.

Примером скифского искусства может служить одна из находок в кургане V в. до н. э., раскопанном вблизи Симферополя («Золотой курган») — эта ажурная бронзовая бляха представляет свернувшегося кольцом хищного зверя.

Наибольшую роль в искусстве Крыма в античное время играли города, основанные греками, особенно Пантикапей, находившийся на месте нынешней Керчи. Пантикапей, возникший примерно во второй четверти VI в. до н. э., был крупнейшим центром Крыма до IV в. н. э. включительно. Первоначально это был обычный греческий полис, т. е. город-государство. С 480 г. до н. э. он стоял во главе объединения греческих городов, расположенных по берегам Боспора Киммерийского (Керченского пролива), а во второй четверти IV в. до н. э. в Боспорское государство вошли Феодосия и ряд местных племен. IV в. до н. э. был временем расцвета Боспорского государства и его искусства, вместе с тем с этого времени в культуре Пантикапея постепенно усиливалась роль местных элементов.

* *Blavatskij V. D. Crimea. — Enciclopedia dell'Arte antica classica e orientale. Roma, 1959, vol. II, p. 930—936.* Редакция энциклопедии, изменив название статьи, вставила в начале ее небольшой абзац, в котором дана краткая географическая характеристика Крыма, в частности Керченского полуострова и Керченского пролива (древнего Боспора Киммерийского).

Пантикапей был расположен на довольно высокой горе, ныне носящей наименование горы Митридата. В основу планировки города была положена система террас с подпорными стенами, опоясывавшими гору со всех сторон. Вершину горы занимал акрополь, не очень сильно возвышавшийся над жилыми кварталами города. Основанием стен и башен акрополя местами служили выходы материковой скалы, отвесно отесанные на высоту более 3 м, в силу чего эти укрепления были несокрушимы для стенобитных орудий античного времени.

Раскопками XIX и XX вв. обнаружено много фрагментов различных зданий, свидетельствующих о том, что в Пантикапее, как и в других античных городах, парадные постройки выполнялись в ордерах. Можно заключить, что на вершине горы еще в VI в. до н. э. был сооружен обширный храм ионийского ордера, вероятно посвященный богу Аполлону, покровителю полиса. В одном из общественных зданий II в. до н. э. обнаружены колонны коринфского ордера с раскрашенными капителями, весьма напоминающими по форме капители пилястр.

Особенностью храмового зодчества Пантикапея, видимо, было приращение сравнительно крутых двускатных крыш, что можно заключить по изображениям зданий на рельефах и монетах.

Весьма разнообразны погребальные сооружения Пантикапея. В IV в. до н. э. насыпались большие курганы, заключавшие монументальные каменные склепы. Особый ход — дромос — вел в квадратную или прямоугольную в плане погребальную камеру, перекрытую уступчатым сводом, сооружавшимся посредством напуска рядов каменных плит. Эти простые по формам сооружения отличаются монументальностью и величиной, подобающим усыпальнице героизированного умершего.

Наиболее значительным из таких сооружений является склеп Царского кургана под Керчью. Длинный дромос ведет к почти квадратной в плане камере, перекрытой уступчатым сводом. Этот свод сооружен посредством напуска камней сначала в углах камеры, выше этот напуск постепенно переходит в круглое в плане высокое конусовидное перекрытие.

Помимо уступчатых склепов, на Боспоре сооружались также склепы, перекрытые полуциркульным сводом, выложенным из клинчатых камней.

В первых веках н. э. получили большое распространение вырытые в глине или высеченные в скале погребальные комнаты с почти плоским потолком, имевшие по стенам лежанки для покойников.

Раскопки Пантикапея дали многочисленные образцы стенных росписей, а равно и относящихся к первым векам н. э. облицовочных плиток белого, пестрого и цветного мрамора.

Древнейший из известных нам расписных склепов Пантикапея относится примерно к концу IV в. до н. э. Роспись его была навеяна отделкой стен жилого дома. Нижний пояс стен был окрашен в белый цвет, отвечая каменному цоколю; верхние части, покрытые широкими полосами красного и желтого цвета, как бы отвечали штукатурной облицовке стен, построенных из сырцовых кирпичей. Стены увенчаны нешироким фризом, представляющим деревянную балку, на которой развешаны на гвоздях различные предметы спортивного обихода: сосуды для масла, которым натирались атлеты, стригиль, венки и повязки, которыми увенчивались

победители. В жилых домах сырцовые стены завершались подобными деревянными балками, служившими основанием для перекрытий.

Богаче и пышнее были росписи домов II в. до н. э., дошедшие до нас в многочисленных фрагментах. По характеру они близки росписям делосских домов того же времени. Стена изображалась как бы сложенной из рядов квадров желтого, красного и черноватого цвета, а также расписанных под пестрый мрамор, с пластически выделенными краями. Ряды квадров перемежались горизонтальными поясами орнаментов: киматия, ов, плетенки, растительных мотивов. Стену увенчивал меандровый фриз и карниз, исполненные пластически или только росписью.

Значительное число расписных склепов относится к последним векам до н. э. и первым векам н. э. Примерно рубежом I в. до н. э.— I в. н. э. датируется склеп Анфестерия, сына Гегесиппа. Роспись нижней части стен этого склепа представляет квадратную кладку; выше на одной из стен изображена сцена из жизни покойника, со своей семьей находящегося в степи; вооруженный, в сопровождении конных слуг он приближается к юрте, в которой живет его семья. Нужно думать, что эта сцена навеяна бытом пантикапейцев того времени, когда среди обитателей боспорской столицы появилось много выходцев из сарматских племен, что и наложило печать на быт и занятия пантикапейцев. Часть их стала заниматься выездным земледелием и выпасом скота в далеких степях Крымского полуострова.

К первой половине I в. н. э. относится небольшой пантикапейский склеп, перекрытый полуциркульным сводом. Верхняя часть стен его увенчана карнизом, исполненным росписью. Посредине плафона — круглый медальон с бюстом Деметры, богини земледелия и заупокойного культа. В люнете против входа изображено похищение Керы Плутоном, а по сторонам входа — Гермес, отводящий души умерших в преисподнюю, и Калипсо, покрывающая их покрывалом смерти. Таким образом, все мотивы росписи склепа связаны с античными представлениями о загробном мире.

Иной характер носит большая часть сцен, представленных в склепе первой половины II в. н. э., обнаруженном в 1872 г. Роспись нижних частей стен подражает богатой облицовке в виде инкрустации разноцветными породами камня. Между вертикальными пилястрами находятся разноцветные поля, разделенные на ромбы, круги и звездообразные фигуры. В верхней части стен изображены различные композиции, среди которых особенно интересны военные сцены. Покойник представлен сражающимся верхом на коне в тяжелом сарматском снаряжении.

В 1900 г. в Керчи был найден саркофаг конца I — начала II в. н. э., внутренние стороны стенок которого были украшены росписью, что придает ему сходство с расписанным склепом в миниатюре. Среди изображений на нем имеется сцена, представляющая живописца в мастерской. Он работает в технике энкаустики, т. е. росписи восковыми красками. Рядом с художником находятся ящичек с отделениями для красок, жаровня, на которой он нагревает свои инструменты, и мольберт на трех ножках. На стене висят исполненные живописцем картины, видимо портреты его современников; один из них в узкой квадратной рамке, два других вставлены в более пышные круглые рамы (ср. *imagines clipeatae*).

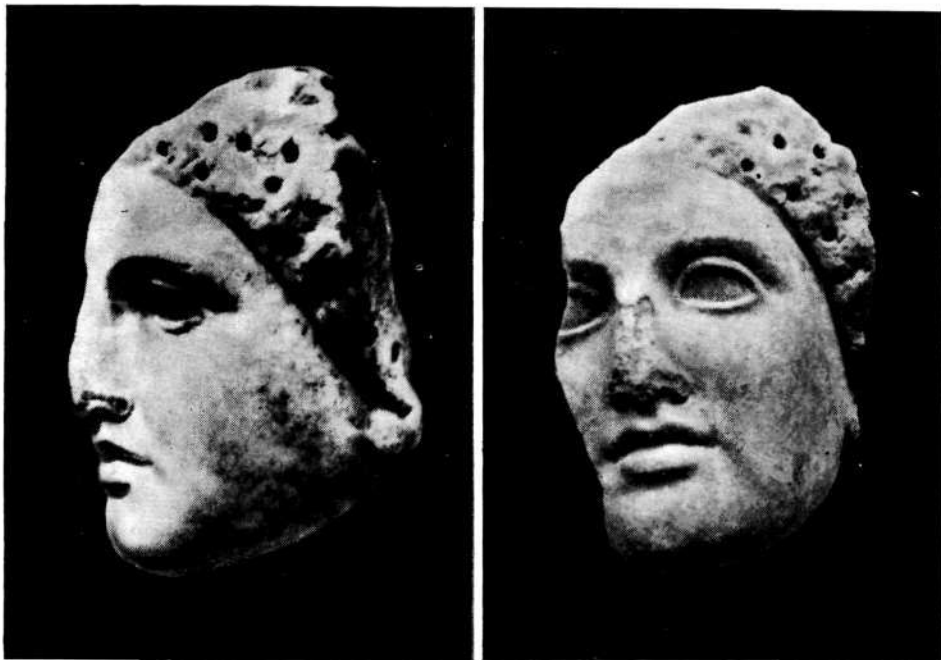

Рис. 1. Голова Афродиты, найденная в Пантикапее в 1949 г.

Скульптура Пантикапея первоначально была по преимуществу привозной. Так, аттической работой IV в. до н. э. являются статуя Диониса с пантерой, возможно стоявшая в храме этого божества, и могучий торс задрапированной мужской фигуры, вероятно портрет одного из представителей правившей на Боспоре династии. Среди рельефных скульптур заслуживает внимания изображение актера, одетого силеном, возможно связанное с театральными представлениями в Пантикапее.

При раскопках Пантикапея в 1949 г. была обнаружена мраморная голова богини, нужно думать Афродиты, исполненная в I в. н. э. по типу второй половины V в. до н. э. Многочисленные углубления в волосах, заполненные свинцовыми стержнями, показывают наличие металлического убора (рис. 1).

К первым же векам н. э. относится ряд портретных статуй и голов боспорских магистратов и правителей. Среди них — голова боспорского царя, вероятно принадлежавшая акролитной статуе, т. е. скульптуре, части которой были исполнены из мрамора, а одежда из позолоченного дерева.

Изображение на монетах статуй правителей верхом на лошади дополняет картину портретной скульптуры Боспора того времени. Известны также декоративные статуи этого времени; такова большая мраморная статуя льва, найденная в 1894 г.

Надгробные памятники, известные с V в. до н. э., первоначально пред-

ставляли плиты с надписями, нередко увенчанные акротериями; значительно позднее входят в употребление и получают большое распространение в I—II вв. н. э. надгробия с рельефными изваяниями. На этих рельефах умершие нередко представлены вооруженными, в одежде местных кочевников, верхом на лошади, в сопровождении конных вооруженных слуг, а иногда пешими в тяжелом вооружении. Иногда умерший был изображен в сцене загробной трапезы возлежащим на ложе, возле него восседающая в кресле жена и немногочисленные прислужники. Встречаются на надгробных рельефах изображения спокойно стоящих фигур.

Стиль более ранних надгробных рельефов близок изваяниям эллинистического времени. Позднее, ко II в. н. э., реальные формы сменяются схематизмом и стилизацией. Фигуры приобретают плоскостный характер, а трактовка деталей, например складок, становится сходной с резьбой.

Большое развитие на Боспоре получили различные виды художественного ремесла.

Торевтика была одним из крупнейших вкладов Пантикапея в художественное творчество древности. Изготавливавшиеся в Пантикапее различного рода ювелирные изделия и художественная утварь предназначались не столько для знати боспорских городов, сколько для вождей местных племен — сначала меотов и скифов, а позднее сарматов. Эти изделия отчасти аналогичны греческим образцам, как по содержанию, так и по форме, отчасти выполнены в духе античного искусства, но представляют сцены из скифской жизни; отчасти, наконец, всецело подражают скифским изделиям.

Первоклассные образцы пантикапейской торевтики были обнаружены в богатом скифском погребении, раскопанном в 1830 г. в Кульобском кургане под Керчью. Среди находок в этом кургане получили широкую известность золотые подвески с изображением головы Афины Парфенос Фидия, являющиеся одним из самых точных воспроизведений прославленной скульптуры.

Там же найден сосуд из электра (сплава золота и серебра) с рельефным изображением сцен из скифской жизни. Пантикапейский ювелир с исключительной точностью и тонкой наблюдательностью передал этнические особенности скифов: их лица, прически, одежду и оружие. Достойно внимания, что этот этнографический реализм имел место в художественном творчестве Пантикапея еще в первой половине IV в. до н. э., т. е. значительно ранее эллинистического времени, когда он стал характерной особенностью искусства Восточного Средиземноморья.

Из Кульобского кургана происходит также золотая рельефная фигура оленя, представленного в схеме прыжка; формы его сильно стилизованы в духе скифского искусства. На фигуре оленя, что нередко было свойственно скифскому искусству, помещены изображения зайца, льва и грифа. Однако стиль этих маленьких фигурок резко отличается от сильно стилизованных форм оленя, изобличая своим реализмом нескифскую работу; о том же свидетельствует и греческая надпись на фигуре оленя.

В Кульобском кургане было найдено еще большое число бляшек и прорезных фигурок, выполненных в античном духе, но передающих

сюжеты, связанные с скифской жизнью или скифскими представлениями. Таковы изображения богини с зеркалом, около которой стоит скиф, или прорезные фигурки грифов, сфинксов, скифских стрелков, а также Скиллы, которая, видимо, воспринималась скифами как их змееногая богиня.

С расцветом торевтики в IV в. до н. э. тесно связана монетная чеканка Пантикапея. Большим мастерством и выразительностью отличаются головы так называемого Пана на лицевых сторонах золотых монет Пантикапея.

В первых веках н. э. в торевтике Пантикапея наблюдаются другие мотивы, навеянные новыми историческими условиями. Таковы изображения конного бога и конного царя в сцене адорации на погребальных золотых венцах, бляшки с сарматскими тамгаобразными значками и, наконец, типичные для этого времени ювелирные изделия полихромного стиля — золотые и серебряные поделки, украшенные инкрустацией из разноцветных камней, эмали или стекла.

При раскопках в Пантикапее и его окрестностях найден целый ряд деревянных предметов. В хорошей сохранности дошел саркофаг типа сундука или лая, обнаруженный в кургане на Юз-Обе (под Керчью). Другой, близкий по типу саркофаг, найденный в Змеином кургане (в окрестностях Керчи), был украшен тонко вырезанными рельефными изображениями Геры и Аполлона.

К первым векам н. э. относятся саркофаги, подражающие архитектурным сооружениям в виде зданий с довольно крутыми двускатными кровлями, стоящих на высоких подиях, со стенками, украшенными приставными аркадами и пилястрами, т. е. мотивами сочетания декоративного ордера с арочной конструкцией, столь характерными для римской архитектуры. Саркофаги этого времени нередко украшались также терракотовыми или гипсовыми рельефами, представляющими фигуры Ниобидов, Эротов, трагические маски, протомы силенов и другие мотивы. По углам крышек таких саркофагов нередко ставились ажурные гипсовые акротерии.

Из дерева делались столики-трапезы, обломки которых иногда находят в склепах. Украшением одного из них служила деревянная голова пантеры с инкрустированными глазами, обнаруженная в склепе I в. н. э. при раскопках одного из курганов под Керчью в 1948 г.

Обломки костяных облицовок какого-то предмета мебели, вероятно клины, были обнаружены в Кульобском кургане. По стилю они напоминают тончайшие вазовые росписи V в. до н. э. Сюжеты этих изображений типичны для греческого искусства: спор богинь, колесницы и прочее.

Терракотовые статуэтки, привозные и местной работы, обнаружены в значительном числе в Пантикапее. Для VI—I вв. до н. э. характерно преобладание античных типов. В первых веках н. э. встречаются гротескные фигуры демонов плодородия с подвесными конечностями.

В очень большом числе дошли до нас расписные вазы и их фрагменты. Для архаического времени характерны вазы из Коринфа, Родоса и Ионии, аттические чернофигурные, а в дальнейшем краснофигурные. Ввоз ваз из Аттики особенно усиливается в IV в. до н. э. В это время

весьма популярны так называемые боспорские пелики с изображениями на лицевой стороне сцен из мифов, связанных с причерноморскими странами, а именно мифов о борьбе аримаспов с грифами, битвы эллинов с амазонками, изображениями Аполлона на грифе или голов амазонки, ее коня и грифа.

На наиболее богато украшенных вазах главные фигуры иногда исполнялись в виде рельефов. Такова гидрия с изображением спора Афины и Посейдона за владычество над Аттикой, воспроизводящим знаменитую сцену на западном фронте Парфенона. Вероятно, в Пантикапее работал переселившийся туда аттический мастер Ксенофант; он украсил рельефами и росписью два арибаллических лекифа, изобразив на них сцены охоты конных и пеших персов.

Краснофигурные пелики IV в. до н. э. вызвали в III—II вв. до н. э. местные подражания — вазы, украшенные так называемой акварельной росписью. В это время в Пантикапее, как и в других центрах, исполнялись рельефные чаши по типу так называемых мегарских или делосских чаш.

Наконец, следует отметить находки в Пантикапее целого ряда резных камней, относящихся к различным периодам, среди них выделяются работы знаменитого резчика Дексамена с острова Хиоса второй половины V в. до н. э.

Главнейшие памятники искусства Боспорского государства были сосредоточены в его столице — Пантикапее. Однако и в других боспорских городах встречались достойные внимания произведения искусства.

Одним из значительных городов Боспорского государства была Феодосия. Раскопки курганного некрополя Феодосии дали выдающиеся произведения ювелирного искусства; таковы золотые подвески, украшенные богатыми разнообразными орнаментами и изображениями крылатой богини победы Ники, воина и квадриги, которые так малы по размерам, что их трудно рассмотреть невооруженным глазом.

Из Мирмикия, небольшого города к северо-востоку от Пантикапея, происходит монументальный саркофаг с рельефами на боковых стенках и с изваяниями возлежащих покойных на крышке, аналогичный по типу римским саркофагам.

В Нимфее — городе к югу от Пантикапея — был обнаружен склеп примерно II в. н. э. с рельефными изображениями голов Пана, Силена, и Афины, которые отличаются грубоватой экспрессией, свидетельствующей о сильной переработке античных мифологических образов.

При недавно производившихся раскопках укрепленных поселений первых веков н. э. около деревень Ивановка и Тасуново (на Керченском полуострове) обнаружены терракотовые фигурки местной работы, отличающиеся схематизмом и примитивностью.

Таково весьма разнохарактерное искусство Пантикапея и других боспорских городов. Оно возникло на античной основе; в него вошли многочисленные произведения, отчасти привезенные из метрополии, отчасти являющиеся воспроизведением средиземноморских прототипов или творчеством в духе последних, а также художественные произведения, навеянные культурой местных племен или же сочетающие античные и мест-

ные элементы. С наибольшей яркостью это искусство проявилось в зодчестве и торевтике.

Другим крупным центром Крыма античного времени был Херсонес, основанный, вероятно, в 421 г. до н. э. Раскопки его познакомили с целым рядом построек эллинистического и римского времени: крепостными стенами с воротами и башнями, сложенными из хорошо отесанных каменных квадров, жилыми домами, имеющими характерную для греческих жилищ планировку с внутренним двором, вокруг которого располагаются комнаты. В одном из этих домов обнаружена ванная комната с мозаичным изображением двух обнаженных женщин, моющихся около лутерия.

В Херсонесе найдено значительное количество скульптур, главным образом надгробных памятников первых веков н. э. В этих скульптурных изваяниях, в отличие от Боспора, покойники представлены в классической одежде, что свидетельствует о более прочном сохранении античных обычаев по сравнению с Боспором, испытывавшим в это время заметное воздействие сарматов. В Херсонесе были мастерские, где изготовлялась художественная керамика, в том числе большие терракотовые статуэтки.

В окрестностях Херсонеса, на Гераклейском полуострове, известен ряд сельскохозяйственных усадеб с укрепленными домами.

На южном берегу Крыма находится небольшая крепость Харакс, первоначально сооруженная таврами, а впоследствии занятая римским гарнизоном, стоявшим там примерно с середины I в. н. э. до середины III в. н. э. Раскопками этой крепости обнаружены оборонительные сооружения, большой бассейн Нимфей и термы.

Около крепости находилось святилище фракийских богов, сооруженное бенефициариями; в нем обнаружены небольшие посвятельные рельефы с изображениями фракийского всадника, Мифры, Диониса, Гермеса, Гекаты и Артемиды. Эти рельефы по своему характеру напоминают аналогичные памятники из римских поселений на Дунае.

Наконец, следует упомянуть о художественном творчестве Неаполя (около Симферополя) — столицы крымских скифов, основанной во II в. до н. э. и существовавшей в первых веках н. э. Среди памятников искусства, связанных с этим городом, наиболее интересны вырубленные в скале склепы, стены которых украшены росписью. В одном из них роспись стен воспроизводит внутренний облик скифского погребального сооружения, а может быть — жилища. Слегка выступающие наподобие пилястр четыре подпирающие потолок подпоры украшены простыми геометрическими узорами. Вдоль верхних частей стенок тянутся изображения пологов или занавесов. На стене против входа изображены сцены охоты на кабана и висящий ковер. В этой росписи любопытным образом сочетались элементы художественного творчества скифов с некоторыми мотивами, навеянными искусством Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

ДБК. СПб., 1854, I—III.

Толстой И., Кондаков Н. Русские Древности в памятниках искусства. СПб., 1889—1890, I—III.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914.

Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

МАР. СПб., 1901, № 24; 1914, № 34; 1915, № 35.

Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, I.

Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire². Oxford, 1957.

Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941, I—III.

Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.

Всеобщая история архитектуры. М., 1948, Т. II, книга 2.

МИА, М., 1951, № 16, 19.

АГСП. М.; Л., 1955.

Michalowski K. Mirmeki. Warszawa, 1958, vol. I.

ОБ ИСКУССТВЕ БОСПОРА *

Первое проникновение обитателей Балканского полуострова на северные берега Черного моря относится еще к последним столетиям II тысячелетия до н. э. Это были морские походы купцов-пиратов, которые нашли отражение в греческой мифологии и которые надежно засвидетельствованы в географии Страбона. В конце II — в начале I тысячелетия в Северном Причерноморье обитали киммерийцы, известные по ряду античных и восточных источников. Однако проникновение греков в эти ранние периоды не оставило сколько-нибудь существенных следов. Более регулярными связи Эгейского бассейна с Северным Причерноморьем становятся лишь с VII в. до н. э., с начала периода интенсивной деятельности греческих купцов и колонистов. К этому времени племенной мир Северного Причерноморья испытал значительные изменения. Первенствующее положение в степях между Доном и Дунаем, а равно и в Крыму на смену киммерийцам заняли скифы. В южных частях Крыма обитали тавры, а в бассейне Кубани в это время мы встречаемся с могучими и развитыми меотскими племенами.

В VII в. до н. э. проникновение греков в Северное Причерноморье ограничивалось сначала спорадическими, а потом регулярными торговыми связями, основанием торговых факторий — эмпориев. Такие эмпории возникли и на берегах Керченского пролива, именовавшегося в древности Боспором Киммерийским.

В VI в. до н. э. на месте некоторых эмпориев возникают эллинические города-государства, полисы, основанные выходцами из малоазийских городов. Наиболее значительную роль в греческой колонизации Северного Причерноморья в целом и Боспора в частности играл могучий Ми-

* Статья «Об искусстве Боспора» представляет собою неизданный первоначальный текст статьи для «Enciclopedia dell'Arte antica classica e orientale», которая по просьбе Редакции этой энциклопедии автором была сокращена и с дополнениями превращена в статью «Искусство Пантикалея и Крыма античного времени». Коренное различие обоих текстов делает целесообразным их совместное опубликование.

лет. Так, в первой половине VI в. возникли на Керченском полуострове Пантикапей и Нимфей. На Таманском полуострове митиленцы основали Гермонассу и около 540 г. теосцами там же была основана Фанагория.

Основанные греками города первоначально представляли собой самостоятельные полисы, пока в 480 г. они не объединились под властью знатного рода Археанактидов. Владычество Археанактидов продолжалось до 438 г., когда в результате государственного переворота у власти оказался некий Спарток, основавший династию, правившую в течение более чем трех столетий.

Преемники Спартока пытались расширить границы государства. При Левконе I, примерно в 70-х годах IV в. до н. э., были покорены сначала Феодосия, греческий город на месте современной Феодосии, а затем целый ряд местных племен, обитавших на Таманском полуострове и нижнем течении Кубани — синды, тореты, дандарии и псессы.

В это время создались особо благоприятные общие исторические условия для расцвета ряда окраинных античных государств и одним из них оказалось Боспорское государство Спартокидов. Вновь приобретенные обширные территории обеспечили боспорских правителей большим количеством хлеба. Хлеб также приобретался боспорцами покупкой зерна у ряда местных племен. Экспорт этого хлеба в Аттику и другие греческие города в Эгейском бассейне способствовал материальному расцвету Боспора. Получили значительное развитие боспорские ремесла, сильно разрослись боспорские города. Свидетельствами этого расцвета можно назвать появление боспорского золотого чекана около 370 г., богатые сооружения в Пантикапее и курганные некрополи вокруг этого города.

Расцвет Боспора был блестящим, но непродолжительным. Уже в первых десятилетиях III в. основа благосостояния Боспора — вывоз хлеба в греческие города метрополии — была подорвана конкуренцией египетской пшеницы, в огромном количестве вывозившейся Птоломеями. Это вызвало денежный кризис и ряд экономических потрясений на Боспоре. Письменные источники, которые сравнительно подробно освещают более ранние периоды, для III—II вв. становятся скудными. Это также свидетельствует о том, что интерес Средиземноморья к Боспору в это время заметно ослабел.

В конце II в. на Боспоре произошло бурное событие: в Пантикапее и Феодосии произошло восстание рабов под предводительством Савмака. Оно было подавлено войсками понтийского царя Митридата VI Евпатора, и Боспор был присоединен наряду с другими причерноморскими городами к его царству. Последующая история Боспора также не была спокойна. Боспорцы восставали против Митридата и были снова им покорены. Затем в 63 г. до н. э. произошло грандиозное землетрясение, разрушившее ряд городов и поселений Боспора. Наконец, серия войн захватила и последующее время до середины I в. до н. э. В результате этих бурных событий большая часть боспорских городов оказалась разрушенной, и по восстановлении они заселялись не только греками, но и пришельцами из эллинизованного местного населения.

После смерти Митридата VI у власти сначала оказался его сын Фарнак, затем он был свергнут представителем местной знати Асандром,

который, нужно думать, основал новую боспорскую династию, господствовавшую до середины III в. н. э.

Этот период характеризуется значительным изменением исторических условий на Боспоре. В местное население проникают все более и более варварские, главным образом сарматские, элементы. Эллинский уклад жизни, одежда, вооружение, воззрения постепенно претерпевают изменения, все более и более сарматизируются. Однако господствующим языком неизменно остается греческий. Изменяется и характер строя, усиливается роль царской власти, роль царя-военачальника. Вместе с тем следует отметить наличие известной зависимости Боспора от римлян, о чем свидетельствует как появление портретов римских императоров на боспорских монетах, так и титулатура боспорских правителей. Изменяется облик боспорских городов. В них наряду с ремеслами все большую и большую роль начинают играть промыслы, в частности рыбный, и из сельского хозяйства сначала виноделие, а затем и зерновое хозяйство.

Около середины III в. н. э. Боспор подвергся нашествию готов и других племен, принесших значительное разрушение как сельским местностям, так и малым и большим городам. После этих разрушений даже самый крупный боспорский город — Пантикапей не мог полностью оправиться. Сооружения второй половины III—IV в. н. э. отличались значительно более скромным и небрежным характером, чем им предшествовавшие.

На рубеже третьей и четвертой четверти IV в. Боспор постигла еще большая катастрофа: нашествие гуннов, которое смело с лица земли большую часть боспорских городов, а там, где жизнь продолжалась после этого, она носила еще более скромный характер.

Условия, в которых развивалась художественная культура Боспора, значительно отличались от условий других крупных центров метрополии. Здесь, прежде всего, нужно отметить, что во все периоды существования боспорского общества оно находилось в окружении и ближайшем контакте с целым рядом местных племен — меотов, тавров и скифов, а в более позднее время — сарматов. Это постоянное общение с местным населением, несомненное смешение еще в ранний период истории Боспора греческой знати с аристократией местных племен не могли не приводить к значительному взаимодействию, а следовательно, и к проникновению некоторых вкусов местной знати в боспорскую среду.

Второй особенностью, которую следует иметь в виду, является следующее: значительное количество произведений искусства и художественных ремесел античного типа не производились на Боспоре, а ввозились туда из метрополии. Особенно это характерно для первого большого исторического периода с VI до II в. до н. э.

Что касается произведений искусства, которые создавались на Боспоре, то здесь следует подчеркнуть наибольшую художественную активность в создании архитектуры, архитектурного декора и торевтики при сравнительно малом развитии статуарной скульптуры.

Для всей художественной культуры Боспора, особенно позднего времени, весьма типична очень большая роль искусства, связанного с погребальным культом. Это проявляется и в создании оригинальных архитек-

турных форм погребальных сооружений, в богатстве и разнообразии росписей этих сооружений и, наконец, в многочисленных надгробных рельефных скульптурах.

Первый период истории художественной культуры Боспора — это время возникновения и бытования эмпориев, т. е. VII в. до н. э. Здесь, строго говоря, нельзя говорить о каком бы то ни было творчестве: ведь мы имеем дело только с результатами деятельности греческих купцов, которые ввозили в Северное Причерноморье отдельные произведения художественного ремесла. Свидетельствами этой деятельности являются расписные вазы, найденные в могилах местной знати. Таков прекрасный родосский кувшин второй половины VII в. до н. э., найденный в погребении на Темир-горе, или также родосская ойнохоя конца VII — начала VI в. до н. э., обнаруженная в кургане около Цукурского лимана на Таманском полуострове.

Настоящая художественная деятельность боспорцев начинается с основания полисов. В течение VI и большей части V в. мы можем отметить очень большую роль в искусстве привозных изделий, причем характерно преобладание привоза не монументальных произведений искусства, а предметов художественного ремесла. Вместе с тем те художественные произведения, которые создаются в это время на Боспоре, в значительной мере, за немногими исключениями, создаются по образцу произведений метрополии.

Архитектура этого времени нам известна сравнительно мало. В сущности мы знаем только, что в VI в. в Пантикапее был сооружен большой храм ионийского ордера. От здания дошли лишь обломки колонны и архитрава; оно, возможно, было около 50 м в длину. Кроме того, известны обломки алтаря, украшенного волютами. Как тот, так и другой памятник находят аналогии в ионийском зодчестве Малой Азии.

В значительно большем числе известны жилые дома этого времени. Это очень скромные постройки, состоящие из одной или же нескольких комнат небольших размеров. Материалом для этих домов служили либо грубо наломанные каменные плитки, либо иногда каменным был только пол, а стены возводились из сырцового кирпича. Кровли сооружались из обожженных черепиц. Подобные жилые дома открыты в Пантикапее, Дии-Тиритаке, Киммерике.

Городские планировки рассматриваемого времени известны недостаточно. Мы можем только с довольно большой степенью вероятности высказать предположение, что Фанагория уже в это время имела репутарный план типа так называемого плана Гипподама Милетского.

Произведения монументальной скульптуры рассматриваемого периода дошли в очень небольшом числе. Можно отметить только фрагмент хорошего мраморного рельефного надгробия юноши-атлета, найденный в Керчи. Это ионийская работа первой половины V в. Другой памятник скульптуры представляет собой круглую базу или алтарь, украшенный скульптурами, представляющими процессию следующих одна за другой задрапированных фигур. Эта скульптура относится ко второй половине V в. до н. э.

Также привозными являются многочисленные изделия художественного ремесла, особенно керамики. В течение VI в. в большом количестве

привозились вазы родосские, самосские расписные сосуды, отчасти исполненные по клазоменским образцам, особенно же ионийские вазы с незамысловатой росписью в виде концентрических колец, поясков или полос. Доставлялись также вазы коринфские (небольшие арибаллы и скифосы), клазоменские и, наконец, аттические чернофигурные сосуды.

В VI в. до н. э. возникло также и местное производство керамики на Боспоре. Оно хорошо засвидетельствовано в Пантикапее и Нимфее. Вероятно, такие же вазы производились и в городах азиатской части Боспора. Характерной особенностью вкусов боспорцев в этом отношении является значительная устойчивость. Вазы с орнаментом в виде простых полос, по-видимому, изготовлялись не только в VI в., но и значительно позднее.

Примечательно также и следующее обстоятельство. Чернофигурные вазы привозились на Боспор не только в VI в., но ввоз их устойчиво держался во всяком случае до середины V в. до н. э. Ввоз краснофигурной керамики в конце VI в. и в первой половине V в. также засвидетельствован, однако вазы строгого и особенно свободного стиля были весьма немногочисленны. Вместе с тем примечательно обилие ионийской посуды с орнаментом в виде полос.

Привозились также и терракотовые статуэтки, среди которых очень видное место занимало изображение сидящей богини или протомы богинь Деметры или Керы, что связано с большой популярностью культа земледельческих божеств на Боспоре.

Следует отметить, что во второй половине VI в. до н. э. засвидетельствован чекан пантикапейской монеты и вместе с тем уже в это время на Боспоре появляется местное ювелирное производство — торевтика. Об этом свидетельствуют находки форм для изготовления художественных изделий из металла в Пантикапее. Вероятно, пантикапейские мастера уже в VI в. обслуживали не только потребности боспорского населения, изготавливая дешевые ювелирные изделия, но также работали и для продажи дорогих украшений и вещей представителям племенной знати скифов, а равно и других племен. Вполне возможно, что найденное в Келермесском кургане зеркало с многочисленными изображениями в античном и в местном, зверином стиле было изготовлено одним из греческих мастеров, переселившихся на Боспор.

В период ранних Спартокидов, т. е. в промежуток времени между концом V и первыми десятилетиями III в., искусство Боспора получило значительное развитие. Это период, когда общий характер художественной культуры Боспора был греческим. Однако могут быть отмечены его некоторые своеобразные особенности, которые сказались отчасти в зодчестве, а отчасти в большой роли и в большом развитии торевтики. Вместе с тем нельзя не отметить значительно меньшую роль монументальной скульптуры на Боспоре по сравнению с ролью последней в классической Греции.

Если в предшествующий период значение Пантикапея было еще не столь доминирующим над другими боспорскими городами, то в это время столица Боспора в значительной мере заслоняет остальные боспорские центры. Сильно разросшийся и разбогатевший город богато украшается, а вокруг него появляются грандиозные могилы, курганы.

К IV в. относится примечательная террасная планировка Пантикапея. Город, расположенный на вершине и по склонам сильно вытянутого холма, получил своеобразную планировку. Все склоны были обработаны в виде террас, частично вырытых в земле, частично подсыпанных и поддержанных подпорными стенами. Над этими террасами возвышался акрополь. При сооружении оборонительных стен и башен акрополя местами применялась подтепка скалы. Она образовывала нижнюю часть твердынь акрополя, делая их недоступными для стенобитных машин того времени. Другие боспорские города также получили оборонительные сооружения в рассматриваемое время, например Мирмикий.

О жилых кварталах того времени можно сказать, что дома стали большими и комфортабельными. Судя по сопоставлению данных жилищного строительства с расписными склепами, можно думать, что жилые дома в это время облицовывались штукатуркой и украшались росписью.

IV в. до н. э. был временем значительного развития боспорской погребальной архитектуры. В это время знатных покойников хоронят под курганами, в больших монументальных усыпальницах. Подобные погребальные сооружения известны не только в ближайших окрестностях Пантикапея, но и в других частях Боспорского государства, как в европейской его части, так и в азиатской. Особенно характерным типом погребального сооружения является почти квадратный или прямоугольный в плане склеп, перекрытый уступчатым сводом, образованным напуском плит с четырех, трех или двух сторон. Так, в окрестностях Горгиппии (нынешняя Анапа) были открыты три так называемых Тарасовских склепа, самым интересным из которых был первый. Главная комната этого склепа имела в плане форму узкого прямоугольника, вытянутого перпендикулярно входному корридору-дромосу. С каждой из четырех сторон — ряды плит, образующие уступчатое перекрытие. Эта чисто местная архитектурная форма сочеталась с античным фасадом, имеющим по сторонам входа анты и перекрытым треугольным фронтоном.

Иной характер имели некоторые из склепов курганной цепи Юз-Обы, расположенной к югу от Пантикапея. Это сильно вытянутые прямоугольные погребальные камеры, перекрытые уступчатым сводом, опиравшимся на продольную сторону. Наконец, следует назвать Мелек-Чесменский курган в Керчи, также перекрытый сводом, опиравшимся на две продольные стороны. Перед погребальной камерой его находился очень длинный дромос. Реже встречались склепы другого типа устройства. Так, в Золотом кургане, находящемся к западу от Пантикапея, один из склепов был круглый в плане. В нем невысокие стены были увенчаны высоким, почти конусовидным сводом, образованным напуском камней, края которых не были стесаны, и ряды этих камней образовывали уступы.

Наконец, следует упомянуть грандиозный Царский курган к северо-востоку от Керчи. Длинный прямой дромос сначала идет открытым, а потом он перекрыт уступчатым сводом. Погребальная камера, почти квадратная в плане, в нижней части была обрамлена стеной. Выше, с углов, начиналось перекрытие свода. Срезанные углы постепенно переходили в округлые напуски, которые завершались кольцевидным перекрытием, образующим уступы, похожие на уступы Золотого кургана.

Обычно склепы с уступчатыми перекрытиями не имели внутри какой-либо отделки или росписи. Зодчие, делавшие их, преследовали только одну задачу: говорить языком чисто архитектурных форм, очень простых и вместе с тем величественных. Лишь немногие из этих сооружений, по преимуществу на азиатском Боспоре, имели следы переделки либо особой отделки. Так, в кургане Большая Близница, имеющем погребальное сооружение, плиты, замыкающие уступчатый купол, были украшены росписью, представляющей поплечное изображение богини Керы на голубом фоне.

Помимо описанных склепов, до нас дошли погребальные сооружения иного типа. В Керчи в 1908 г. был раскопан склеп, сооруженный из каменных блоков и перекрытый горизонтальными плитами. Роспись погребальной камеры этого склепа представляла собой отражение росписи жилых домов, сооруженных из камня, дерева и сырцового кирпича. Нижняя треть стены, окрашенная в беловато-сероватый цвет, как бы воспроизводила каменные орфостаты, прямые плиты, образующие цокольную часть сцены. Выше тянулись широкие полосы красной и желтой краски, означающие сырцовую часть стены, покрытую штукатуркой. Наконец, стену увенчивало воспроизведение неширокой деревянной балки, назначение которой в обычных зданиях было служить опорой настилу потолка. Весьма примечательно, что в росписи этого склепа было подчеркнуто одно обстоятельство: были изображены как бы вбитые в эту деревянную балку гвозди, а на гвоздях представлены развешанные венки, сосуды и другие предметы обихода атлета.

Помимо склепов с уступчатыми и прямыми перекрытиями, известны также склепы с полуциркульными перекрытиями, сложенными из клинчатых камней. В такой технике исполнен склеп Васюринского кургана на Таманском полуострове. Неширокая лестница, обрамленная двумя большими каменными ящиками для конских погребений, вела вниз, в небольшое переднее помещение, перекрытое полуциркульным сводом. За этим помещением находилась погребальная камера. Стены погребальной камеры были расписаны следующим образом. Нижнюю часть занимали белые орфостаты, над которыми проходили узкие разноцветные плиты. Вся гладь стены была окрашена в ярко-красный цвет. Стену увенчивал ионийский сухарный карниз, над которым были расположены небольшие антефиксы. На этих антефиксах были представлены сидящие стрижи и ласточки — те птицы, которые и сейчас в большом числе летают над курганами боспорских городов. На своде склепа был изображен как бы растянутый над саркофагом большой ковер темно-голубого цвета с широкой пурпуровой каймой.

Описанная роспись Васюринского склепа, можно думать, была навеяна в известной мере росписью богатых домов. Однако должно отметить, что самые мотивы росписи, как бы воспроизводящие монументальные стены, обрамляющие место, где покоится саркофаг с останками знатного покойника, возможно, навеяны мотивами героона, т. е. погребального сооружения, внутри которого покоится прах героизированного умершего. Такие сооружения известны по ряду памятников из полисов Малой Азии.

Завершая очерк архитектуры раннего спартокидского времени, отметим находки ряда архитектурных деталей: обломков ствола колонны, капителей, антаблементов, а также архитектурного декора — глиняных антефиксов, как синопских различных мотивов, так и местных боспорских с головой Коры или с маской Горгоны.

Так же как и в предшествующий период, в IV и начале III в. до н. э. на Боспоре было сравнительно мало произведений монументальной скульптуры. Ныне известна большая статуя юного Диониса с пантерой аттической работы начала IV в. до н. э., найденная в Пантикапее. Эта статуя, вероятно, была исполнена по специальному заказу для храма Диониса. К середине IV в. до н. э. относится колоссальный торс мужской затрапированной фигуры, также аттической работы, исполненный из пентеликского мрамора. Возможно, что эта статуя портретная и изображает младшего сына правителя Левкона — Аполлония.

К первой половине III в. относится небольшой мраморный торс Диониса, найденный при раскопках в Дии-Тиритаке.

Среди боспорских рельефов заслуживает внимания изваяние актера, одетого Силеном в плотно прилегающую к телу одежду, сшитую из козьей шерсти мехом наружу. Этот рельеф, явно связанный с популярностью театральных представлений, позволяет думать о наличии театра в Пантикапее в IV в. до н. э. Равным образом подтверждает это предположение и находка в Пантикапее мраморного кресла, относящегося примерно к тому же времени.

Надгробные памятники рассматриваемого периода по большей части представляют собой мраморные или каменные плиты с надписями, обозначающими имена покойных. Надгробия, украшенные рельефной скульптурой, встречаются в небольшом числе, и притом лишь в конце данного периода. Должно отметить находки расписанных надгробий IV в. до н. э. Таково надгробие Апфы, жены Афиней. Это большое и узкое надгробие, украшенное росписью, представляющей умершую с младенцем на руках, стоящую около герма. Рисунок по технике напоминает роспись широко известных аттических погребальных лекифов с белой облицовкой. В их росписях преимущественно применялись коричневатые, красноватые и белая с розоватым оттенком краски. В 1951 г. в Керчи было найдено расписное надгробие воина. Эта роспись была исполнена красной, желтоватой и беловато-сероватой красками. Таким образом, росписи обоих надгробий выполнены в традициях палитры Полигнота с преобладанием теплых и при отсутствии холодных тонов.

Должно отметить также близость этих росписей надгробных памятников известным нам росписям на деревянных саркофагах, а равно и на тканях, обнаруженных в погребениях рассматриваемого времени. Особо следует отметить ткани Павловского кургана IV в. до н. э., украшенные вышивкой с различным орнаментом и фигурными композициями.

Среди боспорских надгробных памятников выдающееся место принадлежит большому двухстороннему мраморному акротерию, найденному в окрестностях Фанагории. Этот акротерий представляет пышный ажурный, подобный кружеву, орнамент, состоящий из мотивов аканфа, перевитого жгута и двойной пальметты с тонкими лепестками.

В ряду памятников художественного ремесла особо следует отметить деревянные саркофаги. В Змеинном кургане под Керчью был обнаружен большой деревянный саркофаг в виде ларя с массивными ножками и плоской крышей. Поверхность этого саркофага была украшена богатой инкрустацией, представляющей различные геометрические узоры, и прямоугольными дощечками с рельефным орнаментом и скульптурными фигурами Геры и Аполлона. Эти скульптуры исполнены в духе классического рельефа IV в. до н. э.

К III в. до н. э. относится саркофаг, обнаруженный в окрестностях Анапы. По типу он близок к саркофагу Змеинного кургана, с тем, однако, отличием, что главным украшением его являлся длинный, довольно узкий фриз, покрытый скульптурными изваяниями Нерейд, несущих доспехи Ахиллу. Этот фриз был выполнен в высоком рельефе, и самые фигуры были покрыты позолотой.

Несколько особняком стоит большой мраморный саркофаг, найденный в кургане недалеко от Гермонассы (нынешней станицы Таманской). Этот саркофаг состоит из монументального ящика, гладкие стены которого украшены нешироким фризом, покрытым розетками. Крышка саркофага — двухскатная. По узким сторонам ее — невысокие фронтоны, увенчанные акротерием, вдоль длинных сторон тянутся антефиксы. Таким образом, саркофагу придано некоторое сходство с архитектурой античных храмов, что, вероятно, связано с представлениями о героизации умерших.

Конец V—IV в. до н. э. были временем интенсивного ввоза аттической художественной керамики на Боспор. При этом ввозилась краснофигурная керамика роскошного и особенно беглого стиля. К началу рассматриваемого периода относится группа фигурных ваз, обнаруженная в одном из фанагорийских курганов. Они представляют Сфинкса, Афродиту, выходящую из раковины, и сирену. Эти выдающиеся произведения греческой коропластики были богато украшены очень тонко исполненной росписью и позолотой, дошедшей до нас в изумительной сохранности. В отличие от обычных полихромные терракотовые краски обладают не только большой прочностью, но и блеском, несколько напоминающим эмаль. Расцветка фанагорийских фигурных ваз интересна еще и в том отношении, что она, по-видимому, воспроизводит полихромные хрисозлефантинные скульптуры; волосы и украшения покрыты позолотой, а те части, которые должны были быть исполнены из слоновой кости, оживлены росписью. Таким образом, фанагорийские фигурные сосуды могут дать хотя бы отдаленное представление об утраченных оригиналах Фидия, Поликлета и других больших мастеров этого века.

Затем следует упомянуть о сосудах, украшенных частично рельефами и частично росписью. Центральная часть композиции исполняется в рельефе, украшенном полихромной росписью, боковые части — в обычной краснофигурной технике. Такова гидрия с изображением спора Афины с Посейдоном за владычество над Аттикой, пополнившая наши представления о центральной группе западного фронтона Парфенона.

Среди находок в Пантикапее особо следует назвать арибаллические лекифы Ксенофанта, украшенные расписными рельефами, изображающими фантастические сцены охоты персов на животных, а также ска-

зочных чудовищ — грифов. Исполнивший эти сосуды мастер называл себя Ксенофантом Афинянином. Такая подпись наводит на мысль, что Ксенофант работал не у себя на родине, а в каком-то другом городе, возможно в Пантикапее.

В IV в., можно думать, на Боспоре возник особый спрос на красно-фигурные аттические пелики. Стиль этих росписей — беглый — ничем не отличается от иных аттических ваз, но сюжеты, встречающиеся на Боспоре, весьма своеобразны, и они перекликаются с мифами, приуроченными к Северному Причерноморью. Это изображения конных воителей — амазонок, аримаспов, сражающихся с грифами, охраняющими золото, изображение амазонки на коне, борющейся с грифом. Последний как бы символизирует основное сказание, связанное с Северным Причерноморьем.

Местное производство в его своеобразной специфике нашло самое яркое выражение в монетном чекане и других изделиях из драгоценных металлов. В IV в. до н. э. Пантикапей выпускает высокохудожественную монету, особенно замечателен чекан золотых статов. На их лицевой стороне изображались местные божества, близкие по облику Пану и сатиру, но не идентичные им. На обратной стороне статов изображался гриф, под которым помещался хлебный колос или осе́тр.

Исключительное развитие получила торевтика — изготовление различного рода металлических уборов и украшений парадного оружия, а также предметов утвари. Эти художественные изделия отчасти предназначались для боспорской знати. Тогда их выполняли в чисто эллинском духе, следуя классическим образцам. Сюжеты этих украшений были различные — узоры или же сцены из античной мифологии. Таковы, например, знаменитые подвески, найденные в Кульобском кургане. Эти подвески изображают голову Афины Парфенос Фидия, являясь очень точным изображением прославленной статуи, столь подробно описанной Павсанием. Также можно назвать подвески из Семибратнего кургана с изображением Нерейд, несущих доспехи Ахиллу. Подобные сцены из эллинских мифов встречаются также и на отдельных вещах, обнаруженных в царских скифских курганах. Ярким образцом их может служить знаменитое Чертомлыцкое налучие, имеющее реплику в недавно раскопанном Мелитопольском кургане, где изображен миф об Ахилле — герое, весьма популярном в Северном Причерноморье в связи с мифом об Ахилле Понтархе, владыке Понта, культ которого был распространен особенно в северо-западной части Черного моря.

Помимо подобных произведений, всецело следующих стилю классического искусства, боспорские торевты исполняли произведения несколько иного характера. Таковыми являются сосуды или иные предметы обихода, специально выполненные по заказу скифской или другой племенной знати и подражающие по форме местным изделиям с изображениями из жизни аборигенов Северного Причерноморья. Ярким образцом их может служить электровая ваза, обнаруженная в Куль-Обском кургане. Это сосуд шаровидной формы с сравнительно высоким широким устьем. Стенки сосуда украшены изображениями из жизни скифов. Мастер представил скифов, ссорящихся друг с другом, один из скифов натягивает лук. Там же изображена сцена вырывания зуба. Мастер с боль-

шой наблюдательностью передал характерные особенности этнического типа, одежды и оружия скифов. Этот своеобразный этнографический реализм, возникший на Боспоре еще в первой половине IV в. до н. э., как бы перекликался с аналогичными явлениями в эллинистическом искусстве Средиземноморья, которое так любовно и тщательно передавало различные особенности одежды, причесок и лиц иноземцев.

На массивном золотом гребне, найденном в кургане «Солоха», изображена сцена боя между представителями местных племен Северного Причерноморья. Вооруженный в греческие оборонительные доспехи, но одетый в местную одежду, конный варвар нападает на спешенного противника, рядом с которым лежит убитая лошадь. За конником следует другой пеший боец. Так же как на кульобской вазе, здесь тщательно переданы особенности одежды и оружия бойцов.

Еще ярче местный колорит выступает во фризе, опоясывающем верхнюю часть серебряной Чертомлыцкой амфоры. Там представлены скифы, которые ловят и дрессируют лошадей. Остальные части этой большой амфоры покрыты мотивами, навеянными греческим искусством: фигурами грифов, терзающих травоядных животных, или богатыми сложными растительными мотивами, среди которых помещены фигуры птиц. Чертомлыцкая амфора интересна в том отношении, что она подверглась переделке. Ваза в нижней части была снабжена своего рода краном в виде головы пегаса, широкие крылья которого распластаны по поверхности орнамента. Эта переделка, явно исполненная в той же мастерской, где была сделана и сама ваза, является одним из подтверждений северо-черноморского происхождения мастерской, где была исполнена эта амфора.

Следует упомянуть еще обивку горита из кургана Солоха, где представлена сцена боя конных скифов с пешими противниками, вооруженными топорами и копьями.

Если для второй группы художественных изделий из металла характерно приспособление античных художественных форм к новым задачам — передать облик варваров — и вместе с тем лишь некоторые из предметов, которыми украшены эти изделия греческих торевтов, представляют собой предметы местного обихода, то в еще большей мере локальные черты носит третья группа произведений торевтики, датируемых IV в. до н. э. Это предметы звериного стиля, которые подражают произведениям звериного стиля VII—VI вв. до н. э., однако отличаются довольно значительными отклонениями. Так, на найденной Куль-Обе фигуре оленя, в целом сравнительно близкой стилизованным изображениям архаических скифских оленей, на поверхности оленя представлены небольшие фигурки зверьков, которые явно выпадают по стилю, значительно более реалистическому, из художественного целого этой фигуры оленя. Надпись греческими буквами на каждом таком изображении животного ΠΑΙ не оставляет сомнения в том, что данная фигура была выполнена мастером, знающим греческий язык.

Среди изделий пантикапейских торевтов следует упомянуть золотую пластину из кургана Карагодеуашх, на которой имеется ряд рельефных изображений, выполненных в античном духе. Однако среди них имеется сцена, навеянная местными представлениями. Изображена богиня в вы-

соком головном уборе, сопровождаемая своими жрицами. Она передает ритм молодому меоту. Нужно думать, что эта сцена связана с представлениями о приобщении к культу местного великого женского божества одного из представителей меотской знати.

Из других изделий пантикапейских ювелиров нужно еще назвать головной убор, обнаруженный в кургане около мыса Ак-бурун на Керченском полуострове. Этот почти конусовидный ажурный головной убор выполнен из массивного золота. Он украшен тщательно исполненными волютами, над которыми расположен цветок каллы и другие растительные орнаменты. Вероятно, этот убор надевался на кожаную или матерчатую основу и служил украшением одному из представителей боспорской знати, может быть, правителю.

Наконец, следует упомянуть многочисленные золотые бляшки, которые изготовлялись не только в Пантикапее, но, как указывают найденные штампы, хотя бы и в Дии-Тиритаке, одном из малых городов Боспора. Такие бляшки представляли иногда греческий мифологический сюжет, например голову богини Афины, иногда местные мотивы, например изображения сидящей богини с зеркалом в руках, изображения скифов, охотящихся на зайцев или стреляющих из лука.

Период большого подъема Боспора при ранних Спартокидах с конца V до начала III в. сменяется в III—II вв. до н. э. периодом, когда общие условия изменяются к значительно худшему. Должно отметить, однако, что условия существования Боспора в течение двух названных веков представляют собой картину очень сложную. Мы не можем говорить о каком-либо постепенном спаде экономики или культуры. В отдельных областях мы наблюдаем иногда периоды подъема. Пантикапей дважды расширился в своих границах в первых десятилетиях III и в первых десятилетиях II в. до н. э. Однако в общем в течение этих двух веков общие условия существования были значительно худшими, и это не могло не сказаться и на искусстве.

Для архитектуры этого времени характерно наличие довольно обширных и богато украшенных жилых домов и общественных сооружений. Известны они, правда, в довольно плохой сохранности. В Пантикапее и Фанагории дошли остатки многокомнатных домов, стены которых, судя по многочисленным обломкам штукатурки, были украшены богатой росписью. Общая схема этой росписи примерно следующая: нижнюю часть ее создавали большие белые орфостаты, над которыми тянулись перемежающиеся ряды разноцветных блоков и полос орнамента. Орнаменты были геометрическими или растительными. Блоки окрашивались в желтый, красный, черный цвета или под пестрый мрамор. Стены увенчивали скульптурные или живописные фризy с мотивами сложного меандра и сухарные карнизы.

В одном из зданий, раскопанных в конце XIX в. в Пантикапее, были обнаружены колонны с очень своеобразными капителями, несущими черты ионийского и коринфского ордеров. Весьма примечательно, что подобные мотивы капителей обычно встречались у антов или пилеастров, а не у колонн.

В 1945 г. был обнаружен обломок мраморного фриза, украшенного розетками и крестообразным меандром. Этот художественно орнамен-

тированный фриз имел одну своеобразную особенность: выполненный резьбою меандр был изображен таким образом, что боковые стороны выступающих частей меандра были показаны в ракурсе, явно следуя не скульптурному, а живописному образцу. Все это позволяет отметить сильно развитые декоративные тенденции в искусстве Боспора рассматриваемого времени.

Наши данные об архитектуре Боспора II в. до н. э. могут быть в некоторой мере пополнены рельефным надгробием с изображением пятиколонного здания, по всей вероятности представляющего героон знатного покойника. Известны также и другие надгробные рельефы из известняка III—II вв. до н. э. Стилистической особенностью этих надгробий является следующее обстоятельство: они следуют античным объемным формам моделировки фигур. Однако эти фигуры статичны и имеют почти строго фронтальные позы даже в такой сцене, как сцена прощания с умершим.

В III—II вв. до н. э. получает значительное развитие производство местной художественной керамики. Однако привозные сосуды также встречаются в большом количестве. Здесь, прежде всего, нужно назвать вазы так называемого стиля «Гнафия». Это сосуды с накладной росписью белой, желтой и пурпурной краской по черному лаку, передающей незамысловатые геометрические и растительные узоры. Затем следует назвать лягины с белой облицовкой, украшенные золотисто-коричневым лаком, а также так называемые делосские чаши с обильным рельефным орнаментом.

Для местного производства керамики очень характерны так называемые акварельные пелики, изготовлявшиеся из желтоватой или серой глины явно под воздействием краснофигурных боспорских пелик IV в. до н. э. Акварельные пелики обычно украшены росписью, изображающей сцены битвы амазонок с грифами, задрапированных в гиматии атлетов или гирлянды. Эти росписи исполнены яркими разноцветными красками. Из других расписных сосудов следует упомянуть большие котлообразные вазы, покрытые красной облицовкой, по которой исполнялись белой краской изображения виноградных лоз. Наконец, известно местное производство сосудов типа так называемых делосских чаш с рельефным узором. Эти сосуды делались из серой глины. На некоторых из них мы находим клеймо мастера Деметрия.

Так же как и в предшествующий период, изготовлялись многочисленные терракотовые статуэтки, в значительной мере передающие сюжеты, характерные для античного искусства: изображения богов, в частности персонажей Дионисического круга, а также женщин, юношей и детей.

С I в. до н. э. и особенно в первых веках н. э. боспорские города испытывали значительные изменения. Прежние ремесленные и торговые центры стали подвергаться рустификации. Вместе с тем в них постепенно проникало все большее и большее количество сарматов и представителей других местных племен. Это принесло с собой значительную сарматизацию культуры, выразившуюся в изменении одежды, оружия, системы езды на лошадях, но не отразившуюся на языке.

Мировоззрение боспорцев этого времени в основном отвечало античной религии Средиземноморья этого же времени. Религиозный синкре-

тизм, свойственный эллинистическому периоду, проник и на северные берега Черного моря. С этим были связаны тенденции к монотеизму, культу высочайшего бога (Θεὸς Ὑψίστος). Вместе с тем известную роль стали играть и некоторые местные культы. Среди них заметно выступают демоны — божества плодородия. Эти особенности религиозных представлений наложили некоторую печать и на искусство изучаемого времени.

Строительное дело рассматриваемого периода известно преимущественно по многочисленным остаткам жилищ, как сравнительно богатых, так и совсем бедных, разнообразных хозяйственных и производственных сооружений, гончарных печей, виноделен, рыбозасолочных цистерн и т. п., различных оборонительных сооружений, мощных стен и башен. И вместе с тем до нас дошло сравнительно мало произведений архитектуры, имеющих художественное значение.

Вне всякого сомнения, что храмовая архитектура продолжала широко применять античный ордер. По изображениям на картинах нам известен Капитолиум, храм, в котором совершался культ римских императоров. Это было пятиколонное здание ионийского ордера с довольно высоким двухскатным фронтоном. Близкого типа, возможно, был храм, сооруженный в честь боспорского царя Аспурга в 23 г. н. э., известный лишь по незначительным обломкам. Было сооружено также здание в честь боспорского царя Савромата I (93—123 г. н. э.). Эта постройка была возведена в ионийском или коринфском ордере.

Значительно лучше и в большем числе дошли до нас погребальные сооружения. Должно отметить, что для Боспора характерной особенностью является большая роль всего, что связано с погребальным культом. Это относится и к архитектуре, и к живописи, и к скульптуре, и к художественному ремеслу, начиная с IV в. до н. э. Но особенно усиливается это явление в первых веках н. э. Равным образом должно отметить, что боспорская поэзия, по крайней мере в дошедших до нас образцах, также представляла собой эпиграфию в честь умерших.

В погребальном зодчестве первых веков н. э. мы можем отметить следующие типы сооружений. Назовем сначала склепы, сооруженные из камня в виде прямоугольных в плане помещений, перекрытых полуциркулярным сводом, сложенным из клинчатых камней насухо. Такой склеп был обнаружен в 1948 г. в Пантикапее. Он был сооружен в первых десятилетиях I в. н. э. Этот склеп отличается очень большой простотой и ригоризмом архитектурных форм. Лишенный каких бы то ни было украшений, он обладал исключительной четкостью конструкции. На наружном фасаде стены, сложенные из больших блоков, прерывались только дверными проемами, перекрытыми очень большими плитами, которые представляли собой горизонтальное перекрытие входа. На том же горизонте, что и основание плит, находились пяты свода, перекрывавшего погребальную камеру. Таким образом, весь замысел склепа полностью сохранял античное представление о правилах тектоники.

Внутри склепа стоял саркофаг в виде простого каменного ящика, покрытого крышкой, имевшей округлые очертания, что придавало ей форму как бы невысокого свода. Таким образом, очертания саркофага как бы подчинялись интерьеру склепа, представляя собой своеобразный аккомпанемент своеобразному архитектурному мотиву.

Однако должно отметить, что склеп 1948 г. является сравнительно редким памятником. Чаще мы встречаемся с другого рода сооружениями — вырубленными в скале или вырезанными в глине погребальными комнатами, стены которых богато украшались росписью. Таковы, например, склепы Алкима и Анфестерия, сооруженные в конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э. Эти склепы имели вертикальные стены и чуть вспарушенные потолки. Другими словами, мы в них видим какую-то промежуточную форму между склепами с полуциркульным и прямым перекрытиями. Здесь полуциркульный свод, перенесенный в другой материал и при всяких обстоятельствах в другую технику, утрачивал свой смысл.

Иное восприятие, чем в эллинистическом и римском зодчестве, мотива стен и свода довольно наглядно выступило в небольшом склепе первой половины I в. н. э., известном под наименованием склепа Деметры. Он был сооружен из каменных блоков и перекрыт полуциркульным сводом, выведенным насухо. Продольные стены склепа не вертикальны: уже на очень небольшой высоте они начинают наклоняться вовнутрь. Вместе с тем исполненные росписью на этих стенах мотивы и увенчивающие их сухарики и карнизы приходятся много выше настоящей пяты свода. Таким образом, мы наблюдаем известное несоответствие между реальной архитектурной формой и украшающим ее декором. Здесь теряется четкая граница между сводом и стенами. Они как бы объединяются в некий единый элемент, причем пропадает характерная особенность ордерной тектоники — четкое членение на несущую и несомую части.

В еще большей мере выступает эта черта в позднеантичных склепах Пантикапея около современной Госпитальной улицы. Эти склепы IV—V вв. н. э. характеризуются тем, что у них как бы вовсе нет стен: боковые стенки начинаются под довольно острым углом к полу и постепенно переходят в округлый свод погребального сооружения.

В вырытых в глине или в вырубленных в скале погребальных камерах мы нередко находим специально оставленные или вырезанные в стенках лежанки для укладывания на них покойников.

Значительная часть описанных склепов украшалась росписью. Схема этой росписи была такова. Нижняя часть стены воспроизводила монументальную богато украшенную стену героона. Верхнюю часть стены, а также плафон, занимала фигурная роспись, представляющая какой-либо мифологический сюжет или сцену из жизни покойника. В I в. до н. э.—I в. н. э. нижняя часть стены представляла собой как бы кладку из больших плит, швы между которыми обозначались краской.

Во II в. н. э. стена представлялась оживленной пилястрами с базами и капителями, интервалы между которыми заполнялись пышными разноцветными инкрустациями, имеющими форму ромбов, внутри которых помещались круглые и звездообразные поля разноцветного и пестрого мрамора. Эти мотивы пестрых инкрустаций, нужно думать, были навеяны инкрустациями разноцветным камнем в парадных постройках Пантикапея. Об этих богатых инкрустациях мы можем судить по находкам многочисленных пластинок белого, цветного (желтого, красного) и пестрого камня в пантикапейских жилищах и склепах первых веков н. э. При этом должно отметить, что некоторые из этих пластинок имеют не

только прямолинейные, но и криволинейные срезы, что делает вполне вероятным предположение об идентичности методов облицовки городских богатых зданий и подражающих им пышных росписей пантикапейских склепов.

Мифологические сюжеты, украшавшие верхнюю часть стенок склепов, мы можем наблюдать в склепе Алкима, сына Гегесиппа. На главном люнете там изображена сцена похищения Коры Плутоном, на боковых — элементы пейзажа, среди которого происходит это событие. Роспись выполнена в бледных тонах — голубоватых, розоватых, бледно-зеленых.

Другой сюжет можно наблюдать на аналогичном месте склепа Анфестерия. Там представлена сцена, вероятно навеянная бытом знатных боспорцев того времени. Это выезд на лето с целью занятия земледелием и выпасом скота далеко в степь. Семья знатного боспорца жила в юрте, около которой в пышном кресле сидит его супруга. Сам боспорец в сопровождении конного слуги подъезжает верхом на лошади. Таким образом, в этой сцене можно видеть чисто бытовой сюжет, перенесенный в загробное существование покойного. Не исключено и другое истолкование этого сюжета, т. е. возможно, что здесь представлена будущая жизнь покойника, являющаяся как бы продолжением его земного существования.

Уже упоминавшийся нами склеп Деметры имеет довольно богатую роспись. Посередине — плафон в круглом медальоне, на глубоком синем фоне представлена голова Деметры. Деметра нарисована впрямь, в силу чего глаза ее кажутся устремленными на всякого, кто, войдя в склеп, посмотрит вверх. В люнете прямо против входа показано похищение Коры Плутоном. В противоположном люнете размещены растительные орнаменты. По сторонам от входа находятся изображения Гермеса Психопомпа, отводящего души умерших в преисподнюю, и нимфы Калипсо, накрывающей их покровом смерти.

Во всех этих изображениях заметно выступает преобладание линейных приемов трактовки фигур, что позволяет говорить о сохранении еще полигнотовских традиций в отличие от традиций Аполлодора Афинянина, которые господствовали в римском и эллинистическом искусстве.

Примерно к концу I в. н. э. относится саркофаг, найденный в Керчи в 1900 г. Этот саркофаг с внутренней стороны был украшен обильной росписью, представляющей ряд сцен, разделенных пилястрами. Там были изображены: покойник верхом на лошади, сцена заупокойного пира, пляшущие безобразные карлики. Одна из сцен проливает свет на профессию покойника и причину столь необычного для Боспора украшения саркофага. Очевидно, в этом саркофаге был похоронен живописец, усердно расписавший саркофаг, послуживший местом его вечного упокоения, и вместе с тем не обладавший достаточными средствами, чтобы соорудить себе более монументальную гробницу. Художник изобразил себя в мастерской. При этом, по-видимому, он был не только фрескистом, но и энкаустом, так как представлен пишущим восковыми красками. Живописец сидит на небольшом табурете, рядом с ним коробка с разноцветными красками. Он разогревает инструмент, которым работа-

ет, а перед ним приготовлен на мольберте квадратный кусок холста. На стене висят готовые портреты. Один из них еще в простой квадратной рамке, два помещены в круглые рамы, так называемые *clipei*. Таким образом, показан весь процесс изготовления портретов, написанных восковыми красками. Данная сцена позволяет сделать вывод, что на Боспоре существовала портретная живопись, во всяком случае в I в. н. э., но можно думать, что и не только в это время.

Ко II в. н. э. относится обширный склеп, раскопанный в 1872 г., снабженный по плану лежанками в виде ниш. Этот склеп был украшен богатой росписью. Нижние части его стен представляли разделенные пилястрами прямоугольные поля, украшенные расписными многоцветными инкрустациями, а в верхней части были изображены различные сцены из жизни покойника, главным образом батальные. Покойник изображен сражающимся верхом на лошади. Там же были представлены различные животные и деревья. Наконец, следует отметить, что в более позднее время — в III—IV в. н. э. — появляются склепы с очень простой росписью, представлявшей сцены из культа Сабазия, корабли и прочие изображения, выполненные в самой примитивной технике.

Для скульптуры I в. до н. э. — первых веков н. э. характерно наличие сравнительно немногочисленных мраморных статуарных изваяний. При этом по большей части эти скульптуры представляют собой копии или переработки классических и эллинистических типов. Так, в 1949 г. найдена в Пантикапее мраморная голова Афродиты, восходящая к оригиналу второй половины V в. до н. э. Ближе всего она известной голове богини из собрания Лаборд. Также пантикапейская голова богини, скорее всего Гигией, найденная в 1956 г., повторяет тип круга Праксителя III в. до н. э. Она, по всей вероятности, являлась частью статуэтки, возможно выполненной из другого материала. Найденная в Пантикапее в том же году голова бородатого бога также следует эллинистическому оригиналу. В том же ряду находится и статуя Кибелы, найденная в середине прошлого века, представляющая собой копию, возможно и более позднего времени, с эллинистического оригинала.

Помимо культовых фигур, нам известен ряд портретных изваяний. Такова статуя правителя, найденная в Горгииппии. Она изображает бородатого мужчину, одетого в греческую одежду. На шее у него массивное местное украшение — гривна. У ног его стоит циста, свидетельствующая, скорее всего, о том, что он принадлежал к боспорской администрации. Наличие эллинской одежды и местного ювелирного украшения свидетельствует о культурном синкретизме на Боспоре того времени. Еще более показательным является появление местных черт в трактовке фигуры этого боспорца, что сказывается в исчезновении атлетического типа торса, характерного для греческой скульптуры, и замене его плоско-вытянутой фигурой.

В прошлом столетии в Пантикапее была обнаружена мраморная голова боспорского царя, относящаяся, вероятно, ко II в. н. э. и, вероятно, представляющая собой часть акролитной статуи. Голова была увенчана диадемой, из-под которой длинные пряди волос свешивались вниз. Так же как в голове Афродиты, найденной в 1949 г., в этих прядях имеются

высверленные углубления, вероятно служившие для прикрепления каких-то металлических украшений.

Целая серия скульптур известна в связи с погребальными сооружениями. Так, у одной из пантикапейских гробниц была обнаружена колоссальная мраморная статуя льва, положившего лапу на голову быка (II в. н. э.). Эта большая скульптура, очевидно, имела своим назначением охранять гробницу знатного покойника. Известны также мраморные саркофаги с изображением лежащих покойников на крышке, стенки которых украшены рельефами по образцу римских саркофагов первых веков нашей эры. Такого типа саркофаг II в. н. э. был обнаружен в Мирмикии. На нем представлен миф о пребывании Ахилла на острове Скиросе среди дочерей Ликомеда.

Другой образец рельефа, связанный с погребальным культом, известен в одном из склепов Нимфея также II в. н. э. Там изображены были в рельефе верхние части фигур Афины, Пана и Силена. Эти скульптуры отличаются некоторой грубостью исполнения и вместе с тем очень большой выразительностью, особенно в изображении Силена. Из других скульптур нужно отметить рельеф с посвяительной надписью Трифона, примерно первой половины III в. н. э., найденный в Танаисе. Этот рельеф, вероятно, был вделан в стену. Сам Трифон изображен на рельефе в виде всадника (катафрактария). Он скачет верхом на лошади одетый в тяжелый доспех, с большой длинной пикой в руках.

Значительно реже, чем мраморные скульптуры, встречались бронзовые изваяния. До нас дошел только небольшой бронзовый бюст царицы Динамии, найденный в окрестностях Новороссийска. Царица представлена в высоком коическом уборе, несколько напоминающем фригийскую шапку. Этот бюст украшен металлической инкрустацией. Нужно сказать, что бронзовая скульптура все же пользовалась некоторым распространением на Боспоре. Об этом мы можем судить по изображениям конных статуй на монетах, в частности по изображению всадника над аркой ворот на статарах Рескупорида II (68—92 гг. н. э.).

В большом числе встречались на Боспоре надгробные стелы из известняка, с рельефными изображениями. Сюжеты этих изваяний — заупокойная трапеза, изображения героизированного умершего, восседающего в парадном кресле, вооруженного покойника, пешего или верхом на лошади, иногда сопровождаемого конным слугой. Подобные изваяния почти всегда были рельефными. Значительно реже изготовлялись статуарные фигуры умерших. Эти скульптуры встречались уже и во II в. до н. э., но преимущественно они приходятся на I в. до н. э. — II в. н. э. Стиль этих изваяний по большей части довольно плоский. Детали исполнялись порезкой, что придает им несколько графический характер и представляет собой известную параллель линейному стилю боспорской живописи. Фигуры украшены росписью, о чем свидетельствуют нередко встречающиеся следы красок.

Художественное ремесло рассматриваемого времени получило значительное распространение.

Среди многих столярных изделий прежде всего следует назвать деревянный саркофаг, найденный в Керчи в 1910 г., относящийся к I в. до н. э. и заключавший женское погребение с богатыми украшениями. По

своим формам он продолжил традиции Таманского саркофага, но форма значительно более разработана — он подражал римской архитектуре этого времени. Стенки саркофага воспроизводили здание, сооруженное из столбов, поддерживающих арки с подставными пилястрами и ордером. Крышка имела вид двухскатной кровли, опирающейся на треугольные фронтоны.

Известны были также саркофаги с деревянными рельефами. Таков саркофаг II в. н. э., найденный в Керчи в 1900 г. Он был украшен ажурным деревянным рельефом, носящим характер «пряничной» скульптуры. Сюжеты, там изображенные, — истребление Ниобидов, охота на различных животных. Многие из саркофагов украшались терракотовыми рельефами-односторонками, представляющими сцены истребления Ниобидов. Еще чаще встречаются гипсовые украшения, сюжетом которых является также истребление Ниобидов и, кроме того, изображение трагических масок, различных орнаментов, масок Медузы и пр. Эти гипсовые украшения покрывались росписью красной, голубой, черной, розовой и другими яркими красками.

Терракотовые статуэтки изготовлялись в значительном количестве и в рассматриваемое время. Нам известен большой сброс мастерской в Фанагории в I в. до н. э., а также отходы из мастерской короппаста I в. до н. э., обнаруженной в 1949 г. в Пантикапее. Среди изделий боспорских короппастов особо следует отметить большую группу ритуальных фигурок, своего рода марионеток. Это колоколообразные фигурки с подвесными конечностями, вероятно применявшиеся при каких-то ритуальных действиях, связанных с культом божества плодородия.

Торевтика Боспора первых веков н. э., и особенно III—IV вв., носит заметные следы воздействия новых вкусов, навеянных пришельцами из степи, нужно думать прежде всего сарматами. Это сказывается в вытеснении мотивов монохромных золотых и серебряных изделий классического времени ювелирными произведениями с богатой полихромией. Самое широкое применение получили инкрустации различными драгоценными камнями — альмандином, изумрудами, аквамаринами, бирюзой, а также цветным стеклом и эмалью, которые вместе с золотом создают несколько грубоватый, но очень красочный эффект. Богатство полихромии особенно типично для боспорских изделий III—IV вв. н. э.

Вероятно, боспорскими изделиями являются богатые украшения Новочеркасского клада, мотивы которых, нужно думать, тесно связаны с мировоззрением местного общества, хотя некоторые отголоски этого могут быть обнаружены уже и в росписях боспорских, особенно пантикапейских, склепов. Диадема Новочеркасского клада представляет собой широкую золотую полосу, украшенную цветными камнями, среди которых фигурирует античная гемма. Над этой полосой находится золотое ажурное изображение древа жизни, к которому приближаются олени. Найденный вместе с этой диадемой флакон украшен рельефными фигурами зверей, инкрустированными камнями. Отмеченные черты не оставляют сомнения в том, что эти ювелирные изделия являются результатом совместного творчества античной и местной среды.

Другим памятником такого же совместного творчества является золотой сосуд с зооморфными ручками, украшенный инкрустацией, най-

денный около станицы Мигулинской. Греческая надпись на этом сосуде, содержащая неэллинские имена, с несомненностью свидетельствует о том, что его исполнил местный, а не греческий мастер. Наконец, следует упомянуть золотые венцы из погребений в Пантикапее членов царской семьи первой половины III в. Особо отметим венец из могилы Рескупорида III с изображением конного царя в сцене адорации, вероятно, к верховному божеству. Эта центральная сцена обрамлена пышными золотыми листьями.

Появление сарматов на Боспоре принесло в культуру Боспора еще одно своеобразное явление — тамгообразные знаки, являвшиеся, вероятно, эмблемой родовой, а может быть, и личной собственности. Подобного рода тамгами располагали правители последней боспорской династии, и эти тамги заменяли как титул, так и личное имя правителя. Подобные тамги проникли и в художественное ремесло Боспора. Известен целый ряд поясных пряжек, украшенных такими тамгами.

Так, чисто античные формы искусства раннего Боспора к концу его существования в III—IV вв. н. э. стали все более и более вытесняться новыми формами, принесенными варварами.

В заключение отметим, что Боспор — эта одна из далеких окраин античного мира — во многом являлся районом, потреблявшим ввозившиеся из метрополии произведения искусства и художественного ремесла. В ряде случаев эти произведения повторялись боспорскими мастерами. Однако на Боспоре был создан и целый ряд совершенно самостоятельных художественных ценностей, которые вошли в общую культурную сокровищницу мира. Эти произведения искусства обладали своеобразием, во многом зависящим от тех условий, в которых жили обитатели Боспорского государства. Это были греки, которым пришлось находиться в тесном соприкосновении с северо-восточной ветвью иранского мира, что во многом определило их художественные вкусы и что сильно сказалось как в местной погребальной архитектуре Боспора, так и в боспорской торевтике.

Античные традиции на Боспоре — это преимущественно традиции архаической, классической и эллинистической Греции. Римская культура сравнительно слабо коснулась Северного Причерноморья и особенно Боспора. Вместе с тем характерной особенностью культуры и искусства Боспора был особый подъем его в IV в. до н. э. — в период, предшествовавший формированию эллинизма. И второй их особенностью было очень большое восприятие сарматской культуры в период I—IV вв. н. э.

ПРОЦЕСС ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ *

Северное Причерноморье еще до возникновения греческих городов прошло сложный путь исторического развития. Об этих отдаленных временах мы располагаем свидетельствами античной мифологии, древних историков, топонимики и археологическими источниками, правда еще во многом неясными.

Первые контакты отважных эгейских мореходов с негостеприимными берегами Понта получили отражение в мифе о походе Аргонавтов. Достоинство внимания, что Гекатей Милетский (fr. 187) оспаривал сказание, согласно которому Аргонавты плавали по Танаису. Это показывает, что плавание их по Танаису было одной из догекатеевых версий. Далее следуют мифы об Ифигении в Тавриде, об Ахилле на острове Левке, о пребывании Одиссея в мрачной стране киммерийцев. Завершающим звеном является фантастическая география логографов со сказаниями о гипербореях и борьбе аримаспов с грифами. Связи Северного Причерноморья со Средиземноморьем во II тысячелетии и в начале I тысячелетия до н. э. подтверждаются находками эгейских и малоазийских изделий этого времени в низовьях Днестра и Днепра, а также на Боспоре Киммерийском¹.

Однако выявить историческую реальность, завуалированную фантастикой мифа, дело нелегкое. Надежнее и отчетливее более поздние свидетельства Геродота (IV, 11—12), Страбона (VII, 4, 3; XI, 2, 5) и других авторов о древнейших насельниках Северного Причерноморья — киммерийцах, обитавших там до прихода скифов. О походах киммерийцев и скифов в Малую Азию и страны Переднего Востока сообщают Геродот и восточные источники; с этими свидетельствами согласуются результаты недавних раскопок² Гордиона, разрушенного киммерийцами.

Еще до обоснования эллинов на северных берегах Понта тамошнее население было разноплеменным. Доказательством служит древняя топонимика. Там встречаются ираноязычные³ термины: Βορσθίνης Παντιμάλης — и фракоязычные⁴ — Τρισταχί; наименование боспорского рода Κῶτα или Κῶταιον можно сопоставить с аналогичным названием в Закавказье. Упомянутое Гекатеем (*Steph. Byz.* Καρκινίτις) название крымского города Керкинитиды перекликается с наименованием северокавказского племени керкетов. Название племени Ψησσοί (IOSPE, II, № 6, 36) сохранилось в наименованиях рек северокавказской топонимики.

Сказанное позволяет полагать, что более древней группой племен в Северном Причерноморье были обитатели Северного Кавказа, его предгорий и горного Крыма (тавры). Вторым пластом были киммерийцы, вероятно родственные фракийцам (ср. свидетельство Страбона (I, 31,

* Blawatsky W. D. Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la Mer Noire. — XI Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 août 1960. Rapports II Antiquité. Uppsala, 1960, p. 98—116.

21; XIV, 1, 4) о трехах). Возможно, преемниками киммерийцев были синды. Наконец, третьему, ираноязычному племени принадлежали скифы, савроматы и дандарии.

Труднее установить соответствие между этими данными и памятниками археологии. Однако и последние свидетельствуют о том, что население Северного Причерноморья в III, II и первой трети I тысячелетия до н. э. было различным по характеру культуры. Так, в III — первой половине II тысячелетия до н. э. западную часть степной и лесостепной полосы занимали так называемые трипольские племена, а восточную — носители «ямной», а позднее «катакомбной» культуры. Все эти культуры не распространялись на южный и восточный Крым, а также бассейн Кубани; в последнем на рубеже III и II тысячелетий до н. э. пышно расцвела «майкопская» культура. Около середины II тысячелетия до н. э. «катакомбную» культуру сменила доскифская «срубная» культура, носителями которой, вероятно, были исторические киммерийцы.

* * *

Уже в VII в. до н. э. наладились торговые связи греческих купцов с североопонтийскими варварами, чему немало способствовало развитие земледелия и скотоводства в бассейнах Буга, Днепра и Кубани. Тогда стали возникать сначала временные, а затем постоянные торговые фактории. Такой эмпорий существовал в VII—VI вв. до н. э. на острове Березани, в нем была обнаружена родосская и самосская, клазоменская, навкратийская, коринфская и аттическая керамика.

В первой половине VI в. до н. э. в Северном Причерноморье появились первые эллинские полисы. С этого времени до крушения античной цивилизации в IV в. н. э. наблюдается параллелизм процесса исторического развития в странах Средиземноморья и античных центров на Понте, правда осложненный локальными особенностями, подчас значительными.

Эллинизм, соседом которого на западе был римско-италийский мир, а на востоке иранская держава Ахеменидов, состояло из нескольких частей, имевших сильно выраженную локальную окраску. Это относится к различным частям Балканского полуострова и особенно к Малой Азии, Сицилии, Великой Греции, Кипру, Навкратису и другим колониям. Североопонтийские государства были северо-восточной ветвью эллинского мира на далекой окраине. Там имел место контакт довольно малочисленных и по большей части далеко расставленных один от другого, сравнительно слабых греческих центров и многочисленных, в большинстве оседлых, варварских племен. Однако среди этого варварского мира значительную роль играли и кочевники, принадлежавшие к северной группе ираноязычных племен.

Этот варварский мир не был неизменным. Примерно в VII в. до н. э. произошло вторжение скифов, потеснивших киммерийцев. Сарматы, обитавшие к востоку от Дона уже во второй половине IV в. до н. э., вторглись в Скифию и постепенно захватили большую часть последней; во II в. до н. э. в руках скифов оставался степной Крым и прилегающая к нему территория примерно до Ольвии. В I в. до н. э. в северо-западную

часть Причерноморья вторгались геты. Около середины III в. н. э. в страны Северного Понта нахлынули пришедшие с севера готские племена. Наконец, в последних десятилетиях IV в. н. э. по всему Северному Причерноморью прокатилась опустошительная волна гуннского нашествия. Неоднократные смены соседей создали своеобразные условия существования северопонтийских полисов в отличие от окраинных греческих государств в Сицилии, Великой Греции, Галлии, Фракии и т. д., где соседи-варвары в основном оставались постоянными.

Северный Понт обладал значительными природными ресурсами: тучными полями и пастбищами, изобилием рыбы (*Strab.* VII, 4, 6). Эти ресурсы, обеспечивая переселенцам развитие земледелия, скотоводства и морских промыслов, способствовали также получению путем торговли с местными племенами хлеба, скота и кож. В обмен на них в VII—VI вв. до н. э. в степь поступала главным образом продукция греческой метрополии.

Существенную роль в истории северопонтийских государств играла их отдаленность от метрополии и сравнительно слабое соприкосновение с нею. Сколько-нибудь постоянных сухопутных дорог, связывающих эту далекую окраину с метрополией, не было. Существовал только морской путь, различные варианты которого засвидетельствованы древними периплами. Плавание было трудным и даже опасным вследствие природных условий на Понте. Были и иные опасности: береговое право фракийцев (*Xenoph.* Анаб., VII, 5, 12), пиратство тавров, ахеев, эниохов и других местных племен (*Diod.* XX, 25; *Strab.* XI, 2, 12). Пиратство самих северопонтийских греков отчетливо выступает в текстах проксений, упоминающих как привилегию свободу от разграбления в мирное время (*IOSPE*, I², № 20, 22, 349, 357, 358, 364, 376, 378, 697; II, № 1). Пиратам содействовали и боспорские правители (*Strab.*, XI, 2, 12).

Больше контактов, чем с Балканской Грецией, у Северного Понта было с Малой Азией, особенно с западным и северным побережьями, а также с Фракией, Македонией, скифо-меото-сарматским миром и северным побережьем Кавказа. Сказанным мы не собираемся отрицать торговых связей Северного Понта со Средиземноморьем, хорошо известных по письменным источникам и особенно по многочисленным археологическим находкам. Недаром вопрос о проливах, соединяющих Черное море с Эгейским бассейном, играл существенную роль в политике греческих полисов. Однако связи Северного Понта с метрополией, ограниченные периодом навигаций, далеко не были столь интенсивными, как общение между полисами континентальной Греции, где, помимо экономического общения, немалую роль играли всеэллинские состязания атлетов, культовые празднества и оракулы, не говоря уже о военных союзах и связанных с ними совместных походах.

В результате довольно слабых политических контактов Северного Понта со Средиземноморьем античные историки сравнительно мало осветили историю Северного Причерноморья и почти не останавливались на происходивших там внутренних событиях. Чуть не единственным исключением является рассказ Диодора Сицилийского (XX, 22—24) о войне сыновей боспорского правителя Перисада I. Особенно скудны данные по социальной истории. Между тем северопонтийские государственные

образования эллинов (не говоря уже об общественном строе скифов) были различны и испытывали значительные изменения. Внимание древних авторов более привлекали походы Дария, Филиппа II, Зопирнона, Лисимаха, Митридата Евпатора, Юлия Аквилы, Т. Плавтия Сильвана и т. п., а отчасти также военная активность боспорских правителей, упоминаемая Полиэном (V, 23, 1; VI, 9, 3—4; VII, 37, 1). Особый интерес вызвала еще у римских авторов (*Arrian. Tact.*, 4, 7; 16, 6; 35, 3; *Tacit. Hist.* I, 79) тактика тяжелой сарматской конницы, игравшей немалую роль в позднеантичное время.

Лапидарные надписи несколько пополняют историю Ольвии и Херсонеса. Бледнее эпиграфика Боспора, ограниченная почти только эпитафиями и посвятельными надписями. Не менее важна северопонтийская нумизматика, проливающая свет не только на экономику, но и на некоторые политические события. При недостатке письменных источников для исследования Северного Понта исключительное значение имеют археологические данные — более объективные, но менее ясные для изучения политических событий или же социальной истории. При таких обстоятельствах для воссоздания общей картины процесса исторического развития античных государств Северного Причерноморья неизбежно подчас приходится прибегать к гипотезам.

Особенностью северопонтийских государств является склонность к устойчивому сохранению традиций метрополии, заметно выступающая в Ольвии и Херсонесе. Приверженность традиции, во всяком случае в области художественных вкусов, можно отметить и на Боспоре. Она выступает, например, в преобладании привозной чернофигурной керамики в первой половине V в. до н. э., когда повсеместно распространились краснофигурные вазы; в производстве посуды с простыми узорами, которое, появившись в VI в. до н. э., продолжалось и в V—IV вв. до н. э., сохраняя традиции периода архаики; а также в повторении образов краснофигурной вазописи IV в. до н. э. в росписях боспорских так называемых акварельных пелик III—II вв. до н. э.

Отмеченная особенность характерна для некоторой застойности представлений общества отдаленной окраины. Наряду с нею, прежде всего на Боспоре, можно отметить и новые черты, сказывающиеся в особенностях хозяйства, социального строя, быта, художественных вкусов. Эти черты по большей части возникли в результате местных условий и прежде всего тесных связей с соседними варварами. В первые века существования боспорских городов контакты с местным населением осуществлялись преимущественно греческой знатью, с одной стороны, и племенными вождями — с другой, что привело к некоторой близости между этими группами населения. Параллельным явлением можно считать связи (в том числе брачные) между афинской знатью и фракийской аристократией; потомком такого брака был известный историк Фукидид, сын Олора. Характер греко-варварских контактов привел к тому, что иррадиация эллинской культуры в сторону степей затронула главным образом племенных вождей. Они потребляли проникавшие туда греческие товары: торевтику, вино и проч.

Постепенно эти связи настолько усилились, что привели к расширению некоторых отраслей производства, особенно хлеба и скота, у мест-

ных племен, наиболее сильно втянутых в торговлю. Обмен северопонтийских варваров с эллинскими купцами должен был также способствовать появлению работорговли, источником которой были войны между местными племенами. Коль скоро в роли крупных торговцев со стороны варваров выступала племенная знать, отмеченные экономические связи способствовали ее обогащению, увеличению имущественной дифференциации в варварской среде и усилению власти племенных вождей. Таким образом, общение с греками в конечном счете приводило к ускорению социально-экономических процессов в среде северопонтийских племен.

Экономическим связям эллинов с варварами сопутствовало культурное воздействие первых на вторых, правда не особенно глубокое. Оно сказалось в потреблении варварами предметов греческого обихода, применении оборонительных доспехов, в освоении некоторых орудий труда, например ручных мельниц. Должно отметить, что даже в первые века существования северопонтийских городов этот процесс не был односторонним. Греки также испытали некоторое воздействие местных племен, результатом его было, например, большое значение культа Великого женского божества на Боспоре, известного с древнейших времен.

В VI и в значительной части V в. до н. э. в период возникновения и в первые времена существования северопонтийских городов они были близки полисам и их союзам в эллинской метрополии. До IV в. до н. э. северопонтийские полисы не были богатыми, рабовладение в них было сравнительно мало развито; находившиеся там города были невелики, население самых крупных из них не превышало нескольких тысяч жителей. Характер этих полисов — Ольвии и Тиры на западе и боспорских городов на востоке — был более или менее однородным. Недавно раскопанные в Пантикапее жилища VI в. до н. э. значительно меньше и беднее милетских домов того же времени. От пантикапейских ранних домов резко отличаются более обширные монументальные жилища IV в. до н. э. и последующего времени. Некрополь Пантикапея подтверждает это наблюдение⁵.

Экономические связи Северного Причерноморья в VI в. до н. э. преимущественно направлялись в сторону малоазийской Ионии, прилежащих островов и отчасти Коринфа; примерно с последней трети VI в. до н. э. некоторую роль начала играть и Атика.

После установления Аттического морского союза в Северное Причерноморье протянулась властная рука Афинской *ἀρχή*, однако владычество Афин, ограничивавшееся только некоторыми северопонтийскими городами, было эфемерным. Другое дело экономические связи с Афинами, которые, усилившиеся в конце V в. до н. э., в следующем столетии приняли особенно широкий размах.

С последних десятилетий V в. до н. э. намечается заметное различие в северопонтийских государствах: с 438 г. до н. э. на Боспоре установилась династия Спартокидов, под властью которых находилось объединение боспорских городов, между тем как Тира, Ольвия и Херсонес продолжали оставаться полисами. Ольвия, видимо располагавшая сравнительно небольшой хорой, представляла собой город с развитыми ремеслами и торговлей, в силу чего ее благополучие сильно зависело от отношений с соседями. Обладавший обширной хорой Херсонес в значитель-

ной мере был земледельческим и отчасти ремесленным полисом; торговля в нем играла более скромную роль, чем в Ольвии, что делало его независимым от сопредельных варваров. В отличие от Боспора с его варварской хорой, в Херсонесе земледелие было организовано согласно античной системе ведения хозяйства, о чем свидетельствуют хорошо сохранившиеся клеры Гераклеяского полуострова.

Первая и вторая трети IV в. до н. э. были временем кризиса в метрополии. Вместе с тем это время подъема окраинных стран: Сицилии, Галикарнасса, Македонии, Фракии, Кипра, Боспора. Этот подъем явился результатом тесного контакта названных окраин с прилегавшими к ним обширными неэллинскими территориями.

При Левконе I (387—347 гг. до н. э.) в Боспорское государство в результате экспансии были включены Феодосия и значительные территории в бассейне Кубани, что превратило Боспор в разнородное греко-синдо-меотское государство. Характерной особенностью его был симбиоз греческих полисов и варварской хоры, заселенной местными племенами, в основном состоящими из полусвободных общинников. Таким образом, на Боспоре примерно за столетие до завоеваний Александра Великого возникли и существовали общественный строй и государство, близкие по типу эллинистическим, но не идентичные им; дело в том, что местные племена, включенные в Боспорское государство, по социально-экономическому развитию стояли значительно ниже, чем земледельческое население стран Переднего Востока, вошедшее в состав эллинистических монархий. Это время в истории Боспора нам представляется возможным назвать периодом протоэллинизма.

В IV в. до н. э. большое число греческих (и варварских) переселенцев, устремившихся на Боспор, обеспечили рост старых и основание новых городов; так, около конца этого периода в низовьях Дона был основан Танаис — опорный пункт Боспора в северо-восточном Приазовье. Пополнение населения способствовало развитию ремесла и увеличению значения городов. В рассматриваемое время на Боспоре растет рабовладение. Экономические связи Боспора приобретают особенно большой размах. Широко известен обширный экспорт боспорского хлеба в Афины и другие центры Эгейского моря (*Demosith. adv. Lept.*, 32; *Isocr. Trar.*, 3, 4; *Strab.*, VII, 4,6; IG, II², № 212; IG, XII, 2, № 3). Главным владельцем хлеба были боспорские архонты. Получаемое в обмен на хлеб золото позволяет в большом количестве изготавливать произведения торевтики, что, возможно, стало монополией боспорских архонтов. Изделия торевтики не столько потреблялись на месте, сколько приобретались меотской и скифской знатью в обмен на сырье. В это время в Скифию поступали не только товары метрополии, как в VII—VI вв. до н. э., но и изделия самого Боспора.

Обилие золота в руках боспорских правителей позволило им начать чеканку золотой монеты раньше, чем в Македонии⁶. Монетная чеканка Боспора обеспечивала возможность найма многочисленных солдат и моряков, потребных для военной экспансии Боспора. Согласно Диодору (XX, 25), в конце IV в. до н. э. боспорский правитель Евмел делал попытки внутривосточной консолидации, в частности сказавшейся в помощи осажденным каллатийцам. Большая политическая и экономиче-

ская активность Боспора, увеличившая его значение, способствовала перемещению интересов античных авторов. Если в VI—V вв. до н.э. внимание их преимущественно было направлено на Скифию, то в IV в. до н.э. Боспорское государство отодвинуло на второй план других обитателей стран Северного Понта. Таким образом, со второй четверти IV в. до н.э. различие между Боспорским государством, с одной стороны, и Ольвией и Херсонесом — с другой, стало еще большим.

В III—II вв. до н.э. на первое место выдвинулись большие эллинистические монархии: Египет, держава Селевкидов, Македония и др. В Причерноморье большое значение получило Понтийское государство, особенно в конце II — начале I в. до н.э. Обладавшие большой экономической и политической мощью эллинистические монархии приобрели значительное влияние в Восточном Средиземноморье и в Причерноморье, оттесняя на второй план ранее расцветавшие окраинные государства, в том числе и Боспор. Некоторую роль в ухудшении хозяйственного положения Боспора и других северопонтийских государств сыграло опустошительное нашествие сарматов на скифов, отразившись на ранее налаженных экономических связях. Изменилось в это время и направление северопонтийских торговых связей со Средиземноморьем. Взамен Аттики усилилось значение торговли с Малой Азией, Родосом и другими эгейскими центрами.

Период эллинизма по-разному проявился в северопонтийских государствах, и исторические судьбы их не были одинаковы. Боспор стал второстепенным эллинистическим государством, структура которого в основном оставалась такой же, как в IV в. до н.э.: он состоял из греческих полисов и варварской хоры. Общее положение экономики на Боспоре в III—II вв. до н.э. представляло собою сложную картину. Отдельные отрасли производства то оживлялись, то затухали, весь процесс развития носил неравномерный характер, в общем обнаруживая наклонности к спаду. Имущественное неравенство в среде гражданства боспорских городов, видимо, не уменьшалось, а продолжало возрастать.

Херсонес, который, судя по его гражданской присяге (IOSPE, I², № 401), в начале III в. до н.э. включал в свои владения Керкинитиду и Прекрасную гавань, во многом напоминал уцелевшие в эллинистическое время значительные полисы Средиземноморья, как, например, Родос или Византий, но он был меньше и слабее их. Как и в других античных государствах, в это время в Херсонесе наблюдается усиление экономической дифференциации. Данные эпиграфики (IOSPE, I², № 403; IV, № 80) позволяют предполагать рост земельной собственности в конце III — начале II в. до н.э. Раскопки города показали наличие в Херсонесе во II в. до н.э. наряду со сравнительно небольшими (около 150 м² площадью) скромными жилищами значительно большего и богаче отделанного дома.

По аналогичным данным, имущественная дифференциация в Ольвии стала еще большей. Там в это время размеры богатых домов достигали 1500 м², более чем в 15 раз превосходя по площади бедные жилища. На наличие в Ольвии очень крупных состояний указывают эпиграфические свидетельства, прежде всего декрет в честь Протогена (IOSPE, I², № 32). В этой надписи говорится также о рабском движении в Ольвии, а имен-

но, что враги полиса — галаты и скиры — переманили к себе всех ольвийских рабов.

Если период эллинизма в Средиземноморье и Причерноморье по большей части характеризуется возникновением новых государственных форм в результате подчинения местного, неэллинского населения греко-македонцам, то Ольвия представляет собою иной, более редкий пример греческого города, подпавшего под власть варваров-скифов. В III в. до н. э. Ольвия платила дань скифскому царю Сайтафарну, (IOSPE, I², № 32), а во II в. до н. э. в ней чеканил свою монету Скилур⁷.

Конец II и первая треть I в. до н. э. — это время понтийского царства Митридата Евпатора, безуспешно боровшегося с Римом. Митридат включил в свою державу северопричерноморские государства: Херсонес, Боспор, Ольвию, а также крымских скифов. Эта держава оказалась эфемерной, однако она способствовала зарождению ряда исторических процессов, в дальнейшем имевших большое значение для Северного Причерноморья.

Конец II и первая половина I в. до н. э. в Северном Причерноморье полны бурными событиями. Ряд городов и населенных пунктов был разрушен, что было связано с серией войн, упоминаемых авторами (*Strab.*, VII, 4, 5; *App. Mithr.*, 64, 67, 108, 120; *Dio Cass.*, XXXVI, 50, 2; XLII, 47, 5; *P. Oros.*, VI, 5, 1—2). Ольвия, еще к I в. до н. э. пришла в состояние захирения; по свидетельству Диона Хрисостома (*Or.* XXXVI), она неоднократно подвергалась разорению, а в середине I в. до н. э. ее разгромили геты. Херсонес стойко выдержал натиск скифов; однако археологические исследования Гераклейского полуострова показали, что многочисленные усадьбы в херсонесской хоре были сильно опустошены.

На Боспоре в это время, видимо, происходили большие социальные брожения. В конце II в. до н. э. вспыхнуло рабское восстание Савмака, подавленное войсками Митридата, затем последовали новые военные столкновения и захваты неприятелями боспорских городов. Раскопки последнего пятидесятилетия установили происшедшие в этот период сильные разрушения Пантикапея, Феодосии и некоторых малых городов Боспора. Несколько позднее, в конце I в. до н. э., боспорский царь Полемон I разгромил Танаис; этот город, к которому тяготел ряд соседних племен (*Strab.*, XI, 2, 11), ранее, видимо, вышел из состава Боспорского государства.

Северопонтийские города, по большей части довольно скоро после их разрушения были восстановлены. Население вновь оживших городов сильно изменилось: туда нахлынуло много варваров, подвергшихся эллинизации. Дион Хрисостом рисует яркую картину варваризации населения Ольвии в I в. н. э., а ольвийские лапидарные надписи первых веков нашей эры пестрят фракийскими и скифскими именами⁸.

Восстановление боспорских городов происходило в особых условиях, которые были в Северном Причерноморье в I в. до н. э. и в первых десятилетиях I в. н. э. В первой трети I в. до н. э. власть Митридата простиралась не только на северопонтийские античные государства, но и на крымских скифов, а союзниками царя были многочисленные сарматские племена, доставлявшие ему наемников. Сын Митридата Фарнак, унаследовавший боспорские владения отца, видимо, сохранил власть над за-

висимыми местными племенами, а также прежних союзников; по крайней мере, стремясь подавить восстание на Боспоре, он прибег к помощи скифов и савроматов (*App. Mithr.*, 120). Преемник Фарнака Асандр (47—17 гг. до н. э.), видимо, удержал владения своего предшественника; имеются серьезные основания предполагать, что в то время под контролем Боспора находился весь Крымский полуостров. Аспург, царствовавший с 8 г. до н. э. до 38 г. н. э., вероятно, также держал в известной зависимости от Боспора обитателей Крыма, надписи называют его: *Ἰπποξάντης Σκόθας καὶ Τάυρους*. Поэтому на подвластных Боспору территориях и в союзе с ним оказалось значительное число варваров, прежде всего сарматов; многие из них служили в войсках Митридата и других правителей. Видимо, из числа этих варваров, подвергнувшихся некоторой эллинизации и воспринявших греческий язык, пополнялось население восстанавливаемых боспорских городов.

На Боспоре в I—II вв. н. э. наблюдается большой подъем. Усиление и обновление Боспора в значительной мере явилось результатом притока сарматов, с которыми новые силы влились в захиревшие античные города. Пришельцы способствовали изменению характера хозяйства, так, с ними, вероятно, связано появление выездного земледелия. Впрочем, время было неспокойным, что побуждало население концентрироваться в укрепленных городах. С приходом сарматов изменился также быт и культурный облик боспорцев.

В первых веках н. э., когда широкая кайма стран, обрамляющих Средиземноморье, была объединена под властью империи, которой на востоке противостояли парфяне, а на севере германцы, сарматы и славянский мир, Рим играл заметную роль на северных берегах Понта, особенно в западной части их. В Херсонесе с I в. н. э. стоял римский гарнизон. К востоку от Херсонеса была сооружена римская крепость Харакс, существовавшая в I—III вв. н. э. В Ольвии с середины II в. н. э. также появляются римские солдаты. Таким образом, эти полисы испытывают судьбу, близкую всему окраинному эллинскому миру. Для социального строя этого времени в Херсонесе и Ольвии характерна власть плутократии, крупных рабовладельцев.

Значительно меньшей была роль Рима на Боспоре, ограничившаяся внешнеполитическим влиянием. Морскую торговлю Боспор в это время вел преимущественно с Малой Азией, в области культурной жизни воздействие Рима было слабым. В общем роль Рима на Боспоре можно в известной мере сопоставить с ролью последнего в Армении. Довольно сильный в военном отношении Боспор являлся аванпостом античного мира в борьбе с кочевыми варварами. Временами Боспор проявлял стремление к политической независимости, иногда находя поддержку и среди его соседей-варваров, как это было во времена (41—45 гг. н. э.) боспорского царя Митридата III (*Tacit. Ann.* XII, 15—19). Это противодействие Риму, нужно думать, отчасти было обусловлено влиянием входивших в состав Боспора варварских элементов. Управлявшийся со времен Аспурга местной династией, Боспор представлял собою полуварварское государство, самое варваризованное из античных государств на Северном Понте.

Своего рода противовесом Боспору было Скифское царство в Крыму — самое эллинизированное из северопонтийских варварских об-

ществ; это сказалось в облике его столицы — Неаполя, как свидетельствуют обнаруженные там образцы архитектурного декора и греческие надписи.

Для экономики Боспора первых веков н.э. характерно большое развитие сельского хозяйства, особенно хлебопашества, которым занимались обитатели не только хоры, но и городов. Немалое значение имел и морской промысел. В одном из небольших боспорских городов, Дии-Тиритаке, ловля и засол рыбы приобрели широкий размах. В занятиях населения Пантикапея с I в. до н.э. начало играть роль виноделие, а со II—III вв. н.э. большое распространение получило хлебопашество. Это вело к рустификации города и постепенной натурализации хозяйства.

Новый облик восстановленного после разрушения Пантикапея показывает, что в городах в I—II вв. н.э. крупное рабовладение продолжало занимать заметное место; в столице сооружались обширные террасы с мощными подпорными стенами и большие богатые дома. В сельских местностях, по-видимому, широко применялся труд прикрепленных к земле хлебопашцев — пелатов, засвидетельствованных надписью 151 г. н.э. (IOSPE, II, № 353). Близкого типа зависимые землепашцы — *servitii*, по Тациту (Annal., XI, 17), возможно, были и у боспорских соседей — сираков. В социальной структуре боспорского общества большую роль играла аристократия, нередко объединенная в *фиасы*, которая в случае войны выставляла тяжеловооруженную конницу сарматского типа — *катафракты*; вероятно, в зависимости от нее находились пелаты. Располагавшие сложным бюрократическим аппаратом боспорские цари носили титул βασιλεὺς βασιλέων, созвучный наименованию восточных монархов.

В это время изменяется религия; большую роль играет культ θεὸς Ὑψίστος, а в первой четверти IV в. н.э. получило распространение христианство.

В середине III в. н.э. в Северное Причерноморье вторгаются готские племена, разрушившие Ольвию, которая с этого времени перестала существовать как город. Сильному разгрому подверглось Боспорское государство: свидетельство Зосима (I, 31, 1—3) упоминает лишь о том, что боспорцы предоставляли проникшим туда племенам свои корабли для нападения на южные страны. Археологические данные значительно дополняют эту картину: в третьей четверти III в. н.э. ряд малых укрепленных поселений был уничтожен, в дальнейшем жизнь в них почти не возобновлялась. Разгрому подвергся и Пантикапей, восстановленный, он не мог достичь прежнего благоустройства и богатства.

После готского вторжения Боспорское государство продолжало существовать более столетия в условиях усиливавшейся натурализации хозяйства. Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 32) подчеркивает ведущую роль земледелия в экономике Боспора этого времени. В последних десятилетиях IV в. н.э. на Боспорское государство обрушилась еще более опустошительная, чем предшествующие, волна гуннского нашествия. Этим завершилась античная эпоха в истории Северного Причерноморья.

Однако и после страшных опустошений, причиненных гуннами, Пантикапей, Фанагория, Гермонасса и некоторые другие северопопонтийские города не прекратили своего существования. Правда, как показывают раскопки, Пантикапей этого времени сильно уменьшился в своих разме-

рах; значительную часть площади прежнего города занял некрополь. Политическая история Боспора в период раннего средневековья освещена довольно скудно; видимо, до начала VI в. н.э. там господствовали гунны (*Procop., de b. Pers.*, I, 1), вероятно, к VI в. н.э. относится правление довольно загадочного боспорского царя Т. Ю. Диуптуна — Διουπτοῦνης (IOSPE, II, № 49¹).

Херсонес также продолжал существовать. Как показывает надпись⁹ императора Зенона 488 г. н.э. и другие свидетельства, этот город находился под эгидой Восточной империи.

* * *

Постоянной особенностью северопонтийских городов было то, что доминирующее положение в них всегда принадлежало грекам. Хотя в V—II вв. до н.э. в эти города вливалось много эллинизированных варваров, характер культуры и населения в основном оставался греческим. В дальнейшем греческие элементы подверглись в той или иной мере варваризации. Однако она не касалась языка: как официальным, так и общеупотребительным языком всегда оставался греческий, иногда утративший чистоту, что отмечал Дион Хрисостом. Даже для боспорцев языки соседних племен были непонятны, о чем свидетельствует наличие коллегий аланских переводчиков, известной по посвятительной надписи 208 г. н.э.¹⁰

Общераспространенная на Северном Понте любовь к древним поэтам и особенно Гомеру засвидетельствована Дионом Хрисостомом, некоторыми graffiti на черепках, воздействиями на творчество местных поэтов. Последнее нам известно по эпитафиям, главным образом первых веков н.э. Жители северопонтийских городов проявляли интерес и к философии, внося в нее скромный вклад. Вспомним Биона Борисфенита, популяризатора кинической школы, и Стоика Сфера — содеятеля спартанского царя-реформатора Клеомена. Были там и местные историки. Имя Сирииска-херсонесца засвидетельствовано эпитафией (IOSPE, I², № 344). Видимо, существовали боспорские хроникеры, вероятно позволившие Диодору описать борьбу сыновей Перисада I. Имя боспорского ученого I в. н.э. Стратоника сохранено его эпитафией¹¹.

Все это рисует греческую культуру на Северном Понте, имевшую несколько провинциальный характер.

В VI—II вв. до н.э. социально-экономический строй северо-понтийских городов носил чисто античный характер. Культурный облик граждан этих городов в первые века их существования был чисто эллинским, типичным для греков-палестритов.

Однако в боспорском обществе уже в IV в. до н.э. наблюдается одно своеобразное явление, резко отличающее его от эллинизма Средиземноморья. Бытовой обиход и художественные вкусы основной массы гражданства боспорских городов этого времени, судя по находкам при раскопках различных предметов, и в частности терракотовых фигурок, не имели существенных отличий от общегреческих. Однако проникновение на Боспор синдо-меотской знати наложило некоторую печать на круг культурных интересов высших слоев боспорского общества, что сказа-

лось и на облике северопонтийских городов уже в IV в. до н. э. Дело в том, что на Боспоре не только в VI в. до н. э., когда города были небольшими и бедными, но и в богатом Пантикапее IV в. до н. э. очень мало скульптуры. Греческая скульптура, с которой неразрывно связана идеология античного полиса — мировоззрение атлета-гражданина, представления о калокагии, *καλοκαγαθία*, не казалась столь необходимой правящим кругам Боспора. Статуи и рельефы этого времени сравнительно в малом числе встречаются при раскопках Пантикапея, не говоря уже о других боспорских городах. Вместе с тем на Боспоре большое распространение получила торевтика, в частности нашивка золотых бляшек на одежду, что придавало ей полуварварский характер. Другими словами, во вкусах боспорского общества IV в. до н. э. сказался некоторый налет представлений варварской знати, несколько заслонивший мировоззрение эллинского гражданства.

Боспорская торевтика IV в. до н. э. очень своеобразное и вместе с тем сложное явление, синкретически сочетавшее эллинское художественное творчество с некоторыми чертами, порожденными местной средой; лучшие произведения ее под наименованием «скифское золото» стяжали мировую известность.

Воздействие варварского мира на боспорское общество еще резче сказалось в первых веках нашей эры. Оно проявилось в одежде, оружии, быте, распространении верховой езды, погребальных обрядах, неразрывно связанных с сарматизацией населения боспорских городов. В это время сам Боспор стал центром, где выкристаллизовались некоторые явления, вероятно порожденные сарматским миром. Так, в формировании полхромного стиля ювелирных изделий, видимо, сыграли значительную роль мастерские пантикапейских торевтов. Равным образом возникшие в сарматской среде тамгообразные знаки получили большое распространение на территории Боспора.

* * *

Северное Причерноморье внесло значительный вклад в эллинскую культуру. Начало этому было положено очень рано, еще во времена мифической древности, когда все идеи выражались в сказаниях, облеченных в мифологическую форму. О мифах, сложившихся в конце II — начале I тысячелетия до н. э., в связи с Северным Понтом мы уже говорили. Со времени возникновения северопонтийских полисов туманная мифологическая завеса постепенно рассеивается и Северное Причерноморье вступает в орбиту полнокровной греческой науки, носителями которой являются Гекатей, Геродот, Гиппократ и др. Северное Причерноморье становится своего рода «окном» для эллинской науки, позволяющим ей заглянуть в обширные страны, без чего она оставалась бы ограниченной Средиземноморьем, зоной винограда и маслины. Эллинам благодаря этому получили представление о странах с умеренным (для греков холодным) и действительно холодным климатом.

Сведения о Северном Причерноморье не ограничивались побережьем и прилегающей к нему степной полосой; они простирались далеко на восток, северо-восток и север. Вопрос о глубине проникновения греков в

Скифию весьма сложен. Для решения его очень существенна находка в Немировском городище сосуда с греческой надписью конца VII — начала VI в. до н.э.: Λίχη μ¹². Сосуд этот местного производства, поэтому несомненно, что надпись сделана на месте; а тогда сделавший ее грек поднялся вверх по Бугу более чем на 300 км. Содержание надписи: «получи меня по жребию» связано с застольной игрой, характерной для быта греков. Поэтому исключается предположение, что этот грек был рабом, да и самое предположение о греческих рабах в тех местах в столь раннее время мало правдоподобно.

Проникавшие так далеко греческие купцы вряд ли ограничивались немим обменом, не разговаривая с варварами. Поэтому они могли получать сведения о близких и более далеких местностях. В связи с этим напомним свидетельство Геродота (IV, 13) об Аристее из Проконнеса, который писал, что за скифами обитают исседоны, затем аримаспы, после гиперборей, за которыми находится море. Это свидетельство о наличии за гиперборейями моря, а не океана, который можно было бы ожидать в обычной мифологической версии, позволяет предполагать, что оно восходило к источникам, имевшим под собой реальную основу, возможно, до него дошли хотя бы туманные сведения о самом близком из морей, т. е. Балтийском. Геродот (IV, 101) в другом месте сообщает, что от моря (Понта) до меланхленов — 4000 стадий, т. е. около 740 м. Это расстояние, видимо, было измерено, хотя бы и приблизительно. Достоин внимания, что почти на такое же расстояние на север от моря, а именно в район Курска, проникали чернофигурная керамика и остродонные амфоры конца VI в. до н.э.

Сведения о более отдаленных территориях поступали на северные берега Понта лишь понаслышке, через нескольких посредников.

Во всяком случае, известия доходили иногда издалека. Другое дело, что нередко трудно сказать — откуда именно.

Говоря о странах, расположенных на север от Причерноморья, прежде всего нужно отметить упоминание Геродота (IV, 7 и 31) о снежных зимах и, возможно, об арктическом климате. Еще острее встает вопрос о знакомстве с севером в связи с находкой гипсового рельефа эллинистического времени в мастерской торевта в Мемфисе. Там на небольшом рельефе изображена женщина в длинной одежде, подобной дохе, которая доит самку оленя, рядом стоит олень и сидят две собаки; эта сцена, напоминающая быт кочевников Севера, вряд ли могла бы появиться без всякого знакомства с ним. В пользу связи с далеким севером говорят находки костей и рога северного оленя в Ольвии¹³. Конечно, это не дает основания предполагать какие-то прямые связи с отдаленными районами; речь может идти скорее о торговом обмене через ряд промежуточных звеньев.

Кл. Птолемей, нанесший на свою карту Балтийское море, на западном побережье которого им отмечены венеты, в северо-восточной части Европы, довольно точно передает Волгу и впадающую в нее большую реку примерно на месте Камы (V, 8, 13). Страны к востоку от Северного Причерноморья также были известны на значительном протяжении до северного Прикаспия и Приаралья. Об этом свидетельствует восточный путь из Ольвии, описанный Геродотом (IV, 18—27), а подтвержде-

нием служит проникновение ольвийских бронзовых зеркал VI в. до н.э. до района Орска. Однако далеко не все в повествовании Геродота оказывается вполне ясным, например, вопрос о местонахождении исседонов. Геродот помещает их к востоку от аргиппеев. Одни из исследователей думают, что исседоны жили около реки Исети, другие — в Средней Азии.

Таким образом, знакомство с Северным Причерноморьем пополнило античную науку сведениями о географии Юго-Восточной Европы, протекающих там реках, долинах, существовавших там флоре и фауне, познакомило со странами более холодного климата. Значительно обогатились представления об этнографии скифов и других племен. Степной мир, особенно быт кочевников, их соматический облик, одежда, оружие, нравы, религиозные представления стали достоянием античной науки, способствуя приобретению ею более универсального характера. Должно отметить, что, хотя в Северном Причерноморье численно превалировали земледельцы, внимание греков в большей мере привлекали кочевники, более своеобразные по колориту и вместе с тем игравшие большую политическую роль.

Античные центры Северного Причерноморья, обогатив эллинский мир новыми идеями в науке, кроме того, способствовали появлению новых образов в искусстве. Это сказалось прежде всего в боспорской торевтике, где мы находим выразительные сцены из жизни северопонтийских варваров в характерной для них обстановке, передачу их лиц, причесок, одежды, оружия, изображения их сражающимися или дрессирующими лошадей.

В произведениях античной литературы тематика, связанная с жизнью варваров Северного Причерноморья, тоже играла некоторую роль и в эллинистическое время, и в первых веках н.э. (Лукиан). Одной из своеобразных особенностей античной литературы, начиная с Гомера, и особенно в лице Эфора, являлась идеализация варваров Северного Причерноморья, изображавшихся в виде добродетельных кочевников, живущих согласно природе, которые противопоставлялись развращенному населению средиземноморских городов.

Мы уже говорили о значительном обогащении греческой науки в результате знакомства с северопонтийскими странами. Это обогащение выразилось не только в накоплении и освоении новых данных, но и в сопоставлении научных материалов, полученных из стран Северного Понта, с данными Средиземноморья. Это способствовало развитию научных теорий, позволило эллинским ученым поставить ряд проблем, которые едва ли могли бы возникнуть при иных обстоятельствах: например, такой вопрос, как воздействие жары и холода на организмы животных или воздействие быта кочевников на организм человека. Тем самым античная мысль поднималась на большую высоту.

Итак, хотя крупнейшими очагами античной культуры были средиземноморские страны, однако и северопонтийские центры внесли в нее свой вклад, что придало ей еще более универсальный характер.

¹ Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. — Тр. РАНИИОН, М., 1928, II, с. 54 и сл.; Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, с. 19 и сл., с. 26 и сл.

² Young R. S. The Campaign of 1955 at Gordion. — AJA, 1956, vol. 60, p. 263, 264;

- Young R. S. The Gordion Campaign of 1957: Preliminary Report. — *AJA*, 1958, vol. 62, p. 142, 154.
- ³ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, с. 170, 175, 183, 187 («Скифский язык»).
- ⁴ О наличии автохтонного фракоязычного населения на Боспоре см.: *Russu I. I. Elemente traco-getice în Sciția și Bosporul Cimmerian*. — *SCIV*, 1958, IX, 2, p. 314 et suiv.
- ⁵ *Rostowzew M. Skythien und der Bosporus*. Berlin, 1931, S. 172, 174, 178.
- ⁶ Зограф А. Н. Античные монеты. — *МИА*, 1951, № 16, с. 176.
- ⁷ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 137, табл. XXXIII, № 22.
- ⁸ *Zgusta L. Die Personennamen Griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha, 1955, S. 248, 250, 258; *Russu I. I. Elemente...*, p. 308.
- ⁹ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен. СПб., 1896, № 7.
- ¹⁰ Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 году. — *ИАК*, 1911, 40, с. 112 и сл., № 28.
- ¹¹ Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1913 году. — *ИАК*, 1914, 54, с. 71 и сл., № 5.
- ¹² Граков Б. Н. Греческое граффито из Немировского городища. — *СА*, 1959, № 1, с. 259 и сл.
- ¹³ Пидопличко Н. Г., Топачевский В. А. Лось и северный олень в доисторическом прошлом. — *Природа*, 1953, № 7, с. 101—103.

ПЕРИОД ПРОТОЭЛЛИНИЗМА НА БОСПОРЕ *

Вопрос, которому посвящен настоящий очерк, теснейшим образом связан с историей взаимоотношений греческого мира с варварским. Связи эллинов с чужестранцами, как известно, установились уже с древнейших времен, и вместе с тем характер их с течением времени испытал значительные изменения. Как нам представляется, историю взаимоотношений греков с варварами можно разделить на три этапа.

Первый этап — это время формирования подъема и расцвета полисной системы у эллинов, т. е. примерно с IX до начала IV в. до н. э. Характерной особенностью этого времени является сравнительно слабое развитие экономических, политических и культурных связей, которое не приводит к сколько-нибудь существенным изменениям как в варварских странах, так и в самом эллинском обществе. Причем это относится не только к полисам метрополии, но в значительной мере и к греческим колониям, в том числе и к малоазийским; они, несмотря на политическую зависимость от Персии и некоторое культурное воздействие Востока, сохраняли свою полисную систему.

Второй этап охватывает сравнительно небольшой промежуток времени, а именно значительную часть IV в. до н. э. Те новые черты, которые свойственны этому времени, выступают с полной отчетливостью не повсеместно, напротив, они в значительной мере имеют локальный характер. Этот этап мы назовем протоэллинистическим; он отличается установлением значительно более тесных связей между античным миром и варварским в ряде окраинных государств, в частности на Боспоре, сопро-

* *Blawatsky W. D. Il periodo del Protoellinismo sul Bosporo*. — *Atti del Settimo Congresso Internazionale di Archeologia classica*. Roma, 1961, vol. III, p. 49—66.

вождаемых расцветом этих стран. Отмеченным явлением мы предполагаем заняться в настоящей работе.

Наконец, третьим этапом является период эллинизма (примерно 323—30 гг. до н.э.), когда после широкого проникновения эллинов на восток произошли значительные изменения как в восточном, так и в греческом обществе, обусловившие становление новой, эллинистической культуры.

Нет надобности особо останавливаться на том, что условия существования античных государств Северного Причерноморья, особенно Боспора, с раннего времени находившегося в окружении местных племен и в тесном контакте с последними, существенно отличаются от тех условий, в которых развивались полисы Балканского полуострова, находя некоторые параллели в истории греческих государств периферии эллинского мира Малой Азии, Сицилии, Фракии и отчасти Кипра.

Характер взаимодействия эллинских полисов с окружавшим их негреческим населением всегда во многом зависел от социально-экономического развития последнего. Так это было на Понте, так было и в Средиземноморье. В качестве примеров назовем хотя бы Гераклею Понтийскую, где покоренное местное население — мариандины оказались в положении, близком спартанским илотам, и совсем отличный от нее Навкратис, представлявший собою автономный торгово-ремесленный центр на территории Египта.

Показательный пример различного характера взаимодействия эллинских полисов с местным населением на Северном Понте нам дают наблюдения над синдами и таврами. Довольно высокое социально-экономическое развитие синдов обусловило тесные связи их с античным миром задолго до включения их в Боспорское государство. Вместе с тем синдская знать вошла в правящие круги Боспорского государства и из среды ее, возможно, вышла династия Спартокидов. Иной характер имели, по-видимому, часто довольно враждебные отношения Херсонеса с таврами: последние находились на невысоком уровне социально-экономического развития, с чем были связаны слабые экономические взаимоотношения их с Херсонесом.

Первая и вторая треть IV в. до н.э. были временем, когда греческие полисы в южной части Балканского полуострова испытывали тяжелый кризис. Усиление имущественного неравенства, обострение социальных противоречий, войны, связанные с борьбой за гегемонию, были тому причиной. В ряде полисов намечался избыток свободного населения, который не мог быть устранен спросом на наемных солдат и перемещением части населения из метрополии. Все это показывает, что старая полисная система вступала в острые противоречия с новыми историческими условиями, и прежде всего с экономическими отношениями. Одним из выходов из этого острого социально-экономического кризиса, расшатывавшего полисную систему, в дальнейшем явилось македонское завоевание и последовавшие за ним события.

В отличие от напряженного положения в греческой метрополии, именно в это время создались особенно благоприятные условия для развития государств, расположенных на окраинах античного мира: Сицилии, Кари, Македонии, Боспора. Эти окраинные государства включали и гре-

ческие города, и сельскохозяйственные территории, занятые местными, неэллинскими землепашцами. Сложившиеся там социально-экономические условия привели к возникновению государственных образований, в некоторых отношениях приближавшихся к эллинистическим монархиям, однако отнюдь не идентичных им. Эти протоэллинистические государства отличались от громадных эллинистических монархий не только более скромными размерами и меньшей исторической ролью. Еще более существенно то обстоятельство, что они возникали по большей части на территориях, далеко не достигших такого уровня развития, как страны древневосточных цивилизаций.

В протоэллинистических государствах имело место активное воздействие эллинского общества на варварское, а иногда их значительное взаимодействие. При этом в иных случаях объединения эллинских городов подчиняли себе варварскую хору, в других сами греческие города оказывались под властью эллинизированного правителя.

Отмеченное нами слияние окраинных эллинских полисов с местными обществами определило особый путь их исторического развития, значительно отличный от судеб государств греческой метрополии в IV в. до н. э.

Протоэллинистический период в истории названных окраинных стран был временем их большого подъема. Но должно подчеркнуть, что этот расцвет не был общегреческим, в значительной мере имея локальный характер.

Говоря о некоторых общих чертах, свойственных упомянутым окраинным государствам, мы, разумеется, отнюдь не склонны забывать, что они заметно отличались одно от другого,— пожалуй, не меньше, чем эллинистические монархии между собой. Так, в сложившейся ранее других Сицилийской державе Дионисия всегда преобладали эллинские элементы, а сама держава в значительной мере имела военный характер, с чем было связано большое развитие в ней военной техники (метательных механизмов) и кораблестроения. Кария во времена Мавзола представляла собою сильно эллинизированную сатрапию. Македония во времена, предшествовавшие Александру,— полуварварское государство, включавшее ряд чисто греческих городов. Наконец, Боспор во времена Левкона I и Перисада I состоял из эллинских полисов, подчинивших себе территории, занятые земледельческими племенами, преимущественно меотскими. В отличие от более развитых эллинистических монархий (и, пожалуй, других протоэллинистических государств), Боспорская держава отличалась большей устойчивостью, надолго пережив их, она существовала вплоть до конца античного мира.

Однако при всех этих различиях характерной особенностью всех протоэллинистических государств является наличие в основном общей для них государственной формы, отвечавшей вновь возникшим потребностям. Это не старый греческий полис, не объединение полисов типа ионийской лиги в Малой Азии, не гегемония, подобная спартанской, не афинская *ἀρχή* и не более поздние Ахейский и Этолийский союзы. Это новая государственная форма, характеризующаяся наличием в ней греческих городов и варварской хоры под властью единодержавных правителей. Эти правители носили различные наименования (полновластного

стратега, сатрапа, царя). Особой прозрачностью отличается титул боспорских правителей IV в. до н.э. Так, Левкон I именовался: ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ βασιλείων Σινδῶν, Τορετέων, Δανδαρίων, Ψησῶν¹ т. е. архонт над полисами и царствующий над племенами. Ближним по характеру был также и титул преемника Левкона — Перисада I².

Нужно думать, что этот двойственный характер титулатуры отражал не только этническое различие его подданных, но и различие в характере политического устройства, а также и различие в социально-экономической структуре составных частей Боспорского государства. Мы имеем в виду наличие в державе Спартокидов: 1) греческих полисов с их хорошей, где хозяйство было основано на античной системе рабовладения, и 2) обширных земель, принадлежавших местным племенам, верховным собственником которых (κύριος, согласно Демосфену³) был боспорский правитель.

Производившиеся в течение последних лет раскопки синдских поселений (деревень) на Таманском полуострове показали наличие очень оживленных экономических связей их с эллинским миром, и прежде всего с боспорскими городами на протяжении конца VI—V в. до н.э.⁴

В IV в. до н.э. еще более усилились экономические связи боспорских городов как с населением Керченского полуострова⁵, с одной стороны, так Таманского полуострова и низовьев Кубани⁶ — с другой. Насколько они были значительными, можно судить по тому, что подавляющее большинство фрагментов керамики, встречаемой при раскопках в синдских поселениях на Таманском полуострове, представляют собою черепки амфор и других античных сосудов.

Тесные экономические связи греческих городов Боспора с варварской хорошей, нужно думать, были важнейшей предпосылкой их объединения. В силу этого можно полагать, что государство Левкона I и Перисада I было именно той государственной формой, которая отвечала новым потребностям.

Однако так же, как и возникновению эллинистических монархий предшествовало македонское завоевание державы Ахеменидов, так и греко-варварское государство Спартокидов, видимо, могло сложиться лишь после успешных завоеваний Левкона I, когда к боспорским городам были присоединены не только Феодосия, но также местные племена Таманского полуострова и нижнего течения Кубани.

Как известно, предпосылкой возникновения эллинистического мира была греко-македонская экспансия и последовавшие за нею волны греческих переселенцев в восточное Средиземноморье. Завоевания Александра Великого, если не считать неуспешного похода Зопириона⁷ на Ольвию, не коснулись Северного Причерноморья, однако независимо от них аналогичные волны⁸ эллинов устремились в IV—III вв. до н.э. в Северное Причерноморье, во всяком случае в Пантикапей. Об этом, прежде всего, свидетельствуют данные лапидарной эпиграфики. Они позволяют заключить, что в столице Боспора проживали пришельцы не только из близких городов: Кеп⁹, Феодосии¹⁰ и Херсонеса Таврического¹¹, но также и из Византии¹², пафлагонцы¹³, ионяне (из Колофона¹⁴ и с Хиоса¹⁵), халкидяне¹⁶, пирейцы¹⁷, афиняне¹⁸, аркадяне¹⁹ и, наконец, выходцы из далеких Сиракуз²⁰ и Кипра²¹. Далее отметим свидетельство

Диодора²² о пребывании на Боспоре наемных солдат: эллинов и варваров — и упоминание того же автора²³ о том, что Евмел (309—303 гг. до н. э.) принял и поселил в своем царстве тысячу каллатайцев с их семьями, а также о помощи, оказывавшейся этим царем византийцам, синопийцам и другим эллинам, жившим по берегам Понта.

Население Пантикапея пополнялось в IV в. до н. э. не только пришельцами-греками. Туда проникали также, вероятно, в немалом числе синды, меоты и представители других племен. На это указывают надгробные памятники с иранскими²⁴ и фракийскими²⁵ именами, характер погребального обряда и инвентаря в ряде могил и, возможно, архитектура склепов с уступчатыми перекрытиями, истоки которой, вероятно, связаны с погребальными сооружениями в курганах местных племен Причерноморья²⁶.

При этом должно отметить, что близость курганных погребений некрополей европейской части Боспора, аналогичных гробницам нижнего Прикубанья, позволяет заключить, что в это время высшие круги Боспорского государства были тесно связаны с синдо-меотской аристократией и в них вряд ли вошла в сколько-нибудь значительном числе скифская знать. Показательно, что погребения скифского характера на европейском Боспоре совершенно единичны²⁷.

В начале периода эллинизма грандиозные волны греко-македонских переселенцев, двинувшихся на восток, обусловили возникновение там новых и рост старых городов. Аналогичное явление, но, разумеется, в значительно меньшем масштабе наблюдалось в Северном Причерноморье в IV—III вв. до н. э., чему до сего времени обычно не уделялось внимания. Между тем мы располагаем некоторыми археологическими материалами и прямыми указаниями древних авторов, свидетельствующими об основании некоторых городов на территории Боспорского государства в период правления Спартокидов. Такова Киммерида, или Киммерик, на азиатском берегу. По свидетельству Псевдо-Скимна²⁸, *Κίμμερις πόλις* был основан боспорскими тиранами. Таковыми могли быть только Спартокиды, и притом, по всей вероятности, не позднее чем во времена Перисада I²⁹. Это свидетельство не исключает предположения, что город был построен на месте более древнего поселения, как это можно заключить по словам Страбона³⁰. Тот же автор³¹ говорит, что Танаис был основан эллинами с Боспора; как показывают археологические исследования, возникновение этого города, скорее всего, имело место примерно в конце IV — начале III в. до н. э.

Также и сопоставление свидетельств письменных источников о Синдской гавани³² и Горгиипии, вероятно основанной Горгиипом³³, с данными археологических исследований Анапы приводит к следующим выводам³⁴: эмпорий «Синдская гавань», существовавший на месте Анапы в последних десятилетиях VI — начале IV в. до н. э., был сменен городом Горгиипией, основанным в первой половине IV в. до н. э.

Рост старых городов в Северном Причерноморье, судя по доступным нам материалам, вполне отчетливо можно наблюдать, во всяком случае в крупных центрах — Ольвии, Херсонесе, Пантикапее и Фанагории³⁵. В IV в. до н. э. значительно увеличились площади городской застройки как в Ольвии³⁶, так и в Херсонесе³⁷. Более сложную картину наблюдаем

мы в Пантикапее³⁸: городская территория боспорской столицы в период правления Спартокидов расширялась по меньшей мере три раза — в IV, III и II вв. до н. э.

В IV в. до н. э. развитие градостроительства выступает и в других центрах протоэллинистических государств: в Сиракузах и Галикарнассе, а несколько позднее и в Севтополе³⁹.

Остановимся теперь на вопросе о социально-экономической структуре протоэллинистического Боспора. Мы уже говорили о том, что он состоял из двух разнохарактерных элементов — греческих полисов и варварской хоры.

Племенной мир Северного Причерноморья несомненно представлял собою общество значительно более молодое и менее развитое, чем земледельческое население восточных окраин, обладавших древней цивилизацией, — тех стран, которые были составными частями державы Ахеменидов, а позднее вошли в эллинистические монархии. Это относится ко всем коренным обитателям Северного Причерноморья в IV в. до н. э., не исключая самых передовых, как синды и меоты; обитатели низовий Кубани были такими во времена Левкона I и такими, вероятно, оставались и при его преемниках.

Раскопки синдских деревень азиатского Боспора позволяют заключить, что в IV в. до н. э. уровень материального благосостояния их обитателей хотя и уступал уровню жизни боспорских городов того же времени, но все же не был низким. Вместе с тем, судя по находкам, обитатели этих деревень вели самую оживленную торговлю с боспорскими городами и через их посредство получали товары (прежде всего вино) из средиземноморских центров. Все это, равно как и характер размещения этих населенных пунктов и построек в них, не дает основания видеть в этих земледельцах рабов. Более вероятным представляется, что социально-экономический строй племен азиатского Боспора характеризовался ведущей ролью в производстве зависимого общинника — землепашца, над которым стояла племенная знать, вероятно владевшая некоторым числом рабов.

Возможно, что после включения местных племен в состав Боспорского государства племенная знать в ряде случаев стала управлять отдельными общинами. Однако верховным собственником всех земель, принадлежавших местным племенам, теперь стал правитель Боспора.

Административное управление территориями местных племен, видимо, было несложным. Вероятно, вся территория делилась на комы (*κομαι*) — небольшие округа, которыми управляли магистраты, назначавшиеся правителем Боспора. Свидетельство Полиэна⁴⁰ о том, что Левкон предоставлял власть и управление (*ἀρχὰς καὶ ἐπιμελείας*) над комами родственникам триерархов, свидетельствует о тесном социальном положении боспорских комархов. Во всяком случае, положение комархов в государстве Спартокидов было значительно выше, чем у одноименных мелких магистратов в птолемеевском Египте⁴¹.

Если исходить из перипла Псевдо-Скилака, относящегося к 3-й четверти IV в. до н. э., в его время городами в европейской части Боспорского государства считались пять населенных пунктов⁴²: Феодосия, Китей, Нимфей, Пантикапей и Мирмикий, а в азиатской части только четы-

ре⁴³: Фанагория, Кепы, Синдская гавань и Патус⁴⁴. Между тем, по археологическим данным, в это время количество небольших городов как в европейской, так и в азиатской части Боспора было значительно больше. Вполне возможно, что в государстве Спартокидов полисным самоуправлением пользовалась лишь часть городов⁴⁵. Некоторые же небольшие города, вероятно, находились на положении ком.

Старые города, составлявшие первоначальную основу Боспорского государства, и во времена правления Спартокидов, видимо, сохраняли органы самоуправления, а некоторые из них (Фанагория, Феодосия, Горгиппия) временами чеканили монету. Несколько менее ясен вопрос о городской чеканке Пантикапея, от имени которого выпускалась основная монета Боспорского государства в IV в. до н. э.

Хозяйство боспорских городов, нужно думать, в основном было аналогичным хозяйству греческих полисов. Однако должно сознаться, что вопрос о хозяйстве на территории хоры боспорских городов почти не освещен письменными источниками⁴⁶. Этот пробел может быть восполнен посредством привлечения археологических памятников Боспора и сопоставления их с лучше сохранившимися памятниками Херсонеса Таврического.

Герacleйский полуостров — хора Херсонеса — привлекал внимание русских археологов со времен присоединения Крыма к России. В 1786 г. была составлена первая археологическая карта этого района⁴⁷. После этого неоднократно Герacleйский полуостров подвергался изучению⁴⁸. Однако только работы последних лет по-настоящему познакомили нас с этим очень хорошо сохранившимся античным сельскохозяйственным районом, разделенным дорогами на прямоугольные клеры, которые в свою очередь делятся и по настоящее время — хотя бы слабо заметными стенками — на поля, сады, виноградники и другие участки⁴⁹. Общий характер этих памятников близко напоминает картину рабовладельческих хозяйств, которую дают нам древние агрономы, и в частности Катон⁵⁰.

К сожалению, на Боспоре сохранность межей, стенок и других сооружений, которые могли бы способствовать восстановлению картины древнего сельского хозяйства, значительно хуже, чем на Герacleйском полуострове. Тем не менее в юго-восточной части Керченского полуострова, недалеко от Чурубашского озера, отмечены следы разделенных стенками древних земельных участков, план которых был составлен еще в 1852 г. топографом Рябовым⁵¹. Собранный там подъемный материал относится ко времени начиная с IV—III вв. до н. э. Размежка участков у Чурубашского озера схожа с клерами Херсонеса Таврического. Поля около Чурубашского озера находятся примерно в 5 1/2 км от боспорского города Нимфея и, вероятно, принадлежали к хоре последнего. Это обстоятельство позволяет нам более отчетливо представить, какой была организация сельскохозяйственной территории одного из боспорских городов.

Четвертый век до н. э. был временем значительного развития боспорских ремесел. Лучше других нам известно керамическое производство благодаря обилию находок черепиц, различных сосудов, а также других изделий и их обломков, не говоря уже о гончарных печах⁵². Однако не подлежит сомнению, что в хозяйстве Боспора не меньшую роль играло

столярно-плотницкое дело⁵³, каменотесно-строительное и, возможно, металлургия⁵⁴. Говоря о последней, нужно подчеркнуть особое место, которое занимала на Боспоре торевтика⁵⁵. Ювелирное дело и чеканка монеты засвидетельствованы в Пантикапее еще в VI в. до н. э.⁵⁶ В IV в. до н. э. размеры ювелирного производства сильно расширились. Оно обслуживало не только боспорскую аристократию, но также вождей меотских и скифских племен. Вместе с тем художественный уровень работ боспорских ювелиров достиг в это время исключительной высоты.

Нет необходимости особо останавливаться на большом значении торговли Пантикапея и вывоза боспорского хлеба в Атику, а также другие греческие центры⁵⁷.

Здесь мы отметим, что археологические исследования показывают, что в IV в. до н. э. распространение античных товаров не ограничивается только территорией местных племен, входивших в состав Боспорского государства. В это время указанные товары проникают значительно дальше, в глубь степей⁵⁸. Это свидетельствует о большом расширении сферы экономической экспансии Боспора в северо-понтийские страны, для которых боспорские города стали теперь важнейшими торгово-ремесленными центрами.

Сказанное способствовало значительному подъему Боспора в IV в. до н. э., расцвет которого был блестящим, хотя и не очень продолжительным.

Благоприятные экономические условия обеспечили обильную монетную чеканку Боспора. Пантикапейские золотые статеры стали выпускаться около 375 года до н. э.⁵⁹, т. е. значительно раньше⁶⁰ золотых статеров македонского царя Филиппа II. Тесная стилистическая близость некоторых изображений в боспорском золотом монетном чекане и торевтике позволяет предположить связь пантикапейских монетариев и хотя бы части торевтов. Скорее всего, последние работали в царских мастерских.

В этих условиях для Боспора оказалось возможным, подобно эллинистическим государствам, содержать значительную наемную армию, состоявшую из эллинов (в частности, аркадян), пафлагонцев и фракийцев, а также флот, на службу в который вербовались афинские матросы. Эти вооруженные силы обеспечивали не только охрану границ, но и военную экспансию, четко наблюдаемую во времена Перисада I⁶¹; позднее, рассчитывая также на них, строил свои завоевательные планы Евмел I⁶².

Экономический расцвет Боспорского государства в IV в. до н. э. сделал возможным грандиозные градостроительные работы в его столице — Пантикапее. Этот город, как известно, располагался на вершине, на склонах и подножии горы, ныне именуемой горой Митридата. Как показали раскопки, которые ведутся в течение последнего десятилетия, в IV в. до н. э. склоны горы были превращены в систему террас, поддерживаемых подпорными стенами. Эти террасы со всех сторон опоясывали гору. Возможно, данную особенность планировки боспорской столицы имели в виду Страбон⁶³, говоривший о Пантикапее, что это *λίφος ἐστὶ πάντῃ περιόχόμενος*, а также Аппиан⁶⁴, писавший о том, как Митридат смотрел *ἐκ περιλάτου* т. е. с кругового обхода, на коронавание его сына Фарнака.

Таким образом, планировка Пантикапея не следовала регулярной, так называемой Гипподамовой планировке, как известно, свойственной другим крупным городам Северного Причерноморья⁶⁵. Напротив, она была свободна от какой-либо схемы, подчиняясь живописным и причудливым очертаниям иногда довольно пологих, а местами крутых склонов горы. К сожалению, остатки террасных сооружений IV в. до н.э., а равно и стоявших на них зданий, дошли до нас по большей части в виде ничтожных развалин. Они были сильно повреждены при строительных работах III—II в. до н.э., бурных военных событиях конца II — первой половины I в. до н.э., грандиозном землетрясении 63 г.⁶⁶ до н.э. и особенно при восстановительных работах во второй половине I в. до н.э. При этих восстановительных работах нередко заново возводились террасы, причем местами на обширных участках начисто срывались все культурные напластования до материка, поверхность которого получала очертания громадных уступов.

На вершине Митридатовой горы находился акрополь. В IV в. до н.э. были произведены обширные работы для усиления оборонительных сооружений этого акрополя. При этом в некоторых местах колоссальные выходы скалы на значительном протяжении подвергались особой обтеске. Так, в одном месте подобный выход скалы, служивший основанием крепостных стен и башен, был обработан в виде вертикальной стены высотой в 3,5 м, совершенно непреодолимой для стенобитных орудий того времени.

Не приходится говорить о том, что подобные сооружения требовали значительных средств. О богатстве боспорской знати именно в это время — в IV — начале III в. до н.э. — свидетельствуют также подкурганые погребения в склепах с уступчатыми перекрытиями, известных нам по некрополю Пантикапея и других городов Боспора.

Переходя к вопросу о культуре Боспора в период протоэллинизма, следует отметить в основном греческий характер последней. Бесчисленные находки керамической тары, различных предметов быта, произведений искусства и орудий труда, обнаруженные при раскопках Пантикапея за последние годы, не несут сколько-нибудь заметных следов варваризации. Также могилы рядового пантикапейского гражданства с типичным палестрическим обрядом показывают значительную устойчивость греческой культуры и этноса.

Иную, значительно более сложную картину раскрывают перед нами очень богатые погребения боспорской аристократии этого времени. Эта знать, видимо более связанная с землевладением, чем с ремеслами и торговлей, очевидно, составляла хорошо вооруженную конную дружину⁶⁷ боспорских правителей, подобную гетайрам македонских царей. Погребальный инвентарь в могилах этой аристократии носит греческий характер, однако одно обстоятельство заставляет нас скорее думать об очень сильной эллинизации, чем о чисто греческом характере последней. Дело в том, что боспорские склепы с уступчатыми перекрытиями, чисто греческие по технике их исполнения, в иных случаях сооруженные с учетом самых тонких достижений классического зодчества, тем не менее генетически, вероятно, связаны с конструкциями погребальных сооружений аборигенов Причерноморья, как нам кажется, скорее всего меотов, но не

исключена возможность, что фракийцев⁶⁸. Так, боспорские склепы с уступчатыми перекрытиями в известной мере могут быть рассматриваемы как далекая, своеобразная параллель прославленному Галикарнасскому мавзолею. Говоря это, мы, разумеется, имеем в виду не архитектурные формы столь различных памятников, а лишь те культурные условия, которые связаны с истоками возникновения этих форм. Ведь в Галикарнасском мавзолее основной идейный замысел и некоторые элементы восточного зодчества также сочетались с греческими художественными формами.

Вопрос о склепах с уступчатыми перекрытиями вводит нас в область боспорского искусства. Как известно, в IV в. до н. э. мраморная скульптура и художественная керамика в основном привозились на Боспор из Греции, а самостоятельное творчество пантикапейских мастеров получило выражение в торевтике и отчасти в монетной чеканке. Боспорские ювелиры создали замечательные шедевры, которые под условным наименованием «скифского золота» стяжали мировую известность. В этих произведениях, так же как и в более поздних памятниках ювелирного искусства периода эллинизма, можно наблюдать два направления. Первое, преимущественно связанное с изображением сюжетов эллинской мифологии, отличается типизованными формами, обычными для классического искусства⁶⁹. Второе, связанное с изображением варваров, отличается ярко выраженными «этнографическими» интересами, старательной передачей внешнего облика местных причерноморских обитателей, их одежды, оружия, их поз и движений, их нравов и обычаев⁷⁰. В этих изображениях нет идеализации, свойственной классическому искусству, и заметно выступает стремление к более близкой передаче натуры, т. е. та особенность, которая была одной из черт художественной культуры периода эллинизма.

Пышный расцвет пантикапейской торевтики в IV в. до н. э., конечно, связан с особым вкусом к роскоши верхов как боспорского общества, так и аналогичного им круга у соседних варваров. Эта роскошь иногда приобретала грубоватые формы, сказывавшиеся, например, в обилии нашивных блях. Подобная черта — особый расцвет торевтики — может быть отмечена не только на Боспоре; не в меньшей мере она свойственна и другой стране на периферии античного мира, а именно Фракии⁷¹.

Такова картина экономического, политического и культурного расцвета Боспорского государства в IV в. до н. э. Особенно отчетливо он выступает в золотой и серебряной чеканке Пантикапея, развитии его торевтики, грандиозном градостроительстве боспорской столицы, получившей террасную планировку, монументальных усыпальницах на хребте Юз-Оба, в обилии лапидарных надписей. Этот расцвет Боспора в рассматриваемое время связан со сложившимися тогда особыми историческими условиями, которые были наиболее благоприятны для государств на периферии античного мира. Они не испытывали той *στεινότης* которая, по словам Платона, была тяжелым затруднением для греческих полисов метрополии в это время.

В этих новых исторических условиях возникла новая локальная форма античного государства, которую мы склонны назвать протоэллинистической. Она характеризуется соединением варварской хоры с гречески-

ми городами при обычном преобладании последних; вместе с тем правление полисных магистратов сменяется властью единодержавных правителей, нередко не греков, а эллинизованных варваров. Как мы уже подчеркивали, это явление, имевшее локальный характер, не было общегреческим. Должно также отметить, что та роль, которую играли все протоэллинистические государства IV в. до н.э. в общем ходе исторического процесса в Средиземноморье и Причерноморье, не была особенно значительной. Экономическое, политическое¹² и культурное¹³ воздействие, которое могли оказывать эти, в сущности, небольшие окраинные государства на более обширный мир эллинистических полисов, не могло сказаться на нем сколько-нибудь существенным образом. Во всяком случае, удельный вес протоэллинистических государств в античном мире нельзя приравнивать к той роли, которую позднее играли эллинистические монархии в истории Восточного Средиземноморья, в том числе и в жизни более или менее автономных греческих полисов.

По сравнению с временами Левкона I и Перисада I, в совершенно иных исторических условиях оказался Боспор с конца IV в. до н.э., когда в Восточном Средиземноморье сложились эллинистические монархии. Как мы уже говорили, в этот период контакт между греческим обществом и восточным привел к крупным структурным изменениям, имевшим не только локальное, но и более широкое значение.

В новых больших эллинистических государствах в гораздо более широких масштабах, чем когда-либо раньше, сочетались социально-экономические формы эллинистического полиса с восточной хорой и их столицы стали крупными центрами экономической, политической и культурной жизни. Вместе с тем в это время международные связи стали значительно более интенсивными и в них в той или иной мере оказались втянуты даже отдаленные страны.

Нередко очень активная внешняя политика, которую вели эллинистические монархии, получала выражение в военной и экономической экспансии, значительно изменявшей общие исторические условия. Примером может служить хотя бы интенсивный вывоз египетской пшеницы, подорвавший в первой половине III в. до н.э. хлебную торговлю Боспора с Атикой.

В этих условиях ранее расцветавшие государства, подобные Карию, Сицилии или Боспору, отступали теперь на второе место по сравнению с птолемеевским Египтом или государством Селевкидов.

Немалое значение для истории Боспора имели также и события, которые произошли в обширных Причерноморских степях в последних десятилетиях IV в. до н.э. Крушение державы Атея и движение сарматов, постепенно теснивших скифов, изменяя наладившиеся торговые связи, не могли не отразиться и на экономической жизни Боспорского государства.

В такой, сильно усложнившейся исторической обстановке завершился протоэллинистический период в истории Боспора.

¹² IOSPE, II, № 6, 7; Шкорпил В. Новонайденные боспорские надписи. — ИАК, 1917, вып. 63 с. 109, № 1; Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. — ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 57, № 1; с. 59, № 2.

- ² IOSPE, II, № 10, 11, 344, 345, 346; IV, № 418; *Шкорпил В.* Боспорские надписи, найденные в 1912 году. — ИАК, 1913, вып. 49, с. 64, № 1.
- ³ *Demosth. adv. Lept.*, 31.
- ⁴ *Блаватский В. Д.* Первый год работы Синдской экспедиции. — КСИИМК, 1952, XLVIII, с. 78 и сл.; *Он же.* Второй год работ Синдской экспедиции. — КСИИМК, 1953, 51, с. 149; *Он же.* Третий год работ в Синдике. — КСИИМК, 1955, 58, с. 89, 92; *Он же.* Четвертый год раскопок в Синдике. — КСИИМК, 1957, 70, с. 118—129.
- ⁵ *Кругликова И. Т.* Исследование сельской территории европейского Боспора. — СА, 1957, № 1, с. 224 и сл., с. 226 и сл.
- ⁶ *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. — МИА, 1951, № 19, с. 118; *Анфимов Н.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, с. 58 и сл.
- ⁷ *Macr. Saturn.* I, 11, 13; *Iust.* XII, 2, 16.
- ⁸ Нужно, конечно, отметить, что переселенческое движение на Боспор в IV в. до н. э., по своему характеру, заметно отличалось от переселения греков на восток во времена Александра. В первом случае это было мирное переселение купцов и ремесленников или же приход наемников, которые нанимались на службу боспорским правителем, во второй — движение греко-македонян было связано с военным захватом.
- ⁹ *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России. — ИАК, 1907, вып. 23, с. 42 и сл. № 26.
- ¹⁰ IOSPE, IV, № 400.
- ¹¹ IOSPE, II, № 302, № 303.
- ¹² IOSPE, II, № 21.
- ¹³ IOSPE, II, № 164, № 291, № 296.
- ¹⁴ IOSPE, IV, № 401.
- ¹⁵ IOSPE, II, № 403.
- ¹⁶ IOSPE, II, № 2.
- ¹⁷ IOSPE, II, № 1.
- ¹⁸ IG, II², № 212.
- ¹⁹ IOSPE, II, № 4.
- ²⁰ IOSPE, II, № 300.
- ²¹ IOSPE, II, № 292.
- ²² *Diod. XX*, 22.
- ²³ *Diod. XX*, 25.
- ²⁴ IOSPE, II, № 206; *Zgusta L.* Die Personennamen Griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste, S. 64, § 47; IOSPE, II, N 244=Zgusta, S. 112, § 138; IOSPE, II, N 238=Zgusta, S. 112, § 138; IOSPE, IV, N 345=Zgusta, S. 152 и f., § 230, S. 308, № 631; ИАК, 1902, вып. 2, с. 69, № 1=Zgusta, S. 63, § 46; ИАК, 1902, вып. 3, с. 42 и сл., № 7=Zgusta, S. 74, § 65, ИРАИМК, II, 1922, с. 95, III=Zgusta, S. 84, § 83.
- ²⁵ IOSPE, II, N 144=Zgusta, S. 288, § 580; IOSPE, II, № 146=Zgusta, S. 280, § 559.
- ²⁶ *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 194; *Блаватский В. Д.* О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. — СА, 1955, XIV, с. 38 и сл. Другая точка зрения см.: *Rostowzew M.* Scythien und der Bosphorus. Berlin 1931, S. 150 f.
- ²⁷ *Rostowzew M.* Scythien..., S. 177, 333, 343.
- ²⁸ *Ps. Scymn.*, 896.
- ²⁹ До Евмела (309—303 гг. до н. э.) для династии Спартокидов было характерно управление страной отцом вместе с его сыновьями, или старшим братом совместно с младшими. Лишь с воцарением Евмела, видимо, началось совершенно единоличное управление в Боспорском государстве.
- ³⁰ *Strab.*, XI, 2, 5.
- ³¹ *Strab.*, XI, 2, 3.
- ³² *Ps. Scyl. Per.*, 72; *Ps. Scymn.* 899.
- ³³ IOSPE, II; *Latyshev.* Brevis conspectus..., p. XX.
- ³⁴ *Блаватский В. Д.* Архантический Боспор. — МИА, 1954, № 33, с. 20 и сл.
- ³⁵ *Кобылина М. М.* Фанагория. — МИА, 1956, № 57, с. 24.
- ³⁶ *Фармаковский Б. В.* Ольвия. М., 1913, с. 13.
- ³⁷ *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 42 и сл.
- ³⁸ *Блаватский В. Д.* Материалы по истории Пантикапея. План города. — МИА, 1951, № 19, с. 20, 22 и 24.
- ³⁹ *Димитров Д. П.* Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. — СА, 1957, № 1, с. 199 и сл.
- ⁴⁰ *Polyaen. Strat.* VI, 9, 3.
- ⁴¹ RE, IX, Sp. 1129, s. v.
- ⁴² *Ps. Scyl.* 68.
- ⁴³ *Ps. Scyl.* 72.
- ⁴⁴ Вызывает недоумение умолчание Псевдо-Скилака о Гермонассе, которая в это время была значительным городом: о нем говорит Псевдо-Скимн [*Ps. Scymn.* 886 sq.].
- ⁴⁵ Так, согласно, правда более позднему, свидетельству Страбона (*Strab.* XI, 2, 8), Акра, которую он именовал деревушкой, находилась на пантикапейской земле. По-

- путно отметим, что положение городов, вероятно, не было неизменным, так упоминаемый Псевдо-Скилаком город Кепы, в конце V в. до н. э., возможно был на положении комы — согласно Эсхину (*Aeschin.*, III, 171), правители Боспора предоставили Кепы Гилону — деду оратора Демосфена.
- ¹⁶ Можно привлечь только свидетельство Демосфена (*Demosih. adv. Lagr.*, 32) о фео-досийском землевладельце, который обрабатывал свою землю, вероятно, пользуясь трудом рабов (*Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 168 и сл.).
- ¹⁷ Е О следах греческого города Херсона, донине видимых в Крыму. — Отечественные записки, 1822, февраль, № 22, с. 158 и сл., с. 434.
- ¹⁸ Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. — ЗОИИД, 1881, XII, отд. 1-е, с. 108 и сл.; *Montpèreux Fr. Dubois de. Voyage autour du Caucase chez Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et Crimée.* Paris, 1843, VI, p. 183 et suiv.; *Аракс З. А.* Описание Ираклейского полуострова и древностей его. — ЗОИИД, 1848, II, отд. 1-е, с. 259 и сл.; *Бертье-Делагард А. А.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. — МАР, 1893, № 12, с. 5—7; *Печенкин Н. М.* Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. — ИАК, 1911, вып. 42, с. 108 и сл.; *Бороздин Н. Н.* Археологические раскопки на Гераклейском полуострове. М., 1925; *Моисеев Л. А.* Следы ирригации, мелiorации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове. — Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1926, IX, с. 116 и сл.; *Гриневич К. Э.* Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова. Севастополь, 1929.
- ¹⁹ *Стржецкий С. Ф.* Клер Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1951, № 3, с. 85 и сл.; *Блаватский В. Д.* Земледелие..., с. 39 и сл.; *Стржецкий С. Ф.* Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э. — СА, 1957, № 3, с. 31 и сл.
- ²⁰ *Cato*, I, 17; II, 1.
- ²¹ *Гайдукевич В.* Раскопки Мирмекия и Тиритак, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. — ВДИ, 1940, № 3—4, с. 316 и сл.
- ²² *Гайдукевич В. Ф.* Античные керамические обжигательные печи. — ИГАМК, 1934, вып. 80; *Он же.* Строительные керамические материалы Боспора. — ИГАИМК, 1935, вып. 104, с. 211 и сл.; *Граков Б. Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. — ИГАИМК, вып. 104, с. 202 и сл.; *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии Истории Материальной Культуры в 1928 г. — ИГАИМК, вып. 104, с. 145 и сл.; *Зеест И. Б.* Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. — ВДИ, 1949, № 3, с. 100; *Мерперт Н. Я.* Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. — МИА, 1951, № 19, с. 29 и сл.; *Блаватский В. Д.* Новые данные о строительстве Пантикапея. — СА, 1953, XVII, с. 172 и сл.; *Книпович Т. Н.* Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. — АГСП с. 376 и сл.; *Кобылина М. М.* Фанагория. — МИА, 1956, № 57, с. 46 и сл.
- ²³ Столярно-плотничье дело засвидетельствовано, правда, значительно более поздними источниками (данные о доках Пантикапея, см.; *Strab.*, VII, 4, 4; надгробие судостроителя, см.: ИАК, вып. 63, с. 115, № 7). Согласно Феофрасту (*Theophr. h. p.*, IV, 5, 3) из Пантикапея вывозили лес, правда, сильно уступавший по качеству синопскому.
- ²⁴ *Марченко Н. Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. — МИА, 1957, № 56, с. 160 и сл.
- ²⁵ *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 339 ff., S. 392.
- ²⁶ *Зогграф А. Н.* Античные монеты. МИА, 1951, № 16, p. 164; *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 году. — КСИИМК, 1956, вып. 63, с. 119 и сл.
- ²⁷ *Demosih. adv. Lept.* 32; *Strab.*, VII, 46; Ig, XII, 2, № 3.
- ²⁸ *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. — МИА, 1951, № 19, с. 118; *Анфимов Н.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, с. 58 и сл.; *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днестре. — МИА, 1954, № 36, с. 82 и сл., 146 и сл., 148, 150.
- ²⁹ *Зогграф А. Н.* Античные монеты, с. 176.
- ³⁰ *Зогграф А. Н.* Античные монеты, с. 174.
- ³¹ Судя по доступному нам эпиграфическому материалу, пределы Боспорского государства в начале правления Перисада I были немного меньше, чем при Левконе I. Именно Левкон I царствовал над синдами, торетами, дандариями и псессами

(IOSPE, II, № 6 и 7; Шкорпил В. Новонайденные Боспорские надписи, с. 109, № 1; Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические..., с. 57, № 1, с. 59, № 2).

В одной из надписей, вероятно, относящейся к первым годам правления Перисада I, последний именуется архонтом Боспора и Феодосии, царствующим над синдами, торедами и дандариями (IOSPE, II, № 344).

По всей видимости, в дальнейшем государство Перисада I стало расширяться в своих границах. Так, нам известны надписи со следующими последовательно сменявшимися титулами: архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами и всеми меотами (IOSPE, II, № 10, 11, 345; IV, № 418), архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, всеми меотами и фатейми (IOSPE, II, № 346) и, наконец, архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, всеми меотами, фатейми и досхами (IOSPE, II, № 347).

⁶² *Diod.*, XX, 25.

⁶³ *Strab.*, VII, 4, 4.

⁶⁴ *App. Mithr.*, IV, III.

⁶⁵ Фармаковский Б. В. Розкопывания Ольбii, року 1926. Одесса, 1929, с. 40; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 41; Блаватский В. Д. О строительном деле Фанагории. Доклады и сообщения Исторического факультета (Московского университета). Книга девятая. М., 1950, с. 35.

⁶⁶ *Dio Cass.*, XXXVII, 11, 4; *P. Oros.*, VI, 5, 1.

⁶⁷ Эти всадники, вероятно, составляли ту дружину, с которой Сатир одержал победу над Евмелом в битве при Фате (*Diod.*, XX, 22).

⁶⁸ Подкуранные погребальные сооружения обитателей северочерноморских степей нередко представляли собой деревянные конструкции, в той или иной мере навешенные жилыми постройками аборигенов. Значительную роль среди них играли возведенные из дерева прямоугольные или квадратные в плане погребальные постройки, нужно думать, обычно перекрытые шатровой кровлей. По всей видимости, используя опыт подобных сооружений, возникших в местной среде задолго до IV в. до н. э., были сделаны первые попытки создать монументальные каменные гробницы, перекрытые уступчатым сводом, подражающим основным габаритам шатровых перекрытий. Однако эти местные сооружения Прикубанья (и особенно Приднепровья) как по размерам, так и по техническому уровню и художественному качеству далеко не достигли того, что было создано зодчеством Боспора в IV в. до н. э.

⁶⁹ Например, *Minns E. Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 159, 200 f.

⁷⁰ Например, *Minns E. Scythians...*, p. 164, 168, 285, 425.

⁷¹ *Svoboda B.-Cončev D. Neue Denkmäler Antiker Toreutik*. Praha, 1956.

⁷² Отметим наличие связей знаменитого политического деятеля Демосфена с боспорским правительством; последнее ежегодно отправляло афинскому оратору по 1000 медимнов хлеба (*Din. adv. Demosth.*, 43).

⁷³ Несколько сложнее обстоит дело с вопросами идеологии греческого общества в период македонского владычества. В творчестве ряда греческих мастеров, ставших придворными художниками македонских царей, выступает ряд особенностей, которые можно назвать «протоэллинистическими». Так, ярким представителем этого направления в искусстве является скульптор Лисипп (Блаватский В. Д. Греческая скульптура. М., 1939, с. 124, 142).

О ПЕРИОДЕ ПРОТОЭЛЛИНИЗМА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ *

Выдвигаемый нами вопрос о периоде протоэллинизма как в Северном Причерноморье, так и в Средиземноморье тесно связан с проблемой эллинизма в целом. Хронологические рамки периода эллинизма и границы эллинистического мира в Средиземноморье, во всяком случае в основных чертах, не вызывают особых разногласий. Единство мнений было достигнуто и по основным вопросам о сущности и характерных особенностях периода эллинизма, хотя бы значительной частью историков и археологов, принимавших участие в последней дискуссии, посвященной данной теме¹. Там эллинизм трактовался как конкретное историческое явление, возникшее в результате срастания двух обществ, вызванного определенными взаимоотношениями между эллинским миром и восточными странами, что имело место в период после завоеваний Александра Македонского. Эти взаимоотношения античного мира с «варварским» существенным образом отличаются от тех, которые имели место в более ранние времена — в период греческой колонизации и основания полисов на берегах Средиземного и Черного морей, когда они в сущности ограничивались сравнительно слабо развитой торговлей. Имеются также вполне определенные отличия и от взаимоотношений эллинов с иноземцами в IV в. до н. э., за несколько десятилетий до македонского завоевания, когда экономические связи, а равно и взаимодействия стали более значительными, чем в предшествовавшие времена.

Значительно менее ясен вопрос о периоде эллинизма в Северном Причерноморье. Эта проблема временами всплывала, но до сего времени так и не получила надлежащей разработки.

Чаще всего об эллинистическом периоде на Северном Понте говорится в археологических работах в связи с датировкой культурных напластований, заключающих керамические изделия этого времени, привезенные из Средиземноморья. Таким образом, эти исследования уклоняются не только от решения, но даже и от постановки вопроса о характере исторического процесса на Северном Понте, его своеобразии или же, напротив, полном тождестве со странами античного Средиземноморья.

С. А. Жебелев в статье «Основные линии экономического развития Боспорского государства»², опубликованной в 1934 г., впервые выдвинул положение о том, что Боспор стал государством эллинистического типа во времена правления Левкона I. Однако это положение не было подробно развито и обосновано. В последовавших работах других исследователей оно не получило дальнейшей разработки. Между тем можно отметить, что несомненно имели место некоторые сходные явления в истории Боспорского государства IV в. до н. э. и Восточного Средиземноморья в начале периода эллинизма.

* Редакция считает целесообразным опубликовать текст раннего варианта, в котором В. Д. Блаватский ставил вопрос о протоэллинизме на всем побережье Северного Понта.

Нам неоднократно приходилось бегло касаться данного вопроса, отмечая те или иные схожие явления в истории Боспора IV в. до н. э. и Восточного Средиземноморья в начале периода эллинизма. При этом мы преимущественно останавливались на вопросах, связанных с историей культуры³. Однако должно сказать с самого начала, что отмеченные нами, а равно и иные, отдельные сходные явления в истории Боспора и других античных государств Северного Понта в IV в. до н. э. и восточносредиземноморских стран эллинистического времени не дают еще основания говорить о тождестве исторических условий в обоих случаях. Судя по доступным нам данным, дело обстояло значительно сложнее. Должно при этом отметить, что решение вопроса о сущности периода эллинизма в Северном Причерноморье сильно затрудняется недостаточной разработкой социально-экономической истории северопонтийских государств, и особенно тех местных племен, которые входили в состав Боспорского царства. Между тем без четкого и надежного разрешения этих вопросов невозможно сколько-нибудь уверенно подходить к интересующей нас проблеме.

Условия существования античных государств Северного Причерноморья, особенно Боспора, с раннего времени находившегося в окружении местных племен и в тесном контакте с последними, существенно отличаются от тех условий, в которых развивались полисы Балканского полуострова, и имеют некоторые параллели в истории греческих государств периферии эллинского мира: в Малой Азии, Сицилии, Фракии.

Характер взаимодействия эллинских полисов с окружающим их местным населением во многом определяется социально-экономическим развитием последнего. Так это было на Понте, так было и в Средиземноморье. В качестве примеров назовем хотя бы Гераклею Понтийскую, где покоренное местное население — мариандины — стало основным производителем, близким по социальному положению спартанским илотам, или Навкратис, представлявший собою автономный торгово-ремесленный центр на территории Египта.

Наглядный пример различного характера взаимодействия эллинских полисов с местными племенами на Северном Понте дает нам история синдов и тавров. Довольно значительное социально-экономическое развитие синдов обусловило тесные связи их с античным миром задолго до включения их в Боспорское государство. Вместе с тем синдская знать вошла в правящие круги Боспорского государства и из среды ее, возможно, вышла династия Спартокидов. Совершенно иной характер имели, по-видимому, в основном довольно враждебные отношения Херсонеса с таврами; последние в течение почти всей античной эпохи находились на невысоком уровне социально-экономического развития, с чем было связано слабое развитие экономических взаимоотношений с Херсонесом.

Контакт северопонтийских полисов с местным населением Причерноморья начался довольно рано — это имело место с самого возникновения полисов, т. е. задолго до завоеваний Александра.

Основной особенностью этого контакта было то обстоятельство, что это был контакт эллинских полисов с обществом более молодым и менее развитым, чем общества древних цивилизаций Востока, входившие

в державу Ахеменидов, а позднее вошедшие в эллинистические монархии.

Это относится ко всем коренным обитателям Северного Причерноморья в IV в. до н. э., не исключая самых передовых — таких, как скифы, синды и другие и племена Прикубанья. Местные обитатели Прикубанья были такими и во времена включения их в Боспорское государство Левкона I, и такими они оставались во второй половине IV в. до н. э. и, вероятно, в значительной мере и позднее.

Нужно думать, что двойственный характер титулатуры Левкона I и Перисада I — *ῥῥων καὶ βασιλεῶν* — отражал не только этническое различие его подданных, как это было отмечено еще А. В. Орешниковым⁴, но и то различие, которое имело место в социально-экономической структуре составных частей Боспорского государства, т. е. наличие в них полисов с их хорой, хозяйство которых было основано на античной системе рабовладения и обширных земель, принадлежавших местным племенам, верховным собственником которых был правитель Боспорского государства⁵.

Судя по доступным нам данным, социально-экономический строй племен азиатского Боспора, вероятно, характеризовался ведущей ролью в производстве полусвободного общинника-земледельца и наличием стоявшей над ним племенной знати, владевшей некоторым числом рабов.

Вполне возможно, что после включения местных племен в состав Боспорского государства племенная знать в ряде случаев стала управлять отдельными общинами.

Синдо-меотские землепашцы IV в. до н. э., а равно и последующих столетий, видимо, несколько отличались от полусвободных земледельцев-арендаторов царской земли птоломеевского Египта, близких по социальному положению своим предшественникам в деспотии фараонов. Царские земледельцы Египта не имели своих семян и обеспечивались ими посредством централизованной системы управления хозяйственной жизнью страны. Трудно допустить, чтобы в таких же условиях находилась молодая синдская и особенно меотская община, которая едва лишь вступила в классовое общество и материальный уровень существования которой, судя по данным полевых исследований последних лет, был значительно выше, чем у египетских земледельцев.

Указанные различия между негреческим населением больших эллинистических монархий и государства Левкона I были причиной того, что последнее не было столь же сильно развитым политическим образованием, а государственная власть в областях, занятых племенами Прикубанья, по всей видимости, не имела такого сложного бюрократического аппарата.

Уже в силу того обстоятельства, что государство Левкона I сформировалось значительно раньше монархий диадохов, его правильнее именовать не эллинистическим, а протоэллинистическим. Еще более существенно то обстоятельство, что социально-экономическая структура Боспорского государства не была столь развита, как в эллинистических державах.

Таким образом, на Боспоре монархия, близкая по типу эллинистическим, возникла на половину столетия раньше, чем в Средиземноморье,

но она представляла собой более молодое, менее развитое по форме государственное образование. Вероятно, эту особенность оно сохраняло на протяжении IV в. до н. э., а возможно, в известной мере и в дальнейшем.

В первой и второй трети IV в. до н. э., в период, когда полисная система вступила в острые противоречия со слагавшимися в это время новыми экономическими отношениями, создались особенно благоприятные условия для развития ряда государств, расположенных на окраинах античного мира (Сицилии, Кариин, Македонии, Боспора). Эти окраинные «протоэллинистические» государства были более богатыми и мощными, чем греческие полисы во времена после разгрома первого афинского союза. Характерной особенностью рассматриваемых окраинных государств было то, что они включали античные полисы и местное земледельческое население. Сложившиеся там социально-экономические условия привели к возникновению государственных образований, в некоторых отношениях приближавшихся к эллинистическим монархиям, но не идентичных им.

Рассматриваемый период в истории названных стран был временем большого подъема, причем этот расцвет в значительной мере имел локальный характер. Эти государства имели весьма различные формы и отличались одно от другого не меньше, чем эллинистические державы между собой.

От эллинистических монархий Боспорское государство отличается меньшей изменчивостью границ и вообще значительно большей устойчивостью; недаром оно пережило их на несколько столетий, продолжая существовать вплоть до конца античного мира.

* * *

Предпосылкой возникновения эллинистического мира была греко-македонская экспансия и последовавшие за нею волны эллинских переселенцев⁶ в Восточное Средиземноморье, что было обусловлено социально-экономическими процессами, происходившими в это время в метрополии. Эта македонская экспансия, если не считать совершенно неудачного похода Зопириона на Ольвию, не коснулась Северного Причерноморья.

Однако на северном Понте имела место еще в конце V и особенно в IV в. до н. э. экспансия⁷ самих причерноморских эллинских государств, особенно Боспора и отчасти Херсонеса. С экспансией Боспора были связаны присоединение Нимфея, борьба, которая велась для подчинения Феодосии, войны Сатира в Синдике, смутное свидетельство о которых нам сохранено Полиеном⁸, и, наконец, широко известное расширение границ Боспорского государства во времена Левкона I и Перисада I. Также и Херсонес расширил свои владения, включив в них Керкинитиду, что произошло, во всяком случае, до времени составления знаменитой гражданской присяги херсонесцев.

Подобно многочисленным греческим переселенцам, устремившимся на восток после завоеваний Александра, некоторое количество эллинов направилось в IV—III в. до н. э. в Северное Причерноморье, во всяком случае в Пантикапей⁹, о чем свидетельствуют данные лапидарной эпи-

графики и авторов. Помимо чужеземцев, переселявшихся в Пантикапей на постоянное жительство, немалое число эллинов приезжало в столицу Боспора лишь на время по делам, нужно думать по большей части торговым¹⁰.

С этими волнами греческих переселенцев в Средиземноморье и Причерноморье связано возникновение новых и рост старых городов. Это явление в Восточном Средиземноморье общеизвестно. Что же касается истории Северного Причерноморья, то там указанному явлению обычно не уделяется достаточного внимания.

Между тем мы располагаем прямыми указаниями источников об основании некоторых городов на территории Боспорского государства в период Спартокидов.

Таковыми являются Киммерида (или Киммерик) на азиатском берегу, Горгииппия и Танаис, последний скорее всего примерно в начале III в. до н. э. Возникновение новых боспорских городов было обусловлено внутренним развитием Боспора, а не его внешней экспансией. Этим они отличаются от многих новых городов эллинистического мира, появившихся в результате внешнего толчка.

Необходимо отметить еще одну особенность: новые города, возникавшие на Боспоре, не стали самыми крупными и ведущими центрами государства, каким, например, стала Александрия в Египте. Не приобрели они также, такого выдающегося экономического значения, какого достигли некоторые заново основанные города в монархии Селевкидов и других царствах к концу эллинистического периода.

Рост старых городов в Северном Причерноморье, судя по доступным нам материалам, вполне отчетливо может быть прослежен во всяком случае применительно к центрам античных государств — Ольвии, Херсонесу и Пантикапею. В IV в. до н. э. значительно увеличились площади городской застройки как в Ольвии¹¹, так и в Херсонесе¹². Более сложную картину наблюдаем мы в Пантикапее¹³: городская территория боспорской столицы в период правления Спартокидов расширилась по меньшей мере три раза — в IV, III и II в. до н. э. Однако, сопоставляя греко-македонскую экспансию и связанное с нею основание новых городов в Восточном Средиземноморье в период эллинизма со схожими явлениями на Боспоре в IV в. до н. э., должно отметить, что между ними было и весьма существенное различие не только в количественном, но и в качественном отношении. Не приходится говорить о том, что масштабы движения эллинов в страны Переднего Востока были несоизмеримо большими, чем на северные берега Понта. Вместе с тем в первом случае основывались города по преимуществу в местах, ранее не заселенных эллинами. Во втором происходило вселение на территории, в основном уже давно обжитые греками. Надлежит отметить, что в Северном Причерноморье, помимо новых городов, возникали и новые комы — сельскохозяйственные поселения на периферии Ольвии и на боспорских землях.

Отмеченный выше рост городов находится в тесной связи с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений в Средиземноморье и Причерноморье. В Средиземноморье возникает такой крупнейший центр ремесла и торговли, как Александрия. На Боспоре развивается ремес-

ленное производство Пантикапея и торговые связи со скифами и мео-
тами.

Эллинистические монархи и единоличные правители государственных образований IV в. до н. э., носившие различные наименования (архонта, стратега, автократора, базилевса), нуждались в войсках, на которые они могли бы полностью опереться. Гражданские ополчения полисов могли лишь отчасти удовлетворять этим потребностям, и основу вооруженных сил эллинистических государств обычно составляли наемники.

На Боспоре наемные войска, по всей видимости, появились начиная с правления Левкона I, и с этого времени они составили основное ядро вооруженных сил государства Спартокидов¹⁴. Так же как и позднее в армиях эллинистических монархий Восточного Средиземноморья, боспорские наемники комплектовались отчасти из эллинов, приходивших из метрополии, а отчасти из соседивших с античным миром неэллинских народов (на Боспоре — фракийцев).

Должно, однако, оговорить, что вооруженные силы Боспора составляли еще и другие контингенты. Прежде всего, это была знать местных племен, входивших в государство Спартокидов; она составляла тяжеловооруженную конную дружину¹⁵, во многом, видимо, напоминавшую гетайров македонских царей.

В вооруженные силы Боспора, вероятно, входили гражданские ополчения или команды зажиточной городской молодежи, организованной подобно отрядам эфебов в полисах Средиземноморья. О наличии гражданских вооруженных сил, хотя бы в некоторых городах Боспора, говорит состязание в боеспособности (*ἐὐεξία*), упоминаемое в агонистическом каталоге из Горгиппии первой половины III в. до н. э.¹⁶

Хотя о хозяйстве Боспорского государства в IV в. до н. э. написано довольно много, тем не менее ряд весьма существенных вопросов остается совершенно невыясненным. Так, до сего времени мы располагаем далеко не достаточными данными для суждения о том, каково было соотношение между ролью ремесла и сельского хозяйства в экономике Боспора IV в. до н. э., а также Ольвии и Херсонеса.

* * *

Судя по тому, что сельское население Боспорского государства в это время примерно в два-три раза было больше городского¹⁷, можно думать, что и роль сельского хозяйства была значительно большей, чем ремесла. Кроме того, одно из свидетельств Страбона позволяет хотя бы примерно наметить решение данного вопроса, правда для более позднего времени. Древний географ сообщает¹⁸, что Митридат получал в качестве дани с Большого Херсонеса (т. е. Крымского полуострова) и Синдики 200 талантов серебра, 180 000 медимнов хлеба. Нужно думать, что серебром платили дань жители городов, т. е. в основном владельцы ремесленных мастерских и промыслов и купцы. Таким образом, на долю владельцев ремесленных мастерских приходилась только часть названной суммы, хотя и очень значительная. Стоимость 180 000 медимнов хлеба во времена Митридата составляла около 180 талантов¹⁹. Однако

сельскохозяйственные территории доставляли не один хлеб. Немалый доход давали виноградники, сады, не говоря о скотоводстве. Поэтому нужно думать, что доходы, получавшиеся Митридатом Евпатором с его земледельческих территорий на Северном Понте, были больше, чем с городов. По всей видимости, еще большим было различие между ролью сельского хозяйства и ремесла и промыслов в экономике Боспора несколько позднее, в конце II — первых десятилетиях I в. до н. э. Кроме того, следует еще приять во внимание, что роль хлебопашества в Северном Причерноморье во времена Митридата, видимо, была меньшей²⁰, чем в период ранних Спартокидов, ибо примерно со II в. до н. э., вероятно, усилилось значение скотоводства.

Это приводит к выводу, что в экономике боспорских государств времени ранних Спартокидов сельское хозяйство значительно превалировало над ремеслом.

Как известно, одной из характерных особенностей экономики эллинистических монархий была значительная роль царского хозяйства и системы монополий. В Египте они распространялись на культуру пшеницы, производство сезамового масла и текстильных изделий, в Пергаме — на изготовление пергамента, черепицы и парчи, в государстве Селевкидов — на эксплуатацию рудников. При этом должно отметить, что эти монополии имели различное содержание, а иногда имела место только тенденция к монополии. Так, в Египте хозяйство было значительно в большей степени монополизировано, чем в державе Селевкидов.

Мы не располагаем достаточными сведениями, чтобы судить о том, как обстояло дело в этом отношении в Боспорском государстве Спартокидов. Вероятно, в IV в. до н. э. отчасти монополизированы были вывоз хлеба и производство черепицы. Как в дальнейшем было с важнейшей статьёй боспорской экономики и торговли — вывозом продуктов сельского хозяйства, мы не знаем. Что же касается значительно менее важного раздела — производства черепицы, то там намечается нарастание царской монополии к III в. до н. э.²¹

Период эллинизма в монархиях Восточного Средиземноморья, особенно в III в. до н. э., характеризуется подъемом производительных сил. Нужно думать, аналогичное явление имело место на Боспоре в IV и отчасти в III вв. до н. э. О широком развитии в это время в Боспорском государстве хлебопашества не приходится говорить. Вместе с тем ряд данных, и прежде всего производство остродонных амфор, указывают на развитие виноделия, а следовательно, и виноградарства.

Равным образом имеет место и развитие ремесла. На эллинистическом и на Боспоре, особенно в Пантикапее, где увеличение площади городов и рост старых центров. То же, как уже отмечалось, мы наблюдаем и на Боспоре, особенно в Пантикапее, где увеличение площади города и рост населения в рассматриваемое время сопровождалось развитием ремесел, прежде всего керамического и металлургического (в частности, торевтики).

Как известно, в период эллинизма, помимо типичных для этого времени больших греко-восточных монархий с греческими городами и местной хорой, существовали также и полисы метрополии, в значительной

мере сохранившие прежний социально-экономический уклад. В равной мере государства типа полисов сохранились на Северном Понте в протоэллинистическое время. При этом в экономике Ольвии рассматриваемого периода могут быть отмечены некоторые явления, сближающие ее с экономикой Боспора того же времени, а именно значительное расширение экономических связей этого полиса с соседившим с ним местным земледельческим населением.

Говоря о процессах, происходивших в Северном Причерноморье в IV в. до н. э., необходимо отметить развитие культурного синкретизма. Оно нашло выражение во многих произведениях искусства северопонтийских мастеров, особенно в изделиях торевтов, обслуживавших не только население Ольвии, Херсонеса и боспорских городов, но и имущие слои племенного мира.

* * *

Подведем итоги нашей работе.

В начале второй четверти IV в. до н. э. вышедший за рамки полисной жизни Боспор превратился в государство, близкое по типу эллинистической монархии; однако он представлял собою менее развитое государственное образование, которое можно назвать «протоэллинистическим». «Протоэллинистический» период истории Боспора приходится на время правления Левкона I и Перисада I (389/8—310/9 гг. до н. э.).

Это время значительного роста боспорских городов и оживления экономической жизни прилегавших к ним сельскохозяйственных территорий. В городах развивается ремесло, основанное преимущественно на рабском труде, а полусвободные землепашцы местных племен должны были снабжать хлебом боспорских правителей, обеспечивая возрастающие потребности внешней торговли.

Время Левкона I и Перисада I — это период большого экономического подъема Боспора, выразившегося в обильной чеканке золотой и серебряной монеты, выпускавшейся от имени пантикапейского полиса, но заметно отличавшейся по типам от предшествовавших серий.

Для внешних связей этого времени характерны оживленные торговые отношения с Афинами — государством, которое уже находилось на кануне начала упадка полисной системы.

В это время в Боспорском государстве с особой отчетливостью выступает наличие двух элементов — античных городов, сохранивших полисную структуру, и местных племен, находившихся в большем подчинении у царствовавших над ними правителей. Почти неограниченная власть над населением хоры Боспорского государства, значительно превосходившим население городов, и большие богатства, оказавшиеся в распоряжении боспорских правителей, приводили к тому, что и население полисов оказывалось все в большей зависимости от своих архонтов.

Внутренний процесс развития Боспорского государства осложнялся внешними событиями как в жизни народностей, обитавших на обширных степных пространствах Северного Причерноморья, так и государств более далекого Средиземноморья.

По сравнению с временем правления Левкона I и Перисада I, совершенно новые исторические условия сложились с конца IV в. до н. э., ко-

гда в Восточном Средиземноморье появились эллинистические монархии. В этих новых больших государствах в гораздо более широких масштабах, чем когда-либо раньше, сочетались социально-экономические формы эллинского полиса с восточной хорой, и их столицы стали крупными центрами экономической, политической и культурной жизни. Вместе с тем в это время международные связи стали значительно более интенсивными, и в них в той или иной мере оказались втянуты даже отдаленные страны.

Нередко очень активная внешняя политика, которую вели эллинистические монархи, получала выражение в военной и экономической экспансии, значительно изменившей общие исторические условия. Примером может служить хотя бы интенсивный вывоз египетской пшеницы, подорвавший в первой половине III в. до н. э. хлебную торговлю Боспора с Аттикой.

В этих условиях ранее расцветавшие государства, подобные Карию, Сицилии или Боспору, отступали теперь на второе место по сравнению с птолемеевским Египтом, или государством Селевкидов.

Не меньшее значение для северопонтийских государств имели события в обширных Причерноморских степях: крушение державы Атея и последовавшее движение сарматов, постепенно оттеснявших скифов, что не могло не отразиться и на экономической жизни северопонтийских государств.

Все эти новые явления в экономической, политической и культурной жизни заметно сказались в Северном Причерноморье. Поэтому если правление Левкона I и Перисада I было «протоэллинистическим» временем в истории Боспорского государства, то с начала царствования Евмела I (310—309 гг. до н. э.) можно говорить о периоде эллинизма.

¹ Об этой дискуссии см.: Дискуссия о проблемах эллинизма. — СА, 1955, XXII, с. 99—122 (Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма, с. 99—108; Блаватский В. Д. Культура эллинизма, с. 109—115; Киц А. Л. Дискуссия о проблемах эллинизма, с. 116—122).

² Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. — Известия АН СССР, Отделение общественных наук, Л., 1934, № 8, с. 589—607, 661—679; см. особенно с. 678.

³ Блаватский В. Д. Античная культура в Северном Причерноморье. — КСИИМК, 1950, XXXV, с. 34, 37 и сл.

⁴ Орешиников А. В. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. — Труды VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1888, т. II, с. 89.

⁵ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 46, примеч. 2.

⁶ Как известно, античное рабовладельческое общество неизбежно приводило к избытку свободного населения в полисах, причем единственным выходом из этого положения была принудительная эмиграция беднейших граждан, а пополнению рядов эмигрантов немало также способствовала и ожесточенная классовая борьба, сопровождавшаяся изгнаниями побежденных партий. В различные периоды эта эмиграция облекалась в разные формы. Во времена формирования эллинских полисов и в первые века их существования в основном имело место переселение во вновь основываемые города — апойкии, хотя и тогда уже существовало наемничество. В V и первых десятилетиях IV в. до н. э., когда спала волна основания новых городов, «избыток» свободного населения выступает в качестве афинских клеруков и многочисленных наемных солдат и матросов. В период эллинизма большое количество греко-маке-

- донских переселенцев устремилось в восточное Средиземноморье, с чем связано возникновение ряда новых городов и отчасти расширение старых. В предшествовавший эллинизму период протоэллинизма имели место близкие явления. Однако они не получили того развития, которого они достигли после македонского завоевания.
- ⁷ Подобную экспансию проявили в близкое время и некоторые другие государственные образования на окраинах античного мира; так, это было свойственно Сицилийской державе Дионисия и Македонии при Филиппе II.
- ⁸ *Polyaen. Strateg.*, VIII, 55.
- ⁹ Блаватский В. Д. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. — СА, «Сб. памяти В. В. Латышева», 1958, XXVIII, с. 97—106.
- ¹⁰ От Редакции: здесь выпущены данные пантикапейских надписей и свидетельств авторов о греческих и негреческих элементах в населении Пантикапея, а также о притоке чужеземцев на Боспор, поскольку в расширенном виде этот текст включен автором в статью «Период протоэллинизма на Боспоре».
- ¹¹ Фармаковский Б. В. Оливия. М., 1913, с. 13.
- ¹² Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1949, с. 42 и сл.
- ¹³ Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. Планы города. — МИА, 1951, № 19, с. 20, 22 и 24.
- ¹⁴ Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах. Северного Причерноморья. М., 1954, с. 71 и сл.
- ¹⁵ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 72.
- ¹⁶ Латышев В. В. Агонистический каталог из Горгиппии. — ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 245 и сл.
- ¹⁷ Блаватский В. Д. Земледелие..., с. 178.
- ¹⁸ *Strab.*, VII, 4, 6.
- ¹⁹ На рассматриваемом вопросе мы подробнее останавливаемся в нашей работе «О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э.» (СА, 1959, XXIX—XXX, с. 42—57).
- ²⁰ Об этом можно заключить на основании известного свидетельства Демосфена (*Demosth.*, adv. Lept., 32) об ежегодной отправке Левконом I в одни Афины 400 000 медимнов хлеба, которые он, нужно думать, получал от земледельцев подвластной ему территории. Между тем, согласно Страбону (*Strab.*, VII, 4, 6), Митридат Евпатор не только с Боспора, но еще, кроме того, со всего Таврического полуострова мог собрать меньше чем половину этого количества (180 000 медимнов), применяя при этом вряд ли более гуманные средства, чем Левкон I.
- ²¹ Граков Б. Н. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. — ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 207 и сл.; Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы). — ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 291 и сл.

ГРЕКО-СКИФСКОЕ ИСКУССТВО *

Вопрос о том, что следует понимать под наименованием «греко-скифское искусство», очень сложный, ибо в него можно вкладывать весьма различное содержание. Дело не только в том, что этот термин можно понимать и более узко и более широко. В первом случае речь будет идти об искусстве, возникшем в результате греко-скифского синкретизма и заключающем элементы художественной культуры обоих народов; во втором случае придется говорить не только о художественном творчестве, возникшем в результате греко-скифского синкретизма, но также

* *Blawatsky W. Greco-Bosporan and Scythian Art.* — *Encyclopedia of World Art.* London, 1962, vol. VI, p. 845—862, Pl. 461—474. В итальянском издании: *Blavatsky V. D. Greco-bosporani e scitici centry.* — *Enciclopedia universale dell'arte.* Roma, 1961, vol. VI, p. 766—783. Редакция предпослала статье В. Д. Блаватского вводный абзац в 18 строк (р. 765), который оставался неизвестен автору статьи вплоть до выхода книги в свет.

и о всем искусстве скифов и греческих полисов, находившихся в Скифии. Однако главная трудность заключается не в более расширенном или суженном понимании задачи, стоящей перед исследователем греко-скифского искусства, а в том, что самый термин «скифы» является во многом неясным.

Еще отец истории Геродот¹ указывал на наличие двух противоположных мнений о числе скифов, согласно одному, их очень много, а согласно другому, собственно скифов — сравнительно немного. К скифам часто относят многочисленные близкие им племена, обитавшие между Доном и Дунаем. Однако античная традиция сохранила нам и более расширенные представления о скифах, так, например, логограф VI в. до н. э. Гекатей Милетский² относил к числу скифов исседонов, обитавших где-то в северной части Каспийских степей. В Скифию иногда включали Кавказ, а обитавших в Малой Азии халибов называли скифским племенем. Наконец, скифами считали иногда и кочевых обитателей Средней Азии, в быте и культуре которых наблюдались общие черты с номадами Северного Причерноморья.

В силу сказанного видно, что границы понятия греко-скифской культуры и искусства неизбежно будут в известной мере условными. Однако при решении этого вопроса следует учесть наличие значительного культурного единства, которое сказалось также в общности искусства и связанной с ним близости мировоззрения у ряда древних племен, обитавших на обширных пространствах Северного Причерноморья и Приазовья. Поэтому ограничивать понятие скифского искусства только искусством собственно скифов (по Геродоту) вряд ли целесообразно. Нужно еще отметить, что древнейшие памятники и очень яркие образцы этого искусства были обнаружены в бассейне Кубани, т. е. вне геродотовой Скифии — в области, занятой в древности меотами. Сказанное, разумеется, не устраняет того обстоятельства, что отдельные части этой обширной территории могли иметь и имели некоторые локальные отличия.

Единство художественной культуры; наблюдаемое на территории Причерноморья и Приазовья в скифское время, не распространялось на более отдаленные области: Приуралья, Сибири или Средней Азии, хотя некоторые родственные элементы и там могут быть отмечены.

Переходя к содержанию термина «греко-скифское искусство», отметим, что под ним мы подразумеваем то художественное творчество, которое явилось результатом контакта греков и местных племен Северного Причерноморья. Результаты этого контакта на протяжении многих веков были весьма разнообразны и существенным образом отразились на обеих сторонах. Так, скифское изобразительное искусство испытало некоторое воздействие греческого, кроме того, в художественных мастерских античных городов Северного Причерноморья изготовлялись различные произведения искусства для местной племенной знати и в скифском и в классическом стиле. Художественная культура эллинских городов на Северном Понте тоже испытала немалое воздействие местного племенного мира, которое имело различные проявления. Оно сказалось не столько в прямом воздействии искусства аборигенов Северного Причерноморья на искусство северопонтийских городов, сколько в

том, что различные стороны античной художественной культуры развивались несколько по-иному, чем в Средиземноморье, и получили своеобразный колорит, обусловленный воздействием местной среды. Это воздействие иногда выражалось в довольно тонких, но тем не менее показательных нюансах.

Первые попытки проникновения отважных мореходов из Эгейского моря на отдаленные берега Понта, вероятно, относятся еще ко II тысячелетию до н. э. Это были спорадические походы купцов-пиратов, получившие поэтическое отражение в эллинской мифологии, в частности в мифе о походе аргонавтов за золотым руном. Такие походы не были достаточны для установления культурных взаимоотношений между Средиземноморьем и Причерноморьем. Примерно, в первой четверти I тысячелетия до н. э. в Северном Причерноморье обитали киммерийские племена. В VIII—VII вв. до н. э. они были вытеснены воинственными пришельцами с востока — скифами. Однако внедрение скифских племен в Северное Причерноморье еще не означало истребления или ассимиляции всех прежних аборигенов; ведь в широких северопонтийских равнинах, помимо скифов-сколотов, обитали и другие народности. Так, в V в. до н. э. там жили алазоны, невры, андрофаги, меланхлены, будины, синды, меоты и др.

Античная традиция обычно подчеркивала военную мощь скифов. Нужно думать, что это имело известное основание, во всяком случае, для раннего периода скифской истории. На заре своей истории скифы вслед за киммерийцами вторглись в Переднюю Азию и нанесли ряд сокрушительных ударов государствам Востока. Согласно Геродоту³, господство скифов в Азии продолжалось 28 лет. В следующем столетии поход персидского царя Дария, вторгнувшегося около 512 г. до н. э. с большим войском в пределы Скифии, кончился неудачей.

Обращаясь к искусству обитателей обширных пространств Северного Причерноморья античного времени, отметим, что там известны два наиболее значительных художественных очага: один в Прикубанье, занятом меотскими племенами, и другой в Приднепровье, где обитали скифы.

Скифы и меоты были создателями очень своеобразной художественной культуры, которая нам известна по монументальным погребальным сооружениям, парадному оружию и богато украшенным конским уборами. Особенно ярким и своеобразным проявлением художественного творчества этих племен был так называемый скифский звериный стиль, характерной особенностью его являются полные движения очень выразительные стилизованные изображения животных, преимущественно хищников или оленей.

Распространение произведений звериного стиля отнюдь не ограничивается двумя названными очагами, напротив, они встречаются значительно западнее — в Венгрии, а на севере — в восточной Пруссии (Феттерсфельд).

В специальной научной литературе высказывался ряд теорий о происхождении звериного стиля. Некоторые исследователи полагали, что он возник под воздействием извне: под влиянием искусства Переднего Востока (Месопотамии или Урарту) или малоазийской Ионии. Выска-

зывались предположения, что корни скифского звериного стиля следует искать в искусстве Приуралья, известном по раскопкам Шигирского торфяника, где были обнаружены очень живые, хотя и примитивные, вырезанные из дерева фигурки животных, датируемые III—II тысячами до н. э.

Если говорить о художественных произведениях, знакомство с которыми могло способствовать возникновению скифского звериного стиля, то следует также упомянуть серию золотых изделий, найденных в бассейне Днестра недалеко от Каменец-Подольска (Михалковский клад). Эти золотые изделия, представляющие фибулы, украшенные сильно геометrizованными фигурами животных, диадемы, различные бляшки и другие поделки, по всей вероятности, нужно отнести к киммерийцам и датировать VIII—VII вв. до н. э.

Однако все попытки объяснить появление звериного стиля одними влияниями искусства других народов, в том числе более древних, не могут устранить факта, что названный стиль представляет совершенно самобытное явление, возникшее у скифов и меотов. Отдельные элементы в некоторых памятниках звериного стиля, видимо, навеяны искусством Переднего Востока или Ионии, но самый основной характер скифского звериного стиля и то художественное мировоззрение, которое определило его сущность, остаются совершенно своеобразными. В этом отношении, возможно, несколько ближе скифо-меотскому художественному творчеству было искусство киммерийцев (если в основу суждения о нем принять Михалковский клад). Однако и здесь нужна некоторая оговорка, а именно: судя по названному кладу, у киммерийцев явно преобладали простые округлые геометрические узоры, а немногочисленные изображения зверей подверглись настолько сильной геометризаци, что даже трудно определить, какие именно животные изображены на михалковских фибулах. В отличие от этих примитивных фигур изображения животных в зверином стиле, созданном скифскими и меотскими мастерами, отличаются изумительной жизненностью и сочностью. Полные движения фигуры оленей, представленных в момент прыжка, кажутся как бы летящими. Упругие, немного поджарые тела насыщены пульсирующей жизнью. Легкая стилизация в трактовке отдельных деталей, например копыт и рогов оленей, клювов и когтей орлов, не лишает эти образы жизненности, придавая им некоторую изысканность.

Специфической особенностью скифского звериного стиля было то, что он был порожден художественной культурой кочевников. Этим было обусловлено стремление художников создавать не монументальные произведения, а украшать предметы, необходимые в быту воинственных кочевников: парадное оружие и богатые конские уборы. Это по большей части сравнительно небольшие предметы, сделанные из металла или кости. Вооружение и конская сбруя покрывались изображениями животных, которые имели одновременно декоративный и магический характер. Они должны были придавать силу, смелость и быстроту как кочевнику, так и его коню. Изображения следовали художественным традициям, передававшимся из поколения в поколение, поэтому их тематика и в значительной мере стиль были устойчивыми. В некоторых случаях они могли служить своего рода гербом или тотемной эмблемой

племени; так, например, популярность изображения оленя в ювелирных изделиях звериного стиля нужно поставить в связь с племенным названием саки (saka на скифском языке, по-видимому, означало олень) ⁴.

Скифский звериный стиль, вероятно, сформировался около начала VI в. до н. э. Ряд ярких образцов его был найден в богатых погребениях курганного некрополя возле станицы Келермесской в Прикубанье — в области, занятой меотскими племенами. Среди этих изделий заслуживает особого упоминания золотая пластина с вытисненными на ней рельефными изображениями оленей, вероятно служившая облицовкой горита (футляра для лука и стрел). Поверхность этой пластины разделена на 24 прямоугольных поля, в каждом из них представлена фигура оленя в момент прыжка на самом быстром бегу. Олень с немного запрокинутой назад головой, увенчанной большими ветвистыми рогами, плотно прижимает к крепкому туловищу сильные ноги с острыми копытами. Монотонно повторяющиеся фигуры оленей заполняют восемь рядов (по три фигуры в каждом). Своим однообразием они напоминают примитивную песню. Аналогичные по схеме изображения оленей, а также фигуры других животных мы видим и на золотой облицовке рукояти парадного боевого топора из Келермеса.

Несколько иной характер имеет фигура барса или пантеры из Келермеса, вероятно служившая украшением щита. Массивная голова на длинной шее, крепкое поджарое туловище, короткие передние и более длинные задние ноги с плотно прижатыми одни к другим комками лап. Длинный широкий хвост сплошь покрыт орнаментом, который, переходя на комки лап, создает особый декоративный эффект. Гладкая поверхность золотой фигуры была оживлена инкрустацией, подчеркивавшей глаз, ноздрю и ухо.

В том же зверином стиле исполнялись не только рельефы, но и небольшие объемные скульптурные изображения. Такого происхождения также из Келермеса прорезное бронзовое навершие, увенчанное хищной головой грифа с высокими ушами и раскрытым крепким клювом. Близики по времени келермесским находкам бронзовые навершия, найденные около Ульского аула. Они имеют форму широких пластин, загнутых наподобие завитка и украшенных рельефным орнаментом. Ниже находится строго выдержанное в зверином стиле изображение длинноногого козла с обращенной назад головой, в характерной позе прыжка. Наиболее ярким произведением звериного стиля является золотая рельефная фигура оленя, найденная в кургане около станицы Костромской (в Прикубанье). Она также относится к VI в. до н. э. Олень представлен в традиционной позе прыжка. Стройное и крепкое скупое очерченное сильное тело полно стремительного движения. Узкомордая голова вытянута вперед. Громадные ветвистые рога слегка касаются крупа. Тонкие ноги с большими острыми копытами плотно прижаты к поджарому туловищу. В целом, несмотря на лаконизм общих форм и некоторую стилизацию деталей (рогов и копыт), образ оленя обладает большой жизненной правдой и убедительностью.

В описанных золотых и бронзовых изделиях звериный стиль выступает во всей силе и своеобразии. Несколько иной вариант его с явными чертами воздействия искусства Переднего Востока мы можем наблю-

дать на золотых ножнах, найденных в Келермесском кургане. Сходные по украшениям ножны найдены в одном из скифских курганов Нижнего Приднепровья (эта находка известна под названием Мельгуновского клада).

На расширяющейся верхней части ножен меча находится характерная для звериного стиля рельефная фигура оленя в положении прыжка. Однако ряд других изображений навеян искусством Переднего Востока. Так, на верхней части ножен представлены два крылатых херуба в позе адорации, обращенные к стоящему между ними священному дереву. Вдоль остальной поверхности ножен вытянуты в ряд шагающие одна за другой фигуры фантастических чудовищ. Это чередующиеся изображения грифов, сфинксов и крылатых львов; причем крыльями этим чудовищ служат большие рыбы. Помимо четырех широко расставленных лап, каждое из описываемых фантастических существ имеет еще одну вытянутую вперед руку, в которой держит скифский лук, главный предмет вооружения конных номадов. Так в этом пышном произведении торевтики характерный скифский мотив оленя сочетается с восточной демонологией, вероятно поразившей северных кочевников во время их походов в Переднюю Азию и, возможно, наложившей некоторую печать на их воззрения. Следует отметить, что в мельгуновских изображениях чудовищ выступает одна особенность, которая наблюдается в зверином стиле и последующего времени, именно: к основной фигуре животного приставляются, как бы сочленяясь с нею, меньшие по размеру фигуры других зверей. На Мельгуновских ножнах крыльями четвероногих чудовищ служили рыбы. Дальнейшее еще более замысловатое развитие этого фантастического мотива можно наблюдать на бронзовом сквозном рельефном изображении хищника V в. до н. э., найденном в Золотом кургане близ Симферополя. Хищник с сильно вытянутым почти змеевидным телом представлен свернувшимся кольцом. На его плече, там где у грифа начинаются крылья, помещена фигура козла в характерной позе прыжка, свидетельствуя о весьма своеобразном и причудливом художественном замысле мастера. Такое фантастическое нагромождение изображений живых существ находит своеобразную параллель в сказках Восточной Европы, одним из распространенных мотивов которых является последовательное превращение героя в различных животных.

Ювелирные изделия звериного стиля были наибольшим достижением художественной культуры племенного мира Северного Причерноморья. Каменная скульптура, видимо, представляла собою примитивные изваяния, изображавшие покойных. Такие скульптуры ставились на курганах. Архитектура ограничивалась довольно простыми жилищами, и то, разумеется, только у оседлой части населения Северного Причерноморья. Об этих постройках можно судить главным образом по изображениям их в погребальных сооружениях, над которыми насыпались курганы. Истоки этой погребальной архитектуры восходят к эпохе бронзы. В VI—IV вв. до н. э. в Приднепровье и Прикубанье встречаются различные типы погребальных сооружений, как довольно простых, так и более сложных. Характерной особенностью их является наличие стен из вертикально поставленных бревен или досок, а также внутренних

столбов, на которых покоилась плоская двускатная или четырехскатная кровля.

Время зарождения скифского звериного стиля приходится примерно на тот период в истории Северного Причерноморья, когда стали устанавливаться постоянные связи местных обитателей с эллинским миром. С последних десятилетий VII в. до н. э. посещения греческих купцов стали постоянными. Возникли торговые фактории — эмпории, экономические связи эллинского мира и обитателей северных побережий Понта сделались более тесными. Это подготовило почву для переселения значительного числа греков, главным образом ионян, в Северное Причерноморье и основания там в VI в. до н. э. ряда городов; крупнейшими из них были Ольвия на Бугском лимане, Феодосия на месте нынешнего одноименного города, Пантикапей (ныне Керчь) и Фанагория на Таманском полуострове. В начале последней четверти V в. до н. э. дорянами из Гераклеи Понтийской был основан Херсонес, около нынешнего Севастополя. Все эти города первоначально были автономными полисами. Ольвия и Херсонес оставались таковыми и в дальнейшем. Что же касается городов на берегах Керченского пролива (именовавшегося в древности Боспором Киммерийским), то таковые в 480 г. до н. э. объединились в единое Боспорское государство.

Появление эллинских полисов привело к более постоянному и тесному контакту греков с северопонтийскими аборигенами. Разумеется, культура греков, переселившихся на северные берега Понта, на первых порах носила чисто эллинский характер. Сколько мы можем судить по раскопкам Ольвии, Пантикапея и других боспорских городов, там применялись те же строительные приемы, что и в Средиземноморье; в Пантикапее в VI в. до н. э. был сооружен большой храм ионийского ордера, от которого дошли только фрагменты. Архаическая скульптура, известная нам по немногочисленным обломкам, привозилась в северопонтийские города из метрополии. В большом числе доставлялись в города Северного Причерноморья расписные вазы: родосские, коринфские, ионийские и аттические. При этом должно отметить значительную популярность ионийских ваз, украшенных узором в виде поясков лака, они породили подражания им в северопонтийских гончарных мастерских. То же должно сказать и относительно терракотовых фигурок, привозившихся на Северный Понт из малоазийских и островных центров; архаический тип сидящей богини и женская протома стали популярными мотивами в боспорской коропластике. Художественная керамика, видимо, стала изготавливаться в северопонтийских городах вскоре после их возникновения. Она не получила сколько-нибудь заметного распространения за пределами этих городов, да и не представляла сколько-нибудь оригинального явления.

Значительно больше своеобразия можно отметить в художественной обработке металла в VI в. до н. э., как на Боспоре, так и в Ольвии. Последняя хорошо засвидетельствована чеканкой мелкой серебряной монеты в Пантикапее и литьем медных денег в Ольвии в это время. Однако гораздо больший интерес представляют изделия боспорских ювелиров. К числу их, по всей видимости, принадлежит великолепное серебряное позолоченное заркало, найденное в Келермесском кургане. Форма этого

зеркала указывает на выполнение его по местному заказу. Характер большинства изображений — греческий. Круглая поверхность зеркала разделена радиусами на восемь полей, заполненных различными изображениями: богини — владычицы зверей (восточной Артемиды), различных животных или фантастических существ, по большей части парно сгруппированных, или сцен борьбы. Среди этих изображений особого внимания заслуживает небольшая фигура барана в схеме прыжка, характерной для звериного стиля. Местный колорит выступает также в других украшениях этого зеркала. Все это позволяет думать, что мастер, исполнивший келермесское зеркало, работал применяясь к вкусам своих заказчиков — меотской племенной знати. Зеркало играло немалую роль в культе (в частности, погребальном) северопонтийских аборигенов, а пережитки связанных с этим представлений долго сохранялись в фольклоре и обрядах населения Восточной Европы. В силу этого можно думать, что зеркала, подобные келермесскому, предназначались для каких-либо ритуальных действий.

Известна значительная группа бронзовых зеркал, по-видимому ольвийских по месту производства, которые встречаются не только в Ольвии, но и в Скифии и далеко за ее пределами вплоть до Урала. Ручки этих зеркал украшены фигурками барсов, оленей, бараньими головами, а иногда и рельефными масками Медузы — Горгоны.

Очень своеобразны ранние ольвийские монеты, выпускавшиеся с конца VI примерно до середины IV в. до н. э. Это полноценные медные монеты, которые исполнялись посредством отливки. Они представляли собою фигурки дельфинов или большие круглые монеты с архаической маской Горгоны на одной стороне и орлом над дельфином — на другой. Позднее маску Горгоны сменяет голова Деметры. Типы этих монет не представляют чего-либо необычного, что же касается техники литья, то последняя не свойственна эллинской нумизматике Средиземноморья того времени. В Ольвии изготавливались также небольшие подделки в скифском зверином стиле из металла, главным образом из бронзы и электра. Это хорошо засвидетельствовано находкой формы из мягкого известняка, служившей для оттискивания птичьих головок на тонких металлических бляшках.

Таким образом, можно заключить, что соседство аборигенов и греков уже с первых времен существования северопонтийских городов приводило к некоторым взаимодействиям в сфере художественной культуры. Однако на первых порах результаты этих взаимодействий не были еще значительными. Аналогичная картина в искусстве северопонтийских городов и соседившего с ними варварского мира наблюдается в значительной мере и в V в. до н. э.

Ольвия еще в V в. до н. э. оказывала культурное воздействие на отдельных представителей верхов скифского общества. Согласно свидетельству Геродота⁵, в Ольвию нередко приезжал скифский царь Скил. Он построил для себя в Ольвии обширный дом, украшенный мраморными статуями грифов и сфинксов. Приверженность Скила эллинским обычаям была столь велика, что он принимал участие в культе Диониса. Однако именно это обстоятельство послужило причиной низложения и гибели Скила, ибо его соотечественники, строго придержи-

вавшиеся обычаев предков, считали совершенно недопустимым для скифского царя участие в оргиастическом культе.

Новые условия, приведшие к более тесному экономическому, политическому и культурному общению эллинов и варваров Северного Причерноморья, сложились в IV в. до н. э., когда Боспор превратился в греко-синдо-меотское государство и расширились торговые связи эллинских городов с местным племенным миром.

Еще в 438 г. до н. э. на Боспоре захватил власть Спарток, основавший династию Спартокидов. При одном из его преемников — Левконе I, во второй четверти IV в. до н. э. в состав Боспорского государства вошли греческий полис Феодосия и ряд местных племен, обитавших на Таманском полуострове и в Нижнем Прикубанье: синды, тореты, дандарии и псессы. В дальнейшем границы Боспорского государства неоднократно менялись, однако неизменным оставался его характер: наличие в нем греческих городов и варварской хоры, где преобладающую роль играли синдо-меотские племена. В силу этого именно на Боспоре создались особенно благоприятные условия для синкретизма греческой культуры и культуры аборигенов Северного Причерноморья, что наглядно сказалось уже в IV в. до н. э. В значительно меньшей мере эти явления наблюдались в Ольвии и особенно в Херсонесе, который, согласно свидетельству Плиния⁶, в его времена сохранял греческие обычаи.

Однако и Ольвия имела торговые и культурные связи со скифским миром.

В IV в. до н. э., примерно около того времени, когда Боспорское государство, сильно расширившись, включило в свой состав ряд племен Прикубанья, скифские племена объединились под властью царя Атея, владения которого простирались от Дона до Дуная. Но это объединение не было долговечным. В 339 г. до н. э. престарелый Атей потерпел поражение и пал в битве против македонского царя Филиппа II. После этого царство Атея распалось. Однако и позднее скифы пытались проложить экспансию. В III в. до н. э. ольвинопольцы были вынуждены платить дань скифам, а во II в. до н. э. вошли в состав скифского государства, центр которого находился в Крыму.

Художественная культура северопонтийских городов этого времени представляла сложное явление. Городская архитектура, известная нам преимущественно по остаткам жилых домов и оборонительных сооружений, имела античный характер. Произведения монументальной мраморной скульптуры в это время встречаются во всех больших северопонтийских городах; таковы, например, статуя Диониса с пантерой начала IV в. до н. э. или громадный торс Спартокида аттической работы середины IV в. до н. э., найденные в Пантикапее, голова юноши круга Скопаса, обнаруженная в Херсонесе, и происходящие из Ольвии патетическая голова бородатого бога, возможно работы Скопаса, а также голова Диониса аттической школы середины IV в. до н. э. Должно однако отметить, что число скульптур, найденных на Северном Понте, значительно меньше, чем в городах Средиземноморья, что вряд ли можно отнести только на долю менее благоприятных условий для их сохранности. Нужно думать, что социальные верхи Боспора, включившие также эллинизованных представителей синдо-меотской знати, во многом усвои-

ли вкусы племенных вождей Северного Причерноморья. Это сказалось в стремлении окружить себя богатой художественной утварью и хоронить покойников с большой пышностью, сооружая обширные погребальные постройки и ставя в могилы с умершим дорогой и обильный инвентарь. Что же касается монументальной скульптуры, то последняя явно занимала весьма скромное место.

Среди привозных произведений художественного ремесла видное место занимали роскошные произведения керамики с богатой и яркой полихромией, видимо наиболее близкой вкусам боспорской аристократии. Большую роль играли аттические краснофигурные вазы, привозимые в IV в. до н. э. в большом количестве. При этом должно отметить, что если в VI—IV вв. до н. э. вазы, доставлявшиеся в Северное Причерноморье, ничем не выделялись среди обычной расписной керамики, изготовлявшейся и бытовавшей в метрополии, то в IV в. до н. э. заметно выступают особые группы керамики, пользовавшиеся большой популярностью на Боспоре. К ним прежде всего относятся пелики беглого стиля, украшенные росписью, изображающей мифы, связанные с Северным Причерноморьем. Это битва эллинов с амазонками (по преданию, обитавшими у берегов Меотиды, т. е. Азовского моря), легендарные аримаспы, борющиеся с грифами, Аполлон на грифе, головы амазонки, ее коня и грифа и т. п. Все это показывает, насколько изменились вкусы и воззрения боспорского общества к IV в. до н. э. Боспорцы прочно сжились с окружающей их средой, и им стали особенно дороги поэтические сказания, связанные с нею.

Из других привозных керамических изделий заслуживают упоминания найденные в Фанагории фигурные сосуды, представляющие Афродиту, выходящую из раковины, сфинкса и сирену. Богатая прекрасно сохранившаяся полихромия этих ваз передает расцветку хрисоэлефантинных статуй.

Мы остановились только на произведениях искусства, привозившихся из метрополии, лишь показательных для художественной культуры северопонтийских городов. Гораздо более ярким проявлением ее были боспорская торевтика и погребальные сооружения: склепы с уступчатыми перекрытиями.

Ольвийская торевтика, получившая значительное развитие в VI—V вв. до н. э., заметно хиреет в IV в. до н. э.

Напротив, в этот период наблюдается большой подъем художественной обработки металла на Боспоре. Перед боспорской торевтикой в рассматриваемое время встали весьма разнообразные задачи. В IV в. до н. э., видимо, в боспорских мастерских изготовлялись изделия в скифском зверином стиле, различные предметы для скифского обихода в греческом стиле и, наконец, чисто эллинские произведения искусства.

В IV в. до н. э. звериный стиль стал заметно вырождаться. Это наглядно выступает в крайне схематическом изображении рыб на золотом конском налобнике из скифского кургана «Солоха», а также в бронзовых изделиях из меотских курганов Прикубанья, где изображения животных настолько стилизованы, что переходят в линейный орнамент.

В раскопанном под Керчью Куль-Обском кургане, заключавшем погребение знатного скифа, были найдены многочисленные предметы ху-

дожественной утвари, по большей части греческой работы. Среди них отметим золотую фигуру оленя, выполненную в зверином стиле. Наличие на шее этого оленя греческой надписи: ΠΑΙ побуждает полагать, что он был сделан греческим, скорее всего пантикапейским мастером. Кульобский олень по общей схеме и позе близко напоминает оленя из Костромской станицы. Однако в нем нет ни силы, ни убедительности его предшественника. Формы кульобского оленя более сухие, вытянутые и кажутся несколько изможденными. Длинные ветвистые рога, плотно прижатые к телу, трактованы очень схематично, так что скорее напоминают монотонный орнамент; последний отросток их переходит в голову барана. Под шеей оленя находится маленькая фигура собаки, а на его туловище помещены три маленькие фигуры: льва, зайца и грифа. Перечисленные изображения животных переданы реалистически, что еще более усиливает несоответствие этих мелких фигурок со стилизованным изображением оленя, на котором они помещены. Сказанное наглядно показывает, как далек был скифский звериный стиль от греческой классики, и греческий ювелир IV в. до н. э., конечно, не мог передать основного духа звериного стиля, возникшего в среде северопонтийских кочевников и полностью отвечавшего их представлениям.

Гораздо более значительным явлением в истории античного искусства стала другая отрасль боспорской торевтики, а именно изготовление ювелирных изделий — греческих по стилю, но специально предназначенных для скифской знати. Это были различные предметы парадной утвари или вооружения, богато украшенные по преимуществу рельефными изображениями. Форма и назначение самих предметов обычно обуславливались скифскими обычаями и обиходом. Тематика изображений, нужно думать, часто обуславливалась требованиями заказчиков или, во всяком случае, была навеяна тесным общением художника с племенным миром. Нередко встречались изображения вооруженных скифов или меотов, иногда с их лошадьми, сражений, охот или сцен, связанных с культом. Ярким образцом такого направления в боспорской торевтике может служить узкая треугольная золотая рельефная пластина, найденная в кургане Карагодеуашх. На этой пластине рельефные изображения расположены в три ряда, причем в нижнем представлена сцена приобщения к культу великого женского божества. По середине — Великая богиня, восседающая на троне, возле нее три служителя. Один из служителей держит в руке сосуд сферической формы. Богиня приобщает к своему культу молодого меота, передавая ему ритон (рог для питья). Стиль этих рельефов чисто греческий, но сюжет изображений, одежда и типы лиц — все это имеет ярко выдержанный местный колорит, заметно отличающий это произведение от других памятников классического искусства.

Из кургана Карагодеуашх происходит также серебряный сосуд в виде рога (ритон), на верхней части которого представлен верховный бог-всадник, приобщающий к власти племенного вождя, также сидящего верхом на коне. В передаче этой сцены ярко сказались этнографические интересы и большая осведомленность мастера.

Не менее ярко те же черты выступают в рельефах на вазе из электро (сплава золота с серебром), найденной в Куль-Обском кургане. Там

изображен ряд сцен из жизни скифов: двое разговаривают, третий натягивает лук, еще один скиф вырывает зуб другому, и, наконец, представлена сцена перевязывания раненого. Описанные изображения, возможно, представляют бытовые сцены, а может быть, картины, связанные с какой-либо местной легендой. Достоин внимания, что кульобский сосуд имеет такую же форму, как и сферический сосуд, представленный на золотой пластине из кургана Карагодеуашх. Нужно думать, что и кульобский электровый сосуд имел ритуальное назначение.

Ювелирные изделия, найденные в Куль-Обском кургане, были весьма многочисленны и разнообразны. Среди них видное место занимают украшенные рельефами квадратные золотые бляшки или прорезные фигурки. Таковы, например, изображения скифов-лучников, братающихся скифов, которые пьют вдвоем из одного ритона, или бляшки, на которых представлены сидящая богиня с зеркалом в руке и стоящий перед нею скиф, пьющий из ритона. Сцена явно связана с религиозными представлениями скифов. Примечательно наличие зеркала в руке богини. Вероятно, здесь зеркало выступало не как предмет женского обихода, а было связано с какими-то представлениями примитивной магии. Способность зеркала отражать предметы должна была казаться чудодейственной примитивному сознанию, а мнимый мир, отраженный в зеркале, каким-то образом связывался им с потусторонним миром.

Помимо золотых бляшек, не свойственных греческому быту, но в большом числе встречающихся в могилах местной племенной знати, в Кульобском кургане обнаружены и другие художественные изделия, характерные для обихода северопонтийских аборигенов. Такова, например, золотая гривна (шейное украшение), на концах ее находятся фигуры коней, на которых сидят скифы.

Большой роскошью отличаются ювелирные изделия, обнаруженные в скифских курганах Приднепровья. В кургане Солоха был найден массивный золотой гребень. Его увенчивает небольшая группа распластаных скульптурных изображений, по композиции несколько напоминающая среднюю часть фронтовой композиции. Изображена битва трех воинов. В центре — конный воин, нападающий на спешенного всадника, около которого лежит убитая лошадь. За конным воином следует пеший боец. Все сражающиеся одеты в скифскую одежду, у конных воинов — греческие шлемы и панцири. Вся эта сцена исполнена с этнографическим реализмом, хотя построение ее строго отвечает принципам греческого искусства периода классики.

В том же кургане была найдена украшенная рельефами серебряная пластина облицовки горита (налучия) с изображениями сцены боя северопонтийских аборигенов. Конные скифы сражаются с пешими противниками. Здесь ни в одежде, ни в вооружении не наблюдается ничего эллинского; да и во внешнем облике бойцов с их длинными косматыми волосами и растрепанными бородами художник всячески стремился подчеркнуть грубое, варварское обличье.

Выдающимся произведением боспорской торевтики является большая серебряная амфора, найденная в Чертомлыцком кургане. Плечи и тулово сосуда богато украшены различными рельефами. На плечах представлены грифы, терзающие оленей. Ниже неширокий пояс с изо-

бражением скифов, дрессирующих лошадей. Сцена очень живая: фигуры людей и животных полны движения. Создается впечатление широкого степного простора причерноморских степей, где кочевали в древности скифы. Остальная часть тулова покрыта сложными узорами: это пальметты, полупальметты, цветы и извивающиеся побеги, на которых сидят птицы. В нижней части тулова прикреплены две головы львов и голова коня (или Пегаса), обрамленная широко распластанными крыльями. Вероятно, эти головы не входили в первоначальный замысел художника и были добавлены позднее. Крылья коня накрывают прилежащие части орнаментов, резко прерывая линии побега. Однако судя по стилю головы Пегаса и изображений коней на фризе, они выполнены в одной мастерской и в довольно близкое время. Нужно думать, что боспорский торевт дополнил их по особому требованию заказчика — скифского царя. Отмеченный нами факт, как бы незначителен он ни был, тем не менее весьма показателен. Он свидетельствует о том, что хотя художественные изделия греческих мастеров в значительном числе и проникали в Приднепровье, однако эллинизация вкусов скифской знати была весьма относительной. Скифского царя не смущала добавка голов животных к чертомлыцкой амфоре, которая сами грекам, вероятно, казалась дисгармоничной.

В скифских курганах этого времени встречаются изделия греческих торевтов и с изображениями на чисто античные сюжеты — сцен из эллинской мифологии. Такова, например, многофигурная композиция на золотых ножнах меча из Чертомлыцкого кургана. В Чертомлыцком кургане было найдено золотое налучие, богато украшенное рельефными изображениями; два других совершенно идентичных налучия, явно исполненных тем же мастером, были обнаружены в Ильинецком и Мелитопольском курганах. Сложные многофигурные композиции на названных налучиях изображают, по всей видимости, сцены, связанные с мифами об Ахилле.

В Северном Причерноморье культ Ахилла получил значительное распространение в аспекте Ахилла — владыки Понта (Понтарха), он особо почитался в Ольвии и на острове Левке (ныне Змеиный). При этом особенно популярны были мифы не о подвигах Ахилла под Троей, а о блаженном пребывании героя на Левке после его кончины. Распространению культа Ахилла на Северном Понте, нужно думать, немало способствовало то обстоятельство, что он слился там с другим культом местного могучего водяного и конского божества, вероятно существовавшего там еще в киммерийские времена.

Боспорское производство, во всяком случае, основной массы изделий античной торевтики, найденных в скифских и меотских курганах, вряд ли может вызвать какое-либо сомнение. Исключительно хорошее знакомство с этнографическими особенностями местных обитателей Северного Причерноморья, с одной стороны, и значительная стилистическая близость этих произведений торевтики золотым пантикапейским монетам IV в. до н. э. — с другой, являются наглядным тому доказательством.

Пантикапейские золотые статеры чеканились примерно с 370 г. до н. э. до конца того же столетия. На лицевых сторонах статеров изобра-

жалась голова бородатого божества с козлиными ушами, представленная в профиль или в три четверти. Это божество прежде нередко называли Паном, однако иконографические особенности названных голов сильно отличаются от рогатого козлоподобного Пана. Нельзя считать их изображениями сатира, ибо они обладают густой бородой. Скорее всего это божество, вероятно, дионисийского круга, один из местных демонов плодородия, культ которого получил распространение в земледельческом Боспоре. Описываемые головы отличаются большой экспрессией; резчик с исключительным мастерством сумел придать особую жизненность резкому членению лица, косматой шевелюре и растрепанной бороде, создав образ, полностью отвечающий божеству производящей силы природы.

На реверсах пантикапейских статеров изображался козлоногий гриф с копьем во рту. Трактовка этого фантастического существа чисто греческая, но возникновение подобного типа в пантикапейской нумизматике вряд ли можно считать не связанным с местными условиями. Здесь прежде всего нужно вспомнить мифы о борьбе грифов за золото с ари-маспами, которые по представлениям греков обитали где-то к востоку от северочерноморских степей. Не исключена возможность, что популярность мотива хищника, и иногда и грифа в зверином стиле северопонтийских племен также могла сыграть некоторую роль в возникновении описываемого типа на пантикапейской монете.

Под фигурой грифа на реверсе пантикапейских статеров изображался колос пшеницы или осотр — наглядные эмблемы боспорского хлебопашества и рыболовства, составлявшие основу экономики и процветания Боспорского государства.

Затронутый нами вопрос о боспорской золотой чеканке подводит к другому вопросу — об изделиях античной торевтики, бытовавших на Боспоре. Определение места производства ювелирных изделий чисто эллинского характера значительно труднее, чем предметов, имеющих отчетливо выраженный местный колорит. Поэтому безоговорочно относить все произведения торевтики классического стиля, найденные на Боспоре, к производству пантикапейских мастерских конечно нельзя. Вполне возможно, что часть их, и может быть не малая, была привозной из метрополии. Но так или иначе эти изделия в значительном числе бытовали среди боспорской знати, несомненно были у нее одними из самых излюбленных произведений искусства. В некотором количестве такие изделия проникали и к местной более или менее эллинизированной аристократии.

В уже упоминавшемся Куль-Обском кургане были найдены золотые подвески. Это большие украшенные рельефами круглые пластины, к которым подвешена сложная сеть цепочек с приклепанными к ним цветочками, спиральными завитками и грушевидными подвесками. На круглой пластине помещено рельефное изображение головы Афины, показанной в три четверти. Богато украшенный шлем с тройным гребнем отвечает описанному Павсанием⁷ шлему прославленной хрисозлефантинной статуи Афины Парфенос Фидия. Можно думать, что данное изображение одно из наиболее точных дошедших до нас воспроизведений знаменитой Афины Фидия.

Исключительной тонкостью ювелирной работы отличаются золотые серьги, найденные в 1853 г. в одном из курганов около Феодосии. Они имеют сложное устройство: круглый, украшенный орнаментами щиток, центральная композиция, ниже — лунка, обрамленная полукольцом цветков, и ряд подвесок на цепочках. Все эти узоры очень мелкие, но особенно примечательна центральная композиция — обрамленная крылатыми фигурами группа: сопровождаемый Никой воин, который правит квадригой. Описанные изображения на феодосийских серьгах настолько малы, что лишь с трудом могут быть рассмотрены невооруженным глазом.

Ни в стиле, ни в тематике этих произведений нельзя отметить каких-либо черт локального колорита. Другое дело некоторые из произведений торевтики, найденные в кургане Большая Близница на Таманском полуострове. Там на головном уборе представлены сцены борьбы аримаспов с грифами — сюжет, имеющий некоторую локальную окраску и, как говорилось выше, нередко встречающийся на боспорских пеликах. То же можно сказать и о золотой подвеске, по общему замыслу несколько напоминающей кульобскую. Только на круглой бляхе подвески Большой Близницы представлена Нереида, на гиппокампе, с доспехами для Ахилла. Мы уже говорили выше о популярности культа этого героя на северных берегах Черного моря, где он пользовался особым почитанием как Ахилл Понтарх. Боспор не был в этом отношении исключением, и один из небольших городков на Таманском полуострове назывался по имени этого героя (Ахиллий). Весьма показательно, что на Боспоре Ахилл почитался как морское божество. С этим обстоятельством вероятно связана популярность в искусстве Боспора изображений Нерейд, несущих доспехи Ахиллу. Такая сцена особо подчеркивала происхождение названного героя; матерью его была Фетида, одна из Нерейд.

Аналогичный сюжет — Нерейды с доспехами Ахилла — встречается и на других произведениях художественного ремесла, найденных на Боспоре. Так его мы находим на рельефном фризе, украшающем большой деревянный саркофаг III в. до н. э., найденный в одном из курганов в окрестностях Анапы.

Наконец, с местной мифологией, возможно, связаны рельефные изображения богини, расположенные под ручками большого серебряного блюда, найденного в Чертомлыцком кургане. Обнаженная верхняя часть тела богини, обрамленная пышными мотивами, выполнена в классическом стиле. Кого изображает эта богиня, с уверенностью сказать трудно — может быть, это дочь реки Борисфана, которая выступает в одном из местных сказаний⁸ как прародительница скифов.

Помимо торевтики, другим большим и очень своеобразным явлением в искусстве Боспора были величественные монументальные погребальные сооружения, а именно склепы с уступчатыми перекрытиями. Такие усыпальницы, видимо, появились примерно во второй четверти IV в. до н. э. и получили значительное распространение в период процветания Боспора — до начала III в. до н. э. Позднее они не исчезли, они применялись во II и, возможно, в I в. до н. э., однако встречались значительно реже и далеко не достигали таких размеров, как монументальные гробницы IV в. до н. э. Характер квадров и кладки склепов чисто гре-

ческий, однако вопрос о происхождении этих величественных усыпальниц довольно сложен. Эгейские купольные гробницы и погребальные сооружения Малой Азии, Фракии или Этрурии вряд ли могут объяснить их происхождение. Такие сравнительно простые архитектурные формы, как прямоугольные в плане склепы, перекрытые посредством напуска плитовых камней, отнюдь не обязательно возводить к единому источнику, они могли появляться и в различных местах независимо друг от друга. Так или иначе, еще задолго до появления боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями в бассейне Днепра, и особенно Кубани, получили значительное развитие подкурганные погребальные сооружения. При этом в тесно связанном с Боспором Прикубанье большую роль играли деревянные постройки — прямоугольные или квадратные в плане, нужно думать обычно перекрытые шатровой кровлей. Вместе с тем также задолго до возникновения боспорских склепов, как в Приднпровье, так и в Прикубанье (около станицы Костромской), были сделаны попытки соорудить из грубообработанных каменных плит уступчатый свод, таким образом передав в камне местные деревянные шатры.

Определенные связи богатых погребений боспорских некрополей Керченского полуострова V—IV вв. до н. э. с одновременными или предшествовавшими им погребениями местной знати Прикубанья можно считать достаточно надежно установленными. Это может быть объяснено только тесными связями боспорской аристократии с синдо-меотской знатью. Эллинизированная синдо-меотская знать, заняв видное место в высших кругах боспорского общества, сохраняла в некоторой мере свою прежнюю идеологию, что получило отражение как в погребальных обрядах, так и в надгробных сооружениях. Это обстоятельство существенно для понимания истоков боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями; они в конечном счете, вероятно, восходят к погребальным сооружениям Прикубанья VI — начала IV в. до н. э. Связь с этими погребальными сооружениями особенно выступает в склепах, обнаруженных в окрестностях древней Горгииппии (нынешней Анапы). Там нам известны склепы, состоявшие из дромоса, небольших сеней и прямоугольной погребальной камеры с уступчатым перекрытием, устроенным посредством постепенного напуска — рядов тщательно отесанных каменных плит с каждой из четырех сторон склепа. Таким образом, внутренние помещения склепов, служившие усыпальницами, довольно близко повторяют основные очертания погребальных шатровых построек меотов, подобно тому как эгейские фолосы следовали формам ульевидных хижин, воспроизведением которых являются известные каменные урны с островов Аморгоса и Мелоса. Иное дело фасады сеней: они были обрамлены аптами, перекрыты простым антаблементом, иногда с фронтоном, т. е. всецело отвечали античным образцам.

Погребальным камерам анапских склепов очень близка по устройству усыпальница Куль-Обского кургана; она представляла квадратное в плане помещение, перекрытое уступчатым куполом, образованным напуском плит с четырех сторон. Вход в эту камеру был расположен не по середине стены, а асимметрично, с краю, что, возможно, было связано с негреческим происхождением заказчика. Выше мы неоднократно упоминали о различных ювелирных изделиях скифского обихода, кото-

рые были обнаружены в этом богатейшем погребении, датируемом примерно серединой IV в. до н. э.

Примерно к концу того же или, возможно, к началу следующего столетия относится Мелек-Чесменский курган (в Керчи). Склеп этого кургана имеет длинный дромос, крытый уступчатым сводом, и квадратную в плане камеру, близкую по устройству кульобской усыпальнице. Только вход в нее, согласно обычной боспорской традиции, находится по середине входной стены, кроме того, уступчатый купол не приземистый, как в кульобской усыпальнице, а более высокий.

Помимо квадратных в плане склепов с уступчатыми перекрытиями, на Боспоре известны также погребальные камеры, имеющие в плане форму вытянутых прямоугольников, перекрытие которых устроено посредством напуска плит с двух или трех сторон. В первом случае своды опираются на обе продольные стены камеры, во втором — также на продольные и, кроме того, на одну из поперечных. Такого рода усыпальницы были обнаружены при раскопках курганов на хребте Юз-Оба, находящемся к югу от Керчи. Там в 1859 г. был открыт склеп, датируемый второй четвертью IV в. до н. э., погребальная камера его имела уступчатое перекрытие, опирающееся на три стены. К немного более позднему времени — середине IV в. до н. э. — относится другой склеп, раскопанный в том же году; в нем сводчатому перекрытию служили упором две продольные стены.

Несколько особняком среди боспорских склепов стоит раскопанный в 1832 г. склеп Золотого кургана под Керчью. Этот склеп состоял из небольшого дромоса и круглой в плане погребальной камеры, ульевидной по очертаниям (т. е. в виде довольно высокого корпуса с прогибающимися наружу боковыми стенками). Общие очертания этого сооружения довольно близко напоминают микенские фолосы. Однако должно отметить одно существенное отличие. Семнадцать колец каменных плит, из которых сооружена погребальная камера Золотого кургана, уступами нависают один над другим, начиная с самого низа; в микенских фолосах таких уступов нет и боковые стороны усыпальницы образуют непрерывную кривую линию. Формы склепа Золотого кургана резко отличаются от других погребальных камер Боспора, имеющих уступчатые перекрытия. Вместе с тем в местном зодчестве Северного Причерноморья вряд ли можно найти какие-либо прототипы описанного склепа Золотого кургана. Нужно думать, что они были принесены извне. Возможно, что они были заимствованы из Фракии, где круглые в плане гробницы известны в IV в. до н. э. Однако во фракийских гробницах, так же как и в микенских фолосах, вертикальное сечение свода дает выпуклую кривую линию. Поэтому если общий тип погребального сооружения Золотого кургана и был заимствован из Фракии, то он все же был подвергнут известной переработке в духе боспорских усыпальниц, характерной особенностью которых была подчеркнутая уступчатая структура их перекрытий. В этом сказалось стремление боспорских зодчих акцентировать тектонику их сооружений. В основе простой конструкции этих построек лежали ряды горизонтально уложенных плит. Точная дата описанного склепа Золотого кургана не установлена, вероятно, он был построен в последних десятилетиях IV в. до н. э., или, может, немного позднее.

Наиболее значительным из боспорских склепов является хорошо сохранившийся до настоящего времени склеп грандиозного Царского кургана, находящегося к северо-востоку от Пантикапея. Этот склеп состоит из длинного дромоса, покрытого уступчатым сводом, и квадратной в плане погребальной камеры, перекрытой высоким ступенчатым куполом стрельчатого профиля. До высоты около 2 м стены камеры отвесны, затем по углам начинают нависать уступами плиты перекрытия, образуя сначала скругленные углы. Выше эти скрепленные углы постепенно переходят в круглый купол. Напуск плит небольшой, поэтому купол очень высокий.

Смелый переход от квадратной в плане погребальной камеры к конусовидному куполу делает склеп Царского кургана наиболее сложным по устройству среди боспорских усыпальниц. Это показывает, что Царский курган, вероятно, был сооружен уже после того, как были созданы основные типы склепов с уступчатыми перекрытиями, во всяком случае типа усыпальниц Куль-Обского и Золотого курганов.

Таким образом, строители Царского кургана сумели творчески использовать архитектурные элементы, имеющие различные истоки, создав произведение совершенно новое по замыслу. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что в Царском кургане, так же как и в других боспорских усыпальницах, была применена чисто греческая строительная техника, система тески и кладки камня. Более того, именно в Царском кургане наблюдается применение одного из приемов, характерных для эллинской классики, а именно так называемых аномалий, т. е. заранее точно рассчитанных отклонений от строго геометрических архитектурных форм, отклонений, которые имеют своим назначением достижение особого эффекта. В Царском кургане верхние ряды камней обеих сторон уступчатого перекрытия дромоса расположены не параллельно; по направлению от входа к камере они несколько отдаляются друг от друга. Поэтому человеку, который смотрит на дромос, находясь снаружи склепа, кажется, что линии верхних камней свода примерно параллельны, а для того, кто рассматривает дромос из двери камеры, сближение линий потолка представляется значительно более усиленным. Таким образом, отклонение от параллельных линий плит плафона ослабляет впечатление перспективы для смотрящего извне, в силу чего дромос кажется ему несколько более коротким, чем он на самом деле. Напротив, для смотрящего из погребальной камеры впечатление перспективы значительно усилено, в силу чего дромос кажется гораздо более длинным, чем в действительности. Нужно думать, что замысел зодчего, определивший описанный нами эффект перспективного построения, был тесно связан с мировоззрением общества его времени. То обстоятельство, что для человека стоящего перед входом в дромос Царского кургана погребальная камера кажется совсем близкой, как бы выражает мысль о непрочности земного существования. Вошедшему в полумрак холодного сырого склепа и оглянувшемуся назад дромос кажется очень длинным, а простирающаяся за ним залитая светом земля представляется далекой. Этим как бы подчеркивается невозможность для покойных возврата из мрачного царства мертвых.

Дата Царского кургана точно не установлена, и по поводу ее высказывались различные точки зрения. Вероятно, его следует отнести ко времени не позднее конца IV в. до н. э.

Помимо склепов с уступчатыми перекрытиями, на Боспоре в IV в. до н. э. сооружались монументальные гробницы и других типов. Таков, например, расписной склеп, обнаруженный в Керчи в 1908 г. В нем погребальной камерой служит прямоугольная в плане комната с плоским потолком. Стены этой камеры разделены на широкие горизонтальные пояса: плинт окрашен в беловатый цвет, лежащие над ним — в красный и желтый; между последними узкий просвет. Вероятно, в этой расцветке получила отражение каменно-сырцовая конструкция стен античных жилищ, свойственная Средиземноморью и Причерноморью. Нижний белый пояс отвечал каменному цоколю, на котором возвышалась сырцовая кладка, заштукатуренная и окрашенная в красный цвет, выше — деревянная прокладка, отвечающая просвету, а над нею — другая часть сырцовой кладки, окрашенная в желтый цвет. Стену увенчивает изображение деревянной балки, лежащей под потолком. Живописец с большим мастерством изобразил вбитые в нее гвозди, на которых развешаны повязки, венки, сосуды для оливкового масла — характерные предметы обихода греческого атлета.

Значительно более сложным по архитектуре является склеп кургана Васюринской горы на Таманском полуострове, относящийся к концу IV — началу III в. до н. э. Это сооружение состояло из дромоса в виде лестницы, обрамленной с боков большими каменными ящиками для конских захоронений, небольшого прохода, крытого коробовым сводом, и погребальной камеры, имевшей такое же перекрытие.

Стены и потолок погребальной камеры были оштукатурены и богато расписаны. На стенах изображена ограда, облицованная каменными плитами черного, красного, желтого и желтоватого цвета. Эту ограду увенчивали исполненные живописью карниз и сима. Над последней возвышались небольшие узкие антефиксы, между которыми видны стройные фигурки сидящих птиц. Роспись стен Васюринского склепа, видимо, была задумана как изображение стен героона — т. е. места захоронения покойника, который по греческим, особенно малоазийским, представлениям должен был быть удостоен почестей героя. Следует отметить, что на некрополе Фанагории, находящейся недалеко от Васюринского кургана, в 1938 г. были обнаружены остатки героона, относящегося к III в. до н. э.

На плафоне Васюринского склепа изображен как бы натянутый над погребальной камерой ковер синего цвета с широкой пурпуровой каймой по краям и красными кистями по углам.

Склепы с уступчатыми перекрытиями обычно не украшались росписью. Однако нам известны случаи применения живописи и в них. Так, в склепе кургана Большой Близницы на Таманском полуострове вдоль верхней части стен погребальной камеры тянулся расписной пояс, заполненный орнаментами. Большая плита, замыкавшая уступчатое перекрытие, была украшена поплечным изображением Деметры (или ее дочери Коры). Богиня была изображена *en face* и глаза ее казались устремленными на каждого смотревшего на нее человека.

По сравнению с периодом блестящего расцвета Боспора в IV в. до

н. э. значительно менее благоприятным временем были III—II вв. до н. э. В новых исторических условиях, когда на исторической арене выступили сильные эллинистические государства с их активной внешней политикой, Боспор лишился большей части своих рынков сбыта хлеба в Грецию, что осложнило его экономическое положение. Увядание Боспора в это время не было постепенным — напротив, иногда наблюдались периоды упадка, а иногда стабилизации и имели место даже отдельные всплески кратковременных подъемов.

Художественная культура Боспора III—II вв. до н. э. в основном развивалась в том же русле, что и в предшествующее время. Однако некоторое оскуднение сказалось и в этой области. Количество предметов искусства и художественного ремесла, привозившихся в это время из метрополии, было по-прежнему весьма велико. Однако это произведения хотя обычно вполне доброкачественные, но рядового массового производства: расписная и рельефная керамика, а также терракотовые статуэтки из различных центров Эгейского бассейна. Аналогичная по типу художественная керамика изготовлялась в Северном Причерноморье. Во всех значительных северопонтийских городах производились расписные вазы с легкими растительными орнаментами или незамысловатыми геометрическими узорами, столь характерными для эллинистической керамики. В Херсонесе и на Боспоре выпускалась также рельефная посуда. Особое место в керамическом производстве Боспора занимают так называемые акварельные вазы, по большей части пелики, разрисованные довольно непрочными красками. Эти пелики являются локальным подражанием аттическим краснофигурным вазам IV в. до н. э., которые были так излюблены на Боспоре. Формы акварельных пелик значительно грубее их образцов, рисунок проще, колорит более пестрый и яркий. Это обусловлено не только не очень высоким уровнем мастеров, расписывавших названные вазы. Любовь к более броским, резко противопоставленным одна другой краскам наблюдается и в других произведениях того же и особенно последующего времени. В частности, это имеет место при изображении пестрого мрамора в стенных росписях.

Таковы также росписи небольшой группы северопонтийской керамики, образцом которой является найденная в Ольвии фрагментированная ойнохоя. Наружная поверхность этого сосуда покрыта белой облицовкой и украшена росписью, исполненной красной, синей и серой красками. Изображена красная повязка (тэния), как бы надетая на плечи сосуда и завязанная бантом над ручкой. Повязка разукрашена пальметтами и другими узорами. Мотив изображения тэнии на сосуде, разумеется, навеян интересом к греческой агонистике. Само сочетание белого, красного и синего цветов не было чуждо расцветке греческой архитектуры. Однако во всем облике описываемой вазы резко выступает локальный колорит.

В искусстве Боспора III—II вв. до н. э. наблюдается усиление роли орнамента и преобладания несколько декоративных элементов. Эти тенденции в последующее время отнюдь не ослабевают, а значительно усиливаются.

Прежде всего, они сказываются в торевтике, где античные формы теперь сочетаются с инкрустациями разноцветными камнями: граната-

ми, халцедонами, сердоликами и другими, что создает очень яркую и немного грубоватую полихромную. Образцом таких ювелирных изделий может служить золотая диадема III в. до н.э., найденная в Артюховском кургане. Основным мотивом этой богато украшенной диадемы является сложно завязанный жгут, богато отделанный гранатами.

Этот вкус к полихромии не является результатом дальнейшего развития греческой художественной культуры, он навеян извне, вероятно в результате общения с сарматским миром.

Другим образцом произведения торевтики, исполненным на Боспоре, но связанным с местной средой, является украшенная рельефами обшивка золотого ритона, найденного в кургане около селения Мерджаны (в Прикубанье). Изображенная на ней сцена отвечает воззрениям меотского мира. Там представлена сидящая на троне Великая богиня со сферическим сосудом в руке, рядом с ней на шесте — конский череп, к богине подъезжает на коне всадник, держащий в руке ритон.

В тематике этих изображений заметна близость к сцене на рельефной пластине из Карагодеуашха. Однако стиль изображений резко отличается. Пластически объемные формы классического рельефа сменяются довольно плоскостными изображениями; детали исполнены грубой резьбой, имеющей линейный характер. Те же черты могут быть отмечены и в рельефной надгробной скульптуре Боспора последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры.

Отмечавшееся и выше явление — изготовление греческими ювелирами в античном стиле предметов совершенно неэллинских по форме и назначению — имело место и в рассматриваемое время. Таков головной убор из массивного золота, найденный в кургане около мыса Ак-Бурун недалеко от Керчи. По форме он напоминает шлем полуяйцевидной формы с многочисленными прорезами. Вся поверхность его покрыта орнаментами, популярными на Боспоре: пышный цветок каллы, сочные волюты, завивающиеся наподобие вольют эолийской капители, листья аканфа и спирали. Этот золотой головной убор, вероятно, подбитый кожей, представлял собою очень своеобразное соединение греческих приемов декоративного искусства с совершенно неэллинским общим замыслом.

Близкое сочетание мотива пышно раскрывающегося цветка каллы, обрамленного, правда, несколько более сухими волютами, мы находим на капителях одной из построек II в. до н.э., открытой в Пантикапее. Они имели богатую расцветку с применением красной и синей красок, а также позолоты. По всему характеру эти капители занимали промежуточное место между ионийским и коринфским ордерами. Такого рода капители обычно применялись в Средиземноморье для украшения антов или пилястр; здесь в Пантикапее они увенчивали колонны, обработанные каннелюрами только с лицевых сторон. Все сказанное свидетельствует о некоторой переработке ордера в духе усиления чисто декоративных тенденций.

Жилищная архитектура III—II вв. до н.э. нам известна по ряду домов, раскопанных на Боспоре и особенно в Ольвии и Херсонесе. Эти дома обычно имеют характерные для античного зодчества внутренние дворики, возле которых группируются жилые комнаты и хозяйственные помещения. В более богатых домах, например в раскопанном в Ольвии

в 1902—1903 гг., дворники обносились колоннадами и украшались мозаиками, выложенными разноцветной галькой. В одном из херсонесских домов была обнаружена комната, вероятно служившая баней, пол которой был украшен мозаикой из гальки, представлявшей двух обнаженных женщин, моющихся около лутерия.

Стены богатых домов покрывались штукатуркой и отделывались раскраской и росписью. Раскопки Пантикапея и Фанагории дали хорошие образцы таких росписей II в. до н.э. По общему характеру они близки отделке стен делосских домов. Гладь стены делилась на несколько горизонтальных поясов, причем основные членения подчеркивались пластической обработкой поверхности штукатурки. На нижней части стены представлен ряд орфостатов, выше расположены чередующиеся ряды квадров: желтых, красных, черноватых или окрашенных под пестрый мрамор, разделенных поясами орнаментов. Стену завершал фриз, пластически исполненный из штукатурки или расписной, представляющий сложные мотивы меандра, над которым находился дентикулярный карниз. В расписных фризах ракурс, в котором должен быть виден меандр, передавался с большим мастерством, поэтому создавалась иллюзия, что он выполнен пластически.

Расписные фризы несомненно были вторичным явлением, возникшим в подражание фризам, исполненным в рельефе из штукатурки. Вместе с тем в декоративном искусстве Боспора того же времени может быть отмечено другое, не менее любопытное явление. В Пантикапее был найден мраморный блок с высеченным на нем рельефным меандровым фризом. Трактровка этого фриза была очень своеобразна. Мастер явно стремился повторить живописный образец, передавая в ракурсе боковые стороны выступающих частей меандра. В такой трактовке меандрового фриза явно сказались тенденции к декоративным и живописным эффектам, свойственным искусству Боспора.

Наконец, следует отметить, что на Северном Понте в рассматриваемый период появляется серия скульптур, исполненных из мягких пород камня (главным образом мелкозернистого известняка). Эти скульптуры имеют ряд особенностей, получивших дальнейшее развитие в искусстве первых веков нашей эры.

Таковы рельефные изображения пирующего Геракла, найденные около древней Керкинитиды (нынешней Евпатории). В грубовато исполненных грузных фигурах сидящего героя чувствуется несколько более плоскостная трактовка и значительно меньшая детализация форм, чем это обычно свойственно рельефной скульптуре периода эллинизма.

Целый ряд рельефных надгробий III—II вв. до н.э. был найден на Боспоре. Этим скульптурам свойственна античная объемная моделировка фигур. Однако представленные на них фигуры статичны, а позы их в сценах прощания с покойным почти совершенно фронтальны. Среди этих рельефов заслуживает особого упоминания надгробие II в. до н.э. с изображением пятиколонного здания, возможно представляющее героон, сооруженный в честь знатного покойника.

Еще во второй половине IV в. до н.э. на исторической арене Северного Причерноморья выступили новые сильные кочевые племена воинственных сарматов. Наступая с востока, они перешли на правый берег

Дона и вторглись на территорию скифских кочевий, это сарматское вторжение, вероятно, немало способствовало распаду царства Атея. В дальнейшем, на протяжении всего периода эллинизма, сарматы продолжали двигаться на запад, тесня и уничтожая скифов. Ко II в. до н. э. сосредоточием скифов стали степные части Крыма, вне его под скифской властью оставалась только небольшая часть нижнего Приднепровья и Прибужья.

Это время, когда скифы испытали значительное воздействие греческой культуры. Раскопки их столицы Неаполя, расположенного около нынешнего Симферополя, показали не только наличие интенсивных торговых связей с греческими городами Северного Причерноморья. Об определенных чертах греческого культурного воздействия говорят обнаруженные в Неаполе лапидарные надписи на греческом языке, произведения скульптуры и архитектуры.

Во II в. до н. э. цари крымских скифов Скилур и его сын Палак пытались расширять границы своего государства. Ольвия была вынуждена подчиняться Скилuru, она чеканила монету с изображением последнего. Однако попытки скифов покорить херсонесцев не имели успеха.

В конце II в. до н. э. теснимые скифами херсонесцы обратились за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Посланное им войско вместе с херсонесским ополчением нанесло поражение скифам, и последние подчинились понтийскому царю. С этого времени в Северном Причерноморье происходил ряд войн и социальных потрясений. Взятие городов сопровождалось их разорением и уничтожением части населения. Этот бурный период занял значительную часть I в. до н. э. Подверглись опустошению Пантикапей, Феодосия и некоторые другие города Боспорского государства; в середине I в. до н. э. геты разорили Ольвию.

Вслед за этой серией опустошительных войн началось восстановление разрушенных городов. Во вновь отстраиваемые города в большом числе нахлынули варвары, подвергнувшиеся некоторой эллинизации. Постепенное проникновение представителей местного населения в северопонтийские города было и раньше. Но в это время мы наблюдаем массовый прилив местных элементов как в Ольвию⁹, так и в боспорские города. В последние в большом числе проникали сарматы, что сильно отразилось на всей культуре Боспора, сказавшись на ряде обычаев и представлений, одежде, оружии, конском уборе, искусстве верховой езды. Именно в это время культурный синкретизм эллинов и ираноязычных соседей Боспора достигает наивысшего развития. В меньшей мере воздействие варварского мира испытали Ольвия и Херсонес, особенно последний. В исторических судьбах этих греческих полисов и их культуры выступает другое явление — политическая зависимость от Рима. В этих городах стояли римские гарнизоны: в Херсонесе в I—III вв. н. э., а в Ольвии во II—III вв. н. э. Следы пребывания римлян сказались в ряде латинских надписей и рельефов, обнаруженных при раскопках.

Период I в. до н. э. — IV в. н. э. в истории Северного Причерноморья не может быть назван греко-скифским, ибо скифы уже не играли существенной роли. Однако в художественной культуре Северного Понта этого времени наблюдается дальнейшее развитие и усиление тех традиций, которые там формировались на протяжении ряда столетий симбиоза греков с местными ираноязычными племенами. Прежде этот симбиоз приводил к тому, что в классические формы искусства нередко вкладывалось иное содержание, в известной мере продиктованное местной средой; теперь эти изменения, став более разнохарактерными, накладываю-ют печать и на содержание, и на художественные формы.

Зодчество северопонтийских городов первых веков нашей эры известно главным образом по многочисленным остаткам жилых домов, различных производственных построек, оборонительных стен и погребальных сооружений. В меньшей мере дошли до нас остатки храмов и других общественных зданий.

Храм Аполлона Простата в Ольвии известен только по обломкам, которые указывают, что он был сооружен в ионийском ордере. В Пантикапее был обнаружен фрагмент здания, возможно храма, посвященного боспорскому царю Аспургу в 23 г. н. э. Эта небольшая постройка дорийского ордера, вероятно, имела пять колонн на фасаде.

Другая постройка, известная также только по фрагменту, была воздвигнута в честь боспорского царя Савромата I (93—123 гг. н. э.). Она была сооружена в ионийском или коринфском ордере.

Представление о Капитолии — храме, построенном в Пантикапее для культа римского императора, — дают боспорские монеты царей Котиса II и Евпатора. На этих монетах находится изображение пятиколонного фасада здания на высоком ступенчатом основании, увенчанного довольно крутой двускатной кровлей.

На боспорских монетах встречаются также изображения крепостных башен и ворот, перекрытых полуциркульной аркой. Иногда на таких арках возвышается конная статуя, вероятно представляющая бронзовую фигуру боспорского царя.

Из других общественных зданий заслуживают упоминания термы, обнаруженные в Хараксе (римская крепость, находившаяся недалеко от нынешней Ялты) и в Пантикапее. Это небольшие скромные по отделке постройки, далеко уступающие аналогичным роскошным сооружениям Средиземноморья.

Однако и в Северном Причерноморье в рассматриваемое время строились богато отделанные здания. Так, в Ольвии около рубежа I—II вв. н. э. был сооружен большой жилой дом с перистильным двором эллинистического типа. Особенно роскошной отделкой отличались парадные постройки первых веков нашей эры в Пантикапее. Их стены и, вероятно, полы облицованы плитками разноцветного мрамора, последние часто встречаются при раскопках.

В большом числе дошли до нас погребальные сооружения. В Ольвии нам известны два монументальных каменных склепа, сооруженных под

большими курганами. Каждый из склепов состоит из двух расположенных по оси помещений, перекрытых коробовыми сводами.

Выше говорилось о большой роли погребального культа в искусстве и художественном ремесле Боспора в IV в. до н. э. Еще более резко это выступает в первых веках нашей эры. Попутно отметим, что своеобразную параллель этому явлению мы находим в боспорской поэзии; по крайней мере дошедшие до нас образцы являются эпитафиями в честь покойных.

Каменный склеп начала I в. н. э., близкий по типу ольвийским, был открыт под Пантикапеем в 1949 г. Он отличается четкостью конструкции, а также простотой и ригоризмом архитектурных форм. Наружный фасад склепа прерывался только дверным проемом, перекрытым большим блоком. На уровне основания этого блока перекрытия находились пяты полуциркульного свода, перекрывавшего погребальную камеру. Таким образом, весь замысел склепа полностью отвечал античным представлениям о тектонике. В склепе стоял саркофаг в виде простого каменного ящика с крышкой, имевшей округлые очертания наподобие невысокого свода. Очертания саркофага как бы подчинялись интерьеру склепа, представляя своего рода аккомпанемент основному архитектурному мотиву.

Однако каменные склепы в этот период сооружались сравнительно редко. Чаще погребальные камеры вырубались в скале или вырезались в глине; их стены и потолок нередко украшались росписью. Таковы, например, склепы Алкима и Анфестерия конца I в. до н. э. или начала I в. н. э. Эти усыпальницы имели вертикальные стены и чуть впадутые (выпуклые) потолки. Здесь коробовый свод, перенесенный в другой материал и в другую технику, утрачивал свой первоначальный смысл: в результате возникла очень своеобразная форма плафона, которая представляла собой своего рода компромисс между полуциркульным и прямым перекрытием.

Иное восприятие, чем в эллинско-римском зодчестве, соотношения стен и свода наглядно выступает в небольшом керченском склепе первой половины I в. н. э., известном под наименованием склепа Деметры. Он был сооружен из камня и перекрыт полуциркульным сводом, выведенным насухо. Стены лишь в нижней части стоят вертикально: уже на очень небольшой высоте они начинают наклоняться вовнутрь. Вместе с тем исполненные росписью на этих стенах мотивы и увенчивающие их сухарики и карнизы приходятся много выше настоящей пяты свода. В результате возникает несоответствие между реальной архитектурной формой и ее декором; кроме того, теряется четкая граница между стенами и сводом. Они объединяются в одно целое, в силу чего пропадает характерная особенность античной тектоники — четкое членение на несущую и несомую части.

В еще большей мере выступает эта черта в позднеантичных склепах Пантикапея около Госпитальной улицы.

Вырытые в глине или вырубленные в скале погребальные камеры нередко отличаются асимметрией и нерегулярностью планов, усложненной специально оставленными или вырезанными в стенках лежанками для укладывания на них праха покойников.

Значительная часть таких склепов украшалась богатой росписью. Нижняя часть, следуя схеме, наблюдавшейся еще в Васюринском кургане, обычно воспроизводила монументальную, богато отделанную стену героона. В верхней части стены, а также на плафоне помещалась фигурная роспись, представляющая мифологические сюжеты или сцены из жизни умершего.

В склепах I в. до н.э.—I в. н.э. нижние части стен нередко воспроизводили кладки из больших плит, швы между которыми обозначались краской. Во II в. н.э. те же части стен получали значительно более сложную отделку. Их расчленяли невысокие пилястры с базами и капителями: интервалы между пилястрами заполнялись разноцветными инкрустациями в виде ромбов, внутри которых помещались круглые и звездообразные поля цветного и пестрого мрамора. Эти мотивы пестрых инкрустаций, вероятно, были навеяны инкрустациями разноцветных камней в парадных постройках Пантикапея.

Среди мифологических изображений, украшавших верхние части стен склепов, наиболее популярной была сцена похищения Керы Плутоном, сюжет, подобающий для усыпальницы. Такая сцена находилась в главном люнете пантикапейского склепа Алкима, сына Гегесиппа, на боковых люнетах были представлены элементы пейзажа, среди которого происходит это событие. Роспись выполнена в бледных тонах — голубоватых, розоватых и зеленоватых.

Другой сюжет можно наблюдать в люнете пантикапейского склепа Анфестерия. Там представлена сцена, вероятно навеянная тогдашним бытом знатных боспорцев, возможно из числа эллинизованных сарматов. Это выезд на лето далеко в степь для занятия земледелием и выпасом скота. Семья знатного боспорца обитает в юрте, около которой в пышном кресле сидит его супруга; возле нее служанка и ее дети; знатный боспорец в сопровождении конного слуги подъезжает верхом на лошади. Таким образом, эта сцена возможно, представляет бытовой сюжет, характерный для жизни покойного. Не исключено, впрочем, что здесь представлена будущая жизнь покойника, которая воспринимается как продолжение его земного существования.

Роспись уже упоминавшегося склепа Деметры довольно богата. Посредине плафона — круглый медальон, в котором на синем фоне представлена голова Деметры. Лицо ее серьезное, строгое и несколько печальное. Деметра нарисована впрямь: широко открытые глаза ее кажутся устремленными на всякого, кто посмотрит на них, в силу чего они приковывают к себе внимание.

В люнете прямо против входа показано похищение Керы Плутоном. Фон этой сцены заполняют многочисленные лепестки, придающие новый декоративный эффект, обычный для боспорских росписей I—II вв. н.э. В противоположном люнете размещены растительные орнаменты. По сторонам от входа находятся изображения Гермеса Психопомпа, отводившего души умерших в преисподнюю, и нимфы Калипсо, накрывавшей их покровом смерти.

Во всех этих изображениях заметно выступает преобладание линейных приемов трактовки фигур, что позволяет говорить о сохранении еще полигнотовских традиций в отличие от традиций Аполлодора Афин-

ского, которые господствовали в эллинистическо-римском искусстве Средиземноморья.

Примерно к концу I — началу II в. н. э. относится саркофаг, найденный в Керчи в 1900 г.; с внутренней стороны он украшен обильной росписью, представляющей ряд сцен, разделенных пилястрами. Там изображены покойник верхом на лошади, сцена заупокойного пира, музыканты, пляшущие безобразные карлики и другие сцены. Одна из сцен на саркофаге изображает живописца-энкауста в его мастерской. Он сидит на небольшом табурете, рядом с ним коробка с разноцветными красками, а несколько дальше на мольберте приготовлен квадратный кусок холста. Художник разогревает инструмент, которым намеревается работать. На стене висят готовые портреты. Один из них еще в квадратной рамке, два помещены в круглые рамы. Таким образом, показан весь процесс изготовления портретов, написанных восковыми красками. Данная сцена позволяет сделать вывод, что на Боспоре существовала портретная живопись, во всяком случае на рубеже I—II вв. н. э.

В раскопанном в 1872 г. керченском склепе II в. н. э. над нижними частями стен, воспроизводящими богатые инкрустации, были изображены различные сцены из жизни покойника, главным образом батальные, на фоне традиционных цветочных лепестков. Покойный представлен в тяжелом доспехе, верхом на коне, совершающем воинские подвиги. Другие сцены изображают животных возле схематически переданных деревьев.

К более позднему времени, вероятно III—IV вв. н. э., относится ряд боспорских склепов с крайне примитивной росписью, нанесенной краской непосредственно на поверхность стен склепов. Эта роспись ограничивается незамысловатыми геометрическими и растительными мотивами, схематично переданными фигурами людей и животных. Сюжеты представленных сцен побуждают считать эти склепы гробницами сабазиастов — членов особой секты, исповедовавшей культ Диониса Сабазия.

В отличие от Боспора стенная живопись в Херсонесе и особенно в Ольвии не получила такого же развития.

Скульптура северопонтийских городов, в рассматриваемое время почти полностью производившаяся на месте, по большей части представляла собою надгробные рельефы. Статуарные изваяния сравнительно немногочисленны.

Для скульптуры I в. до н. э. и первых веков н. э. характерно наличие сравнительно немногочисленных мраморных статуарных изваяний. Часть их представляет копии или переработки классических или эллинистических типов. Такова мраморная голова Афродиты, найденная в 1949 г. в Пантикапее. Повторяющая тип второй половины V в. до н. э., она ближе всего известной голове богини из собрания Лаборд. Другая голова богини, вероятно Гигиен, найденная в 1956 г., повторяет тип круга Праксителя III в. до н. э. Эта голова, по всей видимости, является частью скульптуры, выполненной из другого материала; обнаруженная в том же году голова бородатого бога также следует эллинистическому оригиналу. К числу таких же скульптур следует отнести и статую Кибелы, найденную в Керчи в середине прошлого века.

Известны также и скульптурные портреты. Такова голова боспорской

царицы Динамии, найденная около Новороссийска, или мраморная статуя одного из магистратов, обнаруженная в Горгиппии (рис. 1, 2). Эта статуя представляет портрет бородатого мужчины в греческой одежде — хитоне и гиматии. На шее у него массивное украшение — гривна. Влияние местной культуры еще более сказывается в передаче тела: узкие плечи и впалая грудь резко отличаются от атлетических фигур в скульптуре греческой классики. В тщательной передаче этнографических особенностей лица портретируемого человека находят проявление те традиции, которые сложились в искусстве Боспора еще в IV в. до н. э.

К числу портретных изваяний относится также найденная в Пантикапее мраморная голова боспорского царя II в. н. э., вероятно представляющая часть акролитной статуи. Глова увенчана диадемой, длинные пряди волос свисают вниз. Как и в голове Афродиты, найденной в 1949 г., в волосах высверлены углубления, вероятно, для прикрепления каких-то металлических украшений.

Встречались также и декоративные скульптуры. В Ольвии была найдена мраморная статуя, служившая украшением фонтану. Она представляет обнаженного мальчика, держащего в руках мех, из отверстия которого извергалась вода. Возле одной из пантикапейских гробниц была обнаружена колоссальная мраморная статуя льва, положившего лапу на голову быка. Эта скульптура датируется II в. н. э.; очевидно, она была задумана как изваяние стража, который должен был охранять гробницу знатного покойника.

В 1834 г. близ Керчи, около древнего Мирмikia, был найден мраморный саркофаг конца II в. н. э. По типу он следует римским саркофагам первых веков нашей эры. Крышка его представляет богатое ложе, на котором возлежат покойник и его супруга; головы обоих, к сожалению, отбиты. На стенках лицевой и боковых сторон саркофага — рельефы, представляющие миф о пребывании Ахилла на острове Скиросе.

В отличие от росписи рельефные изваяния значительно реже исполнялись на стенах погребальных камер. Тем не менее в одном склепе, открытом в 1899 г. около боспорского города Нимфея, были обнаружены рельефы, высеченные в природной скале. Над входом находилось поясное изображение богини Афины с большой маской Медузы-Горгоны на груди и маленьким щитом в руке. В углах помещались верхние части фигур Пана и Силена. Эти скульптуры отличаются некоторой грубостью исполнения и вместе с тем очень большой выразительностью, особенно изваяние Силена.

Из других скульптур нужно отметить рельеф с посвянительной надписью Трифона, примерно первой половины III в. н. э., найденный в Танаисе. Трифон изображен одетым в тяжелый доспех, с длинной пикой в руках, верхом на скачущей лошади. Детали его вооружения переданы с особой тщательностью.

Значительно чаще встречаются на Боспоре надгробные изваяния, обычно исполнявшиеся из местного известняка. Большинство их относится к I—II вв. н. э. Рельефы на них представляли героизированных умерших в сцене заупокойной трапезы, стоящих или восседающих в кресле женщин, вооруженного покойного, пешего или конного, иногда в сопровождении конного слуги. Стиль этих изваяний постепенно все бо-

Рис. 1. Портретная статуя из Горгиипии

лее и более отходит от принципов классического рельефа. Фигуры утрачивают пластически объемный характер, передняя поверхность их плоская, детали, исполненные порезкой, приобретают графический характер. Фигуры были покрыты росписью, от которой обычно сохраняются только следы. Значительно реже, чем надгробные рельефы, встречаются на Боспоре надгробные статуи; выполненные в той же художественной манере, они, пожалуй, еще более примитивны.

Иной характер имеют надгробные рельефы скульптуры Херсонеса того же времени. Они представляют фигуры или поплечные портреты умерших. В общем они отражают ту эволюцию, которую испытало портретное искусство во II—III вв. н. э. Им свойственна подчас выразительная индивидуальная характеристика, но они примитивнее римских портретов.

Найденные в Хараксе вотивные рельефы с изображениями Диониса, Артемиды, Фракийского всадника, Мифры и других носят явные следы воздействия фракийского искусства; это обстоятельство объясняется тем, что гарнизон Харакса в значительной мере состоял из солдат, набранных в северо-восточной части Балканского полуострова.

В рассматриваемое время художественное ремесло получило большое развитие, особенно на Боспоре. Назовем разнообразные изделия из резной кости, в частности костяные пластинки с изображениями выразительных голов силенов. Деревянная мебель: кресла, ложа, столы, ларчики и прочее — известна главным образом по изображениям на роспи-

сях склепов и особенно на надгробных рельефах. Самые предметы по большей части доходили до нас только в обломках; такова, например, деревянная головка пантеры с инкрустированными глазами (рис. 3), некогда украшавшая ножку стола, найденная в 1948 г. в одном из пантикапейских склепов начала I в. н. э.

Известен ряд деревянных саркофагов этого времени. Таков найденный в 1910 г. в Керчи деревянный саркофаг I в. н. э. Общий облик саркофага отвечает внешнему виду классического храма; однако заметно выступают черты, навеянные римским зодчеством этого времени. Стенки саркофага имеют вид подия, на котором стоит ряд столбов, поддерживающих арки; столбы оживлены приставными пилястрами; над пилястрами и арками высокий антаблемент. Крышка имеет вид двускатной кровли.

Найденный в 1900 г. в Керчи деревянный саркофаг II в. н. э. украшен ажурными рельефами, представляющими истребление Ниобидов, бестиариев, сражающихся со зверями, различных животных и проч. Фигуры эти весьма примитивные, поверхность их плоская, детали показаны порезкой. В большем числе дошли до нас украшения боспорских саркофагов в виде рельефов-односторонок из терракоты или гипса, приклеивавшихся к деревянному фону. Они изображали сцены истребления детей Ниобы. Еще чаще встречаются исполненные из гипса маски Горгоны, маски трагических актеров и различные орнаменты. Гипсовые украшения покрывались росписью — красной, голубой, черной, розовой и другими яркими красками.

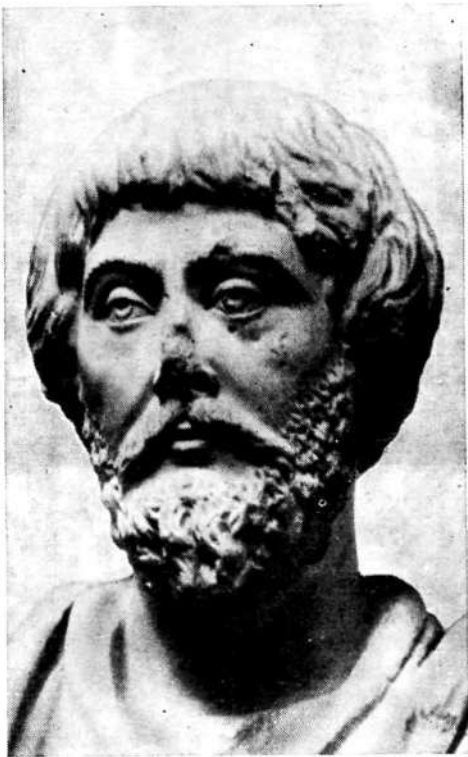

Рис. 2. Портретная статуя из Горгиппии. Деталь

Рис. 3. Древняя голова пантеры из Пантикапея. I в. н. э. Самшит

Терракотовые статуэтки также изготовлялись в значительном количестве. Известна мастерская коропласта I в. до н.э., обнаруженная в 1949 г. в Пантикапее. Среди изделий боспорских коропластов первых веков нашей эры отметим ритуальные фигурки, своего рода марионетки. Это колоколообразные фигурки с подвесными конечностями, вероятно применявшиеся при каких-то ритуальных действиях, связанных с культом божества плодородия.

Торевтика Боспора первых веков н.э. и особенно III—IV вв. отражает воздействие новых вкусов, навеянных пришельцами из степи, видимо прежде всего сарматами. Это сказывается в вытеснении ранее господствовавших мелких скульптурных изображений в монохромных — золотых или серебряных — изделиях классического времени. На смену им приходит богатая полихромия, широкое применение инкрустации с различными драгоценными камнями — алмадинами, изумрудами, аквамаринами, бирюзой, цветным стеклом, эмалью, которые вместе с ярким блестящим золотом создают несколько грубоватый, но очень красочный эффект роскоши, бросающейся в глаза и, нужно думать, более всего ценившейся на Боспоре во времена его варваризации.

Многочисленные ювелирные изделия исполнялись из листового золота и, вероятно, служили преимущественно для погребального ритуала. Таковы различные бляшки с тисненными узорами и погребальные венчики в виде пластин с различными украшениями и оттисками монет.

Пышные золотые венцы были найдены в богатой могиле, возможно принадлежавшей боспорскому царю Рискупориду III. На них боспорский царь представлен верхом на коне, в сцене адорации, вероятно к верховному божеству. Эта сцена, совершенно чуждая эллинским представлениям и античному ритуалу, связана с воздействием местного племенного мира. Напомним, что она уже встречалась нам на ритоне из кургана Карагодеуашх.

Возможно, боспорскими изделиями являются ювелирные произведения Новочеркасского клада, мотивы которых имеют особый локальный колорит. Диадема Новочеркасского клада представляет широкую золотую полосу, украшенную цветными камнями, в том числе античной геммой. Над этой полосой находится ажурное изображение древа жизни, к которому приближаются олени, — мотив, встречающийся и в росписях боспорских склепов. Найденный вместе с этой диадемой флакон украшен рельефными фигурами зверей, богато инкрустированными камнями.

Таким образом, в этих ювелирных изделиях выступают черты совместного творчества античной и местной среды. То же можно сказать и о золотом сосуде с зооморфными ручками, украшенном инкрустацией, который был найден около станицы Мигулинскй. Судя по надписи на этом сосуде, его исполнил местный, а не греческий мастер.

Появление сарматов на Боспоре принесло в культуру Боспора еще одно своеобразное явление: тамги — знаки, являвшиеся, вероятно, эмблемой родовой, а может быть, и личной собственности. Такими тамгами пользовались цари последней боспорской династии. Их тамги замечали как титул, так и личное имя правителя. Тамги проникали в искусство и художественное ремесло Боспора. Известны рельефные изваяния, представляющие тамгу, иногда обрамленной фигурами богинь побе-

ды — Ник, а также различные пряжки со сквозными изображениями тамги.

Достоин внимания, что тамги, возникшие в сарматской среде, особое распространение получили на Боспоре. В этом сказалась своеобразная историческая роль Боспорского государства в последние века его существования. Кочевые сарматские племена не имели сколько-нибудь значительных культурных центров, в силу чего могло случиться, что явления, зародившиеся в чисто сарматской среде, могли получить более полнокровное развитие за ее пределами — на Боспоре, среди населения которого в то время было немало эллинизованных сарматов.

Многие северопонтийские города прекратили свое существование в конце античной эпохи. Ольвия в середине III в. н.э. была разрушена готами и после этого уже не могла возродиться. Большую часть боспорских городов уничтожило нашествие гуннов, обрушившихся на Северное Причерноморье в конце 3-й четверти IV в. н.э.

Заклячая обзор искусства северопонтийских городов, отметим, что в первые века их существования в них наблюдается преобладание эллинской художественной культуры. В дальнейшем же картина меняется: Ольвия и Херсонес, оставшиеся полисами, хотя и утратившими свою политическую независимость, в большей мере сохраняют античный характер искусства. Боспор, рано презратившийся в греко-меотское государство, испытывает все более усиливавшееся воздействие местных элементов, что к III—IV вв. н.э. приводит к коренным изменениям во всем облике его культуры и искусства.

В общем Боспор — одна из далеких окраин античного мира — особенно в раннее время во многом являлся районом, потреблявшим ввозившиеся из метрополии произведения искусства и художественного ремесла, особенно архаического, классического и эллинистического времени. В ряде случаев эти произведения повторялись боспорскими мастерами. Однако на Боспоре был создан ряд совершенно самостоятельных художественных ценностей, которые вошли в общую сокровищницу мирового искусства. Эти произведения отличались значительным своеобразием, обусловленным тесным контактом боспорских греков с северо-восточной ветвью иранского мира, что во многом определило их художественные вкусы и что сильно сказалось как в местной погребальной архитектуре Боспора, так и в боспорской торевтике. Расцвет последних приходится на IV в. до н.э. — период, предшествовавший формированию эллинизма в Средиземноморье.

В рассматриваемое время Боспор оказывает воздействие на культуру крымских скифов, главным центром которых со II в. до н.э. стала их столица Неаполь (в окрестностях нынешнего Симферополя). Там был найден рельеф с изображением конной фигуры царя Палака. Эта скульптура хотя и навеяна античными образцами, однако явно выполнена мастером, не обладавшим знакомством с анатомией и довольно далеким от объемного понимания форм.

При раскопках в окрестностях Неаполя в 1946 г. был обнаружен ряд склепов, вырубленных в скале. Они относятся к первым векам нашей эры. Отделка одного из них воспроизводит внутренний облик какого-то помещения прямоугольного в плане. В стенах вырублены тяги, которые,

вероятно, отвечают столбам, поддерживающим потолок дома или навеса. Эти столбы украшены геометрическими узорами. Вдоль верхних частей стен тянутся изображения пологих, украшенных рядами зигзагов или зубцами. На одной из стен изображен ковер, расцвеченный наподобие шахматной доски. Описанная архитектура орнамента, видимо, отражает позднескифское художественное творчество.

Рядом с ковром нарисована сцена, очевидно представляющая покойника в его загробном существовании. Покойный едет верхом на лошади, перед ним две собаки нападают на вепря, поодаль представлен музыкант в варварской одежде, с лирой в руках. Вся эта сцена явно навеяна росписями боспорских склепов. Более того, самая идея изображать загробную жизнь умершего на стенах его усыпальницы, вероятно имевшая и некоторое ритуальное значение, нужно думать, также возникла под воздействием Боспора.

Описанный нами памятник представляет собой один из заключительных аккордов греко-скифского искусства, если исходить из того понимания этого термина, которое было предложено выше. Должно, однако, сказать, что если в понятие Скифии вкладывать более расширенное толкование, то в орбиту связанной с нею художественной культуры войдет также искусство «скифоидных культур» Сибири, Алтая и Средней Азии. Однако в художественной культуре этих стран вряд ли возможно усмотреть, даже с большой натяжкой, какие-либо черты греко-скифского искусства.

¹ Herod., IV, 81.

² Hekal., fr. 168.

³ Herod., IV, 1.

⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, I, с. 179.

⁵ Herod., IV, 78—80.

⁶ Plin. N. H., IV, 85.

⁷ Paus., I, 24, 5—7.

⁸ Herod., IV, 5.

⁹ Dio Chrys., XXXVI.

ЛИТЕРАТУРА

Antiquités du Bosphore Cimmérien. — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854, I—III.

Забелин И. Е. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866, 1873, вып. I, II.

Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1877, 1894, 1901, I—III.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889—1890, вып. I—III.

Ханенко Б. И., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1899—1902, II—IV.

Watzinger C. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexander der Grossen. Leipzig, 1905.

Zahn R. Hellenistische Reliefgefässe aus Südrussland. — JDAI, 1908, XXIII.

Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914.

Фармаковский Б. В. Милетские вазы из России. — В кн.: Древности, М., 1914, т. XXV.

Фармаковский Б. В. Арханчелский период в России. — МАР, Пг., 1914, № 34.

Фармаковский Б. В. Ольвия. М., 1915.

Макаренко Н. Художественные сокровища Эрмитажа. Пг., 1916.

Древний мир на юге России. Изборник источников под редакцией Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М., 1918.

Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.

- Фармаковский Б. В.** Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанаго-
рии. — ЗРАИМК, Пг., 1921, 1.
Ebert M. Südrussland in Altertum. Bonn; Leipzig, 1921.
Rostovzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
Borovka Gr. Skythian Art. London, 1928.
Фармаковский Б. В. Розкупування Ольбії року 1926. Одеса, 1929.
Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931.
Ольвия. Киев, 1940, т. I.
Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья Античной эпохи. М., 1947.
Граков Б. Скифы. Київ, 1947.
Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
Блаватский В. Д. Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. —
В кн.: Всеобщая история архитектуры. М., 1948, II.
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л., 1949.
Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, М., 1951, № 16.
Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953.
История Русского Искусства. М., 1953, т. I.
Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955, I.

Кроме того, целый ряд исследований и публикаций памятников следует смотреть в
следующих периодических изданиях:

- ОАК, 1859—1915 гг.
ИАК, 1901—1918 гг., вып. I—65.
МАР, 1866—1918 г., вып. № 1—37.
ИРАИМК, 1921—1927, I—V.
СГАИМК, 1926, 1929, I—II.
СА, 1936—1956, I—XXVII; с 1957 — журнал.
ВДИ, с. 1937.
КСИИМК, с. 1939.
МИА, 1941, вып. № 4; 1951, № 19; 1952, № 25; 1954, № 33, 1953, № 34; 1954, № 36;
1956, № 50; 1957, № 56; 1956, № 57.

ИМЕНА МАСТЕРОВ ИСКУССТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ *

Надписи с именами мастеров искусства из Северного Причерноморья сравнительно немногочисленны, а происхождение некоторых давно найденных памятников не всегда точно известно, как, например, краснофигурного алабастра строгого стиля с подписью вазописца Псиакса ($\Psi\iota\alpha\kappa\varsigma$) и гончара Гилина ($\Gamma\iota\lambda\iota\nu\omicron\varsigma$), хранящегося в Одесском музее¹. Ваза эта датируется четвертой четвертью VI в. до н. э.

Из достоверных находок прежде всего назовем происходящие с Боспора две геммы² хиосского мастера Дексамена: $\Delta\epsilon\kappa\varsigma\alpha\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\chi\iota\omicron\varsigma$, расцвет деятельности которого приходится на 430—420 гг. до н. э. Далее до нас дошли две найденные в Ольвии надписи скульпторов IV в. до н. э., на одной высечено имя знаменитого афинского мастера Праксителя: $\Pi[\rho]\alpha\kappa\varsigma\iota\tau\epsilon\lambda\eta\varsigma$ $\text{'}\Lambda\theta\eta\nu\alpha\iota\omicron\varsigma$ ³, на другой — тоже афинянина — Стратонида: $\Sigma\tau\alpha\tau\omega\nu\iota\delta\eta\varsigma$, $\text{'}\Lambda\theta\eta\nu\alpha\iota\omicron\varsigma$, работавшего во второй половине IV в. до н. э.⁴

* Статья написана для «Enciclopedia universale dell'arte» и была отослана в Италию, но не вошла в это издание.

Третья надпись скульптора IV в. до н. э. происходит из Херсонеса, она принадлежит Поликрату: [Π]ολυκράτης ἐποίησ[ε]⁶.

В могилах некрополя Пантикапея обнаружены два украшенных рельефами полихромных арибаллических лекифа IV в. до н. э., вышедшие из мастерской Ксенофанта Афинянина, как об этом говорят надписи: Ξενοφάντος ἐποίησεν Ἀθηναῖος⁷.

Пантикапейские торевты иногда писали имена на своих изделиях. На золотом олене из Куль-Обского кургана начертаны буквы ΠΑΙ, а на золотых ножнах меча из того же кургана стоит имя мастера ΠΟΡΝΑΧΟ⁸.

Ко II в. до н. э. относятся рельефные чаши типа делосских (или мегарских) с клеймом мастерской Деметрия (Δημήτριος), которая, судя по находкам фрагментов форм, находилась в Пантикапее⁹.

В качестве дополнения к подписям мастеров искусства можно привести автопортрет пантикапейского живописца, расписавшего саркофаг, видимо свой собственный¹⁰. На внутренней стороне стенок саркофага изображены разделенные колоннами сцены, в числе которых художник представил самого себя в мастерской. Это длинноволосый безбородый юноша, одетый в обычный боспорский костюм. Он сидит на стуле и разогревает свой инструмент энкауста на жаровне. Здесь же представлены ящик-палитра, холст в подрамнике на мольберте и висящие на стене законченные портреты в круглых рамах.

Несколько боспорских надписей II—III вв. н. э. содержат имена архитекторов. В одной из надписей II в. н. э., обнаруженной в Горгиппии¹¹, говорится об архитекторе Папии, сыне Хорегиона (Παπίας Χορηγιώνος). Эпиграфические документы из Танаиса сохранили имена четырех зодчих. В 220 г. н. э. архитекторы Диофант, сын Неопола (Διοφάντος Νεοπόλου), Аврелий Антонин (Αὐρήλιος Ἀντωνεῖνος) и Навак, сын Мевака (Νάβακος Μευάκου) восстановили в Танаисе агору¹². Аврелий Антонин работал в Танаисе и позже — в 236 г., он заново отстроил фонтан (κρήνη) и соорудил башни¹³. В надписи, относящейся к 229 г. н. э., говорится об архитекторе Деметрии, сыне Герзия (Δημήτριος Ἡρξεως) который восстанавливал городские ворота Танаиса¹⁴.

На Таманском полуострове в станице Запорожской была обнаружена надпись, датированная 335 г. н. э., в которой упоминается о постройке стены архитектором Евтихом (Εὐτύχης)¹⁵.

Наконец, отметим надпись боспорского ювелира Таруласса (Ταρούλας) на золотом сосуде III в. н. э., найденном в станице Мигулинской на реке Дон¹⁶.

¹ Одесский Археологический музей, инв. № 26602.

² Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, вып. I, с. 67, рис. 87.

³ IOSPE, I², N 271.

⁴ Надписи Ольвии. Под ред. Книпович Т. Н. и Леви Е. И., Л., 1968, с. 62, № 65.

⁵ IOSPE, I², N 406.

⁶ Передольская А. А. Вазы Ксенофанта. — ТОАМГЭ, Л., 1945, I, с. 47 и сл.

⁷ Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 203, fig. 98.

⁸ Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 122, рис. 31, 32.

⁹ Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, с. 376—

389, табл. ХСII—ХСV. Саркофаг, найденный в Керчи в 1900 г., датируется концом I в. до н. э.; Блаватский В. Д. Пантикапей..., с. 173—175.

¹⁰ Кругликова И. Т. Новые эпиграфические памятники из Горгииппии. — ВДИ, 1967, с. 193—197, № 9.

¹¹ IOSPE, II, N 430.

¹² IOSPE, II, № 433, 434. Он упомянут, по-видимому, и в надписи. IOSPE, II, N 429.

¹³ Болтунова А. И. Новая строительная надпись из Таманса. — АИКСР, 1968, с. 46—55.

¹⁴ Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике. — ИРАИМК, 1922, II, с. 79—82, № 8.

¹⁵ Ростовцев М. И. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской. — ИАК, 1917, вып. 63, с. 107.

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРНЫХ БЕРЕГАХ ПОНТА В 1957—1962 ГГ. *

Античные авторы ничего не сообщают о поглощении морем какого-либо города на северных берегах Понта, подобно Гелике¹, погибшей перед сражением при Левктрах². Тем не менее в результате длительного размыва берегов или затопления их развалины северочерноморских городов оказались частично поглощенными морем. Поэтому на морском дне недалеко от этих городов встречались различные древности. Так, еще в 20-х годах XIX в. на дне Таманского залива, около древней Фанагории, были обнаружены и извлечены две большие мраморные статуи львов. Теперь они находятся в Феодосийском музее.

Конечно, античные и средневековые находки, главным образом амфоры, встречались не только около древних городов, но и в других частях Черного и Азовского морей. Эти предметы, по большей части остатки грузов затонувших кораблей, вылавливались с морского дна рыбаками или поднимались при других работах.

Частичное затопление античных городов Северного Причерноморья было отмечено русскими исследователями еще в прошлом веке. Так, А. С. Уваров³ указывал, что прибрежная часть Ольвии находится под водою Бугского лимана⁴. Позднее этому обстоятельству уделял особое внимание исследователь Ольвии, наш выдающийся археолог Б. В. Фармаковский⁵.

В 1894 г. при работах в феодосийском порту были обнаружены остатки древнего мола, от которого сохранилось до 4000 концов сосновых свай, зарытых глубоко в ил. Около этого места в 1905 г. были произведены подводные археологические исследования водолазами в скафандрах под руководством Л. П. Колли; поиски увенчались успехом — со дна моря было поднято 15 больших античных амфор⁶.

Из этого далеко не полного обзора⁷ исследований русских археологов видно, что уже давно были накоплены значительные сведения о подводных древностях, что оказало нам немалую помощь.

* Blawatsky W. D. Exploration archéologiques sous-marines sur le littoral nord du Pont en 1957—1962. — Χαριστήριον εἰς 'Αναστάσιον Κ. 'Ορλάνδον. Τόμος Γ'. Ἀθήναι, 1966, σ. 23—33.

Как известно, подводные археологические работы с помощью водолазов в скафандрах были связаны с большими трудностями. Устранить их стало возможным лишь после изобретения нового, более совершенного, легководолазного снаряжения, которым пользовалась и наша экспедиция.

Подводная археологическая экспедиция, организованная в 1957 г. Институтом археологии Академии наук СССР и Московским университетом, с участием спортивных организаций, поставила своей задачей прежде всего обследовать подводные части античных городов на северном берегу Понта.

Начиная работы в 1957 г., мы поставили своей задачей ознакомиться с условиями археологических подводных исследований в различных частях берегов Керченского пролива, а именно около кос Чушки и Тузлы, а также в районах, прилежащих к древним городам — Нимфею и Пантикапею. При разведках морского дна около античной Гермонассы — средневековой Тмутаракани — удалось установить, что граница размытой части древнего города проходит примерно в 90 м от нынешнего берега.

В следующем, 1958 г. мы вели небольшие разведки в различных частях Черного моря. Основные же усилия были сосредоточены на обследовании дна Таманского залива, около древней Фанагории, и составлении плана затопленных частей города⁸. Там было обнаружено много камней и их скоплений, а также обломков античной и средневековой керамики, в том числе фрагментов черепицы и амфор. Среди последних интересны два больших фрагмента амфор, горла которых были закупорены хорошо сохранившимися пробками. Все эти находки позволили примерно наметить общую площадь затопленной части Фанагории. Достойно внимания, что большая часть скоплений камней наблюдалась на ее границах, возможно, это были развалы забутовки оборонительных стен города. Примечательно еще одно обстоятельство: глубина затопленных частей города была не более 2,3 м, причем понижение дна было постепенным. Глубина нарастала примерно 1 м на 100 м в длину. Иная картина наблюдалась за пределами площади, занятой скоплениями камней. Там дно резко понижалось на 1—1,5 м, а местами на 1,65 м. Вероятно, разница в глубине залива связана с залеганием культурных напластований затопленной части древнего города. Различие было отмечено и в плотности грунта: он был мягким за пределами затопленной части городища и довольно твердым внутри его пределов.

В итоге разведок 1958 г. стало возможным предполагать, что граница затопленной части Фанагории проходила в среднем на расстоянии 220 м от нынешнего берега. Местами же это расстояние достигало 240 м. При таких обстоятельствах подводная часть древнего города, вероятно, составляет около 15 га. Если эти наблюдения верны, то вместе с наземной частью Фанагории, равняющейся примерно 37 га⁹, общая площадь древнего города должна теперь считаться превосходящей 50 га, а это означает, что, уступая по величине одному Пантикапею, Фанагория значительно превосходила другие боспорские города. Учитывая это, можно считать вполне вероятным, что Страбон¹⁰, называвший Фанагорию метрополией азиатского Боспора, хотел подчеркнуть не только крупное значение, но и большие размеры этого города.

В 1959 г. были произведены подводные раскопки¹¹ небольшого участка, расположенного на окраине подводной части Фанагории, в 185 м от берега¹²

Граница раскопа была выделена затопленной деревянной квадратной рамой, которая вместе с тем облегчала последующие обмеры. Раскопки велись посредством землесосной машины; отсосанный ею грунт по длинному трубопроводу поступал на двойную металлическую сетку, позволявшую собирать даже самые мелкие находки; более крупные фрагменты керамики и камни выбирались вручную. Под водой работали одновременно два-три аквалангиста, в том числе один археолог. Когда глубина раскопа достигла 1 м, борта его, первоначально очень прочные, стали понемногу оседать и их пришлось укрепить опалубкой.

При раскопках сверху был обнаружен пласт намывного желтоватого песка (толщиной 0,65 м), заключавший обломки керамики от V в. до н. э. до средневекового времени. Ниже лежал развал булыжной мостовой, видимо, II в. до н. э. Под развалом находился пласт сероватого суглинка с большим количеством камней и фрагментов керамики. Подошва этого пласта достигала в глубину 1,30 м от поверхности грунта. Пласт суглинка состоял из двух слоев примерно равной толщины.

Верхний слой II в. до н. э. заключал обломки чернолаковой и простой посуды, а также остродонных амфор IV—II вв. до н. э. В нижнем горизонте этого слоя были обнаружены остатки мостовой.

Нижний слой IV—III вв. до н. э. содержал обломки остродонных амфор V и IV—III вв. до н. э., фрагменты сероглиняной фиалы и боспорского калиптера. В нижнем горизонте слоя находился развал мостовой из крупного булыжника. Наконец, еще ниже лежал материк; контрольная выемка в нем была доведена до 2 м от поверхности грунта.

Несмотря на небольшие размеры раскопанной площади, можно считать, что затопленные культурные напластования Фанагории простираются не менее чем на 185 м от современной береговой линии, а это обстоятельство является существенным подтверждением тех заключений, которые были сделаны о границах города на основе разведок 1958 г.

Далее, наличие культурных напластований IV—II вв. до н. э. у окраины затопленной части Фанагории показывает, как далеко простирался город в это время. Напротив, в период арханки, когда Фанагория, вероятно, занимала значительно меньшую площадь, чем во времена своего расцвета¹³, город, нужно думать, не достигал раскопанного участка. Наличие остатков каменной мостовой IV—II вв. до н. э., лежащих на глубине 3—3,2 м ниже современного уровня моря, позволило сделать вывод, что за последние двадцать два с половиной столетия уровень моря в Таманском заливе поднялся не менее чем на 4 м.

В 1960 г. производились подводные разведки в различных частях Азовского и Черного морей¹⁴, главным образом около Таганрога и Севастополя.

В Таганрогской бухте было обследовано и нанесено на план древнее поселение, скорее всего эмпорий, возникший, вероятно, еще в последних десятилетиях VII в. до н. э. и достигший расцвета в VI в. до н. э.; позднее жизнь в этом месте полностью не прекращалась, во всяком случае в периоды эллинизма и средневековья. Еще до наших работ в этом месте

были обнаружены фрагменты архаической керамики, в том числе ионийских сосудов с узорами в виде полос и волнистых линий, амфор с широкими красными поясками¹⁵ примерно второй трети VI в. до н.э. и родосских киликов позднего геометрического стиля с изображением птицы; эти вазы обычно датируют второй половиной VII в. до н.э.¹⁶

В районе Севастополя производились обследования морского дна около древнего Херсонеса. Восточная окраина Херсонеса находится на берегу Карантинной бухты. На дне этой бухты, в части, прилегающей к городу, были обследованы развалины затопленных домов, сложенных из каменных квадров; они, по-видимому, относятся к раннесредневековому времени. Эти развалины тянулись вдоль берега на 52 м, уходя в глубь бухты на 40—45 м; глубина, на которой они обнаружены, доходила до 3 м. Там были найдены обломки главным образом средневековой керамики: фрагменты амфор, кувшинов и черепиц; встречались куски и эллинистических черепиц.

Затопленный квартал всегда находился за пределами городских стен Херсонеса не только римского, но и раннесредневекового времени¹⁷. Расстояние этого квартала от оборонительной линии римского времени составляет около 60—100 м, а раннесредневекового — 40—95 м. Что представлял собою описываемый нами квартал до проведения раскопок, сказать трудно. Возможно, что в нем жили ремесленники, занимавшиеся производством, которое было вредным в санитарном или опасным в пожарном отношении. Напомним, что за пределами стен Херсонеса, к югу от последнего, был обнаружен ряд гончарных печей.

Были произведены также разведки морского дна в районах к востоку и западу от входа в Карантинную бухту. Там были обнаружены скопления фрагментов керамики эллинистического, римского и средневекового времени, а именно: обломки амфор, пифосов, простой столовой посуды и черепицы. Среди этих находок отметим продукцию Синопы и Гераклеи. Трудно с уверенностью говорить, при каких обстоятельствах названные фрагменты керамики оказались на дне моря; скорее всего они представляют собой остатки сильно поврежденных грузов затонувших кораблей, которые и после гибели многократно испытывали повреждения при сильных штормах, когда волнение проникало на значительную глубину.

В 1961 г. все усилия экспедиции были направлены на проведение разведок затопленной части Ольвии¹⁸. В ходе этих работ был составлен план микрорельефа той части дна Бугского лимана, которая примыкает к Ольвийскому городищу, а некоторые участки (общей площадью около 5,5 га) были подвергнуты визуальному исследованию.

При наших работах мы применяли следующий прием для фиксации нужных пунктов. Вдоль берега Ольвийского городища, в основном тянувшегося с севера на юг, была разбита базовая линия с многочисленными пикетами. На пикетах устанавливались створы, расположенные по направлению с запада на восток. В створах на определенном расстоянии, отмеренном капроновым концом (обычно через 50 м), ставилась на якорях шлюпка, с нее спускали аквалангистов, которые совершали проплы, просматривая дно. Аквалангисты плавали на натянутых концах длиной 5, 10, 15 м и далее, соответственно увеличивавшихся до 50 м. О всех

сделанных ими наблюдениях аквалангисты сообщали археологу, который вел дневник и наносил на план остатки сооружений. В случае необходимости археолог сам спускался на дно для выяснения характера обнаруженного предмета.

При измерении глубин для съемки плана микрорельефа работа велась посредством двух шлюпок, ходивших в створах. Они попеременно заходили одна за другую и, отмерив заданное¹⁹ расстояние, становились на якорь, а затем, бросив лот, измеряли глубину.

На дне лимана, примерно против раскопа Б. В. Фармаковского в нижнем городе 1909—1914 гг.²⁰, находится каменная платформа, которая уже давно привлекала внимание исследователей. Как показали наши работы, эта платформа, частично представляющая собой навал камней, расположена в 130 м от берега; она вытянута в меридиональном направлении, длина ее достигает 75 м, а ширина — 29 м. Поднимается она над поверхностью дна лимана на 0,05—0,40 м. Блоки, из которых состояли навалы, и отдельные камни, лежавшие у северо-восточного и северного краев платформы, достигали 1 м в длину. У южного и юго-восточного краев наблюдались скопления рваных камней, в основном довольно мелких, под которыми лежал слой песка. Небольшие зачистки показали, что под песком находится ровная поверхность, которую составляют камни, плотно пригнанные один к другому. На поверхности платформы и при зачистках обнаружены фрагменты античной керамики, в том числе гераклейских, фасосских и косских амфор IV—III вв. до н. э. и синопской черепицы эллинистического времени.

Примерно в 130 м к северо-западу и в 100 м к северу от описанной платформы были обследованы два больших скопления крупных камней, несомненно некогда принадлежавших монументальным сооружениям. Первое скопление находилось на расстоянии от 8 до 55 м от берега. Вытянутое с северо-запада на юго-восток, оно достигало в длину 60 м и в ширину 25 м. Его составляли около 40 больших блоков, преимущественно квадров. Лежали они иногда почти вплотную, но чаще на интервалах в несколько метров. Размеры их были различны (так, длина колебалась от 0,6 до 1,6 м).

Во втором скоплении число блоков достигало 80; ближайшие из них были в 110, а наиболее отдаленные в 200 м от берега. Вытянутое, как и первое, с северо-запада на юго-восток, оно простиралось в длину более чем на 100 м, а в ширину — на 50 м. Блоки были расположены неравномерно, составляя несколько различных по величине групп. Размеры блоков были значительные: длина не менее 1 м, а в одной из групп камней было пять квадров, достигавших в длину 2,5 м.

Второе скопление камней позволяет с полной уверенностью говорить, что затопленная часть Ольвии простиралась не менее чем на 200 м к востоку от нынешнего берега²¹, во всяком случае в средней части города. Примечательно, что, как показали обмеры, дно лимана против средней части городища постепенно понижается, достигая глубины 3 м на расстоянии 230 м от берега; далее следует довольно сильное понижение дна, а именно: переход от трехметровой глубины к четырехметровой занимает интервал в 10—30 м. Это обстоятельство позволяет допустить, что резкое падение глубин с трехметровой отметки связано с древней

береговой линией. Коль скоро уровень Черного моря за последние два тысячелетия поднялся примерно на 4 м, то можно допустить, что такое же явление произошло на Бугском лимане. При таких обстоятельствах береговая линия в античное время должна была проходить примерно в 250 м²² к востоку от нынешнего берега средней части Ольвийского городища. Что же касается возможной границы городской застройки в этом месте, то таковая в древности вряд ли могла отстоять более чем на 230 м от нынешнего берега. Однако все эти выводы, сделанные только на основе разведок, могут быть лишь предварительными, пока они не будут подкреплены результатами подводных раскопок.

Подводная часть Ольвии представляет собой сложное явление, сложившееся в результате не только подъема уровня воды в лимане и размывов культурных напластований²³, но также и наносов песка, особенно против северной части городища.

В 1962 г. производилось исследование дна у древней Тиры — средневекового Белгорода, расположенного на берегу Днестровского лимана. Результаты этих работ позволяют считать, что следы размыва средневекового и античного города встречаются на расстоянии более 100 м от берега. Около западной части берега (против Белгород-Днестровской крепости) обнаружены следы размыва средневековых сооружений; в средней части берега (около Паромной пристани), видимо, находится затопленный культурный слой античного времени; наконец, восточнее его наблюдаются следы размыва античных напластований.

Таковы были результаты шестилетних подводных работ у северных берегов Понта. В результате их значительно уточнились наши представления о подводных частях ряда древних городов, особенно Гермонасы — Тмутаракани, Фанагории, Херсонеса, Ольвии, Тиры — Белгорода, а также о характере полностью затопленного поселения, вероятно эмпория, в Таганрогском заливе. Установлено, что под водой в некоторых городах находятся иногда на значительном расстоянии от берега вполне удовлетворительно сохранившиеся культурные напластования (так, в Фанагории в 185 м от берега культурный слой достигает 1,30 м в толщину). Размеры затопленных и размывших частей городов иногда оказывались очень значительными (в Фанагории и Ольвии почти 2/5 общей площади), что вносит весьма существенное уточнение в существовавшие прежде представления о размерах этих городов, а следовательно, и о возможном числе их жителей, с чем, конечно, были связаны их экономическое значение и политическая роль.

¹ *Polyb.*, II, 41, 7.

² Свидетельство Плиния Старшего о Пирре и Антиссе неясно и в настоящее время нельзя высказать определенное мнение по этому поводу (*Plin.* NH. II, § 206).

³ Уваров А. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Выпуск первый. СПб., 1851, с. 40.

⁴ Затопленные древние сооружения были отмечены и на берегах Керченского пролива (Жиль Ф. Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854, I, с. CIV, примеч. 4; Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 88).

⁵ Фармаковский Б. В. Ольвия. М., 1915, с. 23.

⁶ Колли Л. П. Следы древней культуры на дне морском. — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1909, № 43, с. 130.

- ⁷ Более подробно см.: Блаватский В. Д. О подводной археологии. — СА, 1958, № 3, с. 73 и сл.; Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М., 1963.
- ⁸ Блаватский В. Д., Кузицин В. И. Подводные разведки в 1958 г. — КСИА, вып. 83, 1961, с. 136 и сл.
- ⁹ Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, 1956, № 57, с. 10—12.
- ¹⁰ Strab., XI, 2, 10.
- ¹¹ Блаватский В. Д. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. — СА, 1961, № 1, с. 277 и сл.
- ¹² Глубина там была 1,9 м.
- ¹³ Кобылина М. М. Фанагория, с. 14.
- ¹⁴ Блаватский В. Д. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. — СА, 1961, № 4, с. 148 и сл.; Blawatsky W. D. An Underwater Expedition to the Azov and Black Seas. — Archaeology, 1963, vol. 16, N 2, p. 93—98.
- ¹⁵ Аналогичные амфоры см.: Книпович Т. Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (по раскопкам 1937 г.). — СА, 1940, VI, с. 96, рис. 6.
- ¹⁶ Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. Leipzig, 1923, I, S. 92, § 86; III, S. 9, fig. 47; Lambrino M. F. Les vases archaïques d'Histria. București, 1938, p. 39 et suiv., fig. 7 et 8, p. 42 et suiv.
- ¹⁷ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 48, рис. 8, табл. XXIII.
- ¹⁸ Блаватский В. Д. Подводные разведки в Ольвии. — СА, 1962, № 3, с. 225 и сл.
- ¹⁹ Обычно при постепенном понижении дна это расстояние было 30 м, а когда изменение глубины было более резким, измерение велось через каждые 10 м.
- ²⁰ ОАК, 1909—1910, с. 1 и сл.; ОАК, 1911, с. 1 и сл.; ОАК, 1912, с. 1 и сл.; ОАК, 1913—1915, с. 1 и сл.
- ²¹ Если в результате дальнейших исследований выяснится, что такое же протяжение на восток имеют и другие затопленные части Ольвии, то общие размеры города возрастут не менее чем на 20 га.
- ²² В других частях Ольвийского городища древняя береговая линия, видимо, проходила несколько дальше, но не более чем в 300 м от нынешней.
- ²³ Попутно отметим, что не вполне ясно происхождение отдельных камней и их групп в двух больших скоплениях, находящихся против средней части Ольвийского городища. Они могут или принадлежать различным напластованиям и опуститься на дно благодаря размыву или лежать *in situ*, будучи только затопленными.

ИРРАДИАЦИЯ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРАНАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ *

В странах Северного Причерноморья в античную эпоху происходили сложные исторические процессы; характерной особенностью их были контакты многолюдного «варварского» мира с античными полисами на северном берегу Понта. Эти два мира: местных племен — с одной стороны, и греков — с другой, — особенно в первые века их сосуществования, резко отличались один от другого экономической, социальной и политической структурой общества, бытовым укладом, культурой и мировоззрением. История общения этих двух миров представляет сложную картину, тем более что на протяжении тысячелетия они сами испытали значительные изменения. В различные периоды отдельные группы местных племен (например, соседивших с эллинскими городами или отдаленных от них), разные слои населения как античных полисов, так и варваров

* Blawatsky W. D. Le rayonnement de la culture antique dans les pays de la Pontide du Nord. Huitième Congrès International d'Archéologie classique (Paris, 1963). — In: Le Rayonnement des Civilisations Grecque et Romaine sur les cultures périphériques. Paris, 1965, Texte, p. 393—403; Planches 92—95.

вступали между собой в общение, разнообразное по формам, которое приводило к далеко не однородным результатам.

Во 2-й половине VII в. до н.э. на северных берегах Понта возникли первые эллинские эмпории, а во 2-й четверти следующего столетия — первые полисы. Обоснование греков в Северном Причерноморье открыло новую эру во взаимоотношениях античного мира с «варварским»: скифами, меотами, таврами и другими обитателями юго-восточной Европы. Эти различные группы племен земледельцев и скотоводов находились на неодинаковых уровнях социально-экономического развития, но ни одно из них к моменту соприкосновения с греками еще не вышло из рамок патриархального быта. Идеологию этих обществ, особенно скифов, освещают письменные источники и археологические находки. Геродот¹ сопоставлял скифские божества с вероятно схожими греческими, что еще не доказывает антропоморфизма скифских богов. Подобно близким им по языку и культуре персам², скифы могли не считать своих богов человекоподобными, ведь у тех и у других отсутствовали святилища и изображения божеств. Исключением были святилища скифского Арея; однако изображением его служил меч — *ἀκίνακης*³. Примечательно скифское божество, отождествленное Геродотом с Гераклом, т. е. не с богом, а героем. Трудно сказать, какие черты были общими между Гераклом и скифским божеством; возможно, он тоже был антропоморфным героем-родоначальником⁴; супруга же героя — прародительница скифов — была полуженщиной-полужмеей.

Вторая группа местных божеств известна лишь потому, что они были включены в пантеон северопонтийских греков; это свидетельствует о раннем проникновении отдельных религиозных представлений северопонтийских автохтонов в эллинское мировоззрение. В этом не было отказа от национальных эллинских принципов, ибо основу мировоззрения эллинов составляло обожествление явлений природы, а многие, особенно второстепенные, божества тесно связывались с различными урочищами. Приходя на новые места, греки признавали богов-патронов чужих стран, нередко отождествив их с эллинскими богами или героями. Таковы культы Ахилла Понтарха⁵ — соляного божества и бога конника⁶, имеющего хтонические черты, херсонесской богини *Παρθένος*, близкой Артемиде, и Великой богини Боспора, почитавшейся в виде Афродиты Урании и Апатуры. Вероятно, на местной основе возникли саги о меотийских амазонках, борьбе аримаспов с грифами и о далеких гипербореях.

В VII—V вв. до н.э. монументальное искусство скифов и меотов ограничивалось примитивными каменными фигурами⁷, вероятно связанными с культом предков. Впрочем, возможно, что это были своего рода стражи на могилах знатных покойников, подобно убитым юношам и коням, трупы которых скифы устанавливали вокруг царских курганов⁸.

Торевтика получила несравненно большее развитие у меотов и скифов, чем скульптура. Парадное оружие, конская сбруя и одежда знатных воинов покрывались украшениями — обычно плоскими рельефными фигурами, которые представляли грифов, орлов, пантер, оленей, баранов и других животных. Особенностью изображений так называемого звериного стиля в период его расцвета — в VII—V вв. до н.э. — были: лаконизм форм, выразительность силуэта и экспрессия; животное обычно

изображалось в схеме прыжка с прижатыми к брюху ногами, как бы летящим в воздухе. Звериный стиль, вопрос о происхождении которого вызвал противоречивые гипотезы, был ярким самобытным явлением, возникшим в юго-восточной Европе. Зооморфные образы в меото-скифском искусстве не были жанровыми изображениями, они имели глубокое идейное содержание. Нередкий мотив грифа представлял грозное чудовище местных мифов⁹, известное по сказаниям об аримаспах. Не менее важен другой сюжет — изображение оленя. Иранское название этого животного — *saka* — является этнонимом одного из племен — *сак*ов — и входит в наименование других племен: *Θυσσάρεται* — «быстрые олени», *Μασσάρεται* — «люди-олени»¹⁰. Зооморфные могучие демоны известны в архаических космогониях, в частности и в эллинской мифологии¹¹. Нужно думать, что и другие изображения животных в зверином стиле имели особое значение. Ведь назначением произведений звериного стиля было не только украшать тщеславного всадника и его коня, но, вероятно, прежде всего обеспечить его могучими талисманами, дарующими ему силу, смелость и удачу, а его коню — быстроту и выносливость. Такие апотропеи должны были, охраняя владельца от неудач и злых козней, устрашать его врагов, т. е. наивному представлению варваров эти произведения искусства представлялись наделенными магической силой, наверно сохранявшей свое значение и в потустороннем мире¹². Такова в основных чертах идеология передовых северопричерноморских племен в VII—V вв. до н. э.

Эллинские переселенцы, приходившие на берега Черного моря, переносили туда установления греческого общества: социально-экономический строй, культуру, искусство, мировоззрение.

Контакт эллинов и северопонтийских варваров был длительным, а взаимоотношения между ними развивались постепенно. Начало постепенно нараставших систематических связей восходит к последней трети VIII в. до н. э. (отголоски чего мы находим у Евмела Коринфского)¹³. При этом наметилось следующее явление. Возле древнейших очагов эллинской колонизации: на западе около острова Березани и Ольвии, а на востоке около Боспора Киммерийского, — выделились подвергнувшиеся некоторой эллинизации отдельные местные племена: каллипиды¹⁴ и синды¹⁵.

Отдаленный от греческих городов остальной разноплеменный варварский мир сохранял свою самобытность, несмотря на различные контакты с эллинами, а именно: не способствующие сближению военные столкновения и значительно более эффективные торговые связи греческих эмпортов со скифами, меотами и другими племенами. Находка граффити показывает, что греческие купцы уже в начале VI в. до н. э. достигали Немировского городища, расположенного около Буга, примерно в 300 км к северу от Ольвии¹⁶. Такие путешествия купцов были возможны лишь при хотя бы поверхностном знакомстве их со скифским языком. Вероятно, эти купцы пользовались какой-то скифской *vulgata mercatorum*, своего рода *argo des marchands*, что позволило наиболее любознательным из греков ознакомиться с географией и этногеографией Скифии и прилежащих к ней областей. Эти сведения, возможно, легли в основу труда Гекатея, видимо во многом определившего содержание «Истории» Геродота.

Таким же путем эллины могли проведать и о меотских божествах, например о том, которое почиталось ими под наименованием Ахилла Понтарха. Другим результатом посещения варваров греками было некоторое хотя бы поверхностное и, конечно, искаженное — знакомство скифского и меотского общества с эллинским миром. При таких условиях глубокое знакомство с греческой культурой вряд ли было возможно, но и позднее при более тесных связях скифы вряд ли могли ознакомиться с вершинами эллинской науки или их философией. Вряд ли более существенным источником проникновения эллинской культуры к варварам были браки их с гречанками, например царя Ариапейфа с истриянкой, обучившей сына греческой грамоте¹⁷. Уже появление греческих купцов в недрах скифского общества было новым фактом в его истории; в дальнейшем оно повлекло за собою, правда небольшое, изменение в структуре скифских верхов. У скифского царя появился *ἐπίτροπος* — поверенный¹⁸, по-видимому один из греческих купцов, который вел его торговые и, вероятно, дипломатические дела. Этот институт *mutatis mutandis* отвечает эллинским прокседам.

Но все это не привело к большим последствиям в силу глубокого различия между эллинским обществом и варварами, особенно номадами, в социально-экономической структуре, быте, потребностях, во всем культурном укладе. От северопонтийских греческих государств с их античным рабовладением и полисной структурой резко отличалось меото-скифское общество кочевников и земледельцев. Рабство у скифов в V в. до н. э. было менее развитым, чем греческое¹⁹. У скифов не было покупных рабов; *θηράποντες*²⁰, служившие басилевсам, по-видимому, доставлялись царским скифам зависимыми от них племенами. Рабы-военнопленные, принадлежавшие рядовым скифам, особой роли в хозяйстве не играли. Не меньшие различия наблюдались во всех сторонах хозяйственной жизни полисов и варварского общества. Большим было различие и в культуре: у эллинов — многовековая письменность, обширная литература, начатки наук, у варваров — отсутствие письма, самобытное творчество, вероятно, ярче всего проявившееся в произведениях торевтики и сложении эпических поэм (содержание одной из них, вероятно, легло в основу рассказа Геродота²¹ о походе Дария в Скифию). Мировоззрение варваров и основной массы эллинов не было одинаковым. Грекам было свойственно антропоморфическое восприятие природы, а изображение человека было основной темой их искусства. Напротив, меотов и скифов в VII—V вв. до н. э. привлекали зооморфные изображения звериного стиля. Порождением этого мировоззрения был и образ змееногой прародительницы скифов.

В течение VII—V вв. до н. э. между меотами и скифами, с одной стороны, и эллинами — с другой, наблюдается нарастание взаимоотношений, правда ограниченных. В результате торговли в северопонтийские степи проникает греческое вино²² и предметы художественного ремесла²³. С VI в. до н. э. в Ольвии и боспорских городах изготовлялись металлические изделия специально для вывоза к варварам. Таковы ольвийские бронзовые зеркала, широко распространившиеся по Северному Причерноморью и проникавшие на восток до района Орска²⁴. Такие зеркала, вероятно, могли иметь и магическое значение, в частности в погре-

бальном ритуале. Мнимые, несколько уменьшенные и менее полнокровные, чем в натуре, изображения предметов, отражаемые в таких зеркалах, должны были оказывать сильное впечатление на восприятие варвара и легко связываться в его наивном сознании с таинственным потусторонним миром. Число античных изделий, проникавших в степи, особенно в раннее время, было сравнительно невелико. Попадая к немногим потребителям, они не могли воздействовать на вкусы и идеологию основной массы меотов и скифов.

Новая фаза взаимоотношений северопонтийских эллинов с местными племенами наметилась в IV в. до н. э. В этот протоэллинистический период создались особенно благоприятные условия для расцвета экономики и культуры окраинных античных государств, в том числе Боспора²⁵. Присоединение к Боспорскому государству негреческих сельскохозяйственных территорий несколько приобщило их к эллинской культуре; вместе с тем оно способствовало оживлению ремесла на Боспоре, экспортной торговли²⁶, расцвету прежних городов и основанию новых на вновь освоенных землях. Наблюдается также расцвет художественной культуры Боспора. Вкусы аристократии Пантикапея названного периода заметно отличались от вкусов эллинской метрополии. В богатой боспорской столице было очень мало монументальной скульптуры, характерной для Греции²⁷; вместе с тем расцветают мастерские пантикапейских торевцов и ювелиров, изготавливавших украшения, в том числе золотые бляшки, придававшие одежде полуварварский характер. Это позволяет предполагать, что в среде боспорской аристократии было много эллинизированных выходцев из местной племенной знати. Подтверждают это и письменные источники²⁸. Приток эллинизированных варваров не прекращался в Пантикапей и в III—II вв. до н. э.

В период протоэллинизма значительные сдвиги в экономике и культуре коснулись не только северопонтийских городов. Если в VI—V вв. до н. э. связи северопонтийских государств с Прикубаньем, Приднепровьем и Придоньем оказывали довольно слабое воздействие на хозяйство и культуру племенного мира, то в IV в. до н. э. это влияние замечается значительно больше. Северопонтийские варвары были в той или иной мере втянуты в тот исторический процесс, который можно назвать протоэллинизмом. Однако это явилось результатом не только внешнего (греческого) воздействия. Напротив, это воздействие проявилось лишь потому, что внутренний процесс развития варварского мира вызвал в нем новые потребности, привел к сложению новой социальной обстановки. Итак, в это время от меотов и скифов усилился вывоз продуктов земледелия и скотоводства, а к ним в большем количестве стало поступать греческое вино и изделия боспорских торевцов²⁹. В социальной структуре передовых племен происходили большие сдвиги; возрастала роль басилевсов. Около середины IV в. до н. э. Атей возглавил обширную скифскую державу, стремясь придать ей некоторые атрибуты античного государства: он чеканил в Каллатии монету на греческий лад³⁰. В этих условиях формировались новые социальные взгляды. Главы племен сильно возвышались над рядовыми членами общины. Тематика скифского и меотского искусства, не теряя связи с представлениями варваров, приобрела еще новое социальное звучание. Подобно микенским анактам,

скифские басилевсы стали теперь стремиться окружить себя особой пышностью. По сравнению с нетерпимостью ко всему чужому, ранее ярко сказавшейся в истории Скила³¹, теперь наблюдается иное отношение хотя бы к некоторым важным новшествам, приходящим от греков. Скифская и меотская знать стала заказывать и покупать у греческих мастеров Боспора и других северопонтийских городов большое число различных изделий художественного ремесла — обычно предметов парадного обихода. Вкусы варварской знати изменились. Не довольствуясь только звериным стилем и геометрическими узорами, она стремилась отчасти приобщиться к антропоморфному греческому искусству, что не было бы возможно без значительных изменений в мировоззрении. Ведь изображать богов человекоподобными возможно лишь тогда, когда их воспринимают в антропоморфном облике. Следовательно, восприятие богов меотами и скифами теперь в некоторой мере стало приближаться к эллинскому. Варварская знать заказывала боспорским ювелирам потребные им произведения торевтики, и руками греческих мастеров впервые были созданы образы меотских и скифских божеств, а также сцены из их мифов, в результате чего появились изображения самих варваров. Представляя местных божеств, греческие мастера всецело следовали нормам классического искусства боспорской школы IV в. до н. э., а северопонтийских варваров они передавали с выразительным этнографическим реализмом, во многом напоминающим образы варваров в искусстве эллинизма. Так, благодаря эллинам художественная культура северопонтийских племен вступила в новую фазу; она обогатилась антропоморфными изображениями, что было тесно связано с глубокими идеологическими сдвигами.

Остановимся на нескольких памятниках этого греко-варварского искусства, начав с синдо-меотского круга. Среди находок в кургане Карагодеуаш выделяется треугольная золотая пластина с расположенными в три ряда рельефными изображениями, связанными с синдо-меотским пантеоном³². В нижнем ряду представлена окруженная свитой богиня, вероятно Афродита Урания; изображено сакральное действо, в котором важную роль играют ритон и сферический сосуд. В этих сосудах должны бы быть магический напиток, подобный нектару греков, соме индийцев, хауме иранцев или живой воде в фольклоре Восточной Европы³³. На серебряном ритоне из того же кургана³⁴ изображены два всадника на поле боя. Один из них, вероятно вождь племени, приближается к другому с жестом адорации, очевидно испрашивая сакральную санкцию. Другой величественно сидит на лошади с ритоном и копьем в руках. Этот синдо-меотский победоносный конный бог может быть сопоставлен с Посейдоном царских скифов, а также с имевшим различные аспекты конным божеством фракийцев, обычно именовавшимся "Πρωϋς, т. е. герой. На немного более поздней по времени рельефной пластине из Мерджан³⁵ представлены два божества синдо-меотского пантеона: сидящая в кресле Великая богиня со сферическим сосудом и конный бог (или герой) с ритоном. В IV в. до н. э. в богатых погребениях Прикубанья и Приднестровья в большом числе встречаются золотые бляшки³⁶ с изображением сакральной сцены: богиня сидит с зеркалом в руке, вероятно орудием чародейства, перед ней стоит скиф с ритоном. В описанных изображениях

боги и богини представлены человекоподобными, в других можно наблюдать резко выраженный локальный колорит. Так, на конском золотом налобнике из Цимбаловой могилы изображена змееногая прародительница скифов. Особенно ярко выступает перелом представлений скифов в замене изображений на навершиях из богатых могил Приднепровья³⁷. Эти предметы несомненно местной работы, видимо, имели ритуальное значение. Более ранние навершия увенчивались фигурами птиц, животных или грифа, а позднее их сменяет антропоморфное изображение Великой богини, как, например, в Александропольском кургане 1-й половины III в. н. э.³⁸

Сближение вкусов скифской знати с эллинской художественной культурой выразилось и в других проявлениях; таковы замечательные горигы: Чертомлыцкий, Ильинецкий³⁹, Мелитопольский⁴⁰ и Елисаветовский⁴¹ — с золотыми облицовками, украшенными рельефными сценами из жизни Ахилла. Стиль и тематика изображений — греческие. Представлен миф об Ахилле Понтархе в его эллинизованном облике. Однако в сцене воспитания отрока Ахилла показано обучение его стрельбе из лука, что плохо вяжется с будущими подвигами героя «Илиады», являясь уступкой местным вкусам. Таким образом, в результате контактов с греками кругозор скифской знати настолько расширился, что миф об Ахилле занял то место на парадном оружии, которое ранее назначалось фигурам звериного стиля. Аналогичным явлением были изображения Геракла на золотых бляшках степной Скифии и Приднепровья, вероятно связанные с культом скифских царей⁴².

Спрос на новую чисто скифскую тематику способствовал появлению в античной торевтике реальных изображений самих скифов. Греческие мастера, создававшие эти шедевры, трактовали их как жанровые сцены, стремясь придать им яркий локальный колорит, насытить этнографическим реализмом. Вряд ли эти произведения так же воспринимались скифами. Народы, искусство которых недавно ограничивалось звериным стилем, не сразу обратятся к жанру, обычно ему предшествуют изображения героев, совершающих подвиги, и деяний богов. Существование скифского героического эпоса несомненно, но сведения о нем очень отрывочны, поэтому любая из казалось бы военных или жанровых сцен может быть эпизодом неведомой нам саги. Так, сцену на серебряной обкладке горита из кургана «Солоха» обычно считают сражением скифов с меотами⁴³. Однако возможно иное объяснение: конные варвары изображены бородатыми, пожилыми, а их противники — безбородыми юношами; исход боя нерешительный. Это напоминает новеллу о скифах, которым по возвращении из Азии пришлось сражаться с восставшими сыновьями их рабов⁴⁴. Фриз с изображением скифов и коней на чертомлыцкой амфоре все исследователи считают сценой из жизни кочевников-коневодов; более вероятно, что это сказание о приручении коней одним или несколькими легендарными богатырями; отголоском подобной саги был и восьмой подвиг Геракла — усмирение коней Диомеда. Вполне могут быть связаны с героическим эпосом сцены, представленные на воронешском и кульобском сосудах, возможно являющиеся различными эпизодами одной саги; на первом изображены скифы перед боем, а на втором — после сражения. Так же можно трактовать и различные сцены на небольших

золотых бляшках, встречающихся в скифских курганах; на этих бляшках представлены борьба двух героев, побратимы, пьющие из одного ритона, два скифа, стреляющие из лука в разные стороны, а также герой, борющийся с грифом. Не исключена возможность, что и изображение конного скифа, охотящегося на зайца, навеяно одним из эпизодов поэмы о войне Дария со скифами, а именно рассказом о том, как эти воинственные номады перед лицом персидского войска бросились в погоню за пробежавшим зайцем, не обращая внимания на сильного врага⁴⁵. Но как бы мы ни толковали все эти произведения искусства, несомненно, что само появление их означало большой сдвиг в художественной культуре и воззрениях меото-скифского общества.

В III—II вв. до н. э. большую часть Скифии постепенно захватили сарматы. Урезанная Скифия была значительно теснее прежнего связана с античным миром. Там возникла потребность в городах; во II в. до н. э. была основана столица Неаполь, расцветавшая в первых веках нашей эры. По характеру это был скифо-греческий город с основательными постройками⁴⁶, иногда стенными росписями⁴⁷ на античный лад, скульптурой⁴⁸ и греческими лапидарными надписями⁴⁹.

Грандиозные перемены наблюдаются во всем Северном Причерноморье в I в. до н. э., после чего начинается новый период, тянувшийся до позднеантичного времени. Это период доминирующего положения сарматов в наших южных степях. Вместе с тем Римская империя оказывает теперь несравненно большее, чем это было возможно для греческого мира, экономическое воздействие на широкую кайму прилежащих стран, как показывают различные находки, особенно клады римских монет в Центральной, Северной и Юго-Восточной Европе⁵⁰.

Что же касается культурного развития Северного Причерноморья, то если прежде мы говорили о том, как постепенно нарастает воздействие эллинизма на варварский мир, то совсем иная картина наблюдается на Северном Понте, особенно на Боспоре в I—IV вв. н. э. Теперь сами варвары оказывают сильное воздействие на весь культурный облик жизни северопонтийских государств, и притом не только хоры, но и городов. Начало этому положено изменением варварской периферии, вызванным передвижением сарматов⁵¹, а решающий фактор — проникновение новых элементов в античные государства Северного Понта, приток которых резко повысился с I в. до н. э. Итак, наблюдается как бы обратная волна воздействия варварского мира на культуру античных центров Северного Понта. Это явление не единичное, и в римских провинциях заметно как бы прорастание ростков древних культур, на которые налегла римская цивилизация. Это заметно в архитектуре Египта, скульптуре Пальмиры, живописи Дура-Европос, тореитике Галлии, искусстве Фракии. Но, пожалуй, ни одна из римских провинций не испытала таких сдвигов, как Боспор, где произошло своего рода перерождение культуры, сделавшее ее как никогда до того времени близкой варварскому миру причерноморских степей.

В то время когда в дряхлевшее античное общество Боспора влились новые силы варваров, сделавшие его едва ли не самым варваризованным из античных государств того времени, в мастерских Пантикапея создались благоприятные условия для последней вспышки ювелирного дела.

Если в IV в. до н. э. пантикапейские торевты изготавливали произведения искусства, сюжеты которых отвечали представлениям меотов и скифов, а формы — греческой классике, то в сарматское время боспорские мастера создавали ювелирные изделия, и по основному замыслу (геометрические узоры) и по характеру решения (яркий пестрый ковер цветных камней) отвечавшие идеологии и художественным вкусам сарматов. Это и привело к широкому распространению полихромного стиля в сарматском обществе, а Пантикапей стал как бы художественным центром сарматского мира. Позднее пришедшие готы восприняли этот полихромный стиль и понесли его далеко на запад⁵².

Такова в самых общих чертах картина иррадиации античной культуры в странах Северного Причерноморья. Сначала в первые века сосуществования эллинских переселенцев с варварами довольно ограниченное проникновение античных художественных изделий к меотам и скифам. Позднее в варварском мире возникли новые потребности, приведшие к созданию греческими мастерами образов местной мифологии и реалистических изображений варваров; тогда же власть скифского царя ощутила необходимость воспользоваться некоторыми атрибутами античного государства. Наконец, в сарматский период мы наблюдаем обратную волну культурного воздействия степного мира на Боспор, а боспорские города играют теперь роль своеобразных художественных центров сарматского мира.

¹ Herod., IV, 59.

² Herod., I, 131.

³ Herod., IV, 60—62.

⁴ Herod., IV, 9—10.

⁵ Arrian., Peripl., 34.

⁶ Philostr., Heroic., XIX, 20.

⁷ Спицын А. А. Археологические заметки.— Труды секции археологии РАНИОН, М., 1928, с. 487 и сл.

⁸ Herod., IV, 72.

⁹ Herod., IV, 13 et 27; Tzetz. Chil., VIII, 686.

¹⁰ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., Л., 1949, с. 179.

¹¹ Hesiod., Theog., 295 et s.

¹² Это подтверждают похоронные обряды алтайцев скифского времени: обычай одевать на лошадей маски оленя и грифа (Руденко С. И. Культура населения горного Алтая. М., Л., 1953, с. 214 и сл.).

¹³ Tzetz., ad Hes. Opp., I, p. 23.

¹⁴ Herod., IV, 17.

¹⁵ Блаватский В. Д. Пятый год работ в Синдике.— КСИИМК, 1959, вып. 74, с. 41 и сл.

¹⁶ Граков Б. Н. Греческое граффито из Немировского городища.— СА, 1951, № 1, с. 259 и сл.

¹⁷ Herod., IV, 78.

¹⁸ Herod., IV, 76.

¹⁹ Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья.— СА, 1954, XX, с. 33 и сл.

²⁰ Herod., IV, 2.

²¹ Herod., IV, 118—136.

²² Anacr., LVII.

²³ Фармаковский Б. В. Архаический период в России.— МАР, 1914, № 34, с. 27 и сл.

²⁴ Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? Археологія. Київ, 1947, I, с. 23 и сл.

²⁵ Blavatsky W. D. Il periodo del Protoellinismo sul Bosporo.— In: Atti del Settimo Congresso Internazionale di Archeologia Classica. Roma, 1961, III, p. 56 et s.

²⁶ Зограф А. Н. Монеты из раскопок в Ольвии 1935 и 1936 гг.— Ольвия. Киев, 1940, I, с. 216; Зеест И. Б. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя.— МИА, М., 1951, № 19, с. 119—124; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.— МИА, М., 1954, № 36, с. 86, 148.

²⁷ Blavatsky W. Le processus du développement historique et le rôle des états antiques

- situés au nord de la Mer Noire.— In: XIe Congrès Internationale des Sciences historiques, Stockholm. 1960, Rapports. Göteborg, Stockholm, Uppsala, 1960, II, p. 112.
- ²⁸ Aesch. in Ctes., 171; IOSPE, II, N 346.
- ²⁹ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 387 f.; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 86 и сл.
- ³⁰ Рогальски А. Монета на името на скифския царь Атей.— Известия на Варненско-археологическо дружество, Варна, 1961, XII, с. 23 и сл.
- ³¹ Herod., IV, 78—80.
- ³² Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх.— МАР, М., 1894, № 13, с. 80 и сл., табл. III, I.
- ³³ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу.— М., 1865, с. 364 и сл.
- ³⁴ Придик Е. Два серебряных ритона в коллекции императорского Эрмитажа.— ЗООИД, Одесса, 1912, XX, с. 169 и сл., табл. I.
- ³⁵ Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, СПб., 1913, вып. 49, с. 134 и сл., табл. X, I и XI, I.
- ³⁶ Ростовцев М. И. Представления..., с. 6 сл., табл. II, 4.
- ³⁷ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus, S. 333 f., 387 f.
- ³⁸ Rostowzew M. Skythien..., S. 385 f., 403 f.
- ³⁹ Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горнятов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. ПРОЕΔΡΩΙ ΔΡΩΝ. Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911, с. 45 и сл.
- ⁴⁰ Покровская С. Ф. Мелитопольский скифский курган.— ВДИ, 1955, № 2, с. 191 и сл.
- ⁴¹ Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 1961, № 1, с. 161 и сл., рис. 13.
- ⁴² Граков Б. Н. Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, XXXIV, с. 12 и сл.
- ⁴³ Rostowzew M. Skythien..., S. 310.
- ⁴⁴ Herod., IV, 3, 4. ⁴⁵ Herod., IV, 134.
- ⁴⁶ Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953.
- ⁴⁷ Яценко И. В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском.— СА, 1960, № 4, с. 91 и сл.
- ⁴⁸ Шульц П. Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака.— КСИИМК, 1946, вып. XII, с. 44 и сл.
- ⁴⁹ IOSPE, I², N 668—673 (IV, N 191—193).
- ⁵⁰ Guey J. Les monnaies frappées sous l'Empire Romain.— In: XIe Congrès Internationale des Sciences historiques, Stockholm, 1960, Rapports, II, p. 63 et s.; Крופоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР: САИ, М., 1961, Г4—4.
- ⁵¹ Rostoutzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 174 f.
- ⁵² Rostoutzeff M. Iranians and Greeks..., p. 185 f.

АНТИЧНЫЕ ГОРОДА НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ПОНТА *

Далекie берега Понта уже в древнейшие времена привлекали внимание отважных эгейских мореходов. Сведения об этих первых опасных плаваниях дошли до нас лишь в виде мифов, в которых действительность тесно сплеталась с фантастическим вымыслом. Таковы сказания о походе героев-аргонавтов в Колхиду за золотым руном, об Ифигении, которая была перенесена Артемидой в Таврику, о пребывании Ахилла на острове Левке, о блужданиях Одиссея в стране киммерийцев. Свидетельство Страбона позволяет видеть в названных мифах отголоски плаваний древнейших народов с целью торговли или пиратства. Античная традиция связывала эти красочно описанные полуреальные события пример-

* Blavatsky V. Ancient Greek Towns on the Northern Coast of the Pontos. — Greek Heritage. The American Quarterly of Greek Culture. Athens, 1965, vol. II, N 5, p. 4—14, fig. 1—12.

но с XIII — началом XII в. до н. э., т. е. тем временем, когда замечательная микенская цивилизация начала клониться к упадку.

Нужно думать, что в конце II и первых столетиях I тысячелетия до н. э. эллины-мореплаватели заходили в негостеприимный Понт ('Αἰγαῖος Πόντος) и посещали берега, где обитали киммерийцы. Об этом говорят, правда малочисленные, находки металлических изделий, привезенных в Северное Причерноморье из стран Эгейского бассейна. Античная традиция не сохранила ясных свидетельств об этих связях. Но в этот период героический эпос завершился блестящей эпопеей «Илиады» и «Одиссеи», а время будущих логографов и историков еще не пришло. Неудивительно поэтому, что о столь небольших событиях до нас не дошло никаких упоминаний.

С VII в. до н. э. положение меняется. На смену туманным мифам приходят сначала скудные, а в дальнейшем более обильные свидетельства греческих авторов. Вместе с тем и археологические находки становятся все более и более многочисленными. Перед глазами исследователя открывается не мифическая, а реальная история античного мира в Северном Причерноморье. В это время на обширных пространствах Северного Причерноморья обитали многолюдные племена. На северных берегах Черного и Азовского морей доминировали скифы, а в бассейне Кубани — меоты. Сюда, в эти богатые страны, во второй половине VII — начале VI в. до н. э. устремлялись греческие купцы, основывавшие здесь сначала временные, а потом и постоянные торговые фактории. В дальнейшем в течение VI и отчасти V вв. до н. э. был основан ряд городов, исторические судьбы которых сложились различно. Тира на месте Белгорода Днестровского и Ольвия на Бугском лимане всегда оставались полисами, иной раз, правда, терявшими свою независимость. Находившийся возле нынешнего Севастополя Херсонес стал центром государства, владевшего территориями и небольшими греческими городами в юго-западной части Крыма. По берегам Керченского пролива — в древности Боспора Киммерийского — растянулось полтора десятка городов, среди которых наиболее значительными были Пантикапей на месте нынешней Керчи и Фанагория на Таманском полуострове. Вначале автономные, все эти города в 480 г. до н. э. объединились в единое государство.

Эллинские переселенцы, основавшие города на северных берегах Понта, приносили туда порядки покинутой родины: хозяйство, социальные и политические институты, почитание отечественных богов. Поэтому культура и искусство северопонтийских городов в первые века их существования были тесно связаны с аналогичными явлениями эллинского мира в Средиземноморье.

Уже в VI в. до н. э. в северочерноморских городах создавались значительные произведения архитектуры. Ко второй половине этого столетия относится сооруженный в Пантикапее большой храм ионийского ордера, от которого до нас дошли незначительные остатки. Там же находился и богато украшенный алтарь примерно конца VI в. до н. э. Произведения монументальной скульптуры этого времени привозились из метрополии, видимо, главным образом из Ионии. Они известны нам по фрагментам курсов, обнаруженных преимущественно в Ольвии, и там же найденного обломка статуи Коры. Таким образом, мы видим, что и на далекой окра-

ине эллинского мира господствовали те же художественные вкусы, что и в его главнейших центрах. Среди архаических скульптур отметим мраморную голову курiosa милетской работы последней трети VI в. до н. э., недавно найденную в Кепях — одном из небольших боспорских городов на Таманском полуострове (рис. 1).

Значительно обильнее были находки архаической расписной керамики, в том числе первоклассных ваз с жизнерадостными красочными рисунками родосской, самосской и коринфской работы. С середины VI в. до н. э. в большом числе встречаются чернофигурные вазы ионийской клазоменской и особенно аттической работы. Привозились также и терракотовые фигурки, преимущественно представляющие изображение сидящей на троне богини, застывшей в неподвижной фронтальной позе. Нередки также протомы богинь: Деметры или Керы. Уже в первых десятилетиях существования северопонтийских городов там возникло художественное ремесло, в том числе изготовление расписных ваз и фигурок. Эта продукция в основном следовала привозным образцам и была предназначена для обитателей тех же городов, где работали эти мастера. Несколько большее своеобразие проявили ольвийские литейщики, изготовлявшие бронзовые зеркала с фигурными украшениями на ручках, а равно и боспорские ювелиры. Отмеченная особенность этих изделий, вероятно, объясняется их назначением — быть предметами экспорта в степь.

В V в. до н. э. художественные вкусы обитателей северопонтийских городов по-прежнему устремлялись к далекой метрополии. Новым для этого времени является вытеснение ионийского импорта произведений искусства аттическим. Любопытной особенностью обитателей Северного Причерноморья является некоторая приверженность старым образцам — такова, например, популярность чернофигурной аттической керамики вплоть до середины V в. до н. э.

Художественные интересы жителей Северного Понта не ограничивались искусством, их привлекала и литература. Свидетельство Ксенофонта позволяет заключить о значительном ввозе книг в Понт; можно думать, что хотя бы часть их проникала на северные берега. Были там и свои поэты, к сожалению известные главным образом по эпитафиям. Самый ранний из них, живший в V в. до н. э., оставил нам метрическую эпитафию некоего Тихона, который по происхождению был тавром.

Среди скульптур второй половины V в. до н. э. отметим часть круглого мраморного алтаря (или базы), украшенного рельефами. Там представлено праздничное шествие строго задрапированных в гиматии женщин, которые следуют одна за другой.

К концу V или началу IV в. до н. э. относятся три замечательные фигурные вазы, найденные при раскопках некрополя Фанагории; в настоящее время они являются одним из лучших украшений античного собрания Государственного Эрмитажа. Фигуры изображают сидящего сфинкса, сирену и выходящую из морской пены Афродиту, которая уже наполовину поднялась над волнами; с боков фигуру богини обрамляют широко раскрытые створки раковины. Мастерски исполненные вазы богато раскрашены: более десяти различных тонов и полутонов довершаются позолотой, покрывающей волосы и различные украшения. Эта роспись представляет исключительный интерес. Она воспроизводит расцвет-

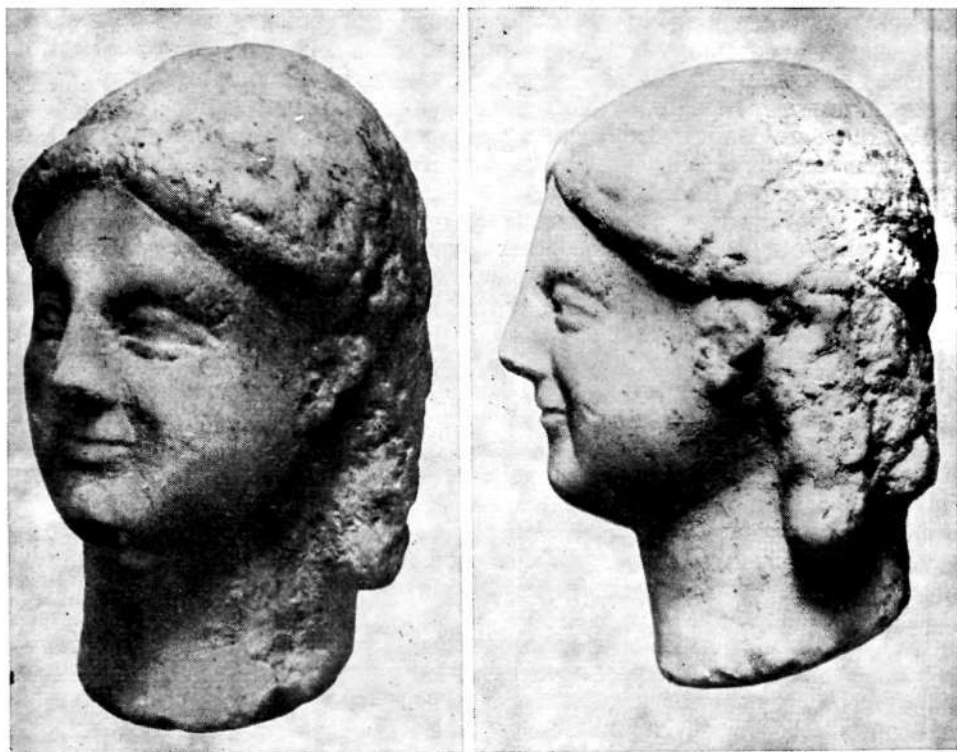

Рис. 1. Голова курсы из Кеп. VI в. до н. э.

ку не дошедших до нас прославленных в древности хрисозлефантинных статуй и дает представление о полихромии колоссов работы Фидия и Поликлета. На этих фигурах мы видим не только смелое сочетание золота и слоновой кости, но и нанесенную на кость богатую гамму расцветки, исполненной красками.

До начала IV в. до н. э. в культурном облике населения всех северопонтийских городов, видимо, не было сколько-нибудь значительных различий. Иная обстановка начала складываться во второй четверти IV в. до н. э., когда боспорское государство, возглавлявшееся архонтом Левконом (387—347 гг. до н. э.), подчинило себе ряд меотских племен, обитавших в бассейне Кубани, и превратилось в сильную греко-варварскую державу, просуществовавшую вплоть до падения античного мира. Своеобразный симбиоз в этом государстве греческих городов с обширными территориями, заселенными местными племенами, определил характерные особенности не только его экономики и политического строя, но и его культуры. Постепенно происходило некоторое сближение хотя бы части кругов боспорского общества с тем племенным миром, который их предкам представлялся совершенно чуждым. Во времена основания

боспорских городов интересы и культурные потребности первых переселенцев тесно связывали их с метрополией, а не с окружавшим их многочисленным местным племенным миром. Видимо, совершенно иным стало отношение к этому вопросу у обитателей боспорских городов в условиях той исторической обстановки, которая сложилась в IV в. до н. э. Заметно усилился интерес к этим варварам. Более того, сами обитатели Боспора в известной мере стали рассматривать свое государство как часть того обширного, во многом еще мало известного им мира, который занимал необъятные просторы наших южных степей. Это обстоятельство не замедлило сказаться и на художественных запросах боспорцев. В IV в. до н. э. в Северное Причерноморье, и в особенности на Боспор, в большом числе ввозились расписные краснофигурные вазы, среди которых так называемым боспорским пеликам принадлежит едва ли не первое место. Эти пелики происходят из Аттики. Вместе с тем можно полагать, что они предназначались для вывоза на Боспор. В сюжетах их росписей заметно выступает большая роль эллинских мифов, тесно связанных с Северным Причерноморьем и расположенными за ним более далекими странами. Таковы сказания об обитательницах берегов Меотиды (Азовского моря) воинственных амазонках, о легендарном народе аримаспах, которые ведут борьбу за золото с чудовищами-грифами, об обитавших на крайнем севере гипербореях, к которым раз в девятнадцать лет прилетает эллинский бог Аполлон.

В IV в. до н. э. на Боспоре, особенно в Пантикапее, пышно расцветает ювелирное дело. Мотивы локальной мифологии находят место и на различных украшениях и на золотых пантикапейских стateraх, на одной из сторон которых изображается гриф. Боспорским мастером сделан золотой калаф, служивший головным убором жрицы, похороненной в конце IV в. до н. э. в кургане Большая Близница на Таманском полуострове. На этом калафе представлены аримаспы, сражающиеся с грифами. Однако творчество боспорских ювелиров не ограничивалось только изображением таких мифологических образов. Тесное общение с меотским и скифским миром обогащало этих художников новыми впечатлениями. Заказы скифских царей и знати способствовали появлению новых художественных образов, запечатлевших внешний облик воинственных обитателей причерноморских степей.

Ярким образцом таких произведений является большая серебряная амфора, найденная в Чертомлыцком кургане. Туловище этой вазы украшено сложным растительным орнаментом — по всей поверхности извиваются усики, из которых вырастают пальметты, полупальметты и цветы; на усиках сидят птицы. Вверху, под шейкой вазы, представлены грифы, терзающие оленей. Между этими двумя мотивами, не выходящими за рамки тематики эллинских художников, находится неширокий горельефный фриз с изображением скифов, дрессирующих лошадей. Фон этого рельефа гладкий, однако фигуры исполнены с такой жизненностью, что у зрителя создается впечатление необъятного простора южной степи. Эта сцена, представляющая скифов с их конями, и иные сюжеты, изображающие степняков на других произведениях ювелирного дела, являются совершенно оригинальным большим вкладом боспорских мастеров в сокровищницу античного искусства. Ювелиры, создававшие эти произ-

ведения, трактовали их как жанровые сцены, стремясь придать им возможно более яркий локальный колорит, насытить их этнографическим реализмом. Однако сомнительно, чтобы так воспринимали эти сцены скифы. Племена и народы, недавно обходившиеся одними зооморфными изображениями, вряд ли могут сразу обратиться к жанровым сценам. Обычно им предшествуют изображения мифов о богах и героях. Поэтому нам кажется, что в сцене на фризе чертомлыцкой амфоры скифы видели изображение сказания о приручении коней одним или скорее несколькими легендарными героями.

Заканчивая наши наблюдения над чертомлыцкой амфорой, отметим, что к нижней части вазы прикреплены скульптурно исполненные две головы львов и между ними голова Пегаса, обрамленная распластанными крыльями. Очевидно, что эти части были сделаны не одновременно с амфорой, а прикреплены к ней несколько позднее, вероятно, по особому желанию заказчика. Стиль приставленных голов побуждает думать, что они были сделаны в той же мастерской, где была исполнена и сама амфора.

В числе других произведений искусства в Чертомлыцком кургане была обнаружена великолепная золотая пластина, служившая облицовкой футляра для лука и стрел. Эта пластина богато украшена рельефами. Среди представленных там композиций доминируют изображения сцен из мифов об Ахилле.

Помимо отдельных выдающихся произведений, в боспорских ювелирных мастерских в большом числе изготовлялись золотые бляшки, встречающиеся в погребениях как Пантикапея, так и в степи в курганах племенной знати. Эти бляшки нашивались на одежду, придавая ей полуварварский характер. Наряду с обилием ювелирных изделий в боспорской столице этого времени сравнительно мало монументальной скульптуры, в которой так часто находили отражение представления о калокагатии (*καλοκαγαθία*), столь характерные для эллинской гражданской общины. Нужно думать, что эти особенности вкусов боспорской аристократии вызваны наличием в ее среде значительного числа выходцев из местной племенной знати.

В зодчестве Пантикапея IV в. до н. э. нам лучше всего известны великолепные склепы с уступчатыми перекрытиями, происхождение которых также не связано с эллинскими образцами. Однако не следует считать, что все произведения искусства и художественного ремесла IV в. до н. э., которые были найдены на Боспоре, отражают только местные художественные вкусы. Там были обнаружены, правда немногочисленные, скульптуры аттической работы (статуя Диониса, колоссальный торс мужчины в гиматии). Особо отметим гидрию с изображением мифа о споре Афины с Посейдоном за владычество над Аттикой. Эта сцена и особенно фигуры обоих спорящих божеств навешаны скульптурной группой, украшавшей западный фриз Парфенона. Не менее примечательна золотая подвеска, найденная в кургане Куль-Оба (под Керчью). На этой подвеске имеется мастерски исполненное рельефное изображение головы статуи Афины Девы (*Παρθένης*) знаменитого Фидия. Это воспроизведение является наиболее точным из дошедших до нас реплик прославленного оригинала: украшенный тремя гребнями шлем передан с мельчайшими под-

робностями, которые отвечают старательному описанию греческого путешественника II в. н. э. Павсания.

Несомненно привозным изделием, сделанным в Аттике в IV в. до н. э., является пышный мраморный акротерий, некогда увенчивавший одно из надгробий на некрополе Фанагорин.

Стремление следовать средиземноморским образцам отчетливо заметно в архитектурных формах и росписи склепа начала III в. до н. э., обнаруженного в кургане на Васюринской горе на Таманском полуострове. Этот склеп перекрыт полуциркульным сводом, а роспись стены изображает ограду, облицованную разноцветными каменными плитами, увенчанную ионийским карнизом, симой и антефиксами. Есть основание считать, что это изображение стены как бы воспроизводит стену героона, подобного известным нам в Малой Азии. Такая роспись гробницы свидетельствует о стремлении следовать ионийским обычаям героизации знатных покойников.

Ольвия и Херсонес не испытали в рассматриваемое время таких больших перемен, которые выпали на долю Боспорского государства. Культура и искусство этих полисов оставались вполне эллинскими. В это время в Ольвию ввозились первоклассные образцы греческой скульптуры. Там была найдена база статуи с подписью знаменитого аттического скульптора Праксителя. Оттуда же происходят такие мраморы, как голова богини аттической работы первой четверти IV в. до н. э., великолепная голова бородатого бога, полная патетики, столь характерной для великого ваятеля Скопаса, голова Диониса середины IV в. до н. э. и небольшая статуэтка Афины, представляющая собой копию знаменитой колоссальной хризозефантинной статуи Афины Девы, исполненной Фидием.

Исключительной выразительностью отличаются обломки найденной в Ольвии колоссальной статуи льва аттической работы конца IV — начала III в. до н. э. Напряженные мускулы и кровеносные сосуды тела грозного хищника кажутся полными пульсирующей жизни.

В III в. до н. э. наблюдается ввоз в Ольвию произведений скульптуры из Александрии (в Египте). Таковы мраморные головы Асклепия, Гигнеи и Эрота, найденные в одном из богатых домов с парадным двором, вымощенным мозаикой. Из Малой Азии и Александрии привозятся в это время в Ольвию терракотовые статуэтки и вазы.

Аналогичный характер имеют и произведения искусства, найденные в Херсонесе, недавно пополнившиеся расписными надгробными плитами. Эти плиты, еще в древности взятые с херсонесского некрополя, были использованы в качестве строительного материала при перестройке одной из крепостных башен. Голова юноши, сохранившаяся на одной из таких плит, перекликается с аналогичными стелами, найденными в Пагасах (Παγασαί).

В Херсонесе известно производство художественной керамики, терракотовых статуэток и рельефных сосудов. О последних наглядно свидетельствует находка глиняных форм в мастерской короппаста. На одной из них, как показывает оттиск, представлена сцена, характерная для эллинистического искусства, а именно Омфала, которая передает прялку Гераклу.

В круг интересов обитателей северопонтийских городов, конечно, входило не только искусство. О приверженности их музыке говорят остатки музыкальных инструментов (флейты, лиры), встречающихся при раскопках, засвидетельствованные эпиграфикой состязания трубачей и надгробия музыкантов. Согласно свидетельству Полиэна, в первой половине IV в. до н. э. боспорские города посетил олинфский кифаред Аристоник, который в это время пользовался наибольшей славой у эллинов.

Мы уже упоминали о северопонтийских поэтах. В III в. до н. э. жил боспорский уроженец поэт Исилл — автор поэмы в честь Асклепия; текст ее, высеченный на мраморе, был найден в Эпидавре. В Северном Причерноморье были и свои ученые. Около начала III в. до н. э. боспорский историограф, имя которого, к сожалению, остается нам неизвестным, составил красочное описание событий, свидетелем которых он был. В том же столетии жил и херсонесский историк Сириск. К III в. до н. э. относится деятельность северопонтийских философов: Биона, Сфера и Дифила. Бيون Борисфенит принадлежал к кинической школе и во многом способствовал ее популяризации. Сфер, уроженец Боспора или, может быть, Ольвии, живший то в Греции, то в Египте, то у себя на родине, был стоиком. Автор многочисленных работ по научным и философским проблемам, Сфер известен как историк, изучавший социально-политические вопросы. Им был написан трактат по лаконской политике. Сфер принимал активное участие и в политической жизни своего времени: он был идейным руководителем известного спартанского царя-реформатора Клеомена.

Конец II и первая половина I в. до н. э. были временем ряда тяжелых испытаний, войн и бедствий для античных государств Северного Причерноморья. Неоднократно разорявшаяся неприятелями Ольвия была разрушена гетами в середине I в. до н. э. Херсонес с трудом выдержал осаду скифов в конце II в. до н. э., но вся его *χωρά* (сельскохозяйственная территория) была страшно опустошена. В течение более полустолетия Боспор был ареной многочисленных военных столкновений. Пантикапей и ряд других городов были разгромлены. Кроме того, сильнейшее землетрясение 63 г. до н. э. принесло страшные разрушения не только городам, но и стране. Когда эти бурные события миновали, во второй половине I в. до н. э. и в I в. н. э. потерпевшие разрушение города стали восстанавливаться, в них в большом числе нахлынули более или менее подвергнувшиеся эллинизации представители местных племен, господствующее положение среди которых в это время занимали сарматы. Надгробные памятники и другие эпиграфические документы I—III вв. н. э., найденные в северопонтийских городах, сохранили большое количество имен их обитателей. Анализ этих имен позволяет в общих чертах установить этнический состав населения различных городов. В Ольвии можно считать установленным некоторый приток скифских элементов. В неиспытавшем разгрома Херсонесе не наблюдается особых изменений, если не считать отчетливых следов проникновения римлян, что прежде всего было связано с длительным пребыванием в городе римского гарнизона.

На Боспоре заметно выступает большая роль сарматов, что сказалось на одежде, обычаях, военном деле, религиозных представлениях, погребальном ритуале, художественной культуре. Склепы, соорудившиеся в

это время, нередко вырубались в скале или выкапывались в твердой глине. Эти склепы имели в плане форму неправильного четырехугольника и перекрывались невысоким сводом. Сюжеты их росписей иногда мифологические, иногда изображающие деятельность покойника. Стиль характеризуется значительной утратой классических традиций, схематизмом, плоскостной трактовкой фигур, широким применением линий. В пантикапейских ювелирных мастерских этого времени получил распространение особый полихромный стиль. Золотые изделия украшались инкрустацией цветными камнями, стеклом и эмалью. Эти цветные вставки с плоской поверхностью, разделенные сеткой золотой оправы, образовывали простой геометрический узор, сплошь покрывавший предмет. Это создавало впечатление пестрой, несколько грубоватой, но очень яркой «варварской» роскоши.

В скульптуре этого времени численно преобладают надгробные рельефные памятники, обычно высеченные из известняка, не отличающиеся большим мастерством. Некоторые надгробные надписи содержат стихотворные эпитафии, отнюдь не лишенные поэтических достоинств. Таково, например, четверостишие на надгробии I в. н. э., поставленном Стратонику, сыну Зенона, его вольноотпущенником Ссием:

Καὶ πινυτήν, Στρατόνεικε, καὶ ἦθεα κεδνὰ φυλάσσων
 ὄλεο, τῷ λυγρῷ πατρὶ λιπὼν δάκρυα.
 Θεῖε φίλε, προτέροις ἐναρίθμιε· μύρια δ' αἰὼν
 πεύσεται ἐκ βιβλῶν σὴν σοφίην ἐρατήν.

Перевод: Храня и мудрость и дивный характер, ты погиб, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним, будущие века узнают из книг твою прелестную мудрость.

Язык эпитафии свидетельствует о начитанности автора в классической литературе. Это раскрывает перед нами все своеобразие культуры боспорского общества этого времени, сочетавшего греческие элементы с сарматскими. На надгробии Стратоника два рельефа: на одном он представлен за научными занятиями среди своих любимых свитков; на другом — вооруженный, верхом на коне. Этому ученому приходилось с оружием в руках защищать свою родину.

Значительно реже встречались на Боспоре мраморные портретные статуи, изображавшие царя или местную знать. К числу таких скульптур принадлежит портретная статуя II в. н. э., найденная в Горгиппии (ныне Анапа). Она изображает бородатого мужчину, одетого в греческий гиматий. Вместе с тем на шее его мы видим несомненно варварское украшение: массивное кольцо, по середине которого находилась голова животного. Эта голова исполнена суммарно, очевидно, на мрамор было надето более детально выполненное изображение, сделанное из металла (скорее всего — из золота).

Среди боспорских скульптур первых веков нашей эры небольшая часть принадлежит заморским образцам. Среди них отметим великолепную мраморную голову Афродиты, найденную в Пантикапее. Исполненная примерно в I в. н. э., она следует аттическому образцу последней трети V в. до н. э.

Стремление следовать классическим традициям наблюдается и в некоторых росписях боспорских гробниц. Так, в одном из склепов I в. н. э.

на плафоне написана голова Деметры. Богиня представлена с серьезным, строгим, несколько печальным лицом. Ее широко открытые глаза как бы смотрят на входящего в склеп, привлекая к себе внимание. Облик Деметры отвечает образу богини загробного культа, скорбящей матери, тщетно разыскивавшей свою дочь Кору, которую похитил владыка преисподней Плутон.

Вновь восстановленная после гетского разгрома Ольвия была красочно описана посетившим ее в I в. н. э. ритором Дионом Хрисостомом. Новая Ольвия далеко не могла сравниться с прежней: размеры ее были значительно меньше, дома много беднее. Однако и в это время в Ольвии был сооружен мраморный храм Аполлона Простата, от которого дошли до нас только обломки. Скульптура Ольвии этого времени заметно уступает скульптуре времени расцвета города. Примером ее может служить статуя мальчика с мехом в руках, служившая украшением фонтана.

Искусство Херсонеса рассматриваемого периода испытало некоторое воздействие скульптуры дунайских провинций. Отчетливее всего это сказалось на надгробных рельефах, не лишенных некоторой остроты индивидуальной характеристики и вместе с тем отражающих ту эволюцию стиля, которую претерпевал античный портрет во II—III вв. н. э. Известны нам также и рельефы с изображением эротов, несущих гирлянды, и с мифологическими сценами. Эти рельефы, вероятно, тоже связаны с надгробными памятниками.

Такой была культура городов Северного Причерноморья пока грозные волны нашествий чужеземцев во времена великого переселения народов не принесли сюда сильнейшие опустошения. Описание дальнейших событий не входит в рамки нашего очерка. Мы постарались бегло охарактеризовать главнейшие явления в истории, культуре и искусстве в течение почти тысячелетнего существования северопонтийских городов. Основанные эллинами на крайнем северо-востоке античного мира, они прошли сложный путь исторического развития. Сначала чуждые окружавшему их племенному миру, они постепенно вступали с ним во все более тесные отношения. Своеобразным сочетанием двух миров: эллинского и сарматского — явилась культура Боспорского государства в позднеантичное время.

О КУЛЬТЕ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ НА БОСПОРЕ *

Обожествление правителей, многократно наблюдаемое в античном мире, коснулось и Боспорского государства еще в начале эллинистического периода. Свидетельство Страбона¹ позволяет заключить, что Перисад I (347—309 гг. до н. э.) там почитался как бог. Митридат VI Евпатор Понтийский, включивший в свою державу² и Боспорское царство, судя по надписи³ царицы Динамии, именовался там: βασιλεὺς βασιλέων Μιθ- [ραδάτης] Εὐλάτωρ Διόνυκος. Правивший в 8—38 гг. н. э. боспорский царь

* Blawatsky W. D. Le culte des empereurs romains au Bospore. Mélanges d'Archéologie et d'Histoire offerts à André Piganiol. Paris, 1966, p. 1541—1545.

Аспург был обожествлен, как это можно заключить, судя по посвящению⁴ ему какого-то сооружения, возможно небольшого храма⁵. Таким образом, традиция обожествлять некоторых правителей появилась на Боспоре еще до установления императорской власти в Риме. Поэтому появление нового подобного культа правителей не должно было казаться боспорцам ни неожиданным, ни неприемлемым⁶.

Первые признаки признания божественной природы римских императоров можно наблюдать еще в конце I в. до н. э. Тогда, судя по данным нумизматики⁷, главные города⁸ Боспора: Пантикапей и Фанагория получили наименование *Caesarea* и *Agrippia* в честь императора Августа и его зятя Агриппы. Такое переименование боспорской столицы, перекликающееся с появлением многочисленных Цезарей в государствах союзных царей⁹, имело не только политическое значение. Присвоение Пантикапею имени Цезаря превращало Августа в ктиса столицы Боспора, а это возводило римского императора в сан героя. Не менее отчетливо признание особой природы Августа сказалось в признании его сыном бога (θεοῦ υἱός), как он именуется царицей Боспора Динамией в надписи¹⁰, найденной в Фанагории.

Давно известна некоторая зависимость Боспорского царства от Рима, которая отразилась и на титулах боспорских царей: *φιλόκαισαρ καὶ φιλορῶμαιος*¹¹ и в равнозначущем *amicus imp(eratoris) populi(ue) R(oma)ni*¹². Эта титулатура засвидетельствована уже во времена Аспурга. Несколько десятилетий спустя сын Аспурга, боспорский царевич Котис¹³, долго живший в Риме, изменил своему старшему брату — царю Боспора Митридату III и с помощью римских войск сверг его с престола. Став боспорским царем, Котис I (45—68 г. н. э.) именовался не только *φιλόκαισαρ καὶ φιλορῶμαιος*, но также и *ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου*¹⁴, что свидетельствовало об установлении культа римских императоров на Боспоре.

Титулы преемников Котиса, правивших во второй половине I в. н. э.¹⁵, а также во II¹⁶ и III¹⁷ вв. н. э., неоднократно свидетельствуют о том, что боспорские цари оставались пожизненными жрецами Августов. Однако культ римских императоров, видимо, был чисто дипломатической акцией в политике Боспора и не пользовался популярностью среди боспорцев. Этим скорее всего объясняется сравнительно редкое упоминание в титуле боспорских царей их сана верховного жреца Августов.

Помимо установления нового культа императоров, на Боспоре в царствование Котиса I был сооружен храм, изображение которого сохранилось на медных монетах¹⁸, вероятно чеканенных в конце правления этого царя¹⁹. На лицевой стороне этих монет представлен пятиколонный фасад храма ионийского ордера, стоящего на основании из пяти ступеней; легенда КАПЕ по обеим сторонам здания, дополняемая как *Καπτωλίον* сообщает нам наименование этой постройки. Такое название на первый взгляд допускает предположение, что это изображение храма Юпитера Капитолийского в Риме. Однако от такой гипотезы приходится отказаться ввиду отличия облика этого здания от надежно засвидетельствованных изображений храма Юпитера Капитолийского на монете Веспасиана²⁰. Там представлен²¹ шестиколонный фасад храма коринфского ордера, стоящего на трехступенчатом основании. Такая грубая ошибка

боспорского монетария вряд ли была возможна, особенно во времена Котиса, который прежде чем стать царем, по всей видимости, долго жил в Риме²² и, конечно, должен был запомнить внешний облик главнейшей святыни Римской империи. Поэтому нужно думать, что на монетах Котиса изображен не римский, а боспорский, скорее всего пантикапейский, храм, носивший наименование Капитолия, подобный ряду аналогичных храмов в Италии и римских провинциях²³.

Возвращаясь к принятому боспорскими царями сану верховного жреца отметим, что наименование ἀρχιερεὺς заставляет думать о наличии на Боспоре коллегии ἱερεῖς — жрецов, возглавляемой правителем. Такое явление засвидетельствовано эпиграфическими памятниками для Афин²⁴. Доказательством сказанного служит одна из фанагорийских надписей²⁵, которая датируется не ранее II в. н. э.; к сожалению, правая часть утрачена, что не дает возможности восстановить ее полностью. Однако уцелевшие части позволяют утверждать, что в этой надписи шла речь об одном человеке, который «соответственно своим привилегиям» (εἰς αὐτὸν γενομένης τελευτῆς...) был полностью освобожден от налогов по всему (царству) (ἀνεισφορίαις ἀπάσαις ταῖς κατὰ τὴν βασιλείαν...) и принял пожизненное жречество в Καισάρειον'ε ([... ἱερέα ἀπο]δείχ[θ]έντα τοῦ Καισαρείου διὰ βίου...).

Сказанное свидетельствует о существовании в Фанагории храма обо-жественных императоров, подобного Caesarea²⁶, соорудившимся в римских провинциях. Жрец фанагорийского храма, судя по освобождению его от налогов, в отличие от пожизненного верховного жреца Августов не был царем, а принадлежал к высшим слоям боспорского общества.

Далее заслуживают внимания, отмеченные Кл. Птолемеем²⁷, несколько загадочные οἱ Καῖσαρος βωμοὶ около Танаиса, по всей видимости связанные с культом императоров.

Крайняя краткость письменных источников о почитании Августов на Боспоре почти не дает возможности представить, в какие формы выливался этот культ. Поэтому для нас очень ценным источником являются росписи пантикапейского склепа, открытого в 1841 г., где, помимо сюжетов, обычных для керченских гробниц, изображено несколько пар сражающихся гладиаторов²⁸. Эти сцены скорее всего представляют те зрелища, которые при жизни организовал погребенный в склепе могущественный покойник. В римских провинциях sacerdotes²⁹ и ἀρχιερεῖς³⁰ нередко были обязаны устраивать бои гладиаторов. Те Ludi Gladiatorii, которые давались верховными жрецами Августов³¹, были связаны с культом императоров³², как, например, это было в Лаодикее³³, Смирне, Сагалассосе, Пергаме и Фиатире³⁴.

Нужно думать, что аналогичное явление наблюдалось и на Боспоре, где организация гладиаторских боев осуществлялась царем, имевшим сан верховного жреца Августов. Дата рассматриваемого склепа — вторая половина I — начало II в. н. э. — побуждает думать, что введение культа императоров на Боспоре при Котисе I, видимо, сопровождалось установлением кровавых зрелищ.

Итак, культ императоров выразился на Боспоре в принятии царем сана пожизненного жреца Августов, возглавившего жреческую колле-

гию, в сооружении храмов и алтарей, в организации гладиаторских боев. Эти проявления культа в значительной мере носили внешний характер, целью их было подчеркнуть лояльность боспорских правителей по отношению к Риму. Это способствовало поддержанию хороших отношений с империей, в чем боспорские цари иногда нуждались.

Боспор был самой отдаленной северо-восточной окраиной античного мира, куда проник культ императоров. Почти не подвергнувшийся романизации³⁵, жители Боспора восприняли этот культ лишь потому, что его учредили их правители.

Нужно думать, что и значение его для боспорцев было далеко не таким, как для обитателей Римской империи.

¹ *Strab.*, VII, 4, 4.

² *Strab.*, VII, 4, 6; *App. Mithr.*, 64, 67, 107 et s.; *IOSPE*, I², N 352.

³ *IOSPE*, II, N 356.

⁴ *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея (1948).— *КСИИМК*, 1950, XXXIII, с. 26 и сл.

⁵ *Latyshev B.* Brevis conspectus historiae regni Bosporani.— *IOSPE*, 1890, II, p. XXXVII et s.

⁶ Из последующих боспорских правителей, видимо, удостоился обожествления царь Савромат I (93—123 гг. н. э.), как это можно заключить на основании посвящения ему одной постройки, вероятно, небольшого храма (*IOSPE*, IV, № 202).

⁷ *Орешиников А. В.* Экскурсы в область нумизматики черноморского побережья.— *Нумизматический сборник* М., 1915, т. III, с. 39 и сл.; *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.— *Древности* М., 1916, XXV, с. 14 и сл.

⁸ *Strab.*, XI, 2, 10. ⁹ *Suet.*, II (Augustus), LX.

¹⁰ *IOSPE*, II, N 354.

¹¹ *IOSPE*, II, № 26, 27, 29, 34, 36, 38, 39, 41—46, 52, 54, 353, 355, 357, 358, 360, 401, 402, 422, 432, 433, 437, 438, 445, 449, 450, 452, 455, 491; *IOSPE*, IV, № 194, 204, 421, 446, 447.

¹² *IOSPE*, II, N 40.

¹³ *Latyshev B.* Brevis conspectus..., p. XLIII.

¹⁴ *IOSPE*, II, N 32.

¹⁵ *IOSPE*, II, № 355; *Латышев В.* Эпиграфические новости из Южной России. (Находки 1909 и 1910 годов).— *ИАК*, СПб., 1910, вып. 37, с. 70 и сл., № 7.

¹⁶ *IOSPE*, II, № 39, 352. К этому времени, возможно, относится: *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов).— *ИАК*. 1904, вып. 10, с. 29 и сл., № 22.

¹⁷ *IOSPE*, II, N 41.

¹⁸ *Зюграф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951, с. 202 и сл., табл. XLVII, 17, табл. XLVIII, 4; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 161 и сл., рис. 47 (увеличенное изображение монеты).

¹⁹ *Карышковский П. О.* Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным.— *ВДИ*, 1953, № 3, с. 184 и сл.

²⁰ Выпуск этих монет был приурочен к восстановлению храма после пожара 69 г. н. э. (*Plut. Poplic.*, 15). Согласно свидетельству Тацита, Капитолийский храм после реставрации сохранил прежний облик. (*Tac. Hist.*, IV, 53). Редкие сестерции Отона, чеканенные до пожара Капитолийского храма, подтверждают это предположение (*Шугаевский В.* Медальонообразный сестерций императора Отона.— *Нумизматический сборник* М., 1915, т. III, с. 203 и сл., рис. 1).

²¹ *Donaldson T. L.* Architectura Numismatica, or Architectural medals of classic antiquity. London, 1859, p. 6 et s., N 3.

²² *Latyshev B.* Brevis conspectus..., p. XLIII, note 1.

²³ *Saglio E.* Capitolum.— *Daremberg Ch. et Saglio E.* Dictionnaire... II, p. 905 et s.; *Wissowa.* Capitulum.— *RE*, III, Sp. 1538 ff.

²⁴ *Brandis.* *Agrippa* c. *RE*, II, Sp. 478.

²⁵ *IOSPE*, II, № 362; *Латышев В.* Дополнения и поправки к надписям, изданным в

- сборнике «Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini», т. I, II и IV.— ИАК, 1904, вып. 10, с. 93 и сл., к № 362; Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. I. Fasc. V (R. Cagnat). Paris, 1906, N 904.
- ²⁶ Saglio E. Caesarea. Daremberg Ch. et Saglio E. Dictionnaire..., II, p. 811.
- ²⁷ Ptol., III, 5, 12.
- ²⁸ Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. СПб. 1913—1914, с. 355 и сл., 370 и сл., табл. XC—XCI.
- ²⁹ Schneider K. Gladiatores.— RE. Supplementband, 1918, III, Sp. 769 ff.
- ³⁰ Studia Pontica, III, fasc. I. Bruxelles, 1910, p. 7; Mihailov G. IGB, Serdicae, 1958, II, N 660. См. также: Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. (R. Cagnat). Paris, 1908, IV, fasc. I, N 103, 106.
- ³¹ Ростовцев М. Античная декоративная живопись..., с. 357, 373 и сл.
- ³² Достойно внимания, что Светоний, говоря о посвященных Августу храмах и жертвенниках, упоминает и устройство публичных игр (ludi), вероятно, гладиаторских (Suet. II, LIX).
- ³³ Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia. Oxford, 1895, p. 55 f., p. 76 f.
- ³⁴ Robert L. Hellenica. Recueil d'épigraphie, de numismatique et d'antiquités grecques. Paris, 1948, V, p. 81 et s., N 318.
- ³⁵ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 138 и сл.

АФИНСКИЕ ТИРАНОФИЛЫ КОНЦА VI — НАЧАЛА V В. ДО Н. Э.*

Наш очерк посвящен некоторым явлениям, возникшим в той сложной и неустойчивой обстановке, которая сложилась в Афинах в конце VI — начале V в. до н. э.; мы имеем в виду наблюдавшиеся в это время различные проявления тиранофильских течений.

Прежде всего остановимся на событиях после падения тирании Писистратидов в 520 г. до н. э. Последовавшая за уходом Гиппия внутренняя борьба¹ в Аттике завершилась изгнанием отряда спартанцев из Афин и возвышением вождя демоса Клизфена. Согласно Геродоту², в это время афиняне, опасаясь войны с лакедэмонянами, отправили послов в Сарды для заключения союза с персами; в ходе переговоров с наместником Сард послы обещали, что афиняне дадут «царю Дарию землю и воду», т. е. признают его господство; по возвращению на родину афинские послы подверглись сильному осуждению (αἰτίᾱ μεγάλῃ).

Нет оснований сомневаться в том, что афинское посольство и данный им ответ о подчинении царю были действительно совершившимися фактами, но скоро об этом писал Геродот, известный не только проаттической, но и проалкмеонидской³ ориентацией.

А priori трудно предполагать, чтобы послы в таком важном деле, как подчинение своего государства другой державе, могли действовать только на свой риск. Также сомнительно, чтобы послы, самовольно совершившие столь большую ошибку, не подверглись более серьезной каре, чем осуждение. Наконец, судя по молчанию Геродота, этот договор не был официально отвергнут⁴ Афинами.

* Блаватский В. Д. Афинские тиранофилы конца VI — начала V в. до н. э. — *Melanges offerts à K. Michalowski*. Warszawa, 1966, s. 281—285.

Так или иначе описанные события показывают, что, во всяком случае, сами послы вполне допускали возможность подчинения Афин персидскому царю. Казалось бы, что все сколько-нибудь дальновидные афиняне должны были бы понимать невозможность равноправного союза между Афинами (конца VI в. до н. э.) и могучей Персидской монархией, подчинившей большую часть ионийских полисов. Опыт недавней поддержки Спарты, повлекшей за собой ее вмешательство во внутренние дела афинян, был достаточно поучителен.

Все это показывает, что в рассматриваемое время в Афинах были группы граждан, считавших: одни — желательным, другие — возможным или даже неизбежным подчинение Персии. Мотивы, определявшие такие позиции, могли быть не одинаковыми. Вероятно, уже тогда проперсидской ориентации⁵ придерживались оставшиеся сторонники тирании⁶; наличие таких $\phi\iota\lambda\omicron\iota\ \tau\omicron\nu\ \tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\omega\nu$ надежно засвидетельствовано Аристотелем⁷.

Еще более должны были усилиться персофильские настроения у «друзей тиранов» после удаления Гиппия в Персию⁸, дабы убедить царя идти походом на Афины. Традиционная для персидской политики поддержка тиранов в ионийских полисах давала основание Гиппию и его сторонникам надеяться на восстановление с помощью царя тирании в Афинах, конечно, ценой подчинения их Персии.

Судя по доступным нам источникам, в Афинах после удаления Гиппия не было каких-либо открытых выступлений в пользу тирании или Персии. Однако мы можем подметить некоторые косвенные свидетельства завуалированного проявления таких наклонностей.

В истории античного общества известны случаи, когда та или иная прическа или одежда были в известной мере связаны с политическими симпатиями. Примерами могут служить: обычай афинских аристократов-лаконофилов носить длинные волосы, что вызывало неодобрение демоса⁹, или же бритый ольвиополит — приверженец Рима, порицаемый его согражданами¹⁰.

✓ В связи с этим заслуживает внимания фрагментированная статуя всадника № 606, найденная на афинском Акрополе при раскопках «персидского мусора». В отличие от других конных фигур с Акрополя этот всадник изображен в плотно прилегающей к телу восточной одежде¹¹, расцвеченной пестрыми узорами. Ф. Студничка, посвятивший этой статуе специальную работу¹², справедливо подметил, что костюм всадника отвечает персидской одежде, известной по описанию Геродота¹³. Однако другой вывод того же ученого, что статуя представляет изображение перса¹⁴, поставленное на Акрополе в память марфонской победы, должен быть отвергнут¹⁵. Винтер¹⁶ в противовес мнению Студнички выдвинул предположение, что конная статуя изображает молодого афинянина, вернувшегося из Херсонеса Фракийского, где он по «политическим» соображениям носил местный костюм. Эта одежда указывала на события, связанные с посвящением статуй Афине. С этим мнением нельзя согласиться, ибо акропольский всадник № 606 одет явно в восточный, а не фракийский костюм¹⁷.

Все это приводит к выводу, что афинянин, посвятивший статую № 606, вероятно, иногда носил персидский костюм, хотя бы при верховой езде.

О некотором распространении «персидской моды» среди афинской знатной молодежи в конце VI в. до н. э. говорит и роспись оксфордского краснофигурного блюда с изображением всадника¹⁸. Примечательно, что эти афиняне не только могли свободно показываться в «персидском» обличье, но и посвятить в таком виде свое изображение патрону города — Афине.

Нужно думать, что в течение последнего десятилетия VI в. до н. э. и в самом начале V в. до н. э., когда афиняне оказывали поддержку ионийскому восстанию, персофильствующие «друзья тиранов» были вынуждены бездействовать. Иное положение сложилось в конце первого десятилетия, когда персидское войско, при котором находился Гиппий¹⁹, готовилось к нападению на Аттику.

Обычно исследователи, излагающие историю 1-й и 2-й греко-персидских войн, не делают между ними качественного различия. Нам представляется, что это вряд ли справедливо. Трудно сомневаться в больших размерах персидского войска, которое пришло в Грецию в 480 г. Об этом надежно свидетельствует Фукидид²⁰, да и Геродот²¹, вне зависимости от того, во сколько раз преувеличены²² им размеры сухопутных и морских сил Ксеркса.

По-иному обстоит дело с битвой при Марафоне. Геродот не сообщает нам никаких сведений о численности ни афинского²³, ни персидского войска, ограничиваясь лишь замечанием о больших размерах последнего²⁴. Фукидид, в молодости имевший возможность получать сведения от участников этого сражения, упоминая о Марафонском бое²⁵, ничего не говорит о величине персидского войска, между тем как буквально в следующей фразе²⁶ он сообщает о больших размерах персидских сил, напавших на Элладу через десять лет. Следует также принять во внимание, что доставка войска морем не могла не лимитировать размеры персидского десанта. К тому же персы²⁷ на всем пути от Ионии до Аттики нигде не встречали сколько-нибудь серьезного сопротивления, за исключением Еретрии, но и там им оказало большую помощь предательство двух знатных граждан. Все сказанное наводит на мысль, что персидское войско, принимавшее участие в походе 490 г. до н. э., было сравнительно небольшим. Вполне возможно²⁸, что оно равнялось афинскому или даже было несколько меньше. В противном случае афиняне вряд ли начали сражение, не дожидаясь прихода спартанцев, которые прибыли бы вскоре после боя²⁹. Снаряжая этот поход, персы, вероятно, рассчитывали на поддержку внутренних сил, подобных тем, на кого опирались тираны в ионийских городах Малой Азии.

Таким образом, намечается вывод, что конечной целью персидского похода 490 г. было захватить Афины и посадить там в качестве тирана своего ставленника Гиппия; последний во время своих многолетних хлопот об этом походе, видимо, обещал энергичную поддержку своих сторонников, сильно преувеличив их возможности³⁰.

Согласно Геродоту³¹, Гиппий избирает местом высадки персов Марафонскую долину, как наиболее удобную местность для действия персидской конницы. Нужно думать, что Гиппий руководствовался не только этим соображением. В Марафоне и расположенном невдалеке от него Бравроне находились владения Писистратидов³², и Гиппий мог надеять-

ся на помощь своих приверженцев. В то же время поспешность, с которой афинские военачальники дали сражение, не дождавшись прихода спартанцев, делает возможным предположение, что какие-то опасения, связанные с внутренней обстановкой в Аттике, все же могли существовать.

Знаменательно бездействие персов³³ в течение нескольких дней после высадки у Марафона и то, что сражение произошло по инициативе афинян³⁴. Видимо, персы ожидали, что появление их в Аттике вызовет мощное движение в пользу тирании и даже не очень большой десант сможет захватить Афины.

Надежды Гиппия и персов не сбылись; однако победа афинян под Марафоном отнюдь не означала полного разгрома противника³⁵. Напротив, потеряв только семь кораблей, персы сели на остальные суда и ушли в море, намереваясь идти на Афины.

Геродот³⁶ сообщает, что когда персы всходили на корабли, в виду их был поднят щит. По подозрениям афинян это был сигнал, данный Алкмеонидами³⁷; но самому Геродоту это мнение казалось невероятным³⁸. Так или иначе сигнал был дан проперсидски настроенными афинянами. Следуя ему или по другой причине, персидский флот пошел под Афины и простоял там некоторое время; очевидно ожидая каких-то благоприятных событий, и, не дождавшись их, ушел обратно в Азию³⁹.

Неудача ставки Дария на афинских тиранофилов вполне понятна. За двадцать лет, прошедших после падения тирании в Афинах, вызванного военным вмешательством Спарты, в Аттике изменилось слишком многое, особенно в результате реформ Клисфена. Афины вступили на путь демократии, и возврат к тирании был теперь невозможен. Последовавшее вскоре предание ostracismu⁴⁰ главарей партии «друзья тиранов» в Афинах нанесло ей окончательный удар.

¹ Herod., V, 72; Arist. respubl. Ath. XX, 1—4.

² Herod., V, 73.

³ Хвостов М. М. О социальном характере афинской тирании VI века.— В кн.: Сборник статей в честь Корсакова. Казань, 1913, с. 461, примеч. 3.

⁴ Правда, это еще не означает, что договор был ратифицирован Афинами (Berve H. Miltiades, Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit.— In: Hermes Zeitschrift für Philologischen Einzelschriften. Berlin, 1937, H. 2, S. 71, 72, N 1). Однако императивный тон персидского представителя при последующих переговорах в Сардах (Herod., V, 96) побуждает думать, что афиняне не извещали персов о том, что их послы самовольно обещали «землю и воду».

⁵ Как справедливо отмечает Эд. Майер, Гиппий, еще возглавлявший Афины, был вместе с тем тираном Сигея, а в качестве последнего являлся подчиненным персидскому царю (Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1954, III, S. 738).

⁶ Сопrotивление, оказанное Гиппием вооруженному вмешательству Спарты в 510 г. до н. э., показывает, что его поддерживали не только наемники, но и часть населения Аттики (Herod., V, 63—65; Thuc., VII, 59, 4; Arist., respubl. Ath., XIX, 4—6).

⁷ Аристотель говорит, что афиняне оставляли жить в городе тех из φιλοι τῶν τυράννων, которые не были соучастниками преступлений тиранов (Arist., respubl. Ath., XXII, 4). Во главе их был родственник Гиппия — Гиппарх, сын Харма. Именно имея его в виду, Клисфен провел закон об ostracismе, примененный через 2 года после Марафонского сражения; при этом в первые годы три раза подряд были изгнаны ostracismом друзья тиранов (Arist., respubl. Ath., XXII, 3 et 6).

⁸ Herod. V, 96.

⁹ Об этом обычае имеется упоминание в речи Лисия в защиту Мантифея (Lys., XVI.

- 18); о том, что спартиаты носили длинные волосы, свидетельствует Геродот (V¹¹ 208—209).
- ¹⁰ *Dion. Chrys.*, or. XXXVI, 17.
- ¹¹ См. изображения восточных воинов, возможно, персов: *Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen* München, 1923, III, S. 69, Abb. 262; S. 148, Abb. 434. Очень близкий костюм можно видеть и на изображениях восточных вонительниц амазонок (*Pfuhl E. Malerei...*, S. 123, Abb. 395; S. 185, Abb. 501).
- ¹² *Studniczka F. Ein Denkmal des Sieges bei Marathon.*—JDAI, 1891, VI, S. 239 f.
- ¹³ *Herod.*, V, 61.
- ¹⁴ *Studniczka F. Ein Denkmal...*, S. 245. Это мнение поддержал: *Collignon M. Histoire de la Sculpture Grecque*. Paris, 1892, I, p. 358 s.
- ¹⁵ Трудно допустить, чтобы афиняне, после победы над персами, позволили поставить в качестве ее памятника на самом священном месте — Акрополе—изображение их врага, уверенно сидящего на коне. Такой памятник создавал бы впечатление, противоположное его назначению. Студничка (*Ein Denkmal...*, S. 246) пытался подкрепить свои положения ссылкой на сообщение Павсания (*Paus.*, III, 11, 3) о статуях персов, поставленных в Спарте в ознаменование победы над ними; однако Витрувий (*Vitr.*, I, 1, 6) сообщает, что эти фигуры персов представляли пленников, поддерживавших крышу здания. Наконец, акропольская статуя всадника № 606 не могла быть памятником Марафонского сражения, ибо она была поставлена не позднее конца VI в. до н. э.
- ¹⁶ *Winter F. Archaische Reiterbilder von der Akropolis.*—JDAI, 1893, VIII, S. 140 f.; 151 f. Это мнение поддержал: *Павловский А. А. Скульптура в Аттике до греко-персидских войн*. СПб., 1896, с. 259, 260.
- ¹⁷ Характерной особенностью фракийской одежды является узорный плащ, как об этом свидетельствует роспись келебы, представляющая Орфея среди фракийцев (*Pfuhl E. Malerei...*, III, S. 217, Abb. 554). Рисунок на одном из киликов Евфрония показывает, что в таких плащах ходили и афинские всадники (*Pfuhl E. Malerei...*, III, S. 121, Abb. 391). Между тем на рассматриваемой статуе нет никаких признаков подобной одежды.
- ¹⁸ *Gardner P. Catalogue of the Greek Vases in the Ashmolean Museum*. Oxford, 1893, pl. 13, 1; уже Студничка обратил внимание на некоторую близость акропольской статуи всадника и изображения на блюде Ашмольанского музея (*Studniczka. Op. cit.*, S. 248); более того, названный ученый допускал возможность видеть в рисунке на этом блюде изображение одной фигуры из целой группы конных статуй, стоявших на Акрополе.
- ¹⁹ *Herod.*, VI, 102. ²⁰ *Thuc.*, I, 18, 2.
- ²¹ *Herod.*, VII, 60, 87.
- ²² Критерием в некоторой мере служит, нужно думать, довольно близкое действительности свидетельство Геродота (VIII, 43—48) о числе греческих гоплитов (38 700), сражавшихся под Платеями (*Herod.*, IX, 28—29). Г. Дельбрюк полагает, что силы Мардония, которыми он располагал под Платеями, были по числу примерно равны войскам греков, число которых он без особых доказательств считает возможным свести к 20 000 гоплитов. (*Дельбрюк Г. История военного искусства*. М., 1936, I, с. 108). Как нам представляется, нет особых оснований столь сильно сокращать число греческих гоплитов, указанное Геродотом. Значительно труднее говорить о персидском войске и их союзниках. Однако принимая во внимание, что оно пришло в Грецию по суше, а не переправлялось по морю, нам представляется возможным допустить численный перевес персов над греками.
- ²³ Эти сведения приведены у позднейших авторов: *Just.*, II, 9; *Paus.*, X, 20, 2; *Corn. Nep.*, Milt., 5, 1.
- ²⁴ *Herod.*, VI, 95. ²⁵ *Thuc.*, I, 18, 1.
- ²⁶ *Thuc.*, I, 18, 2. ²⁷ *Herod.*, VI, 96—101.
- ²⁸ *Дельбрюк. История...*, с. 77. ²⁹ *Herod.*, VI, 120.
- ³⁰ Небезынтересно, что Геродот вкладывает в уста Мильтиада слова, что если не будет дано сражение, то умы афинян придут в смущение и они склонятся на сторону мидян (*Herod.*, VI, 109).
- ³¹ *Herod.*, VI, 102.
- ³² *Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э.* М., 1964, с. 21 и сл.
- ³³ *Herod.*, VI, 110. ³⁴ *Herod.*, VI, 111.

- ³⁵ Согласно Геродоту, персы обратили в бегство середину афинской боевой линии, но на флангах одержали верх афиняне и платейне (*Herod.*, VI, 113). Далее, если под Марафоном пало 192 афинянина, то указанное Геродотом число убитых персов — около 6400 — несомненно преувеличено (*Herod.*, VI, 117).
- ³⁶ *Herod.*, VI, 115.
- ³⁷ К. К. Зельин показал, что Алкмеониды не занимали принципиальной позиции, а действовали в зависимости от политической ситуации (*Зельин К. К. Борьба...*, с. 144 и сл.).
- ³⁸ Г. Глотц также считает необоснованными попытки приписать «сигнал щитом» Алкмеонидам (*Glötz G. Histoire Grecque. Paris, 1948, II, p. 39*). Впрочем, нельзя забывать о склонности Геродота поддерживать версии, благоприятные для Алкмеонидов (*Хвостов М. М. О социальном характере...*, с. 461, пр. 3).
- ³⁹ *Herod.*, VI, 116. ⁴⁰ *Arist.*, *respubl. Ath.*, XX, 6.

ОСНОВАНИЕ АПОЛЛОНИИ ИЛЛИРИЙСКОЙ *

Аполлония находилась ¹ на южной окраине Иллирии, в области Тавлантиев, в нижнем течении реки Аоя ('Αώς) на расстоянии от Адриатического моря 50 стадий, по Псевдо-Скилаку ², 60 стадий, по Страбону ³, и в четырех «тысячах шагов», по Плинию ⁴. Город, согласно Страбону ⁵, стоял в 10 стадиях от Аоя. Местоположение Аполлонии на холме, около нынешней деревни Пояни, было установлено В. Ликом ⁶ (в 1805 г.) и Ф. Пукевиллем ⁷ (в 1806 г.).

Мнения современных ученых по вопросу о дате возникновения Аполлонии весьма различны. Часто основание ее относят к первому году 48-й олимпиады (т. е. 588 г. до н. э.) ⁸; однако датируют также и концом VII в. до н. э. ⁹, и около 600 г. до н. э. ¹⁰, и, наконец, примерно 1-й половиной VI в. до н. э. ¹¹ Единственное краткое свидетельство Плутарха ¹² показывает, что Аполлония уже существовала незадолго до смерти Перикла (т. е. до 585 г. до н. э.). Археологические исследования не противоречат датировке основания Аполлонии первыми десятилетиями VI в. до н. э. ¹³.

Аполлония возникла тогда, когда в западных морях уже существовал ряд греческих городов. Примерно в 733/2 гг. до н. э. Коринф основал ¹⁴ апойкии Коркиру и Сиракузы. При Кипселе (655—615 гг. до н. э.) возникли Левкада, Анакторий и Амбракия ¹⁵. Около 625 г. до н. э. было положено начало Эпидамну ¹⁶. Таким образом, выбору места для Аполлонии должно было предшествовать хорошее знакомство эллинских мореходов с восточными берегами Адриатического моря. Достоин внимания, что в отличие от Эпидамна, основанного на самом берегу Адриатики, Аполлония, возникшая через несколько десятилетий, была расположена в нескольких километрах от моря. Это знаменовало новую фазу обоснования греков в Южной Иллирии, которая почти непосредственно предшествовала греческому проникновению в Северную Иллирию ¹⁷.

Согласно Фукидиду ¹⁸, Плинию Старшему ¹⁹, Диону Кассию ²⁰ и Стефану Византийскому ²¹, Аполлония была основана коринфянами. Страбон ²² и, вероятно, Павсаний ²³ считали основателями Аполлонии корин-

* *Blavatski V. D. Osnivanje Apolonije Ilirske. — Vjesnik za archeologiju i historiju dalmatinsku, Split, 1966, LXVIII, s. 143—146.*

фян и коркирян. Несколько неясное свидетельство Плутарха²⁴ позволяет предполагать, что некоторое отношение к основанию Аполлонии имел коринфский тиран Периандр.

Сказанное побуждает думать, что апойкию выводили коринфяне, однако в числе первых поселенцев были коркиряне, возможно в значительном числе²⁵.

В VII—VI вв. до н. э., да и позднее, Коркира враждовала с Коринфом²⁶. Не позднее 663 г. до н. э.²⁷ произошло морское сражение между коринфянами и коркирянами. Этот антагонизм между Коринфом и соперничавшей²⁸ с ним его апойкией — Коркирой не должен был препятствовать заселению Аполлонии выходцами из обоих городов. Ведь в основном коркирянами Эпидамне ойкистом был коринфянин Фалий из рода Гераклидов²⁹. К тому же, во время возникновения Аполлонии Коркира находилась под властью коринфского тирана Периандра³⁰.

Доступные нам источники почти не говорят об обстоятельствах возникновения Аполлонии. Существует предположение³¹, что основателем ее был «изгнанник Ликофон». Это предположение, видимо, было порождено сообщением Геродота³² об отправке Периандром своего сына Ликофона на Коркиру, где последний жил до убийства его коркирянами. Но Геродот не говорит о предоставлении Ликофону власти над Коркирой, которая, нужно думать, продолжала оставаться в зависимости от коринфского тирана.

Стефан Византийский³³ сохранил свидетельство, что Аполлония первоначально была иллирийским поселением, а после того, как Гилак (Γύλαξ) вывел туда в апойкию 200 коринфян, она получила название Γύλακία. Конечно, сообщение Стефана о столь странном наименовании иллирийского поселения и последующем переименовании его греками нужно решительно отвергнуть. Что же касается существования на месте Аполлонии иллирийского поселения, то оно пока не получило надежного подтверждения, а находки до-греческого времени на территории города ограничиваются бронзовым кельтом, обнаруженным при раскопках 1959 г. Однако Аполлония раскопана далеко не достаточно, да и в возможности существования поселения иллирийцев нет ничего невероятного, ибо многие апойкии были на местах поселений автохтонов. Весьма интересны сведения о числе коринфских поселенцев, только, к сожалению неизвестно, из какого источника их почерпнул Стефан Византийский. Вернемся к наименованию Γύλακία, которое может быть пояснено посредством надгробия³⁴ первых веков нашей эры, вероятно найденного около Аполлонии. В эпитафии, высеченной на этом памятнике, говорится, что умерший был уроженцем Патр, а прах его лежит на Γύλακίον πεδίον. Видимо, так называлась равнина около Аполлонии. Происхождение этого названия трудно связать с именем Γύλαξ, не засвидетельствованным в других источниках, помимо Стефана Византийского³⁵. Видимо, в византийское время значение термина Γύλακίον было неясно, в результате чего и возник домысел о существовании Гилака — основателя апойкии.

Предложенное в словаре В. Папе и Г. Бензлера³⁶ сопоставление имени Γύλαξ со словом ὄλαξ (ворчун) лишено достаточных оснований³⁷. Нам предоставляется гораздо более убедительным искать объяснение терми-

ну Γυλάκιον в таких словах, как γυλαῖχην (с длинной шеей), γύλιος или γυλιός (солдатская походная сумка)³⁸, в уменьшительной форме Γυλάκιον («Сумочка»), в чем, видимо, заключалось указание на протяженность в длину. Такое название вполне согласовалось с характером расположенной возле Аполлонии равнины, вытянутой вдоль Адриатического моря.

Условия поселения греков на территории тавлантиев нам не известны. Занятая полисом земля была разделена на участки—клеры, розданные гражданам. Существование клеров у аполлониагов отмечено Геродотом³⁹ при повествовании о событиях, видимо, конца VI в. до н. э.

Возникновение Аполлонии связано с потоком дорийских переселенцев, направлявшихся на запад. Большая часть их устремилась на юг Апеннинского полуострова и в Сицилию. Другой волной было захвачено восточное побережье Адриатики.

¹ Ps. Scyl. 27.

² Ps. Scyl. 27.

³ Strab., VII, 5, 8.

⁴ Plin. N. H., III, 23.

⁵ Strab. VII, 5, 9.

⁶ Leake W. M. Travels in Northern Greece. London, 1835, vol. 1, p. 368 f.

⁷ Pouqueville F. C. H. L. Voyage dans la Grèce. Paris, 1926—1927², p. 354.

⁸ Hirschfeld. Apollonia.—RE, II, Sp. 112; Praschniker C., Schober A. Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Wien, 1919, S. 71; Praschniker C. Muzakhia und Malakastra.—Jahresh., 1922, XXI—XXII, S. 37. О других работах см.: Compernelle M. van. La date de la fondation d'Apollonie d'Illyrie.—L'Antiquité Classique, 1953, XXII, p. 64.

⁹ Pöhlmann R. Grundriss der Griechischen Geschichte nebst Quellenkunde. München, 1906, S. 44.

¹⁰ Beaumont R. G. Greek influence in the Adriatic sea before the fourth century B. C.—JHS, 1936, LVI, p. 168 f., N 67, 69; Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité². Paris, 1957, p. 274; Compernelle M. van. La date..., p. 64.

¹¹ Casson S. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926, p. 322.

¹² Plut. de sera num. vind., VII.

¹³ Praschniker C. Muzakhia..., S. 33 f.; Rey L. Fouilles de la Mission Française à Apollonie d'Illyrie (1930—1931). Exploration de la nécropole.—Albania. Revue d'archéologie, d'histoire, d'art et des applications en Albanie et dans les Balkans. Paris, N 4, 1932, p. 7 s., p. 16; Blawatsky W. D. Ausgrabungen in Apollonia in Illyrien (1958).—Klio. Beiträge zur Alten Geschichte, 1962, Bd. 40, S. 276, 280 f., S. 284.

¹⁴ Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948, p. 13 f., p. 436.

¹⁵ Strab., VII, 7, 6; X, 8, 2; Ps. Scymn. v. 454.

¹⁶ Euseb. Chron. 88 s.

¹⁷ Parović-Pešikan M. Pitanje periodizacije antičke arheologije u našoj zemlji.—Materijali IV. VII Kongres arheologa Jugoslavije. Herceg-Novi, 1966. Beograd, 1967. s. 140—141.

¹⁸ Thuc., I, 26, 2.

¹⁹ Plin. N. H., III, 23.

²⁰ Dio Cass., X, fr. 42 et XLI, 4, 5, 1.

²¹ Steph. Byz. 'Απολλωνία ἢ κατ' 'Επίδαμνον.

²² Strab., VII, 5, 6.

²³ Paus. V, 22, 3.

²⁴ Plut., de sera num. vind., VII.

²⁵ Curtius E. Griechische Geschichte. Berlin, 1935, S. 314.

²⁶ Herod., III, 49.

²⁷ Thuc., I, 13, 4.

²⁸ Glotz G. Histoire Ancienne. Histoire Grecque. Paris, 1925, I, p. 324.

²⁹ Thuc., I, 24, 1—2.

³⁰ Herod., III, 52.

³¹ Glotz G. Op. cit., p. 322.

³² Herod., III, 52—53.

³³ Steph. Byz. 'Απολλωνία ἢ κατ' 'Επίδαμνον.

- ³⁴ *Patsch C.* Das Sandschak Berat in Albanien.— *Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung*, 1904, III, S. 193, Abb. 177.
³⁵ *Pape W., Benseler G. E.* Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911, S. 261.
³⁶ *Ibid.*
³⁷ *Schwyzler Ed.* Griechische Grammatik auf der Grunde von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. München, 1950, II, s. 291 f., S. 303 f.
³⁸ Изображение сумки см.: *Pühl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, III, S. 156, Abb. 449.
³⁹ *Herod.*, IX, 94.

ВОЗЗРЕНИЯ БОСПОРСКОГО АНОНИМНОГО ИСТОРИОГРАФА КОНЦА IV В. ДО Н. Э.*

Боспорская историческая наука нам почти неизвестна, поэтому заслуживает внимания каждое, даже отраженное, свидетельство об исторических воззрениях боспорцев.

В этом очерке мы остановимся на 22—26-й главах XX книги Βιβλιοθήκη Диодора Сицилийского, в которых описаны междоусобие сыновей боспорского царя Перисада I и правление победившего в этой борьбе Евмела.

Вне зависимости от того, через посредство какого автора Диодор почерпнул это свидетельство, вряд ли можно сомневаться в том, что первоисточником был труд местного историка¹. Вероятно, потребность в своем историографе на Боспоре была вызвана появлением ряда биографов Александра Великого.

Указанные главы Диодора обычно привлекают в качестве источника для изучения событий на Боспоре в конце IV в. до н. э., а лежащий в их основе труд считают панегириком, посвященным Евмелу. Наша задача несколько иная, а именно попытаться выявить исторические воззрения Боспорского Анонима, единственным источником для чего может служить наблюдение за подбором описанных у Диодора событий и отношение к ним автора.

Изложим кратко текст Диодора.

В начале 22-й главы говорится, что по смерти Перисада возникла война между его сыновьями; старший из них, Сатир, унаследовал власть от отца. Однако другой брат, Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варваров, стал оспаривать власть у Сатира. Далее описаны военные приготовления обоих братьев; затем повествуется о сражении при реке Фате (... καὶ διαβὰς τὸν Θάψιν ποταμὸν ...): успешные действия Евмела на одном из флангов оказались безрезультатными благодаря решительным ударам, нанесенным конницей Сатира сначала центру неприятельского войска, а затем и флангу Евмела. Глава завершается следующими словами: ... ὥστε πᾶσι γινέσθαι φανερόν ὅτι καὶ

* *Blowatsky W. D.* Anschauungen des Bosporanischen Anonymus vom Ende des IV Jh. v. u. Z. — *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest, 1968, S. 73—77.

κατὰ γένος καὶ κατ' ἀρετὴν προσήκων ἣν αὐτῷ διαδέχεσθαι τὴν πατρῴαν βασιλείαν — после того как Сатир вторично стал виновником победы, всем стало ясно, что и по происхождению и по доблести он достоин наследовать царскую власть.

В 23-й главе повествуется о бегстве остатков войска Евмела и его союзников в укрепление Фатеев, военных действиях Сатира, захвате им большой добычи в варварской стране и осаде труднодоступного укрепления Фатеев войсками Сатира, во время которой доблестно погиб сам Сатир.

В 24-й главе описывается борьба, которую вел Евмел с помощью варваров против принявшего царскую власть другого брата, Притана, и гибель последнего. Затем говорится, что после смерти братьев Евмел, желая упрочить свою власть, приказал убить друзей Сатира и Притана, их жен и детей. Эти убийства вызвали негодование граждан: ἀγανακτοῦντων δὲ τῶν πολιτῶν ἐπὶ τῇ φωνῇ τῶν οἰκείων ..., что побудило Евмела собрать народное собрание, на котором он обещал восстановление παῖς τοῦ πολιτεῖα и предоставление ἀτέλεια гражданам Пантикапея. Глава завершается сообщением, что Евмел своими благодеяниями быстро заслужил всеобщее расположение и, правя в дальнейшем согласно законам, возбуждал удивление своими достоинствами.

В 25-й главе повествуется в панегирическом тоне о благодеяниях, которые оказал Евмел эллинам, его успешных завоеваний и неосуществленных намерениях еще более расширить государство; в заключение описана гибель этого царя.

Как показывает краткое изложение текста Диодора, там нет оценок деятельности Евмела от лица автора, что позволяет предполагать отсутствие их и у Анонима. Поэтому нужно думать, что свой взгляд на Евмела и Сатира Аноним выразил в подборе сообщенных им фактов, а также в указании, какое впечатление производили на современников те или иные поступки сыновей Перисада.

Прежде всего заметно, что отношение боспорского историка к Евмелу не было постоянным. В первый период, вплоть до того времени, когда Евмел собрал народное собрание, Боспорский Аноним стремится придать претенденту весьма неприглядный облик. В противоположность старшему брату Сатиру II, который законно наследовал власть, был хорошим полководцем, одержал победу при Фате, захватил большую добычу в варварской стране и доблестно погиб, выручая своих наемников, Евмел совершает почти сплошь неблагоприятные поступки. Так, Евмел начал войну против законного наследника — царя Сатира II, прибегнув ради этого к помощи варваров. Хотя он и достиг некоторых успехов в битве при Фате, однако они оказались совершенно бесполезными, и, потерпев поражение, Евмел со своими воинами бежал в варварское укрепление. В борьбе с Пританом Евмелу снова помогают варвары. Эта постоянная связь Евмела с варварами не могла не производить неблагоприятное впечатление на греческого читателя.

После победы на Пританом Евмел выступает в особенно неблагоприятном облике, когда он учиняет кровавую расправу над друзьями своих братьев и не щадит даже женщин и детей, что вызывает негодование граждан.

Картина резко меняется после того, как Евмел созывает народное собрание, на котором обещает гражданам восстановить *πάτριος πολιτεία* и предоставить им *ἰτέλεια*. В ближайшее время после этого он привлекает к себе расположение граждан и в течение дальнейшего царствования вызывает удивление своими достоинствами.

Далее благодеяния Евмела не ограничиваются только гражданами Боспора, но распространяются и на большинство эллинов по берегам Понта, и купцы разносят молву о его великодушии. Наконец Евмел рисуется как талантливый правитель, успешно расширивший пределы своего государства, который несомненно покорил бы все припонтийские племена, если бы этому не помешала преждевременная смерть.

Столь большое различие в отношении к деятельности Евмела нельзя объяснить наличием двух различных источников, один из которых освещает историю междоусобной войны, а другой — правление Евмела. Этому противоречит характер изложения всего исследуемого эпизода и особенно 24-я глава, которую решительно невозможно расщепить надвое. В силу этого нужно искать иное объяснение. Нужно думать, что источником Диодора послужил пересказ труда боспорского хронографа, постепенно описывавшего события, свидетелем которых он был, и не подвергавшего в дальнейшем свои записи сколько-нибудь существенным изменениям. Затем следует учесть внутреннее положение в Боспорском государстве, которое в рассматриваемый период состояло из греческих городов и присоединенных местных племен Прикубанья. Это обстоятельство было причиной разнородности высшего слоя населения Боспора: гражданства греческих городов, особенно Пантикапея, с одной стороны, и подвергнувшейся некоторой эллинизации племенной знати — с другой. Вряд ли имеются основания сомневаться в том, что интересы обеих названных групп были противоречивы, доказательством чего служат известные случаи отпадения отдельных племен от Боспора.

Учитывая сказанное, нам кажется возможным выдвинуть предположение, что Аноним, бывший современником описанных Диодором событий, вероятно, являлся гражданином² одного из городов Боспора, скорее всего Пантикапея, а отношение боспорского историка к Евмелу менялось в зависимости от политики последнего.

Нужно думать, что гражданство Пантикапея было удовлетворено правлением отца Сатира II — Перисада I, проэллинская политика которого подтверждается афинским декретом в честь сыновей Левкона 346 года до н. э.³, проксениями Перисада⁴, речью Дейнарха против Демосфена, произнесенной в 324 г. до н. э.⁵, и свидетельством Страбона⁶ об обожествлении Перисада. Можно предполагать, что пантикапейцы ожидали от Сатира, законного преемника Перисада, продолжения политики его отца.

Появление претендента Евмела, который с помощью «некоторых варваров»⁷ пытался узурпировать боспорский престол, резко нарушив спартокидскую систему фамильного управления, не могло не насторожить пантикапейцев. Ведь наибольшую роль среди этих варваров играли фатен, ибо только о них одних идет речь, когда описывается война Евмела с Сатиром. Между тем взаимоотношения фатеев с Боспором

были весьма неустойчивыми. Согласно эпиграфическим данным, фатеи то входили⁸ в состав Боспорского государства, то отпадали⁹ от него.

Сказанное, нужно думать, определило симпатию Боспорского Анонима к Сатиру I и антипатию к Евмелу в течение всего времени от начала междоусобной войны до народного собрания, созванного в Пантикапее после расправы над всеми близкими Сатира и Притана. Евмел, очевидно, был реальным политиком и, захватив власть, ясно представил себе, что ему нельзя не считаться с оппозицией населения Пантикапея и других боспорских городов. Это побудило Евмела пойти на определенные уступки гражданству Пантикапея и прочих городов, что довольно быстро принесло ему популярность. Реальность программы Евмела проявилась также в его внутривосточной политике, что не могло не импонировать боспорскому гражданству.

Этим можно объяснить резкий перелом в отношении гражданина Пантикапея — Боспорского Анонима к ранее неприемлемому для него претенденту — Евмелу. Таким образом, мы приходим к выводу, что политика Евмела и изменение его ориентации на внутренние силы в Боспорском государстве всецело обуславливали отношение к нему Боспорского Анонима.

Если рассмотренные главы Диодора раскрывают политические взгляды Анонима, то как бы дополнением к ним служит конец 25-й и начало 26-й главы, которые позволяют ближе познакомиться с мировоззрением боспорского историка.

В конце 25-й главы рассказано, как Евмел погиб, пытаясь спрыгнуть с повозки, которую понесли лошади. В 26-й главе Диодор сообщает о прорицаниях относительно смерти Сатира и Евмела, которые он считает немногих наивными (*μικρὸν μὲν ἡλιθιώτεροι*), отмечая, что их принимают на веру местные жители (*ἐγχώριοι*). Поэтому можно думать, что историк Диодора почерпнул эти сведения также у Боспорского Анонима¹⁰.

В названной главе говорится, что оракул советовал Сатиру остерегаться мыши (*μῦς*). В силу этого Сатир не позволял никому из своих подданных носить имя *Μῦς* и, кроме того, всячески остерегался мышей. Эти предосторожности не спасли Сатира, он погиб от раны, нанесенной в мышцу (*μῦς*) руки. Получивший предсказание остерегаться двигающегося дома (*φερομένη οἰκία*), Евмел не входил ни в одно здание прежде, чем оно не было тщательно осмотрено, но это не спасло его: он погиб при попытке спрыгнуть с мчавшейся повозки.

В этих повествованиях о непонятных предсказаниях, которые становятся ясными лишь после рокового конца, выступает старая наивная традиция, восходящая ко временам Геродота¹¹. Видимо, в городах Северного Понта вкусы и воззрения дольше, чем в метрополии, сохраняли верность старине. Так, херсонесский историк Сириск, сын Гераклида, писавший в III в. до н. э., посвятил свой труд эпифанеям богини

Παρθένος — патрона Херсонеса, а также дипломатическим отношениям с другими государствами¹². Описавший Ольвию I в. н. э. Дион Хрисостом¹³ подчеркивает сохранение ее обитателями архаических вкусов и уклада жизни.

О некотором налете архаизма во вкусах на Боспоре говорит язык эпитафий¹⁴, а граффито на чернолаковой солонке из Пантикапея позво-

ляет заключить, что в IV в. до н. э. там на симпозиях читались эпические поэмы¹³.

Наконец, следует остановиться на одной фразе 25-й главы, где говорится, что Евмел задумал покорить все племена, окружающие Понт, и сделал бы это, если бы скоростная смерть не пресекла его жизнь. В этом рассуждении, нам кажется, можно видеть отголосок представлений о непреодолимой 'Ανάγκη греческой трагедии.

Таким выступает перед нами непритязательный историк Евмела — Боспорский Аноним конца IV в. до н. э.

¹ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 114.

² Не исключена возможность, что боспорский Аноним был участником борьбы Сатира и Евмела. Об этом свидетельствуют красочные и подробные описания битвы при Фате, похода Сатира и осады укрепления фатеев. Во всяком случае характер изложения этих событий таков, что оно могло принадлежать только одному из участников похода Сатира, а не соратнику Евмела.

³ IG, II², N 212.

⁴ IOSPE, II, N 1 et 2.

⁵ Din. in Demosth., § 43.

⁶ Strab., VII, 4, 4.

⁷ Diod., XX, 22.

⁸ IOSPE, II, № 8 et 346.

⁹ IOSPE, II, № 344.

¹⁰ Возможно, что сведения о предсказании, а также гибели Сатира и Евмела, изложенные по ходу действия у Боспорского Анонима, позднее были перенесены источником Диодора в конец рассказа о событиях на Боспоре. Вероятно, историк-рационалист, через труд которого Диодор почерпнул сведения об этих событиях, вынес в конец своего повествования описание оракулов и смерти двух сыновей Перисада с целью подчеркнуть наивность представлений местных жителей (об источниках Диодора см.: Бузескул В. Введение в историю Греции. Пг., 1915, с. 212).

¹¹ Herod., I, 33, et 91; III, 57—58.

¹² IOSPE, I², N 344.

¹³ Dio Chrys., or. XXXVI.

¹⁴ Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г.—ИАК, 1902, вып. 3, с. 39, № 4; Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1913 г.—ИАК, 1914, вып. 54, с. 73 и сл.; Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора.—ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 76 и сл., № XII.

¹⁵ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 93.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОСПОРСКИХ АРХЕАНАКТИДОВ *

О боспорских правителях Археанактидах говорит только Диодор Сицилийский¹, ограничиваясь следующими словами: 'Ελ' ἄρχοντος 'Αθήνησι θεοδώρου ... κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κίρριου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχεανакτίδαι, ἤρξαν ἐπὶ δύο πρὸς τοῖς τεσσαράκοντα.

В цитированном свидетельстве Диодора четко указано время правления Археанактидов: 480/79—438/37 гг. до н. э. По-иному обстоит дело с вопросом об их происхождении, в сущности оставшимся не освещенным.

Это обстоятельство способствовало появлению различных гипотез. Уже давно² было выдвинуто предположение о митиленском происхож-

* Blawatsky W. D. Zur Herkunft der Bosporanischen Archaianaktiden.—Klio. Berlin, 1970, Bd. 52, S. 33—36

дении Археанакта — родоначальника Археанактидов. Это мнение было поддержано многими исследователями, в том числе Авг. Беком³ и В. В. Латышевым⁴.

В 1899 г. Брандис⁵ оспаривал митиленское происхождение Археанактидов (Archaiānaktiden), считая, что в них либо нужно видеть пантикапейский род, либо признать, что нам ничего в точности не известно. Брандис пытается обосновать пантикапейское происхождение этого рода, решительно утверждая, что опорой их власти был Пантикапей и его область. Однако это утверждение решительно ничем не аргументировано, да и вообще вряд ли может быть доказано.

Позднее, в 1930 г., С. А. Жебелев⁶ выдвинул другую гипотезу — о милетском происхождении Археанакта, вместе с тем считая возможным высказать предположение, что этот милетянин был ойкистом Пантикапея. Основанием для своей гипотезы С. А. Жебелев считал наличие в Милете в 516—515 гг. до н. э. айсимнета, имевшего имя Κυζικῆς Ἀρχαίνακτος⁷. По мнению названного ученого, отец этого Кизика, Археанакт, мог в 546—545 гг. до н. э. стать ойкистом милетской апойкии — Пантикапея. На последнем предположении С. А. Жебелев не настаивал, но милетское происхождение боспорских Археанактидов считал твердо установленным.

Остановимся сначала на второй гипотезе; она находится в полном противоречии со словами Диодора: κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν. Далее, как нам кажется, трудно согласиться с утверждением, что милетянин (Археанакт) отправился на далекий Боспор в качестве основателя новой апойкии — Пантикапея, между тем как его очень юный сын (Кизик), видимо, оставался в Милете и в дальнейшем стал там первостепенным магистратом и эпонимом полиса. Такое построение крайне плохо вяжется с утверждением, что боспорские Археанактиды были потомками милетянина Археанакта. Относительно осторожного предположения С. А. Жебелева, согласно которому Археанакт был ойкистом Пантикапея, следует сказать, что оно базировалось на прежних представлениях о времени основания этого города (около 540 г. до н. э.). Раскопки Пантикапея, производившиеся нами во второй половине 1940-х и в 1950-х годах⁸, показали, что город возник примерно на рубеже первой и второй четверти VI в. до н. э.⁹ При таких обстоятельствах предположение об основании Пантикапея Археанактом — отцом Кизика — становится еще менее вероятным.

Вернемся к первому предположению о митиленском происхождении Археанактидов. В пользу его говорит ряд аргументов, многие из них уже давно были высказаны. Прежде всего имя Ἀρχαίαναξ у митиленян надежно засвидетельствовано. Согласно Страбону¹⁰, митиленянин Археанакт построил стену вокруг Сигея: Ἀρχαίανακτα γοῦν φασὶ τὸν Μυτιληναῖον ἐκ τῶν ἐκεῖθεν [id est ἐκ τοῦ Ἰλίου] λῆθων τὸ Σίγειον τεῖχος αἰ.

Время этого события не известно; по всей видимости, это произошло во второй половине VII в. до н. э., во всяком случае не позднее его конца. От упомянутого Страбоном Археанакта, вероятно, происходил тот Археанактид, о котором говорит поэт Алкей¹¹: Ἀλκαῖος φησὶν ἐν τοῖς περὶ Ἀρχεανакτίδην καὶ τὸν πρὸς Ἐρυθραίους πόλεμον φανῆναι Ἀπῆλλωνα καθ' ὅπλους ἔχοντα μυρίκης κλῶνα.

Среди немногочисленных упоминаний древних авторов о возникновении греческих городов на Боспоре Киммерийском выделяются два свидетельства об основании Гермонассы. Дионисий Периегет в своем стихотворном описании Ойкумены коротко говорит о прекрасно построенной Гермонассе, в которой живут выходцы из Ионии:

...καὶ εὖχτιτος Ἑρμόνασσα ἔνθα τε ναίεταόντιν Ἴωνίδος ἔχουνοι...¹².

Очень ценное дополнение к этому свидетельству имеется в комментариях к землеописанию Дионисия, составленных Евстафием. Ученый византиец, цитируя Арриана, сообщает, что Гермонассу основал некий митиленинин Семандр (Σημάνδρος Μυτιληναῖος), который привел в апоικίαν некоторых эолян и умер при основании города: ...ὁὖ τίνας τῶν Αἰολέων εἰς ἀποικίαν μεταστῆσαντος καὶ θανόντος ἐν τῇ τῆς πόλεως οἰκίᾳ...¹³.

Как нам кажется, эти два свидетельства не находятся в противоречии, а, напротив, взаимно дополняют одно другое. Очевидно, ктисом Гермонассы был Семандр, а большую часть переселенцев составляли ионяне. Семандр и сопровождавшие его эоляне — единственные представители этого греческого племени, известные нам на Боспоре. Возможно, что Семандр или кто-либо из его ближайших спутников принадлежали к числу Археанактидов или называли Археанактом родившегося в Гермонассе сына. Во всяком случае это предположение имеет несравненно большую вероятность, чем попытка связать Археанактидов с Пантикапеем или Милетом.

Результаты археологических исследований также подтверждают высказанное предположение. Существовавшие когда-то сомнения¹⁴ в местонахождении Гермонассы к западу от Фанагории на месте нынешней Тамани в настоящее время совершенно отпали. Археологические находки как в самой Гермонассе, так и на ее некрополе позволяют заключить, что расцвет этого города приходился на VI—V вв. до н. э. Уже давно было известно, что находки монет¹⁵ в Гермонассе в огромном большинстве относятся к VI—V вв. до н. э.

Еще в большей мере картина древнейшей истории Гермонассы была раскрыта в результате раскопок 1950-х годов. Было установлено, что город существовал еще в первой половине VI в. до н. э., и были обнаружены мощные, до 1 м толщиной, культурные напластования второй половины того же столетия¹⁶. При раскопках 1930 г. на том же городище были обнаружены многочисленные находки, которые нельзя считать «значительно старше середины VI в. до н. э.»¹⁷ В равной мере следует отметить значительное преобладание ранних могил: VI—III вв. до н. э. на прилежащих некрополях¹⁸ и VI—V вв. до н. э. на некрополе Гермонассы¹⁹.

Наконец, пятилетние работы²⁰ в северо-западной части Синдики отчетливо показали тесные связи этой территории с греческим миром в VI—V вв. до н. э., что может быть только результатом активной торговли Гермонассы и, конечно, других городов азиатской части Боспора.

В противоположность отмеченному раннему расцвету Гермонассы в VI—V вв. до н. э., в Пантикапее VI и отчасти первой половины V в. до н. э. мы не наблюдаем аналогичного подъема²¹. Блестящий расцвет этого города в IV в. до н. э., давно установленный исследованием некро-

поля²², в дальнейшем получил подтверждение и при раскопках города²³.

Таким образом, данные археологических исследований отнюдь не подтверждают предположения, что обитавший в Пантикапее аристократический род (или семья) должен был играть большую роль на Боспоре в первой четверти V в. до н. э. Более того, они скорее свидетельствуют в пользу гипотезы о первоначальном местопребывании Археанактидов именно в Гермонассе. Ведь гораздо более вероятен приход к власти аристократического рода из полиса, находившегося в состоянии расцвета, чем из того, который достиг его значительно позднее.

В заключение вернемся к нашему основному свидетельству — к словам Диодора: κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν, с которых он начинает свое краткое сообщение об Археанактидах. Заподозрить Диодора или его источник в незнании того, в каких частях света находятся Гермонасса и Пантикапей, крайне трудно. Остается уже очень давно высказанное²⁴ единственно возможное предположение о первоначальном объединении полисов азиатской части Боспора. Это вновь возникшее государство, возглавляемое гермонасскими Археанактидами, возможно, в самом скором времени включило и города на европейском берегу Боспора Киммерийского. Полное объединение Боспора под управлением Археанактидов произошло в 480/79 г. до н. э.

¹ *Diod.*, XII, 31, 1.

² *De-Boze*. Des sites du Bospore Cimmérien.—Mém. de l'Acad. Royale des inscriptions et belles lettres. Paris, 1729, vol. VI, p. 549 s.; русский перевод Гр. Спасского. Босфор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями.— В кн.: Археолого-этнографический сборник. М., 1850, с. 9—10.

³ *Boeckh* Aug. Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurico et Bosporo Cimmerio. Introductio.—CIG., vol. II, pars XI, p. 91.

⁴ *Latyshev* B. Brevis conspectus historiae regni Bosporani.—IOSPE, 1890, II, p. XVII.

⁵ *Brandis*. Bosporos.—RE, III, Sp. 757—758.

⁶ *Жебелев* С. А. Возникновение Боспорского государства.— В кн.: Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 70, 71.

⁷ Milet, herausgegeben von Th. Wiegand. H. III. Kawerau G., Rehm A. Das Delphinion von Milet. Berlin, 1914, S. 255, N 122, 11.

⁸ *Блаватский* В. Д. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.—СА, 1960, № 2, с. 168—192; *Он же*. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.—МИА, 1962, № 103, с. 1—85 (там указана остальная литература).

⁹ *Блаватский* В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 22 и сл.

¹⁰ *Strab.*, XIII, 1, 38 (С. 600).

¹¹ Poetae lyrici Graeci, rec. Th. Bergk, ed. 4. Lipsiae, 1882, vol. III, p. 185 sq. *Alcaeus*, fr. 119 [94]. Schol. *Nicandr. Ther.*, 613.

¹² *Dionys. Perieg.*, v. 552—553.

¹³ *Eustath. Comment. in: Dionys. Perieg.*, 549.

¹⁴ *Жебелев* С. А. Возникновение..., с. 68.

¹⁵ *Гёргс* К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 44 и сл.; *Rostowzew* M. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931, S. 252 f.

¹⁶ *Зеест* И. Б. Раскопки Гермонассы.—КСИИМК, вып. 58, 1955, с. 114 и сл.; *Зеест* И. Б. Архаические слои Гермонассы.—КСИИМК, 1961, вып. 83, с. 53 и сл.

¹⁷ *Книпович* Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э.—ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 104, примеч. 1.

¹⁸ ОАК за 1913—1915 гг., с. 140 и сл.

¹⁹ *Гайдукевич* В. Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов.—МИА, 1959, № 69, с. 157—187.

²⁰ *Блаватский* В. Д. Синдская археологическая экспедиция 1951 г.—Вестник Акаде-

мни наук СССР, 1951, № 10, с. 67 и сл.; Он же. Пятый год работ в Синдике.— КСИИМК, 1959, вып. 74, с. 41 и сл., с. 67 и сл.

²¹ Rostowzew M. Skythien..., S. 172; Blavatski V. D. Despre situația proprietății bosporanilor în secolele VI—II î. e. n.— SCIV, anul. X, 1959, N 2, p. 296 și urm.

²² Rostowzew M. Skythien..., S. 173 f., S. 180 f.

²³ Blavatski V. D. Despre situația..., p. 298 și urm.

²⁴ Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876, с. 329. («Цари Боспора Киммерийского преимущественно по современным им надписям и монетам»).

АПОЛЛОНИЯ И ИЛЛИРИЙЦЫ (ДО 229 Г. ДО Н. Э.)*

Основанная незадолго до 585 г. до н. э.¹ Аполлония находилась на юго-восточной окраине области тавлантиев, занимавших, по Птолемею², побережье Адриатики от Диррахия до Авлона.

Вопрос об условиях, в каких возникла Аполлония, до сего времени остается неясным. Об этом сохранилось только сокращенное и, видимо, искаженное свидетельство Стефана Византийского³, к тому же почерпнутое им неизвестно из какого источника. Единственные, по-видимому, достоверные сведения, которые могут быть извлечены из этого смутного свидетельства, заключаются в следующем: во-первых, апойкия Аполлония была основана на месте прежнего иллирийского поселения и, во-вторых, с прибытием новых переселенцев связано наименование местности: Γυλάκρια.

Нам уже приходилось говорить⁴ о том, что раскопками, производившимися на городище Аполлонии, был обнаружен только один предмет⁵ догреческого времени — бронзовый кельт, найденный в 1959 г. Раскопки Аполлонии, производившиеся на сравнительно не очень большой площади, пока не обнаружили развалин каких-либо иллирийских построек, предшествовавших основанию греческого города. Однако нет ничего невероятного в возможности существования иллирийского поселения на месте будущей апойкии, ведь многие города эллинской периферии возникали на местах прежних поселений автохтонов. Возможно, незначительными остатками поселения иллирийцев являются найденные на одном из раскопов 1958 г. в слое VI в. до н. э., малочисленные черепки⁶ сосудов из коричневой глины с орнаментом в виде насечек, образующих своего рода «елочку». Впрочем, вполне возможно, что эти черепки синхронны другим находкам слоя VI в. до н. э. и попали в Аполлонию в результате каких-то взаимоотношений греческих переселенцев с местным населением.

Что же касается связи наименования Γυλάκρια с приходом новых поселенцев, то, как мы уже отмечали⁷, пояснением ему служит эпитафия, в которой говорится о покойнике, погребенном на Γυλάκριον πεδῖον⁸. Термин Γυλάκριον, происходящий от γύλιος — длинная сумка, скорее всего, можно связать с вытянутой частью хоры Аполлонии или даже со

* Blavatsky W. Apollonia et les Illyriens (avant 229 av. n. è.).— Actes du VIIIe Congrès Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Beograd, 1971, т. I, p. 235—239.

всей хорой. В сильно искаженном свидетельстве Стефана Византийского наименование греческого города Аполлонии ошибочно присвоено иллирийскому поселку, а название хоры спутано с именем города.

При каких обстоятельствах происходило вселение основателей Аполлонии на территорию тавлантиев, доступные нам источники ничего не говорят. О ближайшей с юга апойкии, Коркире, возникшей примерно в 733/2 гг. до н. э., известно, что основание ее было тесно связано с изгнанием либурнов, ранее заселявших остров⁹.

Город Эпидамн, находившийся севернее Аполлонии, был основан в 625 г. до н. э.¹⁰ коркирянами, коринфянами и другими дорьянами¹¹. Наличие иллирийского поселения на месте будущего полиса вполне вероятно¹². Однако более чем сомнительно случайно брошенное повествование Аппиана¹³. Этот фантастический рассказ об основании Эпидамна некритически почерпнут из какого-то позднего мифа, полного неправдоподобных домыслов. Мирное вселение греков в ранее существовавший иллирийский город, как это утверждает Аппиан, совершенно невероятно, хотя бы в силу наименования города *Ἐπίδαμνος* от *ἐπιδάμναμι* (укрощать), что наводит на мысль о насильственном захвате греками места для будущего полиса.

Основанная коринфянами и коркирянами апойкия Исса на одноименном острове возникла не позднее VI в. до н. э.¹⁴ Появление этого полиса на земле, ранее принадлежавшей либурнам, вряд ли могло не вызвать конфликта с местным населением.

Все сказанное наводит на мысль, что основание Аполлонии скорее всего сопряжено с насильственным захватом греческими переселенцами части территории тавлантиев для города и довольно обширной хоры. Клеры аполлониатов, видимо, были довольно большими. Это можно заключить хотя бы потому, что несправедливо ослепленный Евмений¹⁵ считает достаточным возмещением за увечье и обиду два наилучших клера и выбранный им дом в городе¹⁶.

Аполлония была расположена на очень хорошей земле: *ἐν καλῇ τῇς γῆς*, как говорит Дион Кассий¹⁷. Эта довольно большая территория могла служить и как пашня и как пастбище, не говоря уже о рыбной ловле у берегов Адриатического моря; потеря ее должна была принести тавлантиям слишком большой ущерб, чтобы ее можно было отдать без сопротивления.

Судя по доступным нам источникам, в доэллинистический период Аполлония активно не выступала на большой международной политической арене. По-видимому, в первые три с половиной века своего существования Аполлония была достаточно сильна для сохранения своей самостоятельности и, по всей вероятности, не подвергалась сколько-нибудь серьезной агрессии со стороны ближайших соседей. Более того, в иных случаях она даже могла расширять свою хору, захватывая часть территории своих соседей.

Павсаний¹⁸ сохранил текст надписи под скульптурной группой, поставленной аполлониатами в Олимпии. В ней от лица статуй говорится, что они посвящены Аполлонией, которую основал пышновласый Феб на Ионийском море, а также, что их поставили завоеватели краев Абантиды на десятину добычи из Фрония. Приведем текст надписи:

μνάματ' Ἀπολλωνίας ἀνακείμεθα, τὴν ἐνὶ πόντῳ
 Ἴονίῳ Φοῖβος ᾤκισ' ἀκερσεκόμας.
 οἳ γὰρ τέρμαθ' ἐλόντες Ἀβαντίδος ἐνθάδε ταῦταν
 ἔστασαν σὺν θεοῖς ἐκ Θρονίου δεκάταν.

Дату войны с абантами можно установить довольно точно. Павсаний¹⁹ сообщает, что скульптурная группа была исполнена Ликием, сыном Мирона. Время деятельности этого скульптора приходится на вторую половину V в. до н. э.

Павсаний²⁰ поясняет, что область, называемая Абантидой, и городок в ней Фроний (πόλιςμα Θρόνιον) были расположены в Феспротийском Эпире около Керавнийских гор. Местонахождение Керавнийских гор известно, они возвышались между Ионийским морем и долиной речки, ныне называемой Дукатит, к юго-западу от последней; это легко установить, следуя указанию Страбона²¹. Таким образом, Абантида лежала к северо-востоку от Керавнийских гор в глубине Орикского залива, а как далеко она простиралась на восток, сказать трудно, во всяком случае в нее, видимо, входила Амантия, о которой Стефан Византийский говорит, что это наименование было переделано варварами в «Абантию»²². Еще труднее установить, как далеко от берега моря в глубь материка простирались земли, захваченные аполлониятами, скорее всего они не были особенно обширными: в надписи аполлониатов эти земли названы краями области — γὰρ τέρματα. Однако общая протяженность хоры Аполлонии с севера на юг после победы над абантами достигла 30—40 км. Для эллинского полиса такая территория была весьма значительной. Трудно сказать, была ли эта обширная территория результатом только первоначального захвата и приобретений после войны с абантами или расширялась неоднократно. Более вероятным нам представляется последнее предположение.

Однако взаимоотношения Аполлонии с иллирийцами не всегда были враждебными. Очень рано установился обмен греков с иллирийским миром.

Исследование М. Парович-Пешикан²³ выявило главные пути проникновения греческих изделий в район Гласинца. Не позднее VII—VI вв. до н. э. существовали три пути. Первый сухопутный путь к иллирийцам шел из Великой Греции и Сицилии по Италии через Этрурию к Альпам, пересекал нынешнюю территорию Словении, далее по бассейну Савы и ее притоков в области иллирийцев. Второй предполагаемый путь проходил из греческой метрополии по морю в античные города на западном берегу Понта, далее по бассейну Дуная и его притоков к иллирийцам.

Несколько позднее наблюдается третий путь из Коринфа и Афин к Халкидонскому полуострову, далее по Вардару, а затем по Мораве до Дуная и бассейна Савы, также ее притоков на территорию иллирийцев. Существовал и более западный вариант последнего пути: по древнему Галиакмону (нынешней Быстрице) к Охридскому озеру и дальше на север в бассейн Моравы и ее притоков. Этим путем могли проникнуть аттические чернофигурные вазы²⁴ второй половины VI в. до н. э. в район Требеништы, в 3,5 км к северу от Охридского озера.

Однако помимо названного мог существовать и другой путь в район Требеништы. Уже давно²⁵ было высказано предположение, что Аполло-

ния и Эпидамы были теми пунктами, при посредстве которых Коринф вел торговлю с Иллирией. Возможно²⁶, через один из этих городов были доставлены коринфские бронзовые изделия²⁷, найденные в богатых могилах некрополя Требеништы.

В пользу такого предположения говорит следующее обстоятельство: Требеништы находятся около того пути, который засвидетельствован, правда в значительно более позднее время, под наименованием Via Egnatia или 'Εγνατία ὁδός²⁸. Согласно словам Страбона, эта дорога соединяла Аполлонию и Диррахий (т. е. прежний Эпидамы) с Фессалоникой. Она проходила²⁹ через Лихнид на Охридском озере, Гераклею Линкестиду, Эдессу и Пеллу. Самое раннее свидетельство об этом пути мы находим у Цицерона³⁰. Название дороги Via Egnatia по городу Egnatia (или Γναθία) на восточном берегу южной части Италии не оставляет сомнения в том, что Страбон говорил о дороге, построенной римлянами. Это подтверждают и эпиграфические находки³¹ на трассе этой дороги, а равно и отдельные сохранившиеся части ее, которые приходилось наблюдать и автору настоящей работы вдоль реки, называвшейся в древности Γενούσιος³² или Genusus³³, а в настоящее время Шкумби.

Однако крайне трудно настаивать на том, что направление этой дороги было намечено самими римлянами. В условиях сильно пересеченной горными хребтами этой части Балканского полуострова направление основных дорог должно было издавна пролегать по наиболее удобным долинам, а нередко и ущельям рек и речек, проходя по наиболее доступным перевалам к новой речной долине. Сказанное делает вполне вероятным предположение, что таким именно путем с запада через Лихнид могли проникнуть в район Требеништы изделия коринфской работы.

Вернемся к вопросу о взаимоотношениях Аполлонии с иллирийцами. К сожалению, доступные нам источники заставляют желать лучшего. Современник Северов ритор Клавдий Элиан сообщает³⁴, что 'Απολλωνιάται ξενηλασίας ἐποίουν κατὰ τὸν Λακεδαιμόνιον νόμον. Это свидетельство о том, что аполлониаты не пускали к себе чужестранцев, прежде всего относится к позднему времени, и, по-видимому, не лишено сильного преувеличения. Во всяком случае, Аристотель³⁵ говорит, что в Аполлонии на Ионийском море среди многочисленного населения было немного потомков первопоселенцев апойкии.

Однако свидетельство Элиана вряд ли относится к иллирийцам, ибо ξενηλασία скорее приложима к элинам, чем к варварам, тем более что названный автор противопоставляет аполлониатам жителей Эпидамы, которые разрешали μετοικεῖν всем, того желающим.

Весьма трудный и неясный вопрос о роли иллирийцев в населении Аполлонии. Результаты раскопок показали, что в городе четко выступают черты эллинской культуры в ее дорийском варианте. Гораздо труднее подметить какие-либо элементы иллирийской культуры.

Однако в городище Аполлонии найдены предметы иллирийского производства, которые слишком малочисленны³⁶, чтобы быть товаром, привезенным от иллирийцев. Скорее в них можно видеть имущество тех иллирийцев, которые по тем или иным причинам находились в Аполлонии. Раскопки аполлонийского некрополя³⁷ также свидетельствуют в пользу наличия иллирийских элементов среди населения этого полиса.

Данные просопографии Аполлонии в большинстве выходят за хронологические рамки нашего исследования. В значительной мере это имена эпонимов города на монетах³⁸, отчасти на надгробных и других надписях. В III—II вв. до н. э. они почти сплошь греческие. А. Малеванный³⁹, ссылаясь на ряд археологов, выделяет в качестве иллирийских имен следующие: ΦΑΛΑΚΡΟΣ, ΕΠΙΚΑΔΟΥ и ΠΛΕΥΡΑΔΟΥ. Во всяком случае, первые два имени чисто греческие. Φαλακρός — лысый встречается не только в Аполлонии, но и в средней Греции⁴⁰; что же касается 'Επικάδος, то этот термин означает «находящийся при избирательной урне», составные части его ἐπί = «при, у», а κάδος = сосуд для подачи голосов. Не так отчетливо последнее имя, однако первые два слога можно сопоставить с πλευρά = бок, сторона. Известно также греческое личное имя Πλευράτος⁴¹.

Впрочем, вполне возможно допустить, что хотя бы путем смешанных браков в Аполлонию могло проникнуть некоторое число сильно эллинизованных иллирийцев.

По-видимому, до 229 г. до н. э. Аполлония не испытывала какой-либо опасности со стороны иллирийцев. Серьезная угроза нависла над Аполлонией, когда иллирийцы, управляемые Тевтой, начали агрессивные действия. По словам Полибия⁴², в это время иллирийцы не были врагами тех или иных эллинов, но всех их вообще.

Опасаясь нападения иллирийцев аполлониаты, подобно многим эллинам периферии, предпочли вступить в дружеские отношения⁴³ с римлянами, а в дальнейшем оказаться в зависимости от последних.

¹ *Plut.*, de sera num. vind. VII. ² *Ptol.*, III, 12, 2.

³ *Steph. Byz.* 'Απολλωνία ή κατ' 'Επίδαμνον.

⁴ Сообщение, представленное мною для Симпозиона в Стари Град в октябре 1968 г. См. статью «Основание Аполлонии Иллирийской» см. с. 200.

⁵ Неолитический обломок обсидиана, о находке которого в Аполлонии упомянул Ск. Анамали, относится к слишком отдаленному времени (*Anamali Sk. Të dhana mbi elementin ilir në qytet antikë Epidamn dhe Apolloni*.— *Buletin për Shkencat Shqërore*, Tirane, 1956, I, f. 36).

⁶ Блаватский В. Д., Ислами С. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г.— *СА*, 1959, № 4, с. 170.

⁷ См. примеч. 4.

⁸ *Patsch C.* Das Sandschak Berat in Albanien.— *Schriften der Balkankommission. Antiquar. Abt.*, Wien, 1904, III, S. 193, Abb. 177.

⁹ *Strab.*, VI, 2, 4 (C 269—C 270).

¹⁰ *Euseb. Chron.* p. 88 s. ¹¹ *Thuc.*, I, 24, 1—3.

¹² *Ceka H.* Elementi ilir në qytetet antikë Epidamn dhe Apollonia.— *Buletin për Shkencat Shqërore*, 1951, 3/4, f. 132 s.

¹³ *Appian.*, bell. civ., II, 39.

¹⁴ *Lisitar P.* Crna Korkira. Skopje, 1951, s. 20.

¹⁵ *Herod.*, IX, 93. ¹⁶ *Herod.*, IX, 94.

¹⁷ *Dio Cass.*, XLI, 45, 1. ¹⁸ *Paus.*, V, 22, 2.

¹⁹ *Paus.*, V, 22, 2—3. ²⁰ *Paus.*, V, 22, 3.

²¹ *Strab.*, VII, 5, 8. ²² *Steph. Byz.*, 'Αβαντίς.

²³ *Паровић-Пешикан Маја.* О карактеру грчког материјала на Гласинцу и путевима његовог продирања.— *Старинар.* Нова сорија. Књига XI/1960. Београд, 1961, с. 21—45.

²⁴ *Вулић Н.* Нови гробови код Требеништа — Споменик. Београд, 1934, LXXVII, с. 94, сл. 18—22.

- ²⁵ *Filow B.* unter Mitwirkung von Schkorpil K. Die Archaische Nekropole von Trebenische am Ochrida-see. Berlin; Leipzig, 1927, S. 3, 101.
- ²⁶ *Filow B.* ...*Schkorpil K.* Die Archaische..., S. 102, 105 f.
- ²⁷ *Popović L.* Narodni Muzej Beograd.—Antika. I. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa. Beograd, 1956; *Mano-Zisi Dj.* Antika u Narodnom Muzeju u Beogradu. Beograd, 1954.
- ²⁸ *Strab.*, VII, 7, 4.
- ²⁹ *Chapot V.* Via.—*Daremberg Ch.*, *Saglio E.* Dictionnaire des Antiquites, p. 783—784, 810—811, fig. 7439.
- ³⁰ *Cic.*, pro Front. 4.
- ³¹ *Praschniker C.*, *Schober A.* Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Wien, 1919, S. 2 f.
- ³² *Dio Cass.* XLI, 52. ³³ *Caes. b. civ.* III, 75, 4.
- ³⁴ *Aelian.* V. h., XIII, 16. ³⁵ *Arist. Polit.*, IV, 3, 8.
- ³⁶ См. примеч. 6.
- ³⁷ *Anamali Sk.*, *Të dhana...*, 20 s., f. 33.
- ³⁸ *Schlosser Jul. von.* Beschreibung der Altgriechischen Münzen I. Thessalien, Illyrien, Dalmatien und die Inseln des Adriatischen Meeres, Epeiros. Wien, 1893, S. 26 f., Apollonia.
- ³⁹ *Малеванный А.* Греческая колонизация и иллирийцы.—*Klio.* 1968, Bd. 50, S. 76, 88.
- ⁴⁰ *Kirsten E.* Bericht über eine Reise in Aitolien und Akarnanien.—*AA.* 1941, H. 3/4, S. 107.
- ⁴¹ *Dornseiff Fr.* Rückläufiges Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. Angearbeitet von Hansen B. Berlin, 1957, S. 288.
- ⁴² *Polyb.*, II, 12, 6. ⁴³ *Polyb.*, II, 11, 6—8.

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ВИЗАНТИЙСКОМ СЕРЕБРЕ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ *

В Восточной Европе найдено много произведений византийской торевтики VI—VII вв.¹. Форма и техника изготовления многих из этих сосудов следуют античным традициям. Изображения на некоторых из них повторяют античные мотивы. Это естественно: художественное творчество Византии VI—VII вв. является продолжением позднеантичного искусства, произведения которого были доступны византийским мастерам и могли служить для них образцами. Но понимание художественных задач византийскими и античными художниками было весьма различным.

Остановимся на нескольких образцах византийской торевтики, повторяющих те или иные античные мотивы.

Из Пантикапея происходит серебряное блюдо², на котором изображен³ император верхом на лошади, ему предшествует Ника⁴, а за ним следует воин⁵, возможно один из βασιλικὸς πλάτριοι.

Блюдо было предназначено для того, чтобы его повесили на стену; так располагались рельефные clipei с портретами, о которых упоминают латинские авторы⁶.

Большинство ученых датируют это блюдо временем Юстиниана I, в том числе опубликовавшие его Иос. Стржиговский и Н. В. Покровский⁷.

Сцена, представленная на блюде из Пантикапея, восходит в основ-

* *Blawatsky W. D.* Les traditions antiques dans l'argenterie byzantine de l'Europe Orientale. — *Annales Archéologiques Arabes Syriennes*, Damas, 1971, vol. XXI, p. 381—385.

ных чертах к изображению победоносного императора на медной монете Каракаллы⁸. Там император также едет на коне, два легионера следуют за ним, а перед конем идет, правда, не Виктория, а Марс, который несет небольшую фигуру этой богини.

На других изделиях византийской торевтики встречаются исполненные в рельефе сюжеты из античной мифологии.

На одном блюде VI в. н. э. изображен спор Аянта с Одиссеем из-за доспехов Ахилла⁹. Находящаяся между героями Афина показывает, что художник, задумавший эту сцену, руководился 547-м стихом XI песни Одиссеи (не принадлежащим к первоначальному тексту).

παῖδες δὲ Τρώων δίκασαν καὶ Πάλλας Ἀθήνη.

Суд же тот дети троян решили с Палладой Афиной.

Несмотря на сильную переработку античных мотивов, в этом произведении отчетливо выступают черты, восходящие к искусству периода классики. Так, расположенная над Одиссеем небольшая фигура пастуха, наполовину закрытая скалой, напоминает прием передачи фигур второго плана, который применялся в V в. до н. э. Полигнотом Фасосским. Отголоском его творчества являются некоторые росписи краснофигурных ваз¹⁰.

Доспехи Ахилла помещены под фигурами героев и Афины, подобно тому как изображались предметы на первом плане в живописи IV в. до н. э., оказавшей некоторое влияние на апулийскую¹¹ вазопись. Аналогичный прием можно видеть на помпейской мозаике с изображением битвы Александра с Дарием.

Разумеется, нельзя говорить о непосредственном воздействии на византийского торевта произведений, отделенных от него тысячелетним промежутком времени. Эти давние приемы прошли через много промежуточных звеньев, прежде чем стали прототипами для мастера нашего блюда.

К VII в. относится серебряное блюдо¹² с изображением Мелеагра и Аталанты после охоты, их сопровождают служители и кони; собаки и сеть для ловли дичи, под главной сценой, задуманы как находящиеся на первом плане. Вдали видна высокая башня с пристройкой. Стремление выдержать исокефалию и общее построение всей композиции восходит к традициям классического искусства. Однако мотив архитектурного пейзажа в виде башни с пристройкой напоминает росписи¹³ и мозаики эллинистического времени, как, например, Нильский пейзаж из Палестрины¹⁴.

В греческом искусстве Мелеагр и Аталанта, как и другие герои-охотники, например Ипполит, всегда изображались пешими, как обычно выходили на охоту и сами греки. В римском искусстве, императоры¹⁵ или знать¹⁶ изображаются охотящимися на конях. Этот обычай переносился и в мифическую древность. На римских рельефных саркофагах можно видеть Ипполита и его спутников либо на конях, либо вместе с конями¹⁷. В сцене Калидонской охоты на саркофагах Мелеагр, правда, по-прежнему выступал пешим, но среди других охотников появились и всадники¹⁸. Вероятно, поэтому на нашем блюде Мелеагр и Аталанта изображены с конями. Отдых после охоты — один из сюжетов, привлекавших внимание позднеантичных мастеров¹⁹.

Рис. 1. Серебряное ведро с изображением олимпийских богов и Геракла

Рис. 2. Блюдо с изображением пастуха и стада

На происходящем из Буковины серебряном ведре VII в. изображены пять олимпийских богов и Геракл²⁰. Фигуру этого героя уже сопоставляли²¹ со статуей Геракла Farnese²², репликой оригинала Лисиппа²³.

Однако Геракл Farnese далеко отстоит от своего классического прототипа. Не меньше отличается от могучей фигуры Геракла Farnese вялое безжизненное изображение на византийском рельефе (рис. 1). Промежуточным звеном между ними могут служить довольно малоподвижные фигуры Геракла на римских мраморных саркофагах²⁴.

Перейдем к византийской торевтике с изображениями пейзажей и жанровых сцен в духе эллинистического живописного рельефа.

Таков серебряный ковш²⁵ VII в. н. э. с рельефными сценами из жизни рыбаков, навеянными искусством эллинизма²⁶; особенно изображения тянущего сеть рыбака в характерном головном уборе, многочисленных рыб, моллюсков и различных обитателей морей. Аналогии фигурам рыбаков можно найти на мозаиках из Северной Африки²⁷, а изображения рыб и лангустов близки последним на помпейских мозаиках²⁸.

Рельеф на византийском блюде²⁹ VI в. сохраняет античные традиции в большей мере, чем уже рассмотренные произведения торевтики. На этом блюде изображены среди ландшафта пастух с собакой и две козы (рис. 2). Фигуры животных и растения расположены в четыре плана, чтобы создать впечатление глубины; это — один из приемов передачи пространства в рельефах и картинах эллинистического, а также

римского времени. Пасторальный сюжет перекликается с идиллиями Феокрита и повестью Лонга о Дафнисе и Хлое, а также с буколическими сценами на эллинистических рельефах³⁰ и в римской живописи³¹.

Наконец, упомянем серебряное блюдо³² VI в. с исполненным в очень низком рельефе изображением пасущейся лошади; такой мотив встречается на греческих монетах и изделиях торевтики IV в. до н. э.; например, на драмах из Лариссы³³ или композиции на серебряной амфоре³⁴ из кургана Чертомлык.

Таковы отголоски больших традиций античного искусства в произведениях византийской торевтики VI—VII вв., найденных в Восточной Европе. Это явление отнюдь не случайно для византийской культуры данного периода. Большое искусство этого времени является непосредственным продолжением художественного творчества античного мира. Это можно видеть в Софии константинопольской, церкви св. Сергия и Вакха, в христианских базиликах, церкви св. Виталия в Равенне, в знаменитых мозаиках Рима и Равенны, миниатюрах рукописей, скульптурных портретах представителей императорской фамилии. Равным образом античные традиции в это время живут и в византийской литературе, особенно в эпиграммах Юлиана Египетского, Македония, Павла Силенциария и Агафия Схоластика, в поэмах Коллуфа из Ликополиса и в исследованиях Гесихия из Милета. Наконец, стремление сохранить античное наследие в различной форме наблюдается и в произведениях Прокпия Кесарийского и Феофилакта Симокатского.

Такой облик приняло наследие античного мира в Византийской империи в начале средневековья.

¹ О дате и месте изготовления этих сосудов: *Matzulewitsch L. Byzantinische Antike*. Berlin; Leipzig, 1929, S. 128 f. Последние работы, рассматривающие эти произведения: *Bank A. Byzantine Art in the collections of the USSR*. Leningrad; Moscow, 1966; *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.

² *Strzygowski Jos.* Der Silberschild aus Kertsch.—МАР, СПб., 1892, № 8, с. 6—22; *Покровский Н. В.* Византийский щит, найденный в Керчи.—МАР, СПб., 1892, № 8, с. 24—37.

³ Эти изображения исполнены гравировкой, черной эмалью и позолотой.

⁴ Изображение императора верхом, которому предшествует Ника, на пантикапейском блюде можно сопоставить с композицией на парижском золотом медальоне Юстиниана I (*Lassus J.* The Early Christian and Byzantine world. London. s. a., p. 7).

⁵ Этот воин держит щит с монограммой Христа, аналогичной монограмме на щите протоспафария из свиты Юстиниана на мозаике в церкви св. Виталия в Равенне.

⁶ *Albert M. Clupeus.*—*Daremberg Ch., et Saglio E.* Dictionnaire des Antiquites, I, 2, p. 1259.

⁷ Были предложены также датировки V и IV вв. Исследователи, придерживавшиеся последней даты, полагали, что это блюдо сделано в Пантикапее (*Matzulewitsch L. Byzantinische Antike*..., S. 95 ff.) или в одном из северопонтийских центров (*Bank A. Byzantine Art*..., p. 333, fig. 1). При этом в пантикапейском блюде видели памятник местного «варварского» искусства и предшественника «Византийских Антиков» — *Byzantinische Antike (Matzulewitsch L., Byzantinische Antike*..., S. 95 ff.). Однако эти предположения находятся в противоречии с историческими условиями, сложившимися на Понте в IV в. н. э., и со стилем искусства северопонтийских городов, особенно Пантикапея (*Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 573 ff.). Еще дальше от рассматриваемого блюда художественное творчество соседних племен: сарматов и готов (*Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 185 f.).

- ⁶ *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. L., 1950, vol. V, p. 488, N 289, pl. 77, 3.
- ⁹ *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike..., S. 54. ff. Taf. 35; *Bank A.* Byzantine Art..., pl. 65, p. 341.
- ¹⁰ Например, роспись находящегося в Лувре кратера с изображением Аргонавтов (*Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, III, S. 188, Abb. 492).
- ¹¹ Примером может служить роспись кратера с изображением мифа об Ифигении в Тавриде, где на первом плане изображены разбросанные сосуды и другие предметы (*Мальмберг В. К.* Апулийская ваза. Памятники Музея изящных искусств. М., 1913, IV, с. 125 и сл., табл. XXII—XXIII).
- ¹² *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike..., S. 9 ff. Taf. I; *Bank A.* Byzantine Art, fig. 94, p. 345.
- ¹³ *Ростовцев М.* Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908, с. 38 и сл., рис. 2, 3, 5, 9, табл. VII и X.
- ¹⁴ *Gullini G.* I mosaici di Palestrina. Roma, 1956, Tav. XV—XVI, XVIII et XX.
- ¹⁵ Например, медальоны с изображением охоты на арке Константина в Риме. Исполненные во времена Адриана, они изображали этого императора на охоте. При сооружении арки голова Адриана была заменена портретом Константина (*L'Orange H. P., von Gerkan A.* Die Spätantike Bildschmuck des Konstantinsbogens. Berlin, 1939, S. 165 ff., Taf. 40 a, 41 a).
- ¹⁶ Например, изображения охот на мозаиках из Северной Африки (*Rostovtzeff M.* The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926, p. 290, pl. XLVII, I, p. 404, pl. LVI, I).
- ¹⁷ *Robert C.* Die Antiken Sarkophag-Reliefs. Berlin, 1904, Bd. III, Abteilung 2, S. 253 ff., Taf. XLVI—LVI.
- ¹⁸ *Robert C.* Die Antiken Sarkophag-Reliefs, S. 285 ff., Taf. LXXIV—LXXVI; S. 324 ff., Taf. LXXXVII.
- ¹⁹ Такова центральная сцена на мозаике с изображением охоты на оленей, кабанов и зайцев в вилле в Пьяцца Армерина (*Pace B.* I Mosaici di Piazza Armerina. Roma, 1955, fig. 30; *Gentili G. V.* La Villa Erculia di Piazza Armerina. I Mosaici figurati. Milano, s. a., tav. XXI).
- ²⁰ *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike..., Taf. 9.
- ²¹ *Ibid.*, S. 38.
- ²² *Brunn H., Bruckmann F.* Denkmäler Griechischer und Römischer Sculptur. München, 1888—, Taf. 284 f.
- ²³ *Collignon M.* Lysippe. Paris., s. a., p. 83 et suiv.
- ²⁴ Например: *Robert C.* Die Antiken Sarkophag-Reliefs. Berlin, 1907, Bd. III, Abt. 1, S. 137 ff., 143 ff., 161 ff.; Taf. XXXII, XXXV, XLIII.
- ²⁵ *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike..., S. 65 ff., Taf. 12—15; *Bank A.* Byzantine Art., pl. 92, p. 345.
- ²⁶ Близость рельефов этого ковши эллинистическим образцам побудили Т. Шрайбера рассматривать этот памятник в ряду произведений александрийской торевтики (*Schreiber Th.* Die Alexandrinische Toreutik.— Abhandlungen d. philologisch-historischen Klasse d. Kön. Sachsische Gesellschaft der Wissenschaft. Leipzig, 1894, Bd. XVI, № V, S. 325, № 24, Fig. 63, 64).
- ²⁷ *Poinssot Cl.* Quelques remarques sur les mosaïques de la maison de Dionysos et d'Ulysse à Thugga (Tunisie).— Colloques Internationaux du Centre National de la recherche scientifique. La mosaïque Greco-Romaine. Paris 29 aout—3 septembre 1963. Paris, 1965, p. 224; fig. 17; *Hanfmann G.* Roman art. New York, 1963, Pl. XXXVII.
- ²⁸ *Joly D.* Quelques aspects de la mosaïque pariétale au I-er siècle de notre ère d'après trois documents pompéiens.— Colloques..., p. 61, fig. 8.
- ²⁹ *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike..., S. 4, Taf. 31; *Bank A.* Byzantine Art..., pl. 59, 60, p. 340.
- ³⁰ *Schreiber Th.* Hellenistische Reliefbilder Leipzig, 1889, Lieferung I, Taf. IX; 1890, Lieferung VIII, Taf. LXXV.
- ³¹ *Amadeo, Bianca Maiuri.* Das National Museum in Neapol. München, 1958, S. 107, 109; *Hanfmann G.* Roman art, pl. XXX—XXXI.
- ³² *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike..., S. 4, Taf. 30; *Bank A.* Byzantine Art..., pl. 78, 79, p. 343.
- ³³ *Regling K.* Die Antike Münze als Kunstwerk. B., 1924. S. 134, N 689, Taf. XXXIII;

Sylloge Nummorum Graecorum, vol. III. The Lockett collection. London, 1942, Part II, pl. XXX, N 1580—1583.

³⁴ Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 161, fig. 48; Артамонов М. И., Форман В. Сокровища скифских курганов. Прага, 1966, с. 111, рис. 168 и 176.

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЧЕРНОГО МОРЯ *

Первые наблюдения над античными памятниками, затопленными около северных берегов Черного моря, начались примерно полтора века тому назад. В 20-х годах XIX в. на дне Керченского пролива, недалеко от косы Чушка, были замечены шесть мраморных колонн¹, по всей вероятности некогда принадлежавших античному храму. Вполне возможно, что этот храм был святилищем Ахилла, находившимся в поселении, которое носило имя этого героя ('Αχιλλεῖον или 'Αχιλλεῖος κώμη)². В середине того же столетия А. С. Уваров исследовал Ольвию — город на берегу Бугского лимана, основанный греками, переселенцами из Милета, в VI в. до н. э. и разрушенный готами в середине III в. н. э. А. С. Уваров отметил, что прибрежная часть Ольвии покрыта водой лимана³. Позднее Б. В. Фармаковский⁴, придававший большое значение затопленным сооружениям Ольвии, в 1915 г. поручил В. И. Деренкину произвести их обмеры⁵.

На южном берегу Таманского залива находилась древняя Фанагория, основанная около 540 г. до н. э. греческими переселенцами из Теоса и просуществовавшая более полутора тысячелетий. Ф. Жиль, наблюдавший развалины, находящиеся под водой около Фанагории, усмотрел в них остатки разрушенного мола⁶.

Однако знакомство с находившимися на морском дне древностями не ограничивалось только наблюдениями над монументальными строительными остатками. Около северного побережья Черного моря были подняты со дна, а иногда и выброшены волнами на берег различные предметы, относящиеся к античному или средневековому времени. По преимуществу это была глиняная посуда, особенно остродонные амфоры. Среди этих находок особого внимания заслуживают две большие мраморные статуи, представляющие лежащих львов⁷. Обе эти скульптуры относятся к античной эпохе; они были обнаружены и подняты со дна Таманского залива в районе Фанагории. В настоящее время обе статуи хранятся в Феодосийском музее.

Феодосия — это еще один город, основанный греческими переселенцами во второй половине VI в. до н. э., просуществовавший около двух

* От редакции: написанная в 1968 г. статья в несколько сокращенном виде под названием «Изучение затопленных частей античных городов в Северном Причерноморье» была опубликована: в английском переводе: Blawatsky V. D. Submerged sectors of towns on the Black Sea coast.— In: Underwater archaeology, a nascent discipline. UNESCO. Paris, 1972, p. 115—122; во французском переводе: Blawatsky V. L'Exploration des parties submergées des villes antiques sur le littoral nord de la mer Noire.— In: L'archéologie subaquatique une discipline naissante. UNESCO. Paris, 1973, p. 117—124.

с половиной тысячелетий и в настоящее время носящий то же название, что и в древности. В 1894 г. при работах, производившихся в Феодосийской гавани, были открыты остатки древнего мола, от которого уцелело около 4000 нижних частей сосновых свай. Концы этих свай, глубоко зарытые в ил, находились на глубине около 8 м от уровня воды и более 4 м от поверхности дна. Ряды свай тянулись по направлениям, образующим угол. В 1905 г. в той части Феодосийской бухты, которую обрамлял древний мол, были произведены подводные археологические исследования под руководством русского ученого Л. П. Колли. Со дна моря были подняты 15 больших амфор античной эпохи⁸, явившихся косвенным подтверждением принадлежности мола к тому же времени.

Л. П. Колли успешно принимал участие в дискуссии⁹, которая велась тогда по вопросу об изменении уровня Средиземного моря за последние два тысячелетия. Он указал на наличие целой группы археологических памятников, несомненно, находившихся в древнее время на суше и ныне затопленных морем.

Как известно, подводные археологические работы до середины текущего столетия производились только профессиональными водолазами в тяжелом скафандровом снаряжении. При таких обстоятельствах археологи не могли принимать непосредственное участие в подводных исследованиях. Новые возможности для подводной археологии открылись с появлением акваланга, изобретенного капитаном Ж. И. Кусто. Теперь на смену малоподвижному скафандровому водолазу пришел значительно более мобильный аквалангист, труд которого доступен если не всем, то во всяком случае многим археологам.

С 1957 г. Институтом археологии Академии наук СССР совместно с Историческим факультетом Московского университета была организована подводная археологическая экспедиция, которая с небольшими перерывами работает до настоящего времени. Экспедиция поставила своей задачей прежде всего обследовать затопленные части древних городов, расположенных около северных берегов Черного моря. Первые два года разведки велись в различных местах возле северо-восточных берегов Черного моря. В 1957 г. они главным образом производились около древней Гермонассы, основанной в VI в. до н. э., и находившейся над ее развалинами средневековой Тмутаракани. Часть напластований, оставшихся от этих городов, в настоящее время размыта водами Керченского пролива. Разведками было выяснено, что граница размытой части города находится примерно в 90 м от нынешнего берега.

Раскопки, производившиеся в 1939—1940 г. на суше в прибрежной части Фанагории, показали, что нижние городские напластования находятся значительно ниже нынешнего уровня моря. Это обстоятельство побудило считать, что часть древнего города ныне затоплена Таманским заливом. Равным образом оно привело к выводу, что развалины сооружения, в котором Ф. Жиль и К. Герц видели остатки древнего мола, скорее всего являются развалом городской стены. Сказанное мы имели в виду, когда приступали к подводным работам в районе древней Фанагории.

В 1958 г. было произведено обследование затопленной части Фанагории¹⁰. На дне Таманского залива, в районе, прилежащем к террито-

рии города, были обнаружены многочисленные скопления камней, а также античной и средневековой керамики, особенно обломков остродонных амфор и черепицы. Большая часть скоплений камней находилась против северо-восточной и северо-западной окраин городища, примерно в 220—240 м от берега; там камни лежали грядами до 14 м шириной, очевидно представлявшими остатки развалин древних оборонительных стен. Так были намечены границы затопленной части Фанагории. Глубина затопленных частей города была не более 2,3 м, причем нарастание глубин большей частью шло постепенно, без резких колебаний. Глубина возрастала примерно на 1 м на каждые 100 м. За пределами площади, занятой каменными грядами и скоплениями керамики, дно залива сразу довольно резко понижалось на 1—1,5 м, а местами даже на 1,65 м. Уже одно это обстоятельство наводило на мысль, что такая разница в глубине дна связана с наличием культурных отложений затопленной части древнего города. Веским подтверждением указанного наблюдения являлась и заметная разница в плотности грунта. За пределами намеченных границ затопленной части Фанагории залегал настолько мягкий ил, что погрузить в него руку было совсем не трудно. Напротив, в черте площади, занятой древними культурными напластованиями, даже воткнуть лом можно было только приложив значительные усилия.

Все сказанное позволило прийти к выводу, что очертания затопленной площади древней Фанагории установлены довольно надежно. Эта площадь достигала примерно 15 га. Размеры наземной части Фанагории были выяснены раскопками 1936—1940 гг.¹¹, они равнялись примерно 37 га. Таким образом, было установлено, что в древности площадь Фанагории была не меньше 50 га. Это значительно изменило представления как о величине города, так и о количестве его населения и сделало более понятным свидетельство Страбона¹², особо подчеркивающего значение Фанагории для азиатского Боспора.

Однако как ни убедительны были доказательства наличия затопленных развалин Фанагории на значительном расстоянии от берега, бесспорное решение вопроса могли дать только подводные археологические раскопки, проведенные достаточно далеко от нынешней береговой полосы. С этой целью в 1959 г. были произведены раскопки¹³ на дне Таманского залива в 185 м от берега, на северо-восточной окраине затопленной части Фанагорийского городища. Глубина дна в этом месте была 1,9 м. Раскопки вначале велись вручную — заступом, также вручную выбирались отдельные камни и обломки керамики. Перекопанная почва удалялась с помощью землесосной машины. Когда глубина раскопа достигла 1 м, борта раскопа, поначалу державшиеся довольно прочно, стали ненадежными и их пришлось закрепить дощатой опалубкой. Вместе с тем почва стала настолько мягкой, что ее оказалось возможным удалять только посредством землесосной машины. Все более крупные находки по-прежнему выбирались вручную, а мелкие вместе с отсосанной землей и водой поступали по трубопроводу на грохот (двойную сетку) и посылкой собирались отсюда.

Результаты раскопок были следующие: сверху залегал пласт намывного песка с ракушкой 0,65 м толщиной, заключавший обломки керамики от V в. до н. э. до средневекового времени. Под ним находился развал

мостовой из булыжника. Ниже залегали два напластования сероватого суглинки, одинаковые по толщине. Верхний слой относился ко II в. до н. э., в нем обнаружены обломки амфор IV—II вв. до н. э. и поздней чернолаковой керамики; в нижнем горизонте слоя залегали остатки разрушенной мостовой. В нижнем слое IV—III вв. до н. э. найдены фрагменты различной посуды, в том числе остродонных амфор V и IV—III вв. до н. э. и куски шлакированной керамики, возможно остатки обжигательной печи. В нижнем горизонте слоя находился развал мостовой, сложенной из крупного булыжника. Подошва этого слоя лежала на темно-сером материковом иле, глубина ее от поверхности грунта была 1,3 м, а от уровня моря — 3,2 м.

Таким образом, произведенные раскопки окончательно подтвердили заключение о границах затопленной части Фанагории, полученные на основании предшествующих разведок. Далее они показали, что древний город в IV—II вв. до н. э. простирался не менее чем на 185 м к северу от береговой линии. Наконец, остатки мостовой IV—III вв. до н. э., находящиеся на глубине 3—3,2 м ниже нынешнего уровня Таманского залива, позволили заключить, что за последние 23—22 столетия уровень моря в этом районе поднялся никак не меньше чем на 4 м.

В 1960 г. производились подводные разведки у северной части Азовского моря, в Керченском проливе и у южного берега Крыма¹⁴. Остановимся на результатах работ в двух пунктах. В Таганрогской бухте было обследовано древнее поселение, вероятно эмпорий, возникший еще в последних десятилетиях VII в. до н. э. Жизнь в нем значительно оживилась в VI в. до н. э. и не прекращалась в последующие столетия. Еще раньше в этом месте были найдены обломки родосских киликов позднего геометрического стиля с изображением птицы, относящихся ко второй половине VII в. до н. э.¹⁵

Херсонес Таврический возник несколько позднее других значительных античных городов Северного Причерноморья, он был основан в 422—421 гг. до н. э. греками-переселенцами из Гераклеи Понтийской и просуществовал около двух тысяч лет.

В 1960 г. разведки велись у восточной окраины Херсонеса, на дне Карантинной бухты. Там были обследованы развалины древних каменных сооружений; они тянулись от берега примерно на 45 м в глубь бухты. Возле развалин встречались фрагменты средневековой и отчасти эллинистической керамики. Затопленный район всегда находился вне городских стен. Расстояние его от оборонительных сооружений римского времени было не меньше 60 м и не менее 40 м от раннесредневековых¹⁶. Возможно, что в этом месте находился поселок ремесленников подобно тому, как за стенами Херсонеса были сооружены печи гончаров¹⁷.

В 1961 г. подводные работы были направлены на изучение затопленной части Ольвии¹⁸. Был составлен план для того района Бугского лимана, который прилегает с востока к Ольвийскому городищу. Кроме того, было произведено детальное исследование отдельных затопленных участков, расположенных преимущественно против средней части городища.

На дне лимана, против средней части Ольвии, были обнаружены остатки монументальных сооружений, от которых сохранились два значительных скопления крупных камней. Первое скопление лежало на расстоянии от 8 до 55 м от берега; его составляли около 40 камней, преимущественно квадратов различной величины, наибольшие из них достигали 1,6 м в длину. Второе скопление камней лежало значительно дальше первого — в 110—200 м от берега. Число камней в нем достигало 80, а длина их была не менее 1 м, некоторые имели до 2,5 м в длину¹⁹. Наличие больших каменных блоков на дне лимана в 200 м от нынешнего берега позволяет считать, что затопленная часть древнего города должна была простирается на не меньшее расстояние. Во всяком случае, это несомненно относится к средней части Ольвии. Достоинно внимания, что наблюдения над изменением глубины дна лимана около Ольвийского городища выявили картину, очень близкую той, которая наблюдалась на дне Таманского залива возле древней Фанагории. А именно: поначалу на значительном расстоянии от берега наблюдается очень постепенное понижение дна, а затем на сравнительно небольшом отрезке, около предполагаемой границы древнего города, падение горизонтали становится резко заметным. Так, против средней части Ольвийского городища дно лимана, понижаясь постепенно, достигает трехметровой глубины в 230 м от берега; далее понижение дна сильно возрастает: на расстоянии от 10 до 30 м глубина лимана достигает 4 м. В силу сказанного можно считать, что в этом месте городская застройка простиралась не более чем на 230 м от нынешней береговой полосы, а линия древнего берега проходила примерно в 250 м восточнее, чем в настоящее время. Точные границы северного и южного районов затопленной части Ольвии нам неизвестны. Дальнейшие подводные исследования, возможно, установят, что они проходят на таком же расстоянии от берега, как у среднего участка. При таких обстоятельствах размеры затопленной части города должны составить примерно 20 га или, другими словами, около 2/5 общей площади Ольвии.

Выше было отмечено, что береговая линия во времена существования древней Ольвии, возможно, находилась на глубине 4 м от нынешнего уровня воды в Бугском лимане. Таким образом, намечается примерно одинаковое изменение уровней Таманского залива и Бугского лимана с античной эпохи до настоящего времени.

В 1962 г. подводные исследования производились преимущественно на западном берегу Днестровского лимана. Там были обследованы и зафиксированы затопленные части древней Тиры и позднее находившегося на ее месте средневекового города, носившего различные наименования (Белгород и др.).

В 1964 и 1965 гг. были произведены подводные разведки и раскопки на дне Черного моря, у западного берега Крыма, около Донузлава²⁰. Необходимость произвести эти исследования была вызвана сообщениями, согласно которым в этом месте на дне моря водолазы находили древнюю посуду. Работы велись в открытом море на расстоянии 140—180 м от берега, причем была обследована площадь свыше 7000 кв. м; кроме того, были произведены под постоянным контролем археологов подводные раскопки с применением мощной землесосной барки; при этом из

сорока одного раскопа было вынуто более 5000 куб. м грунта. В результате этих работ со дна моря были подняты разбросанные на пространстве около 140 м в длину и 90 м в ширину довольно многочисленные и разнообразные остатки древнего кораблекрушения.

От самого корабля уцелели только обломки шпангаута и досок бортовой обшивки, бронзовые гвозди, а также куски листового свинца, сильно скомканные и имевшие рваные очертания. Эти листы несомненно служили для наружной обшивки корабля, как это было уже засвидетельствовано находками в Средиземном море²¹. Были также найдены куски песчаника, внутри которых заключались более или менее хорошо сохранившиеся остатки деревянных или металлических предметов. При вскрытии одного из песчаников было обнаружено, что внутри его находится топор, нужно думать принадлежавший корабельному плотнику. Деревянная рукоять топора сохранилась очень хорошо, длина ее 40 см, ширина 2,5 см. Металлическая часть полностью разрушена коррозией, однако от нее сохранилась своего рода форма, с помощью которой оказалось возможным отлить гипсовый слепок разрушенного предмета. Близкой аналогией донузлавской находке является топор корабельного плотника, от которого также уцелела только «каменная форма», найденная в районе Канн при подводных исследованиях в 1953 г.²²

О грузе донузлавского корабля свидетельствуют поднятые со дна моря остроносовые амфоры и их многочисленные фрагменты. Все они происходят из Гераклеи Понтийской. На амфорах были клейма, относящиеся к пяти группам. Первая — с двустрочным клеймом ΕΥΩΠ | ΙΔΑ²³, вторая — также с двустрочным клеймом ΧΙΩ | ΝΟΣ²⁴ (причем между строками помещено изображение палицы), третья — с клеймом ΜΙΚΟ..., четвертое клеймо круглое: Χ | ΙΟ, от пятого, двустрочного, сохранились только последние буквы. Судя по формам, все гераклеийские амфоры относятся к концу IV — началу III в. до н. э.; с этой датой находятся в соответствии и оттиснутые на них клейма. Сказанное определяет время гибели корабля и вместе с тем позволяет заключить, что донузлавский корабль шел с южного берега Черного моря. Застигнутый штормом, он потерпел крушение у западного берега Крыма. Судно затонуло на неглубоком месте; многочисленные последующие штормы, сильно разрушив корабль, разбросали его части и остатки груза на значительном пространстве.

В античную эпоху в районе Донузлава кораблекрушения, по всей видимости, случались неоднократно, об этом свидетельствуют найденные при исследованиях 1964—1965 гг. обломки керамики архаического и римского времени.

Остановимся теперь на главнейших задачах дальнейших подводных исследований. Как нам представляется, основные усилия должны быть направлены на изучение древних и средневековых кораблей, затонувших в Черном море на глубинах свыше 200 м — там, где обилие сероводорода позволяет надеяться на хорошую сохранность не только дерева, но и других органических веществ: кости, тканей и, что особенно важно, папируса, а также пергамента. Свидетельство Ксенофонта²⁵ позволяет заключить, что в начале IV в. до н. э. произведения греческих писателей

были одним из товаров, ввозившихся в города Причерноморья. Это делает возможными находки трудов древних авторов, которые могут значительно обогатить наши представления об античной литературе. Столь же важными могут оказаться и находки средневековых рукописей.

- ¹ Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854, т. I, с. CIV, примеч. 4 (Ф. Жиль); Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 114 и сл.
- ² Strab., VII, 4, 5; XI, 2, 6; Ptol., V, 8, 5; Steph. Byz., Ἀρχιλλεὺς δρόμος.
- ³ Уваров А. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Выпуск первый. СПб., 1851, с. 40.
- ⁴ Фармаковский Б. В. Ольвия. М., 1915, с. 123.
- ⁵ Фармаковский Б. В. Отчет о раскопках Ольвии в 1924 году.—СГАИМК, 1926, т. I, с. 145, рис. 3 (Генеральный план Ольвии по чертежу В. И. Деренкина 1915 г.); Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии.—КСИИМК, 1948, вып. XXII, с. 32 и сл.
- ⁶ К. Герц разделял мнение Ф. Жилия (Герц К. Археологическая топография..., с. 88).
- ⁷ Колли Л. П. Следы древней культуры на дне морском. Современное положение вопроса о нахождении в море античных памятников.—ИТУАК, Симферополь, 1909, № 43, с. 126.
- ⁸ Колли Л. П. Следы древней культуры..., с. 130.
- ⁹ Подробнее об этой дискуссии: Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М., 1963, с. 29 и сл.
- ¹⁰ Блаватский В. Д., Кузищин В. И. Подводные разведки в 1958 г.—КСИИМК, 1961, вып. 83, с. 136 и сл.
- ¹¹ Кобылина М. М. Фанагория.—МИА, 1956, № 57, с. 10—12.
- ¹² Strab., XI, 2, 10.
- ¹³ Блаватский В. Д. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г.—СА, 1961, № 1, с. 277 и сл.
- ¹⁴ Блаватский В. Д. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г.—СА, 1961, № 4, с. 148 и сл.; Blawatsky W. D. An Underwater Expedition to the Azov and Black Seas.—Archeology, 1963, vol. 16, N 2, p. 93 f.
- ¹⁵ Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. Leipzig, 1923, I, S. 92, § 86; III, S. 9, Abb. 47; Lambrino M. F. Les vases archaïques d'Histria. Bucuresti, 1938, p. 39 et suiv., fig. 7, 8, p. 42 s.
- ¹⁶ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 48, рис. 8, табл. XXIII.
- ¹⁷ ОАК, за 1900 г., с. 19 и сл.; Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса.—СА, 1958, № 4, с. 144 и сл.
- ¹⁸ Блаватский В. Д. Подводные разведки в Ольвии.—СА, 1962, № 3, с. 225 и сл.
- ¹⁹ Также была обследована каменная платформа, лежащая против средней части городища, обмеры которой ранее производились В. И. Деренкиным. Измерения 1961 г. выявили неточности прежнего плана и особенно разреза. Раньше платформу необоснованно называли пристанью. Меж тем, только расположение ее в 130 м от нынешнего берега исключает возможность такого назначения платформы. Над уровнем лимана платформа поднимается всего на 5—40 см, длина ее 75 м, ширина 29 м; она имеет ровную верхнюю поверхность и во всяком случае местами состоит из камней, плотно пригнанных один к другому. На платформе были найдены фрагменты керамики IV—III вв. до н. э.
- ²⁰ Блаватский В. Д., Петерс Б. Г. Подводные археологические работы в районе Евпатории.—КСИА, 1967, вып. 109, с. 73 и сл.
- ²¹ Cousteau J.-Y. Fish-Men discover a 2200-Year-old Greek Ship.—The National Geographical Magazine, 1954, CV, N 1, 1954, p. 16.
- ²² Barnier G. Découvertes d'outils antiques au fond de la mer.—In: Atti del II Congresso Internazionale di Archeologia Sottomarina. Albenga, 1958, p. 310 et s., fig. 9—15.
- ²³ Шелов Д. Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории.—МИА, 1956, № 57, с. 150.
- ²⁴ Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 126; Граков Б. Н. Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор.—Труды ГИМ, 1926, вып. 1, с. 191, 205, № 63.
- ²⁵ Xenoph., Anab., VII, 5, 12.

О РИМСКИХ ВОЙСКАХ НА ТАВРИЧЕСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В I В. Н. Э.*

История пребывания римских войск на Таврическом полуострове в I в. н. э. выяснена, в главных чертах, на основе свидетельства древних авторов и лапидарной эпиграфики. В этой работе мы остановимся на причинах, побуждавших Рим отправлять свои войска на Боспор и под Херсонес. При этом попытаемся посылить привлечь не только письменные, но также и археологические источники.

По всей видимости, впервые римские войска вступили на территорию Боспора в 44—45 гг. н. э. Нам почти неизвестно о первой фазе войны римлян против боспорского царя Митридата II (39/40—44/45 гг. н. э.). Можно только предполагать, что какие-то действия Митридата II возбуждали настороженность правительства императора Клавдия. В этой сложной обстановке в Рим был отправлен, видимо для переговоров, брат Митридата II — Котис. По словам Тацита¹, Котис оказался предателем, вероятно, донесения его побуждали Рим добиваться вооруженной силой замены боспорского царя его недостойным преемником.

Насколько нам известно, это событие — исключительное для взаимоотношений Рима и Боспора. Так, во времена войны с Митридатом Евпатором, последним прибежищем которого был Пантикапей, римские войска не вступали на боспорскую землю. Даже многократное устранение боспорцами римских ставленников — Фарнака, Митридата Пергамского, Скрибония и Полемона Понтийского с последовавшим захватом власти местными претендентами — не повлекло за собой какого-либо военного вмешательства Рима; также и воцарение Митридата II вместо намеченного Римом Полемона Киликийского не вызвало противодействия римских вооруженных сил².

Трудно допустить, что только замена Митридата II ничтожным Котисом I входила в намерения Клавдия, направившего³ довольно большие силы против Боспора. О размерах римского корпуса можно судить по тому, что во главе его стоял *dux*⁴, обычно присваивался в экстраординарных случаях командирам крупных отрядов размером не менее легиона.

С легионом (или, может быть, с двумя), вероятно, следовало некоторое число вспомогательных войск. Принимая во внимание сказанное, общая численность корпуса, который вел *dux* Дидий Галл, нужно думать, была не менее 7000—8000 человек, а вполне возможно, и много больше.

Чтобы представить себе значение, которое имел в глазах римского командования во времена Юлиева — Клавдиев готовившийся в поход корпус Дидия Галла, достаточно сказать, что при Тиберии берег Дуная занимали два легиона в Паннонии и два в Мезии, а границу от начала Сирии до Евфрата около Албанского и Иверского царства — четыре легиона.

* Блаватский В. Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. — *Archaeologia Polona. Miscellanea C. Majewski oblata*. Wrocław; Warszawa, 1973, XIV, p. 215—222.

По всей видимости, дух Дидий Галл располагал более значительными войсками, чем те, которые были у Диофанта, когда он отправлялся в поход против скифов⁵. Возможно, что быстрое выступление Дидия Галла было неожиданным для Боспора и против более сильного противника не могли устоять, вероятно, еще не подготовленные к войне вооруженные силы Митридата II.

Описанная Тацитом⁶ вторая фаза войны показывает сложность обстановки как в Боспорском государстве, так и среди местных племен за его пределами. Потерявший свои владения Митридат II оказывается в состоянии найти поддержку в племенном мире, а также привлечь перебежчиков с Боспора. С этим войском Митридат II глубоко вторгается в азиатский Боспор. В это время Сираки возобновили враждебные отношения к римлянам. Противники Митридата II располагали оставшимися на Боспоре когортами Юлия Аквилы и конницей привлеченных к союзу аорсов, а также боспоранцами, снабженными римским оружием. Одолеть это войско оказалось невозможным для Митридата II, и на боспорском престоле удержался Котис I⁷. После этого римляне ушли с Боспора⁸.

Вернемся к вопросу, что побудило Рим выступить против Митридата II. Конечно, это была какая-то очень основательная причина. Видимо, Митридат II отнюдь не был позером, как его иногда⁹ называют, а незаурядным правителем, имевшим большие, весьма смелые планы. Являясь праправнуком Митридата Евпатора, он, возможно, нередко называл себя «потомком великого Ахэмена»¹⁰. Вероятно, Митридат II тяготился зависимостью от Рима, который пятикратно в течение последнего столетия навязывал Боспору своих ставленников, нередко приносивших смуты и разорения. Все это побуждало решительного боспорского царя по примеру Евпатора создать мощную коалицию Боспора и северочерноморских племен для борьбы с Римом.

К сожалению, о внутреннем положении на Боспоре в первой половине 40-х годов I в. н. э. сведений крайне мало. Вряд ли можно сомневаться в том, что дошедший до нас титул Аспурга в надписях Менестрата, сына Менестратова¹¹, а также 320 г. боспорской эры (23 г. н. э.)¹², не был анахронизмом, а вполне отвечал исторической действительности. Согласно этим надписям, местное население азиатской части Боспорского государства на протяжении четырех столетий сохранило свой этнический характер. Равным образом более или менее эллинизированные сарматские переселенцы, появившиеся на Боспоре¹³ во второй половине I в. до н. э. и в первых десятилетиях I в. н. э., вряд ли в такой мере могли слиться с населением Боспора, чтобы составить с ним единый монолитный массив.

Уже во времена междоусобной войны сыновей Перисада I (310/309 г. до н. э.) племенной мир азиатского Боспора показал свою силу боспорским грекам. Можно думать, что подобные выступления в истории Боспора не были единичным явлением¹⁴, а за полустолетие до воцарения Митридата II вмешательство Аспургидов решило судьбу Полемона Понтийского.

Таким образом, на Боспоре в первой половине I в. н. э. греческим обитателям в известной мере противостояло местное, преимущественно

иранское, а отчасти, возможно, иное население. Со времени превращения Рима в мировую державу греки почти повсеместно ей подчинились. Страбон¹⁵, говоря о Боспоре, подчеркивает его покорность Риму. Вероятно, известный географ прежде всего имел в виду греческое население Боспора, ибо именно Страбону¹⁶ принадлежат сведения об убийстве Аспургианами римского ставленника Полемона Понтийского.

Нужно думать, что Митридат II, готовясь освободить Боспор от тяжелой руки Римской империи, намеревался опереться прежде всего на негреческое население его государства, а также на обширный племенной мир за его пределами.

Задолго до завершения подготовки коалиции к войне предатель Котис выдал планы брата римлянам. Конечно, в итоге борьбы Митридат II вряд ли смог бы добиться для Боспора желательного суверенитета, однако он наверно причинил бы немалые трудности и заставил бы выставить против него весьма большие силы. Союзная с Боспором многочисленная сарматская конница катафрактариев была несокрушима; по словам Тацита¹⁷, вряд ли какой-либо строй может ей противиться (*vix ulla acies obstiterit*). К тому же, в это время¹⁸ сарматы и парфяне постоянно угрожали границам Римской империи.

Поэтому Риму нужно было предотвратить готовую вспыхнуть войну. Возможно, сначала Рим прибег к ультимату¹⁹, который был отвергнут Митридатом II. Иногда утверждают, что чеканка²⁰ золотой монеты с титулом Митридата II и без упоминания римского императора, а также медных монет с портретами царя и его матери или со звездой и полумесяцем были настолько явным вызовом Риму, что после этого конфликт был неизбежен. Как нам кажется, только гораздо более серьезные причины могли побудить Рим начать превентивную войну, бросив довольно значительную армию против Боспора.

* * *

В совершенно иных исторических условиях происходила следующая крупная военная акция Рима в Северном Причерноморье. В правление Нерона состоялся большой поход легата Нижней Мезии Т. Плавтия Сильвана под Херсонес.

В это время внутреннее положение Херсонеса сильно отличалось от обстановки в Боспорском государстве. По свидетельству Плиния, Херсонес был самым блестящим в этих местах благодаря сохранению греческих обычаев: «*граесіуі нitoris in toto eo tractu custoditis Graeciae moribus...*»²¹. Источник Плиния, откуда были почерпнуты эти сведения, конечно, несколько раньше времени знаменитого ученого, однако вряд ли будет ошибкой отнести сказанное и к середине I в. н. э.

Итак, Херсонес оставался греческим полисом, хотя, вероятно, еще при Асандре²² ему пришлось вступить в *συνδικία* с Боспором²³. Однако эта *συνδικία* несколько не отразилась на внутренних делах Херсонеса. Полис продолжал чеканить монету²⁴, следуя прежним типам, а в титулах боспорских царей (во всяком случае, Аспурга)²⁵ херсонесцы даже не были упомянуты.

В Херсонесском государстве были значительные социальные проти-

воречия. Первоначально Херсонес был демократическим полисом²⁶ и между гражданами не было значительного экономического неравенства, как это показывают близкие размеры размежеванных клеров²⁷. Однако уже к началу II в. до н. э. произошло значительное укрупнение земельных владений²⁸. Земельная аристократия к I в. н. э. постепенно пришла к власти. Произошло столкновение крупных землевладельцев с демократическими слоями населения²⁹. Об этом говорит сильно поврежденная надпись³⁰, сообщающая об упорной борьбе одного херсонессца с тираном. Эти события, происходившие, вероятно, в первой половине I в. н. э., завершились поражением тирании.

Греческие, особенно олигархические и аристократические, полисы нередко склонялись в сторону Рима. Так было и в Херсонесе, который предпочел подчинение Риму почти номинальной зависимости от полуварварского Боспора. Последний в царствование Котиса I был настолько слаб, что не мог в случае опасности помочь формально подчиненному ему Херсонесу³¹.

В первой половине 60-х годов I в. н. э. Херсонес испытал сильный натиск скифов и искал помощи у римлян. В это время военная экспансия в странах, прилегающих к Понту Евксинскому, полностью входила в планы римского правительства³², которое ставило своей задачей обеспечить навигацию по Черному морю. С этой целью римские вооруженные силы должны были занять ряд пунктов по Черноморскому побережью, в том числе и на южном берегу Крыма.

Легат Нижней Мезии Плавтий Сильван двинул войска и снял осаду с Херсонеса, как об этом говорится в его эпитафии: «Scytharum quoque rege(m) a Cherronesi quae est ultra Borustenen opsitione summoto»³³. Это произошло между 62³⁴ и 66 гг. н. э. После победы над скифами в Херсонесе был оставлен римский гарнизон, а очень хорошая Херсонесская гавань стала служить стоянкой для отряда Равеннской эскадры.

Относящееся к 66 г. н. э.³⁵ свидетельство Иосифа Флавия сообщает о том, как были реализованы планы римского правительства, о которых уже было упомянуто.

У Иосифа Флавия в той части речи Агриппы, где говорится о римской мощи, отмечено, что гениохи, колхи, тавры, боспоранцы и обитатели побережий Понта и Меотиды, ранее не признававшие даже собственного владыки, ныне держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов (т. е. легионеров.— В. Б.) и сорока длинными (т. е. военными.— В. Б.) кораблями: *τὶ δὲ λέγειν Ἡνιόχους τε καὶ Κόλχους καὶ τὸ τῶν Ταύρων φύλον, Βοσπορανούς τε καὶ τὰ περίοικα τοῦ Πόντου καὶ τῆς Μαϊώτιδος ἔθνη, παρ' οἷς πρὶν μὲν οὐδὲ οἰκείος ἐγίνωσκετο δεσπότης, νῦν δὲ τρισχιλίοις ἐπλίταις ἐποτάσσεται, καὶ τεσσαράκοντα νῆες μακραί τὴν πρὶν ἄπλωτον καὶ ἀγρίαν εἰρηνέουσι θάλασσαν...*³⁶.

Нужно думать, что в свидетельстве Иосифа Флавия число легионеров и кораблей довольно близко истине. Напротив, сведения о подчинении Риму всех местных племен, особенно по Меотиде, очень сильно преувеличены. Как размещены были римские войска, нам неизвестно. Несомненно, часть их стояла в Херсонесе³⁷, о чем говорят надписи в честь легатов и пропреторов Веспасиана³⁸ и Домициана³⁹. О численности херсонесского гарнизона не имеется точных данных, но, по всей ве-

роятности, количество римских войск не могло быть очень значительным.

В Херсонесе римский гарнизон стоял в цитадели, обрамленной со всех сторон стенами. Цитадель находилась на юго-восточной окраине⁴⁰ города и занимала площадь около 0,7 га; периметр стен ее был около 230 м⁴¹. Размеры цитадели показывают, что численность херсонесского гарнизона соответствовала не более чем одной когорте.

В рассматриваемое время на южном берегу Крыма было занято таврское *refugium*⁴² и превращено в римское *castellum*, видимо получившее название *Charax*⁴³. Судя по найденным керамическим клеймам, в последней трети I в. н. э. там стояла вексилляция Равеннского флота⁴⁴.

Размеры укреплений Харакса точно не установлены. Наспех сложенная верхняя стена Харакса, близкая по типу лагерному *vallum*, со стороны суши ограждавшая вершину холма, имела протяжение до 400 м. Площадь внутри стены была около 2 га⁴⁵. Указанные размеры укрепления побуждают думать, что в I в. н. э. в его гарнизон входили не только моряки, но также и пехота, скорее всего из вспомогательных войск.

Бóльшие размеры площади Харакса, чем цитадели Херсонеса, еще не означают, что во втором военных сил было меньше, чем в первом. На войсках, стоявших в Херсонесе, лежали более сложные задачи: прежде всего защищать довольно обширный город; к тому же в Херсонесской гавани стояла часть римского флота, что вряд ли было возможно около Харакса.

К сказанному в основном сводятся довольно скудные сведения о римских войсках на южном берегу Крыма в I в. н. э. Более обильны эти сведения для последовавших столетий.

Возможно, что в 60-х годах I в. н. э. был занят и Боспор, как это можно заключить по словам Иосифа Флавия⁴⁶.

Рассмотрев вопросы о вмешательстве Рима в боспорские дела и о последующем походе под Херсонес, приходим к выводу, что военные действия римских войск на Таврическом полуострове в I в. н. э. носили эпизодический характер. В дальнейшем Рим держал свои войска преимущественно в проримском Херсонесе и в его районе.

Менее ясен вопрос о пребывании на Боспоре римских войск во II—III вв. н. э. Известны только найденные в Пантикапее два надгробия⁴⁷ рядовых воинов IV Кипрской когорты, относящиеся к II—III вв. н. э., что, конечно, недостаточно для утверждения о продолжительной оккупации Боспора римскими войсками, и особенно значительными вооруженными силами.

Нужно думать, что в основном римская политика на Боспоре во II—III вв. н. э. была довольно близкой той, которая проводилась в предшествовавшие столетия и преимущественно сводилась к поддержке царей, приемлемых для Рима.

¹ *Tac., Ann., XII, 18: frater Cotys, proditor...*

² Так, по-видимому, следует понимать очень краткое свидетельство Диона Кассия об этих событиях (*Dio Cass., LX 8, 2*).

³ *Tac., Ann., XII, 15.*

⁴ *Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса.— ИАК, 1907, вып. 23, с. 2, 3.*

- ⁵ *Strab.*, VII, 3, 17.
- ⁶ *Tac.*, Ann., XII, 15—16.
- ⁷ Возможно, что в царствование Котиса I была сформирована ala I Bosporanorum, которая в I в. н. э. стояла в Сирии недалеко от Dura Euphratis; во II в. н. э. она была переведена в Дакию (Cichorius, *Ala.*— RE, I, Sp. 1234).
- ⁸ *Tac.*, Ann., XII, 17.
- ⁹ Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 603.
- ¹⁰ *Tac.*, Ann., XII, 18.
- ¹¹ IOSPE, II, N 36.
- ¹² Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.—МИА, 1957, № 56, с. 69.
- ¹³ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 63, 64, 133—135.
- ¹⁴ Как известно, в последней четверти II в. до н. э. Боспором правил архонт Гигиайнонт (*Шкорпил В. В.* К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта, в кн.: ПРОЕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ—Сборник статей в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911, с. 31—34; *Граков Б. Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее.—ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 207; *Зограф А. Н.* Античные монеты.—МИА, 1951, № 16, с. 183). Вряд ли Гигиайнонт мог принадлежать к правившей до и после него династии Спартокидов. Как имя, так и титул, свидетельствуют против такого предположения. Скорее всего, в Гигиайнонте следует видеть представителя греческих граждан, выдвинутого в противовес местному населению. Такой захват власти, свидетельствующий о немалых внутренних противоречиях, вероятно, был результатом довольно острой борьбы. Внутренняя борьба, нужно думать, возобновилась через два-три десятилетия и привела к реставрации власти Спартокидов.
- ¹⁵ *Strab.*, VI, 4, 2.
- ¹⁶ *Strab.*, XI, 2, 11 (p. 495); XII, 3, 29 (p. 556).
- ¹⁷ *Tac.*, Hist., I, 79.
- ¹⁸ Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, p. 153.
- ¹⁹ Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 151.
- ²⁰ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 197, 198.
- ²¹ *Plin.*, N. H., IV, 85.
- ²² Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес.—ИАК, 1917, вып. 63, с. 19, 20.
- ²³ *Strab.*, VII, 4, 3, (p. 309).
- ²⁴ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 153, 154.
- ²⁵ IOSPE, II, № 36.
- ²⁶ IOSPE, I², № 401.
- ²⁷ Большинство клеров херсонесских граждан, разбитых, вероятно, в конце IV в. до н. э. на Гераклейском полуострове, довольно близко по размерам (*Стржелецкий С. Ф.* Клery Херсонеса Таврического (Херсонесский сборник VI). Симферополь, 1961, с. 50 и сл., 168, 169, рис. 1).
- ²⁸ Об этом свидетельствует массовая продажа земельных участков, засвидетельствованная государством в конце III—начале II в. до н. э. (IOSPE, I², № 403; IV, № 80).
- ²⁹ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 99—101.
- ³⁰ IOSPE, I², № 355.
- ³¹ Об этом сохранилось очень краткое указание Флегонта Тралийского (*Phleg. Olymp.*, XV, fr. 22), переданное Константином Порфирогенитом (*Const. Porphyrog.* De them., II, 12).
- ³² Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с юга России.—ИАК, 1909, вып. 33, с. 9, 10.
- ³³ *CIL*, XIV, 3608 I. 23—24.
- ³⁴ Minns E. H. *Scythians and Greeks*, p. 523, note 2.
- ³⁵ Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость.—ЖМНП, 1900, с. 142.
- ³⁶ *Joseph. Fl. De bello Jud.*, II, 16, 4.
- ³⁷ Гарнизон Херсонеса был составлен из вексилляций, выделенных как легионами, так и вспомогательными войсками (Ростовцев М. И. Новые латинские надписи..., с. 21).
- ³⁸ IOSPE, I², N 421.
- ³⁹ IOSPE, I², N 422.
- ⁴⁰ Белов Г. Д. Херсонес Таврический, с. 110.
- ⁴¹ Бертье-Делягард А. Л. О Херсонесе.—ИАК, 1907, вып. 21, с. 91 и сл., табл. II.
- ⁴² Rostovtzeff M. *Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax*. Klio, 1902, II, S. 90; Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев.—ИАК, 1911, вып. 49, с. 9; Дьяков В. Н. Древности Ай-Тодора. Ялта, 1930, с. 32; Блаватский В. Д. Харакс.—МИА, 1951, № 19, с. 250, 259, рис. 2, 3.

⁴³ Ростовцев М. Н. Римские гарнизоны..., с. 158.

⁴⁴ Там же, с. 154—157; Блаватский В. Д. Харакс, с. 254, 287, рис. 25.

⁴⁵ Блаватский В. Д. Харакс, с. 280 и сл., рис. 1—2.

⁴⁶ Joseph. Fl. De bello Jud., II, 16, 4.

⁴⁷ Таковы: надгробие II—III вв. н. э. Гайя Меммия, служившего в Кипрской когорте (IOSPE, II, № 293) и Люция Волюсия, воина той же когорты из центурии Эляя Секунда. Последняя надпись, датируемая II в. н. э., представляет латино-греческую билингву (Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 году.— ИАК, 1902, вып. 3, с. 39—41, № 5).

ДОРЯНЕ В XIV—XIII ВВ. ДО Н. Э.*

Гиперкритика сильно вредила историческим исследованиям XIX и XX вв., особенно древнейшей истории дорян. В последнее время установлено много новых фактов, показывающих, что античная традиция часто содержит рациональное зерно. Примитивный счет времени по поколениям, сохраненный греками, позволяет выяснить историческую последовательность, а нередко дает основу примерной хронологии.

Геродот¹, говоря о древнейших событиях в истории дорян, называет их племенем, которое очень много (или далеко) странствовало: *πολλήλάνητον κάρτα*. По словам Фукидида², раньше в Элладе происходили переселения и каждый народ, теснимый другими, легко покидал свою страну. Население преимущественно менялось в самых лучших областях: таковы были Фессалия, Беотия, большая часть Пелопоннеса и плодороднейшие земли остальной Эллады.

Далее Фукидид отмечает, что такие перемещения продолжались и после Троянской войны³, особенно движения беотян и дорян; лишь много позднее население Эллады осело крепче⁴.

По свидетельству Геродота⁵ можно заключить, что примерно в XIV в. до н. э. доряне обитали в юго-западной Фессалии, в горах Фтиотиды. Позднее доряне⁶ — или часть их — жили в Гистиэотиде (*Γιστιαιώτις*), у подошвы Оссы и Олимпа. Затем они поселились на Пинде в области, получившей с того времени название Дориды⁷. Вторжение дорян, вернее сильного союза дорийских племен, на эту территорию означало, что пришельцы, глубоко врезавшись в земли локров, разделили их надвое.

В течение всего этого периода доряне, вероятно, были воинственными скотоводами и земледельцами, в социально-экономическом отношении близкими обитателям Этолии и Акарнании в первой половине I тысячелетия до н. э.

Много позднее Дорида стала метрополией Спарты, о чем свидетельствует Тиртей⁸; Геродот⁹ назвал ее метрополией пелопоннесских дорян.

По словам Фукидида, в древности часть эллинов и варваров занималась пиратством¹⁰; грабежи происходили и на суше¹¹. Эти разбои стали своего рода военным промыслом.

Дорийские дружины, по всей видимости из Дориды, предпринимали

* Blawatsky W. Les Doriens aux XIVe et XIIIe siècles av. n. è.— Ziva Antika, god XXV. Skoplje, 1975, sv. 1—2, p. 362—365.

довольно далекие походы для захвата добычи. Так, в «Илиаде» упоминаются походы Геракла на Эфиру и Пилос. Гомер¹² сообщает, что Геракл опустошил Эфиру на реке Селлеенте и многие города (*πέρσας ἄστεα πολλὰ...*); названный город, видимо, находился в Элиде, как об этом свидетельствует Страбон¹³, ссылающийся на Деметрия Скепсийского.

В «Илиаде»¹⁴ Нестор рассказывает, как во время его юности Пилос подвергся сильному нападению Геракла, видимо с дорийской дружиной. Это свидетельство позволяет наметить время походов, связанных с именем Геракла.

Согласно наиболее ранней традиции, сохраненной Геродотом¹⁵, Троянская война произошла во второй четверти XIII в. до н. э. На довольно близкое время указывают и результаты археологических исследований — около 1260 г. до н. э.¹⁶

Исходя из юного возраста Нестора во время нападения Геракла на Пилос, это событие следует отнести примерно к рубежу XIV и XIII вв. до н. э. Эта дата позволяет определить время больших дальних походов дорийских дружин, предшествовавших завоеваниям новых земель в Пелопоннесе.

Не будем останавливаться на других более поздних свидетельствах о походах Геракла, достоверность которых нередко сомнительна.

В рассматриваемый период у дорийских племен, возможно, происходили некоторые внутренние процессы и изменения их институтов.

Современником Геракла античная традиция¹⁷ считает дорийского царя Айгима (или Айгимия). Наряду с сыном Геракла, Гиллом, сыновья Айгима Памфил и Диман стали героями-эпонимами трех дорийских фил: *Πάμφυλοι*, *Ὑλλεῖς* и *Δυμῆνες*. С именем Айгима связаны древнейшие дорийские установления. Свидетельство об этих установлениях имеется у Пиндара¹⁸, который в I пифийской оде говорит: «вечно неизблемые у дорян установления Айгима»:

αἰεὶ μένειν τεθροῖσιν ἐν Αἰγίμοῳ | Δωριεῖς.

Конечно, в данном случае речь идет не о письменном законодательстве, а о некоторых изустно передаваемых нормах социальной жизни, установление которых дорийская традиция связала с полумифологическим именем Айгима. К сожалению, ни в одном из сохранившихся письменных источников ничего не говорится о содержании этих древнейших эллинских установлений, появившихся не позднее начала XIII в. до н. э.

От дорийского эпоса почти ничего не уцелело. Наши сведения были бы значительно полнее, если бы сохранились эпические произведения VIII—VII вв. до н. э., хотя бы *Κορινθιακὰ* Евмела Коринфского, *Ἠράκλεια* Кинэфона Лакедэмонского или одноименная поэма Пейсандра Родосского, а также *Αἰγίμιος*, авторство которого не установлено. Вряд ли можно сомневаться в том, что корни этих эпических сказаний глубоко уходят во II тысячелетие до н. э.

В ограниченной мере пополняет представление об общественных институтах у дорян во время походов и переселений спартанский летний праздник *Καρνεῖα*¹⁹, который был посвящен Аполлону, покровителю скота. Во время праздника на девяти площадях Спарты ставили по три шалаша, по одному от каждой филы; девять дней в них жили по девяти

спартиатов, они ели вместе и все делали по приказу. Жрец, совершавший праздничные обряды, назывался *ἀγέτας* — вождь.

Во время Карней один участник, представлявший хороший урожай, убегал, а другие (*σταφυλοδρόμοι*) старались его догнать. Этот обряд восходит к глубокой древности, когда предки дорян посредством примитивной магии стремились обеспечить обильный урожай и приплод скота. Со времени больших походов и передвижений картина лагерной жизни постепенно стала первенствовать в Карнеях.

По словам Геродота²⁰, Гераклиды, т. е. доряне, под предводительством Гилла unsuccessfully пытались проникнуть в Пелопоннес через Исфакийский перешеек. Гилл является сыном²¹ Геракла, следовательно, по датировке поколений, это произошло около второй четверти XIII в. до н. э.

Переселение дорян в Пелопоннес завершает рассматриваемый период их истории.

Фукидид²² свидетельствует о том, что доряне вместе с Гераклидами овладели Пелопоннесом через 80 лет после взятия Илиона. Исходя из вероятной даты падения Трои — около 1260 г. до н. э. — вторжение дорян в Южную Грецию можно отнести примерно к 1180 г. до н. э.

Как показали раскопки, некоторые ахейские города в северо-восточном и юго-западном Пелопоннесе (Микены, Бербати, Зигуриес, Просимна, Тиринф, Пилос) были разгромлены примерно в 1200—1190 гг. до н. э.²³ Число других населенных пунктов в Арголиде, Коринфии и Лакедэмон²⁴, довольно большое в XIII в. до н. э., в следующем столетии сильно упало.

Столь близкое совпадение датировок античной традиции (во многом опиравшейся на изустную хронологию) и нынешних археологических исследований позволяет заключить, что эти города и поселения были опустошены вторжением дорян.

Итак, переселение дорян в Пелопоннес следует отнести к первой четверти XII в. до н. э. Этим большим событием завершается древнейшая история дорян и начинается история Аргоса, Лакедэмона, Мессении и других дорийских центров.

¹ Herod., I, 56.

² Thuc., I, 2, 1—3.

³ Thuc., I, 12, 1—3.

⁴ Thuc., I, 12, 4.

⁵ Herod., I, 56.

⁶ Herod., VIII, 56.

⁷ Herod., VIII, 31 et 43.

⁸ Тиртей в Евномии назвал метрополией Спарты небольшой город Эринейон, находящийся в Дориде (Tyrt., fr. 2).

⁹ Herod., VIII, 31.

¹⁰ Thuc., I, 5, 1—2.

¹¹ Thuc., I, 5, 3.

¹² Hom., II, II, 658—660.

¹³ Strab., VII, 7, 10, p. 328. По Аполлодору, эта Эфира находилась в земле феспротов в Эпире (Apollod., bibl., II, 7, 6). Не исключена возможность, что два сказания о двух нападениях дорян, персонифицированных в облики Геракла, на Эпир и Элиду в дальнейшем слились в одно сказание об одном походе, который связывали то с одной, то с другой Эфирой.

¹⁴ Hom., II, XI, 688—691.

¹⁵ Herod., II, 145 (несколько более восьмисот лет от времени Геродота).

¹⁶ Blegen C. W. Troy and the Trojans. New York, 1963, p. 163.

¹⁷ Apollod., bibl., II, 7, 7.

¹⁸ Pind. Pyth., I, 64, 65.

¹⁹ *Athen. Deipn.*, IV, 19 e. f. (141), по Деметрию Скепсийскому.

²⁰ *Herod.*, IX, 26. ²¹ *Herod.*, VII, 204.

²² *Thuc.*, I, 12, 26.

²³ *Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean age.* Princeton; New Jersey, 1966, p. 219—224.

²⁴ *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages.* London, 1972, p. 19—20.

ВОПРОС О ФРАКОЯЗЫЧНОМ НАСЕЛЕНИИ В ПРИКУБАНЬЕ И В БОСПОРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ *

Наличие на территории Боспора временами значительного числа уроженцев Фракии не подлежит сомнению. На это указывает свидетельство Диодора Сицилийского¹ о фракийских наемниках, около двух тысяч которых служили в войске Сатира II во время войны с Евмелом (309 г. до н. э.).

Значительно сложнее решить вопрос о преемниках существовавшего на Северном Понте в первых веках I тысячелетия до н. э. большого союза племен, именуемого в античной традиции Киммерии. Свидетельство Геродота² позволяет заключить, что в его время имя киммерийцев в Северном Причерноморье еще жило в двух районах: первый — западный, у реки Тиры, второй — восточный, у Боспора Киммерийского. Видимо, вторжение скифов разделило³ киммерийцев на части: из них одна двинулась на запад, а другая обосновалась около Керченского пролива⁴ и, вероятно, к востоку от него. Возможно, что с этой группой киммерийцев связано нечеткое свидетельство Плутарха⁵.

В нашу задачу не входит исследование западной части киммерийского мира, некоторые идеологические связи которого с Фракией уже давно были установлены Г. Кацаровым⁶, а недавно изучались черты сходства культуры доскифского времени в Прикарпатье и Фракийского Гальштата⁷.

Обратимся к судьбе восточной группы преемников киммерийцев. Согласно античной традиции, территория, занимаемая меотскими племенами (Μαῖται, Μαῖοται, Μαῖῆται), обычно не включалась в Скифию или в Сарматии. Это побуждает думать, что хотя бы часть меотских племен принадлежала не к иранцам, а к иным этническим элементам. Ими скорее всего могли быть задержавшиеся здесь преемники восточной группы киммерийцев.

Греческая традиция, как уже давно было отмечено⁸, твердо связывает киммерийцев с фракийцами. По свидетельству Страбона⁹, одно из фракийских племен — треры были киммерийского происхождения. Другое сообщение того же автора¹⁰ говорит о переселении треров, видимо не связанном с движением киммерийцев в Малую Азию. Сведения, сообщенные Страбоном, подкрепляются данными этнонимии и топонимии.

* *Blawatsky W. Le problème de la population de langue Thrace dans la région du Kuban et dans l'état du Bosphore. — Revista de la Universidad Complutense (Homenaje a Garcia Bellido II).* Madrid, 1976, julio-agosto, vol. XXV, N 104, p. 185—193.

мики. В азиатской части Боспора обитали Σινδοί¹¹, а во Фракии, по верхнему течению Стримона или около Абдеры, жили Σιντοί или Σιντιες¹². Должно отметить, что Страбон¹³ с полной определенностью говорит ... Σιντοί, ἔθνος Θρακικόν ... На Европейском берегу Боспора находился небольшой город, местное наименование которого было Τυριστάκη¹⁴ или Τυριστάκη¹⁵, а во Фракии и Мезии город Τίριστας¹⁶ — Tiristasis¹⁷, а также горы Τίρις ἄκρα¹⁸ — Tiristis promonturium¹⁹ — Τίριστις ἄκρα или Τίριστις²⁰. Все эти наименования фракоязычные²¹; они означают — «берег, край».

Боспорский город Τυριστάκη впервые упоминается довольно поздно — только у Клавдия Птолемея²². Однако археологические находки как в городе²³, так и в ближайших окрестностях²⁴ побуждают думать, что название Τυριστάκη восходит к киммерийцам. Находки догреческого времени известны и в других частях Европейского²⁵ и Азиатского²⁶ Боспора.

Отчасти подтверждает сказанное близость металлических изделий Фракии и Прикубанья в киммерийское время²⁷.

Весьма важным источником для решения поставленного вопроса являются фракийские имена рядового (т. е. не принадлежавшего к правителям) населения Боспорского государства. Наличие таковых в боспорских надписях aetatis Romanae давно было отмечено²⁸. Недавно вышедшие работы лингвистов показали, что количество фракийских имен на Боспоре хотя и уступает числу греческих и иранских, но все же довольно значительно²⁹.

Число фракийских имен, а равно и лиц, их носивших, сравнительно невелико в IV—III вв. до н. э.³⁰, т. е. в то время, когда интенсивные связи Боспора с Фракией надежно засвидетельствованы³¹. В период Римской империи и особенно во II—III вв. н. э. на Боспоре, даже по минимальным подсчетам, резко возрастает³² количество фракоязычных имен, а также их носителей.

Конечно, и в I—III вв. н. э. приток переселенцев на Боспор из Фракии был возможен хотя бы в связи с династическими брачными связями. Последней супругой боспорского царя Аспурга была фракийская принцесса Гипепирия³³, возможно дочь царя Котиса. Не исключена возможность, что фракийцы, прибывшие вместе с Гипепирией на Боспор, могли там хотя бы частично остаться на постоянное жительство.

Однако четкие свидетельства о том, что на Боспоре жили пришельцы из Фракии, ограничиваются лишь одной, найденной в Пантикапее надгробной надписью³⁴ центуриона и начальника фракийской когорты по имени Δίξας Βεΐβος³⁵. Названная надпись не позволяет утверждать, что в Пантикапее длительное³⁶ время стояла фракийская когорта, не говоря уже о притоке фракийского населения на Боспор.

В то же время весьма показательно, что число фракоязычных имен сильно увеличивается на Боспоре во II—III вв. н. э., т. е. именно в то время, когда многочисленные выходцы из племенного мира вселяются в Боспорское государство³⁷. Это подводит к давно высказывавшемуся предположению³⁸ о наличии в Прикубанье и Восточном Приазовье местного фракоязычного населения, которое являлось преемниками киммерийцев, обитавших там и в античную эпоху. Должно признать,

что недавно высказывавшиеся мнения лингвистов³⁹ по этому вопросу не единодушны, но неоспоримых аргументов против предложенной гипотезы выдвинуто не было.

Наличие местного фракоязычного населения на Боспоре отчасти подтверждают существовавшие там культы неэллинского происхождения.

Среди эллинских божеств, связанных с Понтом Евксинским, особое место занимает Ἀχιλλεύς Ποντάρχος⁴⁰, культ которого на острове Левке, по всей видимости, возник довольно рано⁴¹. Резкое отличие этого могучего хтонического и вместе с тем небесного божества от героя Ахилла, воспетого в «Илиаде», не подлежит сомнению. Хтонические черты владыки Понта сказываются в том, что греки отождествили его не с одним из своих богов, а с героем Ахиллом, о котором в Νεκυία⁴² говорится как о царе всех мертвых (· · · πᾶσιν νεκροῖσσι καταφθιμένοισιν ἀνάσσειν). Солярные черты этого культа выступают в сочетании Ахилла Понтарха с Медеей⁴³; Еленой⁴⁴ и Ифигенией⁴⁵. Ахилл Понтарх является также повелителем коней⁴⁶.

В скифском пантеоне, сведения о котором сообщены Геродотом⁴⁷, не имеется божества, схожего с Ахиллом Понтархом. Напротив, во Фракии, от изначальных границ которой довольно близко отстоит Левка, большую роль играл культ Конного бога, именуемого Ἥρως. Фракийский Ἥρως, имевший различные аспекты⁴⁸, обладал чертами⁴⁹ Аполлона, Асклепия, Диониса, Сильвана и Диоскуров (в последнем случае изображались два всадника).

Сказанное позволяет предполагать, что существовавший издавна культ Ахилла Понтарха является результатом эллинской интерпретации раннефракийского или киммерийского божества, более поздним⁵⁰ вариантом которого является упоминавшийся Ἥρως.

Культ Ахилла на Левке не ограничивался⁵¹ северо-западной частью Причерноморья. В Боспорском государстве на северо-восточном берегу Керченского пролива находилось селение Ἀχιλλεῖον⁵² со святилищем Ахилла. Расположение святилища около моря побуждает думать, что герой там почитался в аспекте Понтарха. Как был изображен Ахилл в боспорском святилище: в виде всадника как фракийский Ἥρως или в обычном облике — нам не известно. Однако нередко встречающиеся на боспорских надгробиях изображения героизированных покойников в виде всадников⁵³ могли быть навеяны иконографией некоего героя. Это допускает предположение, что появление культа Ахилла в азиатской части Боспорского государства в значительной мере связано с наличием в Прикубанье местных фракоязычных элементов.

Не так ясен вопрос об истоках другого значительно более популярного местного культа — Великой богини, которая отождествлялась на Боспоре с Афродитой⁵⁴, преимущественно Уранией⁵⁵, с Артемидой⁵⁶, иногда Агротерой⁵⁷ или Ефесской⁵⁸, с Фригийской Матерью⁵⁹, с Матерью богов⁶⁰, иногда в аспекте Ἀγγιστις⁶¹ и с Деметрой⁶². Конечно, не исключена возможность, что эти богини в какой-то мере связаны с упоминаемыми Геродотом⁶³ скифскими божествами: Ἀρυίπλασα и Ἀπί. Первая отождествляется с Афродитой Уранией, Ἀπί, Апи, отвечает Гѣ, которая считалась супругой Зевса. Однако, пожалуй, с большим осно-

ванием можно сопоставить боспорских богинь с фракийскими⁶⁴. Таковы богиня земли Семела и Бендида, в которой Геродот⁶⁵ видит Артемиду. Подкреплением второму предположению служат слова Гесихия: *Κίττιος θεᾶς ἡ μήτηρ τῶν θεῶν*⁶⁶.

Наконец, следует отметить немалую роль⁶⁷ верховного фракийского бога Сабазия в формировании культа *Θεὸς Ὑψίστος*, игравшего очень большую роль в религии Боспора I—III вв. н. э.

Все сказанное приводит к предположению, что восточная группа преемников киммерийцев не только не исчезла, но наложила заметную печать на топонимику, просопографию и идеологические представления Боспора. Не исключена возможность предположения, что та же часть населения Прикубанья сыграла некоторую роль в раннем возникновении государства⁶⁸ у синдов, появившегося примерно на половину века позднее сложения царства у одриссов⁶⁹, возглавленного Тересом.

Приведенные данные позволяют поставить вопрос о возможности существования хотя бы немногочисленного местного фракоязычного населения в бассейне Кубани и в Боспорском государстве.

¹ *Diod.*, XX, 22. ² *Herod.*, IV, 11—12.

³ *Rostoutzeff M. Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, p. 38. Близкую мысль в осторожной форме высказал: *Minns E. H. Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 41.

⁴ *Herod.*, IV, 12; *Strab.*, I, 2, 9, C 20; III, 2, 12 C 149; VII, 4, 3 C 309; XI, 2, 5 C 294; *Eustath. Comm. ad Dion.* 142.

⁵ *Plut. Mar.*, IX.

⁶ Г. Кацаров сопоставил изображения животных на урне IV в. до н. э. из Болярово-Ельховско и на значительно более ранней золотой фибуле Михалковского клада. Этот клад К. Хадачек справедливо отнес к киммерийцам (*Hadaczek K. Die Fibel des Odysseus, Helikes und Kalykes*.— *Jahresh.*, 1903, VI, S. 115, 116, Fig. 63—64; *Hadaczek K. Zum Goldschatz von Michalkow*.— *Jahresh.*, 1906, IX, S. 32—39, Fig. 9, 13—16; *Кацаров Г. И.* Ролята на старите Траки в предисторията и протосторията на Балканския полуостров и Мала Азия.— *Отчет IV на Българския Археологически Институт в София за 1924 г.* София, 1925, с. 38—41; *Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus*. Berlin, 1931, S. 305).

⁷ *Смирнова Г. И.* Поселение Магала — памятник Древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII — середина VII в. до н. э.).— В кн.: *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. М., 1969, с. 7 и сл.

⁸ *Rostoutzeff M. Iranians and Greeks*..., p. 13, 39.

⁹ *Strab.*, I, 3, 21 C 61; XIII, 1, 8 C 586; XIV, 1, 40 C 638.

¹⁰ *Strab.*, I, 3, 21 C 61; XII, 8, 7 C 573.

¹¹ *Herod.*, IV, 28.

¹² *Strab.*, VII fr. 36; XII, 3, 20 C 549.

¹³ *Strab.*, VII, fr. 45. ¹⁴ *Ptol.*, Cl. III, 6, 3.

¹⁵ *Anon.*, peripl. Pont. Eux. 76; *Steph. Byz.*, s. v. *Τυρριότης*.

¹⁶ *Ps. Scyl.*, 28 H (67). ¹⁷ *Plin. N. H.*, IV, 11, 48.

¹⁸ *Strab.* VII, 6, 1, C. 319. ¹⁹ *Pomp. Mela*, II, 2, 22.

²⁰ *Ptol.*, Cl. III, 10, 1.

²¹ *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957, S. 508.

²² *Ptol.*, Cl. III, 6, 3.

²³ *Книпович Т. Н., Славин Л. М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки.— *МИА*, 1941, № 4, с. 38—40, рис. 50—51.

²⁴ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг.— *МИА*, 1958, № 85, с. 181—183.

²⁵ *Кругликова И. Т.* Памятники эпохи бронзы из Киммерика.— *КСИМК*, 1952, XLIII, с. 111 и сл.; *Кругликова И. Т.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа

- в Восточном Крыму.— СА, 1955, XXIV, с. 76 и сл.; *Марченко И. Д.* Новые данные о догреческом Пантикапее.— МИА, 1962, № 103, с. 86—93.
- ²⁶ *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1962 г.— КСИА, 1965, № 103, с. 118.
- ²⁷ *Милчев А.* Трако-кимерийски находки в Българските земи.— В кн.: Гаврил Кацаров. София, 1955, II, с. 359—370.
- ²⁸ IOSPE, II, № 136 и 198; IV, № 378; *Ростовцев М. И.* Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской.— ИАК, 1917, вып. 63, с. 106—108.
- ²⁹ *Zgusta L.* Die Personennamen Griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 60—289; *Russu I. I.* Elemente traco-getice în Sciția și Bosporul Cimmerian.— SCIV, t. IX, N 2, p. 303—331.
- ³⁰ *Zgusta L.* Die Personennamen..., § 559, 563, 565, 576, 580.
- ³¹ *Diod.* XX, 22.
- ³² *Zgusta L.* Die Personennamen..., § 42, 85, 117, 127, 156, 157, 560, 561, 566, 569—574, 577, 579, 581—584.
- ³³ *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст Боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.— Труды Московского археологического общества. М., 1916, XXV, с. 20—22. Имя Гепепирии—фракоязычное (*Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste, S. 106).
- ³⁴ IOSPE, II, N 290.
- ³⁵ Центурион Дидз, сын Бейфия, видимо, происходил из Фракии. (*Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste, S. 62—63, 133—134; *Russu I. I.* Elemente traco-getice..., p. 319, 322).
- ³⁶ Показательно, что в Херсонесе обнаружены надгробия военных, служивших в одной и той же части (IOSPE, I², № 550—552) и, кроме того, немалое число плохо сохранившихся надгробных надписей, где также могли быть упомянуты их соратники.
- ³⁷ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 136.
- ³⁸ *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks..., p. 13, 39, 168.
- ³⁹ И. Руссу (*Russu I. I.* Elemente traco-getice..., p. 315 et s.) принимает гипотезу о наличии местного фракоязычного населения в Боспорском государстве. Л. Згуста, отводящий рассматриваемую гипотезу, вынужден признать, что не все фракоязычные имена, засвидетельствованные в Пантикапее и Горгиппии, идентичны именам из Фракии (*Zgusta L.* Die Personennamen..., § 579—584).
- ⁴⁰ *Толстой И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 16, 17; *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике.— ИАК, 1918, вып. 65, с. 177—191.
- ⁴¹ Уже в VIII в. до н. э. Арктин Милетский говорит, что Фетиде перенесла труп сына на остров Левку (*Procl. Chrestom.* I, 11).
- ⁴² *Od.*, XI, 491.
- ⁴³ *Apoll. Rhod.*, Arg. IV, 814—815; *Tzetzae Schol. Lycophr.* Cass., v. 798; *Schol. Lycophr.* Alex., v. 186 sq.
- ⁴⁴ *Paus.*, III, 19, 11—13; *Philostr.* Heroic., XIX, 16—17.
- ⁴⁵ *Nicandr.*, Fr. 58; *Tzetzae Schol. Lycophr.* Cass., v. 186.
- ⁴⁶ *Philostr.*, Heroic. XIX, 20.
- ⁴⁷ *Herod.*, IV, 59.
- ⁴⁸ *Kazarow G. I.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes. Budapest, 1938, S. 12, 13.
- ⁴⁹ *Kazarow G. I.* Die Denkmäler..., S. 13, 14.
- ⁵⁰ Г. И. Кацаров допускает возможность отождествления Фракийского Всадника с Ресом (*Kazarow G. I.* Ein neues Denkmal zum Kult des Thrakischen Reiters.— AA, 1936, S. 419 f., S. 426). См. также: *Benoit F.* L'Héroïsation équestre.— Annales de la Faculté des Lettres, Aix-en-Provence, 1954, № 7, p. 60 et s. Согласно мнению Г. И. Кацарова, самые ранние изображения фракийского всадника на монетах датируются около 200 г. до н. э. (*Kazarow G. I.* Die Denkmäler..., S. 12). Г. Тончева датирует самые ранние изображения на рельефах III—II вв. до н. э. (*Тончева Г.* Об иконографии и характере фракийского Хероса из Одессоса.— In: Acta Antiqua Philippolitana. Studia Archaeologica. Serdicae, 1963, с. 71—73). Г. Михайлов, исходя из эпиграфических данных, относит их к II—I вв. до н. э. (IGB, Serdicae, 1970, vol. I², p. 137—138, № 78 bis., p. 237, N 283).
- ⁵¹ Мы говорим о постоянном культе Ахилла Понтарха. Кроме того, конечно, каждый прибывший на Левку, должен был почитать Владыку острова, о чем говорят найденные там многочисленные монеты из различных центров Причерноморья и Сре-

- диземноморья, датируемые от V в. до н. э. до VI в. н. э. (Толстой И. Остров Бельгий..., с. 31—32; Булатович С. А. Монетные находки на острове Левке.— Матернали по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1971, № 7, с. 212—225).
- ⁵² Strab., VII, 4, 5 С 310; XI, 2, 6 С 494; Anon. Peripl. Pont. Eux., 68—69.
- ⁵³ Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, N 557—686, N 703, N 725, N 763.
- ⁵⁴ IOSPE, II, N 21, 22, 349.
- ⁵⁵ IOSPE, II, N 19, 28, 343, 347, 352; IV, N 418.
- ⁵⁶ IOSPE, II, N 421. ⁵⁷ IOSPE, II, N 344.
- ⁵⁸ IOSPE, II, N 11. ⁵⁹ IOSPE, II, N 17.
- ⁶⁰ IOSPE, II, N 16. ⁶¹ IOSPE, II, N 31.
- ⁶² IOSPE, II, N 7, 20. ⁶³ Herod., IV, 59.
- ⁶⁴ Kazarov G. Thrace.— САН. Cambridge, 1930, vol. VIII, p. 549, 550.
- ⁶⁵ Herod., IV, 33; V, 7. ⁶⁶ Hesych. Lex. Κίμμερις θεῶν.
- ⁶⁷ Rostovzeff M. Iranians and Greeks..., p. 179, 180; Blawatsky W., Kochelenko G. Le culte de Mithra sur la côte Septentrionale de la Mer Noire. Leiden, 1966, p. 13. 35.
- ⁶⁸ Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Северное Причерноморье. М.; Л., 1951, с. 123.
- ⁶⁹ Casson St. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926, p. 193; Данов Хр. М. Древна Тракия. София, 1968, с. 312—314.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ *

Древние авторы, эпиграфика и нумизматика слабо освещают историю Боспорского государства в период 275—565 гг. н. э.; археологические исследования очень мало их дополняют. Поэтому для истории позднеантичного Боспора нужно остановиться на той обстановке, которая там сложилась к концу III в. н. э.

В Боспорское государство рано начали проникать сильноэллинизованные варвары. Бурные события конца II—I в. до н. э. сильно изменили этнический состав населения. Войны Савмака (108 г. до н. э.), Диофанта¹, Митридата (83—80² и 63³ гг. до н. э.), Фарнака (47 г. до н. э.⁴) и Полемона (14⁵ и 9⁶ гг. до н. э.), а также грандиозное землетрясение 63 г. до н. э.⁷ привели к тому, что коренное население Боспора сильно поредело, но общее число жителей, особенно Пантикапея⁸, не стало меньше⁹. Во 2-й половине I в. до н. э. и в I в. н. э. на Боспор проникло¹⁰ очень много сарматов. Несколько эллинизовавшись, они не отказывались от привычных хозяйства и культуры и даже оказали воздействие на коренных боспорцев. Среди них распространяются¹¹ обычаи и вооружение кочевников, некоторые погребальные обряды¹², а также многочисленные иранские имена¹³. На Боспоре особенно много их в надписях II—III вв. н. э.¹⁴ Надписей IV в. н. э. так мало, что их нельзя принять в расчет. Число сарматских имен, видимо, все время возрастало. Во всяком случае, так было в Танаисе во II и III вв. н. э.¹⁵

Надписи также свидетельствуют о пребывании на Боспоре в I—III вв. н. э. греков преимущественно из северной части Малой Азии¹⁶.

* Статья доложена автором 23 мая 1973 г. на заседании Сектора античной археологии Института археологии АН СССР и в сентябре 1973 г. отослана в ФРГ в сборник в честь проф. И. Фогта (книга не вышла в свет).

Вероятно, начало боспорской династии Асандра (47—17 гг. до н. э.) и его сына Аспурга (10/11 — 38/39 гг. н. э.) положили сильно эллинизованные сарматы¹⁷. Супруга Асандра Динамия была дочерью Фарнака и внучкой Митридата Евпатора, что связывало по женской линии новых боспорских правителей с династией Ахеменидов¹⁸.

С большой ролью сарматов в жизни Боспора связано распространение там особых знаков («тавро» или «тамга»), служивших клеймом (штемпелем) того или иного лица. На Боспоре ими пользовались не только частные лица, но и цари, у которых их знак был равнозначен имени вместе с титулом и мог их заменять¹⁹.

Подобные знаки широко применялись в степях Северного Причерноморья, где они, видимо, также принадлежат сарматам²⁰.

Однако сарматизация Боспора не коснулась языка, на котором говорили жители городов, как видно, по многочисленным лапидарным надписям, а также по graffiti и dipinti на керамике.

Согласно надписи 208 г. н. э. из Гермонассы²¹, на Боспоре был главный аланский переводчик — ἑρμηνεύς Ἀλανῶν. Потребность в переводчиках²² на аланский язык показывает, что без них боспорцы не обходились при дипломатических и, возможно, торговых сношениях с аланами.

После опустошительных войн²³ в неукрепленных деревнях на Керченском полуострове жизнь прекратилась в I в. до н. э.²⁴ Позднее, в I—II вв. н. э., большинство земледельцев живет в укрепленных поселениях на Азовском берегу²⁵ или в городках внутри Керченского полуострова²⁶. В северной части Таманского полуострова обнаружены сильно укрепленные поселения I в. н. э.²⁷

Виноделие, известное и раньше, сильно распространилось в I—II вв. н. э.²⁸, когда внутри Пантикапея были не только винодельни, но со II в. н. э. и зерновые хозяйства²⁹. Город оставался центром ремесла и торговли, постепенно подвергаясь рустификации. Такие же явления в I—II вв. н. э. отмечены в Фанагории³⁰.

Изменился социальный строй Боспора. Появились ранее не встречавшиеся манумиссии³¹; эти документы малочисленны, но они позволяют предполагать, что в I—II вв. н. э. в Боспорском государстве происходили примерно те же исторические процессы, что и в Римской империи.

Сказанное подтверждается фанагорийской надписью³² 151 г. н. э., в которой говорится, что некий Летодор посвятил богине земли и пелатов; с течением времени они уменьшились. Но царь Тиберий Юлий Ройметалк в 151 г. н. э. все, собрав и увеличив, посвятил богине в первоначальном виде.

Очевидно, пелаты были лично свободными, но прикрепленными к земле хлебопашцами, подобными римским колонам³³. Вряд ли пелаты и храмовые земли уменьшились очень быстро. Поэтому пожертвование Летодора, вероятно, состоялось еще в I в. н. э. и появление пелатов на Боспоре датируется не позднее этого времени³⁴. Вероятно, пелаты преимущественно были потомками земледельцев — синдов, торетов, дандариев, псесов и других племен, входивших в Боспорское государство. В число пелатов могли войти и ранее свободные хлебопашцы и часть

варваров, нахлынувших на Боспор, они могли оказаться в сходных условиях с варварами, поселенными в Мезии Пл. Сильваном³⁵.

В I—III вв. н. э. на Боспоре наблюдается стремление к централизации власти и складывается сложная царская администрация. В надписях времени Асандра³⁶ (47—17 гг. до н. э.) упомянут только *ναύαρχος*. При Аспурге (10/11—38/9 гг. н. э.) появляется *ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*³⁷ управлявший частью Таманского полуострова — в древности острова (точнее, несколько островов). Может быть тогда же³⁸ был учрежден *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας*³⁹, вероятно управлявший греческими городами на берегах Керченского пролива, именуемых в царском титуле⁴⁰ *Βοσπόρος*. В I в. н. э. появился — *ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς*⁴¹ и *στρατηγός* *Τυκανδεϊτῶν*⁴² (о последнем ничего неизвестно). Во II и первой половине III в. н. э. число магистратов сильно возрастает. Так, Танаис возглавляют: *πρεσβευτής* = *legatus* боспорского царя (192 г. н. э.)⁴³ и управители двух политевм: *ἄρχων Ταναεϊτῶν* и *ἐλληναρχης* (188 г. н. э.)⁴⁴, а, возможно, также *στρατηγός* *πολεϊτῶν* (193 г. н. э.)⁴⁵.

К боспорской администрации принадлежат наместник над аспургианами *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν* (210/1—226/7 гг. н. э.)⁴⁶, *διάδοχος* (236 г. н. э.)⁴⁷, функции которого неясны, и упоминавшийся *ἀρχερμηνεύς* *Ἀλανῶν*. Из военачальников известны: *χειλάρχος* — *tribunus militum* (173/4—210/1 гг. н. э.)⁴⁸ и др.), *στρατηγός* (II в. н. э.)⁴⁹ и др.) и *πρίνκιψ*⁵⁰ — начальник отряда. Из других магистратов упомянуты: взыскатель штрафов — *δικῶν πράκτωρ* (III в. н. э.)⁵¹, *γυμνασιάρχος* (II в. н. э.)⁵², *ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν* (151 г. н. э.)⁵³, *ἱερεὺς*⁵⁴, *ἱερομάστωρ*⁵⁵, функции которого неясны, попечитель о сиротах — *ὀρφανοφύλαξ*⁵⁶, а также придворные: личный секретарь царя — *ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος*⁵⁷, главный спальник — *ἀρχικοιτωνεῖτης* (192 г. н. э.)⁵⁸, рядовой спальник — *κράβατάριος* (II в. н. э.)⁵⁹, штальмейстер — *ὁ ἐπὶ τοῦ ἱππῶνος* (234 г. н. э.)⁶⁰ и, вероятно, хранитель дворцовой казны или сокровищницы — *ὁ περὶ αὐλὴν γαζοφύλαξ*⁶¹.

Фанагорийская надпись 179 г. н. э.⁶², пополняя сведения, показывает служебную иерархию магистратов: 1) начальник канцелярии — *ἀφηγησάμενος τοῦ γραμματείου*, 2) *πολεϊτάρχης*, вероятно, Фанагорин, 3) *λοχαγός* видимо, крупный военачальник.

Большую роль в жизни Боспора в I—IV вв. н. э. играли различные общества, особенно те *σύνοδοι*⁶³ (или *θίασοι*), которые являлись военно-религиозными товариществами⁶⁴, поставлявшими главную часть боспорского войска — тяжеловооруженную конницу катафрактариев.

Таким образом, к середине III в. н. э. в сильно варваризованном Боспоре рабовладение, по-видимому, постепенно вытесняется колонами-пелатами, развивается многочисленная администрация и усиливается централизация власти.

Отношение Боспора к Риму определялось титулом царя — *φιλορῶμαιος* = *amicus populi Romani*. Нужно думать, Рим стремился подчинить внешнюю политику Боспора своим интересам. За это Боспор получал ценные дары⁶⁵, вероятно обеспечившие чеканку золотой монеты. В первой половине III в. н. э. эти дары постепенно прекратились. Статеры 210/1—226/7 гг. н. э. еще содержат 30% золота, а в 234/5—239/40 гг. н. э. они превращаются в биллоновые⁶⁶.

Около 234 г. н. э. была разгромлена Горгиппия⁶⁷. Вскоре после 244 г. пал Танаис⁶⁸ и ближайшие поселения на правом берегу Дона. Установить, кто причинил эти разрушения, не представляется возможным.

Около середины III в. н. э., во время ожесточенных войн римлян с варварами на Балканах, образовался мощный союз племен боранов, готфов, карпов и уругундов⁶⁹.

В ходе дальнейших событий в эту борьбу втянут и Боспор. Около этого времени Боспорское государство испытало, по-видимому, сильную смуту. В правление (239/40—275/6 гг. н. э.) Рескупорида IV, появился узурпатор Фарсанз, который захватил какую-то часть государства, а в 253/4 г. н. э. он чеканил монету⁷⁰ из биллона. Рескупорид IV подавил смуту, но Боспор вышел из нее сильно ослабленным и не мог противостоять сильным варварам, которых не сдерживали и римские войска.

О событиях на Боспоре в 255 г. н. э. писал Зосим⁷¹, отрывочно и не всегда верно. Главное его сообщение, что уstraшенные боспорцы переправили боранов на судах в Азию. Неясно, пришли ли на Боспор только бораны или весь союз, последнее вполне возможно.

В 256 г. н. э.⁷² «Σκῦθαί» взяли флот у боспорцев для нового нападения и вернулись с добычей обратно.

Каждое вторжение 255—256 гг. н. э. на Боспор, видимо, сопровождалось грабежами и насилиями. Этим, как нам кажется, был вызван перерыв в монетной чеканке 257/8—261/2 гг. н. э.⁷³

В 267 г. н. э. «Scythae»⁷⁴, видимо, с берегов Боспора предприняли морской поход на Балканский полуостров. Наконец, в 275 г. н. э. «Σκῦθαί»⁷⁵ совершили поход через Меотиду и Понт на берега Малой Азии.

* * *

Письменные источники, содержащие сведения об опустошениях, произведенных «скифами» в Римской империи, умалчивают о том, как отразились эти походы на положении в Боспорском царстве.

Археологические исследования показывают, что в третьей четверти III в. н. э. Боспорское государство испытало сильные разорения.

Во второй половине 60-х (а возможно, и в начале 70-х) годов III в. н. э. сильному разгрому подверглись многие⁷⁶, хотя и не все⁷⁷, поселения в хоре (χώρη) европейской части Боспорского государства. В то же время был разрушен ряд небольших городов на Керченском полуострове: Киммерик⁷⁸, Нимфей и Мирмекий; сильно пострадали, но не прекратили своего существования — Китей, Дия-Тиритака и Зенонов Херсонес⁷⁹. Пантикапей, нужно думать, также не избежал разорения, во всяком случае в дальнейшем город пришел в заметный упадок⁸⁰. Видимо, эти тяжелые годы меньше отразились на азиатской части Боспорского государства. Там следы сильных разрушений оборонительной стены, произведенных около середины III в. н. э., обнаружены только в небольшом городке около станицы Раевской⁸¹ (между Анапой и Новороссийском). В других городах и поселениях в хоре, во всяком случае досего времени, не выявлено каких-либо четких следов разорений в третьей четверти III в. н. э. Это однако, не исключает возможности ограблений азиатских городов, не сопровождавшихся разрушениями.

Преемником Рескупорида IV был Савромат IV, правивший меньше года и известный⁸² по «статерам» 275/6 г. н. э.; эти монеты чеканятся из очень низкопробного металла, нередко — меди.

Преемником Савромата IV был Тиберий Юлий Тейран (275/6—278/9 гг. н. э.). Ко времени его правления относится одна не полностью сохранившаяся надпись⁸³, содержащая ценные сведения о боспорской высшей администрации, имевшей почетное звание *ἀριστοπυλεῖται*.

Прежде всех назван состоявший в то время жрецом — *ἱερατεύων*, должность которого, вероятно, была эпонимной. Затем следуют магистраты, порядок перечисления их указывает на положение каждого в служебной иерархии.

Выше других упомянут наместник царства⁸⁴ и Феодосии — *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ θεοδοσίας*, затем следуют: начальник тысячи и наместник Аспургинанов — *χειλιάρχης καὶ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν*, главный секретарь — *ἀρχιγραμματεὺς*, начальник отряда — *λοχαγός*, градоначальник — *πολεितάρχης*, начальник отчетов — *ὁ ἐπὶ τῶν λόγων* личный секретарь царя — *ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος*, секретарь — *γραμματεὺς*, затем следуют лица, выполнявшие обязанности по месяцу — *οἱ ἐπιμην[νιεύ]σαντες*. Значительная часть надписи и, кроме того, наименования некоторых должностей утрачены; иногда перед магистратами названы их предшественники (*οἱ πρὶν ἐπὶ ...*).

Этот список высших магистратов, большинство которых жило в Пантикапее, конечно, следует пополнить частью ранее упомянутых должностных лиц, а также менее привилегированных представителей администрации, не имевших звания *ἀριστοπυλεῖται*. Большое число магистратов показывает, какой сложной стала бюрократия в Боспорском царстве в последних десятилетиях III в. н. э. Эта черта сближает Боспор позднеримского времени с Римской империей периода домината с ее сложным «табелем о рангах».

Обилие магистратов и большой штат царского двора примечательны и в другом отношении; общее число этих лиц, видимо, превышало полторы сотни. Нужно думать, их семьи составляли не менее 600—700, а может быть, около 1000 человек. На каждую семью магистрата приходилось по несколько рабов, вольноотпущенников и, вероятно, колонов; конечно, все эти цифры приблизительны и число зависимых людей у различных магистратов отнюдь не было одинаковым. Особенно же большим количеством подобных людей, наверно, располагал боспорский царь. Общее же число всех этих многочисленных зависимых людей, возможно, достигало двух тысяч человек.

Пантикапей в период своего расцвета занимал площадь 100—120 га и вряд ли имел более 40 000 жителей. После нашествий неприятелей и внутренних смут в третьей четверти III в. н. э. население боспорской столицы должно было сильно уменьшиться⁸⁵. Об уменьшении плотности населения Пантикапея говорит значительное число зерновых хозяйств в черте города. Возможно, что в таких условиях в последней четверти III в. н. э. царский двор и магистраты с их семьями, рабами и, вероятно, пелатами составляли довольно большую часть населения столицы — возможно 1/10 или даже 1/7. Вероятно, это обстоятельство накладывало заметную печать на жизнь города.

По-видимому, все боспорское общество к последним десятилетиям III в. н. э. подверглось коренной перестройке. От когда-то существовавших полисных институтов не осталось и следа. Наличие полейтарха в Пантикапее показывает, что городом управлял царский чиновник, а не выборные органы городского самоуправления.

Остановимся на вопросе, кому могли принадлежать многочисленные зерновые хозяйства, винодельни, ремесленные мастерские и прочие предприятия, находившиеся в Пантикапее. Нужно думать, что едва ли не большая часть их принадлежала царскому двору, многочисленной администрации и, вероятно, военной аристократии, объединенной в уже упоминавшиеся *σύβοι*⁸⁶. Другие слои общества, не связанные с привилегированными группами населения, видимо, не играли значительной роли в жизни боспорской столицы этого времени.

Резким контрастом столице была опустошенная неприятельскими нашествиями и смутами боспорская *Χώρα*: некогда густо населенная, теперь она сильно обезлюдела и немногочисленные обитатели⁸⁷ ее вряд ли могли получать большие доходы.

Поэтому роль городов в Боспорском государстве, несмотря на их разорение, должна была несколько возрасти, особенно на европейской стороне.

Мы подробно остановились на обстановке, которая в последних десятилетиях III в. н. э. сложилась в Боспорском царстве, ибо, по всей видимости, она во многом определила положение в этом государстве в течение большей части IV в. н. э.

Отсутствие монетной чеканки и датированных надписей 279—285 гг. н. э. затрудняют решение вопроса о том, кто царствовал в это время. Судя по монетным датам, в 286/7—308/9 гг. н. э. на Боспоре царем был Фофорс, вряд ли происходивший от исконной боспорской династии⁸⁸. Со времени Фофорса «статеры» чеканятся из чистой меди. К последним годам правления Фофорса относятся две надписи, обе связаны с крупными боспорскими магистратами.

Первая надпись 306 г. н. э. сообщает о посвящении по обету молитвенного дома (*προσευχή*) Высочайшему богу (*θεὸς Ὑψίστος*) Авр(елием) Валерием Согом⁸⁹ — наместником Феодосии (*ὁ ἐπὶ τῆς θεοδοσίας*). О себе этот Сог горделиво сообщает, что он известен Августам и удостоился почестей от Диоклетиана и Максимиана. Возможно, что одной из этих почестей было присвоение Согу тех же римских *nomina* — *Aurelius Valerius*, какие были у Августа Максимиана.

Помимо сказанного, Сог еще сообщает некоторые подробности своей жизни: он много путешествовал, испытал много горя, отсутствовал шестнадцать лет. Эта краткая автобиография Сога примечательна не только явно выраженными проримскими симпатиями, но и тем, что один из высших боспорских сановников в течение долгого времени, по-видимому, находился на службе у римских императоров.

Как уже было отмечено, в этой надписи отсутствует какое-либо упоминание о Фофорсе, в это время царствовавшем на Боспоре. Это умолчание о боспорском царе тем более примечательно, что данная надпись происходит из царской столицы.

Другая надпись 307 г. н. э.⁹⁰ была найдена в Гермонассе. Она была поставлена архонтами Агриппеян и Кайсареян — Ἀγρίππῶν Καίσαρέων ἀρχόντες — в честь бывшего наместника «царства» (πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας) М. Аврелия Андроника и его сына лохага Алексарфа. Оба чествуемых, особенно отец, были крупными сановниками Боспора. Римские *pomina* М. Aurelius⁹¹ свидетельствуют о вероятном получении Андроником прав римского гражданина, а возможно, и о каких-то более тесных связях с империей. Совершенно необычно упоминание об архонтах Агриппеян и Кайсареян. Переименование Фанагории в Агриппею и Пантикапея в Кайсарею произошло во время правления Динамии (9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э.). Название Агриппея встречалось и позднее, но Боспорская столица по-прежнему называлась Пантикапеем. Поэтому попытка возродить сервилитическое название столицы трехсотлетней давности носила подчеркнутой проримский характер.

Вместо обычной во II—III вв. н. э. должности начальника города — *πολεὶτάρχης*, засвидетельствованной как в Фанагории⁹², так и в Пантикапее⁹³, почетная надпись составлена от лица архонтов. Хотя в Танаисе лица, возглавлявшие одну из политевм, носили звание архонтов, однако, по всей видимости, в основной части государства положение было иным. Титул архонта принадлежал только правителям всего Боспора и вышел из употребления очень давно. Поэтому кажется маловероятным, чтобы официально существовали должности архонтов Агриппеян и особенно Кайсареян. Более вероятно, что так называли себя полейтархи Фанагории и Пантикапея с целью подчеркнуть свои оппозиционные настроения.

Таким образом, обе надписи имеют подчеркнутый проримский характер. Имя же боспорского царя в обеих надписях отсутствует. Это наводит на мысль, что, во всяком случае, в конце правления Фофорса против него сложилась сильная оппозиция первых сановников царства.

Трудно сказать с уверенностью, чем были вызваны эти оппозиционные царю и вместе с тем проримские течения. Однако вряд ли они были порождены только настроениями верхов боспорского общества. Более вероятно, что римское правительство сделало некоторые выводы, испытыв горький опыт событий третьей четверти III в. н. э., когда брошенный на произвол судьбы Боспор вынужден был отдать свой флот варварам для их морских походов. Вряд ли Рим снова прибег к предоставлению Боспору дотаций. Боспорская монетная чеканка свидетельствует против такого предположения. Более вероятно, что римское правительство постаралось привлечь на свою сторону высших магистратов Боспора.

Преемником Фофорса был Радамсаций (или Радампсаций), носивший явно иранское имя⁹⁴. Судя по данным нумизматики, он царствовал с 308/9 до 322/3 гг. н. э. или только до 318/9 г. н. э.⁹⁵ О деятельности этого царя известно крайне мало; в Пантикапее найдены две надписи с его именем; обе они сильно фрагментированы. В первой⁹⁶ говорится, что царь Ῥαδαμσάδιος соорудил какую-то постройку, возможно башню. Вторая надпись⁹⁷, также строительная, помимо царя Радампсация (Ῥαδαμσάδιος) упоминает и царя Рескупорида.

В полном соответствии с приведенной надписью находится и чеканка «статеров» Рескупорида V, которая неравномерно и, по-видимому, с перерывами охватывает время с 318 г. до 336 г. н. э.⁹⁸

Сказанное позволяет заключить, что в последние годы (или год) правления Радампсидия на Боспоре был и второй царь, причем между ними существовали какие-то формы соправления. Возможно, такое положение было отчасти навеяно реформой Диоклетиана. Хотя после 306 г. н. э. замыслы этого императора были нарушены, однако последствия тетрархии сказывались до 324 г. н. э.

Традиционное для старой династии имя Рескупорида VI еще не дает основания утверждать, что этот царь к ней принадлежал. Вряд ли также Рескупорид VI был сыном Радампсидия.

По всей видимости, христианство проникло на Боспор не позднее III в. н. э.⁹⁹ В правление Рескупорида VI на Боспоре был епископ Кадам¹⁰⁰, который принимал участие в Первом Никейском соборе в 325 г. н. э.

«Статеры» Рескупорида VI, сравнительно обильные до 327/8 г. н. э., становятся малочисленными¹⁰¹, после 341/342 гг. н. э. монетная чеканка Боспора не известна¹⁰². Трудно сказать, означало ли прекращение монетной чеканки окончание царствования этого Рескупорида.

Около станицы Запорожской (в северо-западной части Таманского полуострова) была найдена надпись¹⁰³, датированная 335 г. н. э. В надписи сообщалось, что при царе Рескупориде была построена стена или укрепление (τὸ τεῖχος) архитектором Евтихом. Резчик этой ничем не примечательной надписи считал возможным увековечить не только свое имя, но и имя своего отца (Ἐυτίφῃ δὲ χεὶρὶ Πάπλου Πωλλίου) между тем ни для царя, ни для архитектора эта почесть не была оказана.

Надпись 335 г. и монеты 341/342 г. н. э. — это последние свидетельства о правлении Рескупорида VI, и вместе с тем этими годами завершается более или менее непрерывный ряд известных нам боспорских правителей. Последующие известия крайне скудны, отрывочны и к тому же во многом неясны и сравнительно мало содержат сведений для истории Боспора. В это время боспорские надписи очень редки, монеты не чеканятся, а средиземноморские авторы к Боспору почти не проявляют интереса, а если изредка упоминают о нем, то очень бегло и всегда в тесной связи с историей империи.

Многочисленные «статеры» боспорских правителей последних десятилетий III и IV вв. н. э., найденные в ряде кладов, закопанных на Боспоре явно в связи с гуннским нашествием¹⁰⁴, позволяют заключить, что денежное обращение отнюдь не прекратилось после конца монетной чеканки, а продолжалось по меньшей мере сорок лет¹⁰⁵. Кроме того, были в ходу, во всяком случае в Фанагории, варварские подражания¹⁰⁶ римским денариям с изображением идущего Марса; они чеканились во второй половине III в. н. э. из биллона и в конце III — начале IV в. н. э. — из меди. Трудно с уверенностью определить место чеканки этих подражаний, но во всяком случае оно находилось вне Боспорского царства¹⁰⁷.

К числу скромных документов этого темного времени относится надпись¹⁰⁸, вероятно происходящая из Пантикапея; дата ее сохранилась

лишь частично: уцелели буквы, означающие десятки и сотни, а единицы утрачены. Обозначен 640 год боспорской эры, что может оказаться между 343 и 352 г. н. э. Эта надпись служила надгробной плитой сына некой Стораны (Στοράνη), жены принкипса Адаса сына Паппия (Ἰ'Αδάς Πάππου πρίνκιψ). Надпись отнюдь не безукоризненна. Тем не менее мастер, ее вырезавший и, возможно, тесавший плиту, счел нужным поставить на ней свою подпись: $\chi\chi\nu\ldots\epsilon\lambda\omicron\iota[\epsilon\iota]$. Это имя, как нам кажется, можно так восполнить: $\chi\chi\nu[\acute{\alpha}\chi\eta]\varsigma$, по аналогии с одной надписью из Гермонассы¹⁰⁹. Имя Ханакес — иранское по происхождению¹¹⁰. То же следует сказать и об имени Стораны¹¹¹.

Из других надписей надежно относится к тому же времени только найденное в Гермонассе надгробие¹¹² супружеской пары. Кроме даты — 345 г. н. э. — и имен покойных, надпись содержит еще в начале слова: $\Gamma\Lambda[\gamma\alpha\theta\eta\tau\acute{o}\chi\eta$, а далее $\tau\omicron\iota\varsigma\pi\alpha\rho\acute{\alpha}\gamma\omicron\upsilon\sigma\iota\nu\chi\alpha\iota\rho\epsilon\iota\nu$. Приведенные слова придают эпитафии явно нехристианский характер.

Из трех надписей середины IV в. н. э. в двух имеется подпись высекавшего ее резчика, видимо, эта профессия становилась очень редкой, а возможно, и грамотность среди населения Боспора заметно упала.

Древние авторы и свидетельства лапидарной эпиграфики ничего не сообщают о взаимоотношениях Рима с Боспором в 40-х годах IV в. н. э. В связи с этим приобретает некоторое значение находка в 1904 г. в склепах на некрополе Пантикапея двух серебряных блюдов¹¹³ с портретом императора Констанция II и надписью вокруг: D(omini) N(ostri) Constanti Augusti votis XX. Эта надпись указывает vicennalia Констанция II, т. е. 343 г. н. э., и позволяет заключить, что оба блюда предназначались для донативов. Б. В. Фармаковский высказал предположение, что блюда были подарены императором пантикапейцам или достались последним в качестве военной добычи. Как нам кажется, последнее предположение сравнительно маловероятно, ибо трудно допустить чтобы боспорцы принимали участие в каких-либо военных действиях против империи в рассматриваемое время. Первое предположение о том, что серебряные блюда были императорскими дарами двум¹¹⁴ знатным пантикапейцам, вполне вероятно.

Значительно сложнее решить вопрос, каким был общий характер взаимоотношений Боспора и Римской империи около 343 г. н. э. Не являлись ли эти дары Констанция II простым актом внимания знатным пантикапейцам, возможно приближенным боспорского царя? Однако не исключена возможность, что положение было более сложным. Так же как в первом десятилетии IV в. н. э., на Боспоре среди крупных магистратов могла быть сильная, проримски настроенная оппозиция, подобно Аврелию Валерию Согу, «удостоенная почестей» от Констанция II.

К 362 г. н. э. относится свидетельство Аммиана Марцеллина, согласно которому в европейской части Боспорского государства было много греческих поселений, жители были мирны, занимались земледелием и питались его продуктами — *sed Maeotidos latori laevo Cherronesus est propinqua, coloniam plena Graecarum unde quieti sunt homines et sedati, adhibentes vomeri curam et proventibus fructuariis victitantes*¹¹⁵.

Первая часть свидетельства Аммиана Марцеллина о греческих поселениях, по всей вероятности, почерпнута из работ значительно более

древних авторов. Сведения же о земледельческом населении восточной части Крымского полуострова и натуральном характере их хозяйства вполне отвечают состоянию Боспора в середине IV в. н. э., когда города и городки подверглись сильной рустификации, как это показывают археологические исследования.

Также к 362 г. н. э. относится сообщение Аммиана Марцеллина о посольствах восточных и северных народов, прибывавших к императору Юлиану. Согласно этому сообщению, боспораны и другие ранее неизвестные народы просили позволения спокойно жить в пределах родной земли, ежегодно платя дань:... *Bosporanis aliisque antehac ignotis, legationes vehentibus supplices, ut annua complentes sollemnia, intra terrarum genitalium terminos otiose vivere sinerentur*¹¹⁶.

В этом сообщении Аммиан Марцеллин отступает от своего обычно точного изложения событий, описывает их суммарно, впадая в явные преувеличения¹¹⁷. Вполне вероятно, что Боспор направил посольство Юлиану Апостату вскоре после того, как он стал единоличным правителем империи. Возможно, что эти послы привезли с собой какие-то — хотя бы очень скромные — дары. Но трудно допустить, чтобы Боспор мог в это время, опасаясь нападения Рима, обещать платить дань, тем более что раньше — в первой четверти III в. н. э. — боспорские правители получали субсидии от империи.

Экономическое положение Боспорского государства в IV в. н. э. было довольно плохим. Торговые связи слабели. Хозяйственная жизнь приобретала все более замкнутый характер.

Как выше было отмечено, социальный строй Боспорского государства в IV в. н. э., видимо, не испытал больших изменений по сравнению с последними десятилетиями предшествующего столетия. Земледельцами, во всяком случае в основном, были пелаты, прикрепленные к земле, принадлежавшей военной аристократии. Могилы представителей последней известны по раскопкам некрополей Пантикалея¹¹⁸ и Фанагории¹¹⁹, содержащим богатые склепы IV в. н. э. Вкусы общества подвергались заметной варваризации, что сказалось в популярности ювелирных изделий полихромного стиля.

По всей видимости, верхние слои боспорского общества по-прежнему объединялись в синоды, *συνοδοί*, о чем свидетельствует одна из надписей¹²⁰, найденных в районе Фанагории.

В первой половине 70-х годов IV в. н. э. на Боспорское государство обрушилась самая сокрушительная из волн завоевателей, которую ему пришлось перенести за тысячелетнюю историю его существования, — нашествие гуннов.

В античной традиции имеется свидетельство о гуннах, восходящее к первой половине II в. н. э., — Дионисий Периегет¹²¹ в своей *Περὶ ἡγῆσις τῆς οἰκουμένης* сообщает, что к северо-западу от Каспийского моря живут скифы, а за ними *οὐννοί*¹²².

Следующее упоминание о гуннах сохранил Филосторгий¹²³ в его *Ἐκκλήσιαστικὴ ἱστορία*. Согласно Филосторгию, *οὐννοί* жили около Рипайских гор (*τὰ Ῥιπαῖα*), что, вероятно, отвечает одному из этапов их пути с востока на запад в промежуток времени между серединой II и третьей четвертью III в. н. э.

Современником нашествия гуннов был Аммиан Марцеллин. Он сообщает ¹²⁴, что племя гуннов, мало известное в древности, живет за Мэотийскими болотами: *Hunorum gens monumentis veteribus leviter nota ultra paludes Maeoticas... accolens*. Далее Аммиан Марцеллин говорит, что гунны напали на аланов (*Halani*) ¹²⁵, которые кочевали на обширных пространствах Азии и Европы, доходя до Меотийского озера (*Maeotica stagna*) и Киммерийского Боспора ¹²⁶. Гунны сокрушили аланов и присоединили часть их к своему союзу ¹²⁷, а затем, напав на гревтунгов (*Greuthungi*), нанесли поражение последним и достигли берегов Днестра ¹²⁸. Дату этих событий — около 375 г. н. э. — сообщает Павел Оросий ¹²⁹.

Рассмотренное свидетельство Аммиана Марцеллина, по-видимому, относится к движению главной массы гуннов, которая, перейдя Дон, Днепр и Днестр, почти достигла границ империи, вызвав переправу готов через Дунай ¹³⁰. Такие события, конечно, должны были привлечь внимание историка Римской империи.

Помимо упомянутой массы гуннов, шедшей через Причерноморье северным путем, была другая, видимо, меньшая, но сильная группа. Все сокрушая на своем пути, эти гунны прошли сквозь азиатскую часть Боспорского государства. Переправившись через северную часть Керченского пролива, они обрушились на европейский Боспор.

О походах обеих групп гуннов свидетельствует ряд древних авторов, более или менее отчетливо излагая происшедшие события.

Писавший около середины V в. н. э. Ермей Созомен ¹³¹ довольно нечетко излагает версию о быке или олене, указавшем унам путь, по которому они смогли переправиться через Керченский пролив. Этот эпизод Ермей Созомен вставил в повествование, явно относящееся к действиям главной (северной) группы гуннов.

С этого времени (если не раньше) устанавливается традиция, согласно которой авторы, повествующие о переправе гуннов через Керченский пролив, постоянно сообщают о быке или олене, указавшем путь.

Подобно Ермею Созомену, Зосим совмещает сведения о движении северной и южной групп гуннов. Сначала Зосим говорит, что на обитавшие над Истром «скифские племена» напали *οἱ γυναι* ¹³². Затем следует сообщение ¹³³, что Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаиса (?), позволил Унам из Азии перейти в Европу, и, наконец, Зосим обращается к событиям, происходившим на Истре ¹³⁴.

Прокопий Кесарийский повторяет рассказ об олене, показавшем переправу через устье Меотийского озера. Называя гуннов киммерийцами, он говорит о переходе последних на другой берег ¹³⁵. Затем Прокопий сообщает, что „киммерийцы“ напали на живших на равнинах готов; последние, покинув отечество, ушли за Истр ¹³⁶.

Иордан ¹³⁷, завершивший свой труд «*Getica*» в середине VI в. н. э., говорит, ссылаясь на Приска (из Паниона), о расселении гуннов на дальнем (восточном) берегу Меотиды, переправе их с помощью оленя на другой берег и последующей победе их над «скифами».

Наибольшей четкостью отличается изложение событий у автора второй половины VI в. н. э. — Агафия из Мирины ¹³⁸. Отметив, что в древности гунны обитали восточнее озера Меотиды, он говорит о переходе

их спустя много поколений в Европу. К версии о животном, показавшем путь, Агафий относится сдержанно, считая, что гунны могли воспользоваться и другим случаем для перехода устья Меотийского озера (ἐκροῦ τῆς λίμνης) впадающего в Евксинский Понт. Затем следует недостаточно ясное сообщение о большом уроне, причиненном местным жителям, которое можно отнести и к боспорцам и к готам Северного Причерноморья.

Довольно подробно приведенные свидетельства семи авторов показывают, как мало их интересовали события, происходившие на Боспоре. Не будет преувеличением сказать, что этих авторов больше интересовала легенда о показавшем переправу олене (или быке), чем судьба обитателей берегов Керченского пролива, по территории которых проходили гунны. Видимо, эта далекая окраина надолго выпала из поля зрения средиземноморских историков.

То, о чем умалчивают письменные источники, может быть отчасти восполнено данными археологии. Раскопки, производившиеся в различных частях Боспорского государства, установили грандиозные разрушения, причиненные нашествием гуннов. Сначала остановимся на сведениях о городах и поселениях азиатской части Боспора, которые ранее других подверглись разорению.

Следы сильных разрушений, иногда сопровождаемых пожарами и костяками убитых жителей, обнаружены в сельскохозяйственных поселениях¹³⁹ в северной части Таманского полуострова, укрепления большей части которых к этому времени обветшали. Следы вражеского вторжения также являлись уже упоминавшиеся клады боспорских монет. Время всех перечисленных находок надежно совпадает с датой нашествия гуннов. После этих событий жизнь на исследованных поселениях прекратилась на долгое время (до VIII—IX вв. н. э.). По-видимому, близкую судьбу испытал и город Кепы¹⁴⁰.

Сильному разгрому и пожару подвергся самый большой город азиатского Боспора — Фанагория¹⁴¹. В V в. н. э. жизнь города была восстановлена, но размеры его сократились (юго-восточная и юго-западная части Фанагории остались лежать в развалинах). Большинство сельскохозяйственных поселений¹⁴² в южной части Таманского полуострова прекратило существование после гуннского нашествия.

Сильно пострадала и европейская часть Боспорского государства. Там начало пути гуннов отмечено кладами боспорских монет в северо-западном районе Керченского полуострова¹⁴³. Пантикапей¹⁴⁴ подвергся сильному разрушению, а большинство жителей его либо было истреблено, либо вынуждено покинуть родное пепелище. Город продолжал существовать, занимая незначительную площадь по сравнению с прежней. Гора акрополя и ее склоны, ранее занятые многочисленными постройками, с этого времени были покрыты развалинами, служившими каменистыми осыпями и превратившимися в обширные пустыри. Сказанное привело к тому, что значительные участки горы были заняты ранне средневековым христианским некрополем¹⁴⁵.

Сходная судьба выпала на долю и небольших городов Европейского Боспора, уцелевших после бурных событий в третьей четверти III в. н. э. Раскопки Китея¹⁴⁶ и Дии-Тиритаки¹⁴⁷ обнаружили сильные разру-

шения, а местами и следы пожарищ времени гуннского нашествия. Жизнь в обоих городах не прекратилась, но площадь их сильно уменьшилась.

Следы гуннского нашествия — это разрушения, пожары, непогребенные человеческие костяки, а также закопанные и невырытые клады¹⁴⁸, что в большинстве случаев связано с гибелью их владельцев. Иных свидетельств своего пребывания гунны не оставили, за исключением костяных наконечников стрел, обнаруженных в слоях гуннского времени в Фанагории, Кепях и в укрепленных поселениях Таманского полуострова¹⁴⁹.

После гуннского разгрома те из городов, которые уцелели, хотя бы сильно сократившись в размерах, все же стали играть относительно большую, чем прежде, роль, ибо население хоры, вероятно, было весьма ограниченным.

Таким образом, Боспорское государство, пережив страшное опустошение, было вынуждено влачить жалкое существование, находясь в большей или меньшей мере в зависимости от гуннов. Особенно эта зависимость должна была чувствоваться на первых порах, когда гунны еще оставались в степях Северного Причерноморья¹⁵⁰. Однако подчинение Боспора гуннам вряд ли исключало возможность существования местных боспорских правителей, подобно тому как это было в гуннском племенном союзе.

К последней четверти IV в. н. э. относится возобновление жизни на месте прежнего Танаиса. Городок, по-видимому, существовал, занимая прежнюю площадь, но население его сильно уменьшилось, ибо многие дома не были восстановлены и представляли собою развалины. Население городка занималось сельским хозяйством и рыбной ловлей. Известно, входил ли этот городок в Боспорское царство в это время; существовал он не позднее первых десятилетий V в. н. э.¹⁵¹

В начале V в. н. э. зависимость Боспора от гуннов, вероятно, заметно ослабела. Гуннский союз распался. Значительная часть гуннов под начальством Руа находилась в Паннонии, другая направилась в Италию, третья — во Фракию. Однако ослабление власти гуннов еще не означало, что население Боспора могло быть совершенно спокойным. Боспорское государство стало настолько слабым, что любое варварское племя могло причинить ему немалый ущерб.

Вероятно, к этому времени относится одна очень важная, но во многом неясная надпись¹⁵². Она происходит из Пантикапея. В надписи говорится о постройке башни при царе Тиберии Юлии Диуптуне (Διοϋπτοῦνης или Δοιπτοῦνης) который носит титул εὐσεβῆς, φιλόχρηστος καὶ φιλόρρμος. Особое место отведено слову εὐσεβῆς, вероятно, оно связано с христианским вероисповеданием царя. Эпитеты φιλόχρηστος καὶ φιλόρρμος, а также имя Tiberius Iulius, давно установившиеся в боспорской династии, правившей в I—III вв. н. э., показывают, что Диуптун стремился подчеркнуть преемственность царской власти на Боспоре, а также желание сохранить хорошие отношения с Византийской империей.

В надписи упомянуто несколько магистратов. Только у трех из них наименования должностей могут быть восстановлены достаточно на-

дежно. Последняя из них — $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \pi\iota\nu\alpha\chi\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ — была и раньше известна на Боспоре. На первых местах упомянуты $\epsilon\lambda\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ и $\kappa\omicron\mu\eta\varsigma$. Такие должностные лица на Боспоре в доступных нам письменных источниках засвидетельствованы не были. Наименование $\epsilon\lambda\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ может носить как наместник, так и военачальник; эта должность, видимо, была весьма значительной, ибо носитель ее упомянут первым после царя.

Функции комеса были также очень различны, и нередко эта должность была весьма значительной. Она могла быть установлена на Боспоре, но не менее вероятно, что в данном случае упомянут византийский магистрат. Если последнее предположение справедливо, то оно показывает заинтересованность империи в усилении обороноспособности Боспора.

Перейдем к самому сложному вопросу — о датировке рассматриваемой надписи. В конце надписи находилась ее дата. Сохранились единицы и поддаются восстановлению десятки: $\theta\rho \dots$. Сложнее обстоит дело с восстановлением цифры, означающей столетие, ибо может быть χ или ψ . Другими словами, можно колебаться между 402 или 502 г. н. э. Нам представляется более вероятной первая дата¹⁵³. В этой надписи достаточно отчетливо выступают традиции, связывающие ее с догуннским Боспором.

Заново отстроить Пантикапей после гуннского разгрома и особенно укрепить его надлежащим образом было нелегкой задачей для захиревшего города. Сильно уменьшившийся в размерах, он не мог теперь воспользоваться старой оборонительной системой¹⁵⁴. Сооружение новых стен требовало больших усилий и, вероятно, различных усовершенствований, производившихся по мере возможности. С этими обстоятельствами, вероятно, связано сооружение башни при царе Диуптуне.

После смерти Атилы в 453 г. н. э. и распада созданного им грандиозного союза часть гуннов была вынуждена вернуться на берега Черного моря¹⁵⁵. О последующих событиях очень сбивчиво повествует Прокций. Он сообщает¹⁵⁶ о столкновении гуннов с готами «тетракситами», за которым последовали переговоры, приведшие к соглашению между обеими сторонами. Согласно этому соглашению¹⁵⁷, часть гуннов и готов, по-видимому, переправились через Керченский пролив. Эти готы поселились на азиатском (восточном) берегу Керченского пролива¹⁵⁸. Гунны, оставшиеся на западном берегу, заняли территорию между Боспором и Херсонесом¹⁵⁹.

Все эти передвижения означали новые вторжения в земли Боспорского государства, как всегда сопровождаемые грабежами и насилиями, а возможно и разрушениями¹⁶⁰. После перемещения гуннов в Северное Причерноморье зависимость от них Боспора должна была возрасти. Однако Боспорское государство вопреки всем злоключениям, видимо, продолжало существовать, временами находясь в той или иной степени зависимости от гуннов, вероятно выражавшейся в каких-то поборах.

О существовании этого государства свидетельствуют пантикапейские надписи V в. н. э., датированные по боспорской эре. Такова, например, христианская надгробная плита¹⁶¹, относящаяся к 436/7 г. н. э. Самые поздние из них: *dipinti* на стене христианского склепа, относящиеся к

491 г. н. э.¹⁶², и обломок надписи на мраморной плите, датированной 497 г. н. э.¹⁶³ Судя по тому, что плита была предназначена для закрепления в стене, надпись, вероятно, была строительной.

О существовании Боспорского государства говорит не только сохранение прежней эры в официальной надписи конца V в. н. э., но и не вполне ясное сообщение Прокопия¹⁶⁴.

Архитектурные формы раннехристианских склепов¹⁶⁵ Пантикапея свидетельствуют об устойчивом сохранении традиций, сложившихся еще в первых веках нашей эры. Эта преемственность погребальной архитектуры, несмотря на замену античной религии христианством, позволяет заключить, что среди жителей Пантикапея конца V в. н. э. очень большую роль играли потомки прежнего населения. Это подтверждает стойкое сохранение населением Боспора греческого языка.

По словам Прокопия¹⁶⁶, в правление Юстина I (518—527 г. н. э.) ранее автономные Боспориты признали над собой власть этого императора. Трудно сказать, было ли это событие результатом внешней политики империи или просьбы самих боспорцев, отдавших во власть Византии. Более вероятным представляется первое предположение; что же касается боспорцев, то вряд ли они могли и вряд ли хотели противиться политике могущественной державы. На этом завершается более чем тысячелетняя история Боспорского государства.

Отметим, что надежды боспорцев на защиту Византией оправдались только частично. По свидетельству Прокопия, Юстиниан (527—565 гг.) сильно укрепил город Боспор (т. е. Пантикапей). Судя по тому, что об этом событии Прокопий¹⁶⁷ пишет в своем сочинении *de aedificiis*, строительство оборонительных сооружений¹⁶⁸ бывшей боспорской столицы произошло между 527 и 560 гг.

Незадолго до времени написания другого труда Прокопия, *de bello Gothico* (т. е. до 543—545 гг.), два небольших городка — Кепы и Фанагурис (=Фанагория) — были захвачены гуннами и разрушены до основания¹⁶⁹. Византии, видимо, были нужны только некоторые опорные пункты¹⁷⁰ на северо-востоке Понта, а не все бывшее Боспорское государство.

¹ IOSPE, I², N 352.

² App., Mithr., 64, 67.

³ App., Mithr., 108, 110—111.

⁴ App., Mithr., 120.

⁵ Dio Cass., LIV, 24; см. также: Strab., XI, 2, 2 (p. 493).

⁶ Strab., XI, 2, 11 (p. 495); XII, 3, 29 (p. 556).

⁷ Dio Cass., XXXVII, 11, 4; P. Oros., VI, 5, 4.

⁸ Это видно и по количеству погребений и по площади города: Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus (далее — S. u. B.). Berlin, 1931, S. 196, 197; Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. — МИА, 1951, № 19, с. 9—35.

⁹ Об аналогичной судьбе западнопонтийских городов в I в. н. э.: Dion. Chrys., or. XXXVI.

¹⁰ Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России (далее — АДЖ). СПб., 1913—1914, с. 174—181.

¹¹ Kieseritzky G., Walzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, S. 98—123, N 558—686, Taf. XXXIX—XLIX; Ростовцев М. АДЖ, с. 174—175, табл. LI, 6; с. 239, 240, табл. LXIV; с. 288, табл. LXXIII, 4; с. 305, табл. LXXVIII, 1; с. 306, 307, табл. LXXIX; с. 307, 308, табл. LXXXI, 2; с. 352, 353, табл. LXXXVIII, 2; с. 379, 380, табл. XCIII, 1 и 3; Rostowzew M. S. u. B., S. 212.

¹² Rostowzew M. S. u. B., S. 200, 212—216, 244—245; Соколовский Н. И. Боспорские

- мечи.—МИА, 1954, № 33, с. 149—162; *Кобылина М. М.* Фанагория.—МИА, 1956, № 57, с. 80, 100.
- ¹³ *Zgusta L.* Die Personennamen Griechischer Städte der Nordlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 248 f., S. 257, 258, §§ 524—525.
- ¹⁴ *Zgusta L.* Die Personennamen..., S. 257, § 523.
- ¹⁵ *Книпович Т. Н.* Танаис. М.: Л., 1949, с. 150 и сл.
- ¹⁶ Например: IOSPE, II, № 39, 42, 44, 298, 301.
- ¹⁷ В этой династии иранских имен больше, чем греческих, имеются и фракийские имена, возможно появившиеся после брака Аспурга на *Γηλαλγυρίς*, вероятно дочери фракийского царя. (*Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.—В кн.: Древности. М., 1916, с. 20—22).
- ¹⁸ *Tacit.* Ann., XII, 18.
- ¹⁹ *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг.—МАР, 1892, № 9, с. 63, 64, № 2; *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г.—ИАК, 1911, вып. 40, с. 112 и сл., № 28.
- ²⁰ *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, с. 15 и сл.
- ²¹ *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г., с. 112—114, № 28.
- ²² Переводчиком (*ἐρμηνεύς*), вероятно, на сарматский язык, был Паирисалос, сын Саурофоса, надгробие которого найдено в Пантикапее (IOSPE, II, № 86²). Происходящая из Рима надпись сообщает о боспорце Аспурге, сыне Биома, который был *ἐρμηνεύς Σαρματῶν* (CIL, VI, N 5207).
- ²³ *Strab.*, VII, 4, 5, C 310.
- ²⁴ *Кругликова И. Т.* Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря.—СА, 1958, XXVIII, с. 224 и сл.
- ²⁵ *Кругликова И. Т.* Новые данные..., с. 227 и сл.; *Кругликова И. Т.* Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря.—СА, 1956, XXV, с. 237 и сл.
- ²⁶ *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.—МИА, 1958, № 85, с. 9—148.
- ²⁷ *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I.—СА, 1963, № 1, с. 179—184; *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище.—СА, 1966, № 4, с. 125—129.
- ²⁸ *Гайдукевич В. Ф.* Виноделие на Боспоре.—МИА, 1958, № 85, с. 355—381, 394—453; *Сокольский Н. И.* Виноделие в Азиатской части Боспора.—СА, 1970, № 2, с. 75—92.
- ²⁹ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 152—158.
- ³⁰ *Кобылина М. М.* Фанагория.—МИА, 1956, № 57, с. 67, 71—72; *Кобылина М. М.* Новые данные о фанагорийских винодельнях.—КСИИМК, 1959, вып. 74, с. 20—24.
- ³¹ *Болтунова А. И.* Надписи из Горгиппии.—НЭ, М., 1971, IX, с. 3—5.
- ³² IOSPE, II, № 353. ³³ IOSPE, II, p. 180 (№ 353).
- ³⁴ Тацит, описывая военные действия в 49 г. н. э. в области сираков (Восточное Приазовье), сообщает, что в городе Успе находилось 10 000 сервитиев. Возможно, что они были по положению ближе колонам, чем рабам (*Tacit.*, Ann., XI, 16—17).
- ³⁵ CIL, XIV, № 3608. ³⁶ IOSPE, II, N 25.
- ³⁷ IOSPE, II, N 36.
- ³⁸ *Latyshev B.* De magistratibus regni Bosporani.—IOSPE, II, p. LIV.
- ³⁹ IOSPE, II, № 423 (надпись 193 г. н. э.).
- ⁴⁰ IOSPE, II, № 36. ⁴¹ IOSPE, II, № 65.
- ⁴² IOSPE, IV, № 297. ⁴³ IOSPE, II, № 428.
- ⁴⁴ IOSPE, II, № 427. ⁴⁵ IOSPE, II, № 423.
- ⁴⁶ IOSPE, II, № 431, 431 bis. ⁴⁷ IOSPE, II, № 434.
- ⁴⁸ IOSPE, II, № 357. ⁴⁹ IOSPE, II, № 404.
- ⁵⁰ IOSPE, II, № 28. ⁵¹ IOSPE, IV, № 342.
- ⁵² IOSPE, II, № 403. ⁵³ IOSPE, II, № 353.
- ⁵⁴ IOSPE, II, № 410. ⁵⁵ IOSPE, IV, № 421.
- ⁵⁶ IOSPE, IV, № 434. ⁵⁷ IOSPE, II, № 131.
- ⁵⁸ IOSPE, II, № 428. ⁵⁹ IOSPE, II, № 297.
- ⁶⁰ *Латышев В. В.* Неизданные Боспорские надписи.—ИРАИМК, 1922, II, с. 84—92, № 1.
- ⁶¹ IOSPE, IV, № 202.
- ⁶² *Блаватская Т. В.* Надпись Агафа из Фанагории.—ВДИ, 1948, № 4, с. 77—84. О спорности чтения термина космет см.: КБН, № 1000, комментарий к строке 3.
- ⁶³ IOSPE, II, № 6С—64; 365; IV, № 207, 208, 210—212, 421.

- ⁶⁴ В Танаисе фиасы охватывали всех свободных (Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 276—278).
- ⁶⁵ Lucian., Alex. vel. pseudogr. 57; Zosim., I, 31, 1.
- ⁶⁶ Зограф А. Н. Античные монеты.—МИА, 1951, № 16, с. 206—208.
- ⁶⁷ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 40.
- ⁶⁸ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон..., с. 300—304.
- ⁶⁹ Zosim., I, 27.
- ⁷⁰ Зограф А. Н. Античные монеты..., с. 209.
- ⁷¹ Zosim., I, 31, 1—3. ⁷² Zosim., I, 32, 2—3; 1—3.
- ⁷³ Нумизматы дают другое объяснение (Зограф А. Н. Античные монеты..., с. 209).
- ⁷⁴ Treb. Poll. Gallieni duo., XIII, 6.
- ⁷⁵ Zosim., X, 63.
- ⁷⁶ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время, с. 62, с. 220.
- ⁷⁷ Корпусова В. М. Сільське населення пізньоантичного Боспору.—Археологія. Київ, 1973, 8, с. 28, 32, 37, 45.
- ⁷⁸ Кругликова И. Т. Раскопки Киммерика.—КСИИМК, 1953, вып. 51, с. 135.
- ⁷⁹ Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 172.
- ⁸⁰ Блаватский В. Д. Пантикапей..., с. 208, 209.
- ⁸¹ Онайко Н. А. О раскопках Раевского городища.—КСИА, 1965, вып. 103, с. 130.
- ⁸² Зограф А. Н. Античные монеты..., с. 211, 248.
- ⁸³ IOSPE, II, № 29.
- ⁸⁴ Как отмечалось выше, термином Βασιλεία, вероятно, обозначался прежний Боспор, т. е. греческие города по берегам Керченского пролива, а территория, находившаяся в ведении наместника царства и Феодосии, отвечает той, которой управлял ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης (IOSPE, II, № 343).
- ⁸⁵ Число пантикапейских могил I в. н. э. более чем вдвое превосходит количество гробниц III в. н. э. (Rostowzew M. S. u. B., S. 196—201).
- ⁸⁶ Один синод засвидетельствован в последних десятилетиях III в. н. э. (IOSPE, IV, N 211).
- ⁸⁷ Часть поселений хоры Европейского Боспора продолжала существовать во второй половине III и в IV вв. н. э. (Корпусова В. М. Сільське населення..., с. 28, 32, 37, 45).
- ⁸⁸ А. Н. Зограф (Античные монеты..., с. 211), исходя из нединастического имени Фифорса и наличия на обратной стороне его «статеров» тамгообразного знака, считает, что этот царь и, возможно, его преемник Радамсад не принадлежали к исконной династии.
- ⁸⁹ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов).—ИАК, 1904, вып. 10, с. 26—29, № 21.
- ⁹⁰ IOSPE, II, N 363.
- ⁹¹ Отметим, что среди многочисленных имен высших боспорских магистратов во время правления Т. Ю. Тейрана (IOSPE, II, N 29) не наблюдалось сколько-нибудь значительной романизации имен, а между этими надписями прошло не более 32 лет.
- ⁹² Блаватская Т. В. Надпись Агафа..., с. 77 и сл.
- ⁹³ IOSPE, II, N 29.
- ⁹⁴ Zgusta L. Die Personennamen..., S. 137, § 189.
- ⁹⁵ Зограф А. Н. Античные монеты..., с. 212.
- ⁹⁶ IOSPE, II, N 49. ⁹⁷ IOSPE, II, N 312¹.
- ⁹⁸ А. Н. Зограф полагал, что монетная чеканка Боспора прекратилась в 332/3 г. н. э. (Зограф А. Н. Античные монеты, с. 212). Значительно позднее удалось выделить еще одну группу «статеров» Рескупорида V, датируемую 336 г. н. э. (Голенко К. В. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора.—ЗООА, 1960, т. I (34), с. 336—338).
- ⁹⁹ К 304 г. н. э. относится христианское надгробие, найденное в Пантикапее (Шкорпил В. В. Три христианских надгробия, найденные в Керчи в 1898 году.—ЗООИД, 1900, XXII, протоколы, с. 59; Васильев А. А. Готы в Крыму.—ИРАИМК, I, 19¹, с. 273).
- ¹⁰⁰ Васильев А. А. Готы..., с. 274.
- ¹⁰¹ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 212.
- ¹⁰² Фролова Н. А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI.—СА, 1975, № 4, с. 52, 53 [От редакции: В. Д. Блаватский, приняв вывод Н. А. Фроловой о последней известной эмиссии статеров в 638 г. боспорской эры,

- исправил соответственно даты в своей рукописи. Ранее годом окончания боспорского чекана считали 336/337 г.—*Голенко К. В.* К хронологии..., с. 336—338].
- ¹⁰³ *Латышев В. В.* Заметки по греческой эпиграфике.—ИРАИМК, 1922, II, с. 79—82, № 8.
- ¹⁰⁴ *Кропоткин В. В.* Лукашевский клад бронзовых римских монет IV века.—НЭ, 1960, I, с. 216, рис. 1, с. 223.
- ¹⁰⁵ Новая находка клада около косы Тузла показала, что позднебоспорские «статеры» ходили до времени Юстиниана I (*Фролова Н. А., Николаева Э. Я.*, Ильичевский клад монет 1975 г. Византийский временник. 1978, т. 39, с. 173—178).
- ¹⁰⁶ *Казаменова Л. Н., Кропоткин В. В.* Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса.—ВДИ, 1961, № 1, с. 131—133.
- ¹⁰⁷ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 32, 33.
- ¹⁰⁸ IOSPE, II, N 182².
- ¹⁰⁹ *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ..., с. 107, № 20.
- ¹¹⁰ *Zgusta L.* Die Personennamen..., § 250.
- ¹¹¹ Ibid., § 224. Менее ясно происхождение имен Адаса и его отца (*Zgusta L.* Die Personennamen..., § 562 und 602).
- ¹¹² IOSPE, II, N 367¹.
- ¹¹³ ОАК за 1904 г., с. 72, рис. 110, с. 80, 81, рис. 129; *Pharmakowsky B. W.* Die Funde in Südrussland im Jahre 1904.—АА, 1905, 2, S. 60; *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г.—ИАК, 1907, вып. 25, с. 33, рис. 8; *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike.—Archäologische Mitteilungen aus Russischen Sammlungen. Berlin; Leipzig, 1929, S. 107, Taf. 25—26.
- ¹¹⁴ Серебряные блюда с изображением Констанция II найдены в двух различных склепах, расположенных на некотором расстоянии один от другого и явно принадлежащих различным семьям (*Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи.—Памятники Государственного Эрмитажа. Л., 1926, II, с. 21).
- ¹¹⁵ *Ammian. Marc.*, XXII, 8, 32. ¹¹⁶ *Ammian. Marc.*, XXII, 7, 10.
- ¹¹⁷ Например, вряд ли ранее неведомые народы выразили бы желание платить дань только за позволение мирно жить в своих пределах.
- ¹¹⁸ *Rostowzew M. S.* и В., S. 225—227.
- ¹¹⁹ *Кобылина М. М.* Фанагория.—МИА, 1956, № 57, с. 94—95.
- ¹²⁰ *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1914 году.—ИАК, 1915, вып. 58, с. 18, 19, № 2.
- ¹²¹ *Dionys. Perieg. Descript. orb.*, 730.
- ¹²² Следующее краткое упоминание о гуннах имеется у Клавдия Птолемея в главе об Европейской Сарматии. Географ сбивчиво излагает параграф, в котором наряду с многими другими племенами названы и Хоѳвои. Видно, Кл. Птолемей помещал их где-то к востоку от среднего течения Днепра, что с точки зрения всей последующей истории гуннов крайне маловероятно для второй половины II в. н. э. Нужно думать, что сведения, доступные Кл. Птолемею, были очень сбивчивы и противоречивы (*Ptolem. Cl., Geogr.*, III, 5, 10).
- ¹²³ *Philostorg.*, IX, 17. ¹²⁴ *Ammian. Marc.*, XXXI, 2, 1.
- ¹²⁵ *Ammian. Marc.*, XXXI, 2, 12 et 3, 1.
- ¹²⁶ *Ammian. Marc.*, XXXI, 2, 17 et 21.
- ¹²⁷ *Ammian. Marc.*, XXXI, 3, 1. ¹²⁸ *Ammian. Marc.*, XXXI, 3, 1—3.
- ¹²⁹ *Paul. Oros.*, VII, 33, 10.
- ¹³⁰ Об этом событии, называя готов скифами, говорит также Евнапий (*Eunap., hist., fragm.* 42).
- ¹³¹ *Erm. Sozomen.*, VI, 37. ¹³² *Zosim.*, IV, 20, 3.
- ¹³³ *Zosim.*, IV, 20, 3. ¹³⁴ *Zosim.*, IV, 20, 4—6.
- ¹³⁵ *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 7—10.
- ¹³⁶ *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 11—13.
- ¹³⁷ *Jordan.*, Getica, 123—127. ¹³⁸ *Agath.*, Hist., V, 11.
- ¹³⁹ *Сокольский Н. И.* Гунны на Боспоре (по археологическим источникам).—In: Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968, S. 251—255.
- ¹⁴⁰ *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1962 г.—КСИА, 1965, вып. 103, с. 112, 113.
- ¹⁴¹ *Кобылина М. М.* Исследования Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг.—СА, 1963, № 4,

- с. 130—132; *Кобылина М. М.* Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г.—КСИА, 1967, вып. 109, с. 127—129.
- ¹⁴² *Блаватский В. Д.* Пятый год работ в Синдике.—КСИИМК, 1959, вып. 74, с. 46—48.
- ¹⁴³ *Сокольский Н. И.* Гунны на Боспоре..., с. 252, 257—259.
- ¹⁴⁴ *Блаватский В. Д.* Пантикапей..., с. 222, 223.
- ¹⁴⁵ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896, с. 85—97, № 77—97.
- ¹⁴⁶ *Белова Н. С.* Археологические разведки в Китее.—КСИА, 1961, вып. 83, с. 86, 88—90.
- ¹⁴⁷ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1936 гг.—МИА, 1952, № 25, с. 60, 61, 124—125, 133—134.
- ¹⁴⁸ Трудно сказать, когда был зарыт клад, состоявший из 71 римской монеты, преимущественно первой половины III в. н. э. Самые поздние из этих монет относятся ко времени правления Галлиена (253—268 г. н. э.). Как нам кажется, этот клад более вероятно считать закопанным в связи с нашествием Боранов, чем связывать его с гуннским разгромом (*Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961, с. 64, № 606).
- ¹⁴⁹ *Сокольский Н. И.* Гунны на Боспоре..., с. 259, 261.
- ¹⁵⁰ *Erm. Sozomen.*, VI, 37; *Zosim.*, VI, 20, 5; *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 15.
- ¹⁵¹ *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон..., с. 327—330.
- ¹⁵² *IOSPE*, II, № 49¹.
- ¹⁵³ Эта точка зрения уже высказывалась: Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965, с. 75.
- ¹⁵⁴ Даже если прежняя стена легко могла быть восстановлена, протяжение ее было слишком велико для успешной обороны малочисленным боееспособным населением небольшого города.
- ¹⁵⁵ *Iordan, Getica*, 263.
- ¹⁵⁶ *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 17—21.
- ¹⁵⁷ *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 21—23.
- ¹⁵⁸ *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 21.
- ¹⁵⁹ *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 26—27.
- ¹⁶⁰ Сообщение Прокопия о «недавно» случившемся сильном разрушении Кеп и Фанагории (*Φαναγοῦρις*) некоторыми из соседних варваров вряд ли можно связать с этими вторжениями (*Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 28—29). Слишком большой промежуток времени отделяет вторжение на Боспор, произошедшее после середины V в. н. э., от написания Прокопием упомянутого труда.
- ¹⁶¹ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен..., с. 88, 89, № 86.
- ¹⁶² *Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба 491 года.—МАР, 1891, № 6, с. 4 и сл., табл. II, 1.
- ¹⁶³ *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов) ..., с. 90, № 107.
- ¹⁶⁴ *Procop. Caes.*, de b. Pers., I, 12, 7.
- ¹⁶⁵ *Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба..., с. 21, 23.
- ¹⁶⁶ *Procop. Caes.*, de b. Pers., I, 12, 8.
- ¹⁶⁷ *Procop. Caes.*, de aedific., III, 7, 10 et 12.
- ¹⁶⁸ Укреплен был небольшой городок на берегу моря, занимавший незначительную часть древнего Пантикапея. В этом месте были обнаружены слои VI—VII вв. (*Макарова Т. И.* Средневековый Корчев по раскопкам 1963 г. в Керчи.—КСИА, 1965, вып. 104, с. 76).
- ¹⁶⁹ *Procop. Caes.*, de b. Goth., IV (VIII), 5, 28—29.
- ¹⁷⁰ С Таманского полуострова происходит одна плохо сохранившаяся надпись, упоминающая Юстиниана. В. В. Латышев датирует ее 533 г. н. э. (*Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен..., с. 98—105, № 98). К сожалению, содержание ее не поддается надежному восстановлению.

ЭЛЛИНСКОЕ ИСКУССТВО В ГОРОДЕ И В ХОРЕ *

(различные слои граждан и искусство)

С появлением полисов был связан большой перелом в жизни эллинского общества. Город стал центром экономической, политической, культурной и художественной жизни всей гражданской общины. Произошли изменения и в греческом мифологическом мировоззрении. Племенные боги стали теперь патронами полисов. В новых условиях возникло монументальное эллинское искусство, пронизанное идеологией греческой гражданской общины.

На протяжении истории полисов памятники искусства были сосредоточены преимущественно в городах. Для греческого города характерно стремление внести в его облик художественный элемент. Прежде всего это сказывается в общем ансамбле города. Над монотонными кварталами, занятыми домами, возвышаются величавые храмы богов-покровителей.

Таковы, например, дорийские периптеры Посейдонии и особенно эффектно расположенные храмы Акраганта и Селинунта.

Другая характерная черта искусства полиса — его демократизм. Памятники архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, тесно связанные с представлениями того времени, были понятны, близки и доступны для обозрения всем гражданам.

Произведения художественного ремесла были широко распространены¹, мастерски исполненные, они вносили искусство и в частную жизнь греков. Даже предметы домашнего обихода были сделаны с художественным вкусом, а служившие тарой амфоры обладали совершенством форм, которые изменялись в некотором соответствии с эволюцией очертаний эхина капители дорийской колонны.

В период архаики и в V в. до н. э. в монументальной скульптуре и живописи большую роль играли мифологические сюжеты, нередко воспринимавшиеся как подвиги предков. Иногда они приобретали и новое содержание, связанное с недавними событиями.

Древний миф о споре Афины с Посейдоном за владычество над Атикой приобрел в V в. до н. э. новое социальное содержание и политическую остроту. Демос, особо почитавший Афину, увидел в этом сказании символ победы над аристократами-всадниками, имевшими патронном Посейдона². Свой успех демос увековечил, следуя воззрениям того времени: на западном фронте Парфенона была поставлена группа, изображающая названный миф.

В небольших полисах, как Платеи, все граждане были тесно связаны с землей (хорой), поэтому селяне и горожане разнились не столь сильно. Иное положение было в больших полисах, например в Аттике, где политически полноправные земледельцы, особенно из дальних демотов, не могли часто приходить в город. Это сказалось на их положении и иногда вызывало их недоброжелательство к городскому демосу.

* *Blawatsky W. Hellenic Art in City and in Chora. — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1979, t. XXVII, fasc. 1—3, p. 103—108, fig. 1—2.*

Дикепол и ахарняне в одноименной комедии Аристофана³ жалуются на то, что они несут тяготы военной службы, а доходные почетные поручения получает городская молодежь. Поэт Бабрий изложил басню⁴ «о земледельце, потерявшем мотыку», вероятно возникшую в V в. до н. э. Мораль басни заключается в том, что боги земледельца простодушные, как и он сам, и тем отличаются от «живущих внутри стен» изворотливых городских богов.

Эту мысль как бы подсказывали различия художественных форм сельских и городских культов. Судя по свидетельству Павсания⁵ и по находкам, можно заключить, что число монументальных статуй в городах было значительно больше, чем за их пределами. Исключением являются большие святилища, такие, как Геры Аргосской или Аполлона в Дидимах, но и они были очень тесно связаны с их городами.

В диалоге Федр Платона⁶ Сократ описывает находившееся в окрестностях Афин одно из святилищ, видимо характерное для хоры. Под высоким развесистым платаном вытекает источник, вода в котором очень холодна. Рядом растет высокая ива (*ἄγνος* = *vitex*), дающая много тени; цветы этого дерева распространяли аромат по всему месту. Далее Сократ говорит: *Νυμφῶν τε τινῶν καὶ Ἀχελφῶν ἱερὸν ἀπὸ τῶν χορῶν τε καὶ ἀγυμάτων εἶχεν εἶναι.* Эти слова Сократа показывают, что, судя по расписным глиняным табличкам (*ἀγάλματα*)⁷ и терракотовым фигуркам (*κίραι*), вероятно развешанным на деревьях, в этом месте было святилище нимф и Ахелоя.

Одним из распространенных деревенских культов была дендролатрия. Изображение священных деревьев, обвешанных повязками и иными приношениями, встречаются в итало-римских росписях, следующих эллинистическим прототипам⁸.

Самым простым и наиболее доступным для хоры было ритуальное изображение Диониса *δευδρίτης* в виде древесного ствола, одетого в двойной хитон, над которым прикрепляли бородатую маску (рис. 1). Такое изображение праздника Диониса известно на краснофигурном стамносе конца V в. до н. э.⁹

На хранящемся в Мюнхене рельефе¹⁰ с изображением земледельца, направляющегося с коровой на рынок, в левом верхнем углу представлено находящееся в хоре скромное святилище в виде храма с двускатной крышей (рис. 2). Внутри святилища стоит герм бородатого божества, возможно Диониса или Гермеса.

Аристофан¹¹ в «Ахарнях» упоминает о более грубой форме культа Диониса в аспекте бога производящей силы природы. Очень интересны обнаруженные в окрестностях Метапонта и Гелы остатки святилищ божеств плодородия, преимущественно богинь. Подобное святилище известно в окрестностях Аполлонии на Адриатике. Большую часть находок в этих святилищах составляют терракотовые статуэтки, служившие *ex voto* названным божествам.

О популярности божеств плодородия в греческой хоре также говорят изображения на расписных вазах и рельефах.

Сказанное подтверждают и греческие писатели, особенно Феокрит. Судя по идиллиям Феокрита¹², жившие в хоре пастухи в повседневном обиходе преимущественно обращались к нимфам и Пану, несколько

Рис. 1. Изображение Диониса Дендрита на краснофигурной вазе

Рис. 2. Святилище в хоре (деталь рельефа. Мюнхен)

реже — к Аполлону Карнею, Артемиде, Гермесу и Приапу, еще реже — к Илифии и Деметре. Частые обращения персонажей Феокрита к Музам объясняются исполняемыми ими песнями, так же как упоминания Афродиты и Эрота вызваны содержанием идиллий. Земледельцы прежде всего почитали Деметру, Кору, Диониса, Гермеса, Нимф и местных героев — патронов хлебопашества.

Жители хоры нередко обходились без храмов и статуй божеств, поначалу почитая Нимф в виде ручьев и деревьев, Гермеса в виде ἐρμαῖα — куч камней на границах участков полей. В дальнейшем, с развитием искусства, бесхитростные изображения божеств стояли в хижинах и садах их почитателей, небольшие фигурки их приносились в святилища.

Сельский житель обычно жил представлениями греческого общества древнейшего времени и гораздо реже, чем горожанин, мог видеть высокохудожественные изображения полисных богов. Поэтому нельзя говорить об одинаковом эстетическом окружении в повседневной жизни горожан и жителей отдаленных χωρῶν.

¹ Распространению этих изделий немало способствовала их дешевизна, о чем свидетельствуют граффити на греческих вазах (*Hackl R. Merkantile Inschriften auf attischen Vasen/Münchener archäologische Studien, dem Andenken A. Furtwängler gewidmet. München, 1909, S. 98*).

² Напомним молитву афинских всадников в одноименной комедии Аристофана (*Aristoph. Equit.*, 551 s.) и рельеф над декретом 398/7 гг. до н. э., изображающий пожимающих друг другу руки Афины и афинский Демос в облике бороватого человека (*Collignon M. Geschichte der Griechischen Plastik. Strassburg, 1898, Bd. II, S. 154 f., Fig. 71*).

³ *Aristoph. Acharn.*, 600 s., 607 s., 676 s.

⁴ *Babr.*, II, 6.

⁵ Например: *Paus.*, I, 32, 1—2; I, 36, 2; I, 38, 8; II, 11, 3; II, 18, 3; II, 24, 5; II, 34, 6; II, 34, 8; II, 37, 1—2.

⁶ *Plat. Phaedr.*, V, 230 B.

⁷ Представление о них дает найденный на Афинском акрополе πύναξ конца VI в. до н. э. (*Robertson M. La peinture grecque. Geneve, 1959, p. 94, 95*).

⁸ Росписи Villa Quintili на Via Appia (*Ducati P. Die Etruskische, Italo-Hellenistische und Römische Malerei. Wien, 1942, S. XXVIII, Taf. 113 (niedr)*).

⁹ *Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, Bd. II, S. 586, § 632; Bd. III, S. 232, Abb. 582*.

¹⁰ *Schreiber Th. Die hellenistischen Reliefbilder. Leipzig, 1894, Taf. LXXX*.

¹¹ *Aristoph. Acharn.*, 259—261.

¹² *Theocr. idyll.*, I, IV—VII, X, XXVII.

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ *

За последние десятилетия археологические разведки и раскопки велись в ряде районов Северного Причерноморья; в значительной мере они были направлены на исследование памятников античной культуры.

В северо-западной части Причерноморья внимание археологов главным образом привлекала древняя Ольвия — милетская колония, развалины которой находятся на западном берегу Бугского лимана. Для исследования Ольвии в свое время очень много сделал крупнейший русский археолог-антиковед Б. В. Фармаковский, работавший преимущественно в первой четверти XX в. Б. В. Фармаковским были установлены границы древнего города во времена его расцвета и захирения (после разгрома Ольвии гетами в середине I в. до н. э.), а также выявлен характер отдельных частей города.

В последние десятилетия эти работы по исследованию Ольвии были успешно продолжены. В северной части города был раскопан целый ряд жилых домов, принадлежавших сравнительно небогатым обитателям Ольвии. В названных домах были небольшие внутренние дворики, не имевшие перистилей; к дворам прилегало несколько помещений, в одном из них был обширный подвал. Существует предположение, что в зимнее время, когда в Северном Причерноморье дуют холодные ветры, эти подвалы служили жилыми помещениями.

Иной характер имел жилой дом конца I — начала II в. н. э., обнаруженный в южной части Ольвии. В нем был обширный (около 95 м²) перистильный двор, выложенный солидными каменными плитами. Судя по находкам, стены парадных помещений в этом доме были облицованы плитками белого и цветного мрамора.

На берегу лимана, примерно в средней части города, был раскопан значительный участок, заключавший сооружения I—IV вв. н. э. Там был обнаружен район гончарных печей I—III вв. н. э. Эти печи имели в плане круглую или четырехугольную форму, состояли они из двух отделений:

* *Blawatsky V. D. L'Archéologie dans la contrée du Nord de la Mer Noire au cours des dernières dizaines d'années.* — *Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς* 1953—1954, *Ἀθήναι*, 1959, *Τόμος Γ'*, сс. 212—221, *εικ.* I—V.

нижнего — топочного и верхнего — обжигательного. Печи были различных размеров: большие предназначались для обжига крупных сосудов и черепицы, малые — для обжига кухонной и столовой посуды, грузил для рыболовных сетей, пряслиц и других мелких керамических изделий.

По соседству с керамическими печами была открыта большая хлебопекарня. Это было полуподвальное здание, имевшее не менее шести помещений; в трех из них находилось по одной печи. В пекарне найдено большое количество обломков пифосов и амфор, в которых, очевидно, держали муку и воду. Из других сооружений, обнаруженных на описываемом участке, отметим целый ряд остатков жилых домов, дошедших до нас в различной степени сохранности.

Однако наиболее значительным результатом работ в Ольвии были раскопки площади для народных собраний — агоры, расположенной в центральной части города. Она имела прямоугольную форму, а размеры ее были около 1 1/2 га. Площадь была вымощена черепками, которые лежали тремя напластованиями, датируемыми V, III и II вв. до н. э. С востока агору обрамляли длинная узкая постройка с торговыми помещениями, сооруженная в IV в. до н. э., небольшое общественное здание III в. до н. э. и водоем V в. до н. э., тщательно сложенный из прекрасно отесанных блоков. К северу от агоры открыт храм IV в. до н. э., возле которого стоял алтарь, сооруженный еще в V в. до н. э. и несколько раз перестраивавшийся. В том же месте обнаружено большое количество ям, заключающих различного рода приношения божествам: терракотовые статуэтки, глиняную посуду, монеты и кости животных. Раскопки агоры доставили многочисленные надписи на мраморных стелах и их обломки: это почетные декреты в честь граждан Ольвии, а равно и проксении, изданные Ольвийским полисом.

Кроме того, велись работы в многочисленных поселениях в ближних и дальних окрестностях Ольвии, на обоих берегах Бугского лимана. Были открыты остатки жилищ в многочисленных сельских поселениях, а также ямы для хранения зерна.

Теперь мы обратимся к западному и южному побережьям Крыма. Здесь наиболее важным центром в античное время был Херсонес, расположенный вблизи современного Севастополя. Значительная часть херсонесского городища была раскопана в последнее десятилетие XIX в. и в первое десятилетие XX в. Эти работы были с успехом продолжены вплоть до настоящего времени. Недавно за пределами Херсонеса, вблизи от городских стен, был обнаружен квартал с гончарными печами античного времени.

Наиболее важными работами внутри оборонительных стен были раскопки в северной части города, где открыты многочисленные дома III—II вв. до н. э. и первых столетий нашей эры. Рядовые херсонесские дома эллинистического времени имели обычно площадь около 150 м². При каждом доме находился небольшой двор с колодезем или цистерной для дождевой воды. Несколько жилых помещений, кухня и кладовая выходили во дворик. В некоторых помещениях были устроены подвалы.

В одном из более богатых херсонесских домов открыта умывальная

комната, пол которой выложен мозаикой из цветных галек. Эта мозаика представляет двух обнаженных женщин, моющихся возле большого лутерия (таза для мытья на высокой ножке).

Еще более плодотворными, чем раскопки города, были исследования на Гераклейском полуострове, находящемся в окрестностях Херсонеса. Этот полуостров в античное время составлял сельскохозяйственную территорию херсонесского государства. Весь Гераклейский полуостров был пересечен сетью прямых дорог, правильно деливших землю на прямоугольные участки, *κλῆροι*. Генеральный план всего полуострова с нанесенными на него межами участков был составлен уже в 1785 г., вскоре после присоединения Крыма к России.

В последнее время многие *κλῆροι* были детально изучены. Хорошо сохранившиеся остатки оград наделов позволили уточнить генеральный план этой сельскохозяйственной территории. Стало также возможно отчетливо представить систему многочисленных внутренних оград, деливших каждый надел на небольшие участки, занятые пашнями, садами и виноградниками. На каждой усадьбе возвышался дом с пристройками и различными подсобными помещениями. В числе последних надлежит упомянуть башню с мощными стенами из больших каменных блоков, не уступающими в надежности оборонительным стенам городов.

Херсонесскому государству принадлежали еще два города, Керкини-тида и Калос-Лимен (Прекрасная Гавань), расположенные на западном берегу Крыма. В этих городах в последние годы также велись раскопки.

На южном берегу Крыма, недалеко от Ялты, находилась римская крепость Харакс, существовавшая в I—II вв. н. э. Эта крепость исследовалась в 30-х годах текущего столетия. Раскопки были направлены на изучение оборонительных сооружений, состоявших из двух линий крепостных стен, расположенных на расстоянии около 70 м одна от другой. Пространство между стенами было не застроено и, возможно, имело такое же назначение, как и полосы свободной земли, которые оставались между валом и крайними палатками в римском лагере. Во внешнюю оборонительную стену была включена часть древней стены укрепления тавров, сложенной из громадных каменных глыб.

За пределами крепости раскопками обнаружен некрополь, датированный концом II — началом IV в. н. э. Большая часть погребений представляла кремации; прах покойников чаще всего хоронили в остроногих амфорах, иногда в сосудах других форм.

Большая часть античных городов Северного Причерноморья располагалась по берегам Керченского пролива или поблизости от этих берегов. В древности эта территория входила в состав Боспорского государства, которое существовало с V в. до н. э. до IV в. н. э.

Наиболее важным из городов Боспора была его столица Пантикапей, находившаяся на месте современной Керчи. Пантикапей был основан в VI в. до н. э. и достиг высокого расцвета в IV в. до н. э.

Раскопки Пантикапея, производившиеся после 2-й мировой войны, позволили установить размеры древнего города. Характерной особенностью планировки Пантикапея является его расположение на вершине и на склонах высокого холма, именуемого ныне горой Митридат. Эта

черта местоположения Пантикапея была отмечена древним географом Страбоном в его замечательном труде. Археологические исследования показали, что строители Пантикапея сумели справиться с трудной задачей сооружения города на склонах холма, местами очень крутого. Была широко применена система террас, поддержанных подпорными стенами. Эти террасы опоясывали все склоны холма, на вершине которого располагался акрополь. Были обнаружены многочисленные и важные перепланировки некоторых участков террас в период от IV в. до н. э. до II в. н. э. Нередко эти работы требовали значительных земляных работ; на некоторых участках производилась большая выборка земли, причем иногда вынимали полностью грунт с древнейшими культурными напластованиями, очищая котлован вплоть до материковой скалы. На других участках устраивали массивные насыпи, поддерживаемые мощными подпорными стенами.

Результаты археологических исследований Пантикапея позволяют предположить, что во второй половине VI в. до н. э. на его акрополе был возведен большой храм ионийского ордера, от которого сохранились лишь некоторые обломки. Кроме того, раскопками был обнаружен ряд жилых домов VI в. до н. э.; большинство их имело небольшие размеры и скромный характер. Гораздо более богатыми и более обширными были жилые дома и общественные здания, сооруженные в IV—II вв. до н. э. В развалинах фундаментов и нижних частей стен встречаются многочисленные обломки различных архитектурных деталей из мрамора и известняка, куски расписной штукатурки с рельефным орнаментом и терракотовые украшения для крыш зданий.

Как показали раскопки, город сильно пострадал во время бурных событий от конца II до середины I в. до н. э. Кроме того, он подвергся грандиозному землетрясению в 63 г. до н. э. Восстановленный после этих разрушений город сильно отличался от прежнего. Помимо многих богатых и более скромных домов, теперь появились многочисленные винодельни и ямы для хранения зерна; это свидетельствует о том, что население Пантикапея начало тогда заниматься сельским хозяйством, постепенно все более и более расширявшимся.

В Пантикапее были найдены многочисленные надписи, среди которых надлежит особо упомянуть посвящение богине Артемиде царя Фарнака, сына царя Митридата, знаменитого противника Рима. Еще более интересна надпись на мраморном блоке архитрава дорийского ордера, датированная 320 г. боспорской эры, что отвечает 23 г. н. э. Эта надпись указывает, что здание, которому принадлежал названный обломок архитрава, было посвящено боспорскому царю Аспургу и, вероятно, было посвященным ему храмом. Далее следует упомянуть найденные многочисленные мраморные скульптуры, среди которых надлежит особо отметить голову богини, возможно Афродиты, исполненную в I в. до н. э. по образцу второй половины V в. до н. э., близкому знаменитым скульптурам фронтона Парфенона. Эта голова, изваянная из белого мрамора, покрыта желтоватой патиной; глаза были раскрашены, однако от росписи сохранились лишь слабые следы.

Раскопками последних лет в Пантикапее открыто много различных бытовых предметов, а также изделий, связанных с занятиями ремеслами

и искусствами. Назовем прежде всего художественную посуду из глины и обломки этих ваз, изготовленную на месте или привозную. Среди последней отметим расписную и рельефную керамику, в частности так называемые мегарские кубки. Среди импортной керамики встречены изделия, привезенные с Родоса, Самоса, из Ионии, Коринфа, Аттики (чернофигурная и краснофигурная), а также расписная и рельефная эллинистическая посуда. Особо следует упомянуть аттический чернофигурный кратер второй половины VI в. до н. э., на одной стороне которого изображено сражение Афины с гигантом в присутствии двух зрителей, а на другой — кулачный бой двух атлетов, также в присутствии двух зрителей. Отметим еще обломки аттического краснофигурного сосуда с подписью Аполлодора.

Было найдено значительное число терракотовых фигурок различного времени, начиная с VI в. до н. э. Среди импортных терракот выделяется небольшая протоматта эллинистического времени, изготовленная в Малой Азии. Она представляет голову и верхнюю часть торса актера, увенчанного венком (рис. 1). Лицо актера чрезвычайно выразительно; широко раскрытый рот показывает, что художник хотел представить актера в театральной маске.

В большом количестве были найдены терракотовые статуэтки местного пантикапейского производства. Мастерская одного из коропластов в Пантикапее, работавшего в I в. до н. э., выпускала многочисленные терракотовые фигурки. В ней раскрыты две гончарных печи, глиняные формы для оттискивания фигурок и различные предметы, а также куски керамического брака.

Было обнаружено большое количество светильников, многие из которых изготовлены на месте. Весьма разнообразны изделия хозяйственного назначения и ремесленные орудия, а также их обломки.

В ближайших окрестностях Пантикапея были раскопаны многочисленные погребения. Наиболее примечательны: каменный монументальный двухкамерный склеп II в. до н. э., помещения которого дерекрыты плоскими плитами, образующими уступчатые своды, однокамерный склеп I в. н. э., перекрытый полуциркульным сводом, и весьма обшир-

Рис. 1. Пантикапей. Голова актера (терракота)

ный расписной склеп, датируемый приблизительно II в. н. э., сложенный из известняковых квадров, взятых из другого склепа, также расписного, относящегося почти к тому же времени.

Поблизости от Пантикапея существовал еще целый ряд древних городов, по размерам значительно уступавших боспорской столице. Начиная с 30-х годов текущего столетия в этих городах велись обширные археологические исследования, которые доставили массу источников, в особенности освещающих экономику Боспорского государства.

Примерно в 5 км к северо-востоку от Пантикапея находился небольшой город Мирмикий. Этот город, достигший наибольшего процветания в IV—II в. до н. э., значительно захирел с I в. до н. э. Раскопками в Мирмикии обнаружены развалины оборонительной стены IV в. до н. э., рыбозасолочные цистерны первых веков нашей эры и большое количество виноделен, позволяющих заключить, что этот город был одним из значительных центров виноделия.

К северу от Мирмикии раскопан обширный античный некрополь. Здесь археологами открыт наряду с простыми могилами весьма своеобразный тип боспорских погребальных сооружений, представляющих собою склепы малых размеров.

Еще далее к северо-востоку, на берегу Керченского пролива, находился небольшой городок Порфмий. Раскопками там обнаружена мощная оборонительная стена III в. до н. э. и остатки жилых домов.

Гораздо более многочисленные и разнообразные археологические материалы доставили раскопки в другом городе, расположенном примерно в 12 км к югу от Пантикапея и носившем в древности наименование Дия или Тиритака. Этот город возник в VI в. до н. э. на месте раннего поселения (II — начало I тысячелетия до н. э.). Остатками древнейшего поселения являются два примитивных каменных изваяния, которые позднее были использованы при сооружении стены в начале V в. до н. э. Среди находок в этом городе особый интерес представляет дом второй половины VI в. до н. э. с сырцовыми стенами на каменном фундаменте, состоявший из трех комнат. Этот дом, стоявший на западной окраине города, был включен в оборонительную линию: от него к соседним домам тянулись крепостные стены, сложенные из сырца на каменном цоколе. В южном предместье города обнаружены более основательные оборонительные сооружения: здесь открыты остатки оборонительной стены V в. до н. э., над которыми залегали развалины более мощной стены IV—III вв. до н. э., достигавшей 3,40 м в толщину.

Особый интерес представляют обнаруженные в Дии-Тиритаке постройки, связанные с виноделием и рыбным промыслом. Здесь были раскопаны весьма многочисленные рыбозасолочные цистерны, существовавшие в I—III в. н. э. Они свидетельствуют о том, что этот город был тогда поставщиком соленой рыбы. Обширный жилой дом, датируемый III—IV вв. н. э., принадлежал, по-видимому, владельцу рыбозасолочного производства. Это здание заключало многочисленные помещения, расположенные на склоне холма на разных уровнях.

Приблизительно в 17 км к югу от Керчи находятся развалины другого боспорского города, Нимфея, основанного также в VI в. до н. э.

Там были обнаружены руины святилища Деметры, сооруженного в VI в. до н. э. Сохранились остатки стен святилища, каменной ограды и базы алтаря. Там же найдены терракотовые изображения богини Деметры и ее прислужниц. Упомянем также открытие гончарных печей и большого количества обломков керамического брака, свидетельствующих о производстве расписной посуды в Нимфее еще в VI в. до н. э.

Среди малых античных городов южного берега Керченского полуострова назовем Киммерик, расположенный у подножия горы Олук. К югу от названной вершины были обнаружены следы догреческого поселения, нужно думать принадлежавшего киммерийцам. Над этим древнейшим напластованием находились развалины дома античного времени, сооруженного в конце VI в. до н. э. Этот жилищный блок делился не менее чем на три секции, состоявшие из одной комнаты и расположенного перед ней двора.

Сам город Киммерик был расположен к западу от этих построек. Здесь были открыты развалины домов, в одном из которых найдено помещение, служившее мукомольней в первых веках нашей эры. Отметим также находку больших зерновых ям.

Помимо прибрежных боспорских городов, теперь стало известно несколько малых городов, расположенных внутри Керченского полуострова. Среди них отметим прежде всего небольшой город-крепость у современной деревни Ивановка. Предполагают, что это городок Илурат, о котором упоминает Птолемей. Общая площадь этого городка равна приблизительно 2 га. Он существовал в I—III вв. н. э. и был обнесен оборонительными стенами, толщина которых достигала 6 м; кроме того, стены были усилены башнями, сооруженными на расстоянии нескольких десятков метров одна от другой. Внутри стен находились довольно регулярно распланированные жилые дома. В нескольких домах, примыкавших к стенам, были сооружены прямые проходы на лестницы, ведущие на стены и на башни. Это показывает, что значительная часть обитателей города служила в его гарнизоне.

В течение последних десяти лет производились разведочные и раскопочные работы в античных сельских поселениях на Керченском полуострове. Эти исследования выявили большое число деревень, существовавших с IV—III в. до н. э. и расположенных внутри полуострова. Весьма интересны находки первых веков нашей эры, указавшие сельские поселения на берегу Азовского моря. Там были найдены многочисленные орудия труда и среди них очень тяжелая железная мотыка хорошей сохранности.

На восточном берегу Керченского пролива, на Таманском полуострове археологические работы велись главным образом в Фанагории, развалины которой находятся возле современного хутора Сенной. Исследованиями городища удалось установить границы древнего города и определить характер его различных кварталов. Раскопки показали, что город имел регулярную планировку, восходящую, возможно, еще ко времени основания Фанагории около 540 г. до н. э.

Здесь были открыты многочисленные жилые дома, начиная приблизительно с VI в. до н. э., и руины общественных зданий. К IV в. до н. э. относится монументальное общественное сооружение, возможно гимна-

сий, открытое в западной части Фанагории; это здание в дальнейшем два раза основательно перестраивалось.

Большой дом, развалины которого открыты примерно посередине прибрежной части города, датируется II в. до н. э. Это здание было богато украшено. Сохранившиеся обломки штукатурки, украшенной раскраской и росписью, доставляют возможность восстановить в основных чертах декор внутренних стен этого здания. В той же части города были открыты остатки винодельни, относящейся к позднеантичному времени. Возможно, что к тому же периоду относятся термы, руины которых раскопаны в западной части Фанагории.

На юго-восточной окраине города были раскрыты остатки оборонительной стены, к которой примыкал квартал гончарных мастерских Керамик.

За пределами города к востоку, югу и западу находились обширные грунтовые могильники. Здесь раскопано большое количество античных погребений (с VI в. до н. э. по IV в. н. э.) и несколько средневековых могил.

Раскопками в Фанагории и исследованиями в окрестностях города были обнаружены различные памятники искусства и мелкие художественные изделия. Отметим большой двусторонний мраморный акротерий, по-видимому увенчивавший надгробную плиту, памятник начала эллинистической эпохи. Этот акротерий завершался двойной пальметтой с волютами внизу и стилизованными листьями аканфа; изваянный ажурно орнамент исполнен с большим мастерством.

Раскопки велись также в античном городе Гермонассе, который находился на месте нынешней станицы Таманской. Этот город был основан раньше Фанагории, еще в первой половине VI в. до н. э. Здесь обнаружены остатки домов с сырцовыми стенами на каменных цоколях.

Помимо работ в античных городах Таманского полуострова, там были предприняты археологические исследования сельскохозяйственной территории. Эти раскопки позволили открыть ряд античных поселений и установить, что они были двух типов: обычные деревни земледельцев и рыбаков и временные поселения пастухов. Заслуживает внимания тот факт, что в поселениях первого типа засвидетельствована деятельность ремесленников: гончаров и кузнецов.

Весьма интересны находки в Горгииппии, которая была расположена на территории современной Анапы. Среди них особенно выделяется большая мраморная статуя бородатого мужчины, изображающая, вероятно, одного из представителей местной знати. Эта статуя датируется второй половиной II в. н. э. Мужчина представлен задрاپированным в греческий гиматий, но на шее у него местное украшение — массивная гривна. Местные черты выступают еще более ясно в передаче тела: узкие плечи и очень худой торс не имеют никакого сходства с могучими торсами греческих атлетов.

Упомянем также раскопки мощных развалин античных городов возле современных станиц Раевская и Варениковская. Особенно интересны результаты археологических исследований во втором из названных городищ. Здесь были открыты оборонительная линия из мощных каменных стен с лестницами и башнями, возведенная в начале V в. до н. э.,

а также большой монументальный дом, состоявший из пяти комнат, окружавших внутренний дворик. Этот дом был построен в III в. до н. э.

Наконец, необходимо назвать еще один город — Танаис, входивший в состав Боспорского государства. Развалины этого города находятся в дельте Дона, на окраине современной Недвиговки. Площадь его сравнительно небольшая — около 5 га. Танаис играл большую роль в античную эпоху в торговле с местными племенами. Раскопками последних лет открыты довольно хорошо сохранившиеся остатки сооружений, преимущественно первых веков нашей эры. Была также раскрыта мощная оборонительная стена и многочисленные дома возле нее.

Таков краткий обзор наиболее примечательных археологических исследований, которые велись за последние десятилетия в античных городах и селах, а также в некрополях земель на северных берегах Черного моря. Результаты этих работ публиковались¹ в различных местах, преимущественно в изданиях Института истории материальной культуры АН СССР.

Точно так же многочисленные археологические исследования², опубликованные в последнее время, в значительной степени основываются на результатах этих раскопок.

¹ Назовем лишь наиболее важные: МИА, 1951, № 19; 1952, № 25; 1954, № 33; 1953, № 34; 1956, № 50; 1957, № 56; 1956, № 57; КСИИМК, выходящие с 1939 г.; СА, выходящая с 1936 г. в виде сборников (I—XXX) и журнал, выходящий с 1957 г.; Ольвия. Киев, 1940, т. I; ВДИ, выходящий с 1937 г.

² Упомянем лишь часть этих работ: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, I; АГСП, М., Л., 1955; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953; Он же. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947; Он же. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949; Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16; Он же. Монеты Тиры. М., 1957; Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953; Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л., 1949; Славин Л. М. Древний город Ольвия. Киев, 1951; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VII—II вв. до н. э. М., 1956.

ОТ РЕДАКЦИИ

Помимо статей, включенных в настоящий сборник, за рубежом были опубликованы работы, написанные В. Д. Блаватским совместно с Г. А. Кошеленко. Ниже приводятся их названия:

1. *Blawatsky W., Kochélenko G.* Le cult de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. Leiden, 1966, p. 1—36, pl. I—XVI. (*Блаватский В., Кошеленко Г.* Культ Мифры на северном побережье Черного моря).

1. *Blawatsky W. D., Kochélenko G. A.* Quelques traits de la religion des Scythes. Hommages à Maarten J. Vermaseren. V. I. Leiden, 1978, pp. 60—66. (*Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А.* Некоторые черты религии скифов).

Следует также упомянуть названия двух заметок, опубликованных В. Д. Блаватским в зарубежных популярных периодических изданиях: 1. Διὰ τὰς ἱστορικὰς σχέσεις τοῦ Ἑλληνικοῦ λαοῦ μετὰ τῶν ἄλλων λαῶν. «Σοφιστικὰ νέα», Ἀθήναι, 1958, № 21 (240), σ4. (Об исторических связях эллинов с другими народами). 2. За подводната археология.— Подводен спорт. София, 1960, II, 2, с. 3—6. (О подводной археологии).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Предисловие

Рис. 1.	В. Д. Блаватский, 1966 г. Фото М. М. Успенского	вклейка
Рис. 2.	В. Д. Блаватский в конце 1920-х годов. Неизвестный фотограф	6

Новая амфора Полигнота

Рис. 1.	Амфора Полигнота. Лицевая сторона. Собрание ГМИИ	8
Рис. 2.	Деталь. Эос. Собрание ГМИИ	8
Рис. 3.	Амфора Полигнота. Обратная сторона	8
Рис. 4.	Деталь. Головы лошадей. Собрание ГМИИ	8
Рис. 5.	Деталь. Кони и дельфин. Собрание ГМИИ	9
Рис. 6.	Деталь. Юноша с мечом. Собрание ГМИИ	9
Рис. 7.	Подпись вазописца Полигнота. Собрание ГМИИ	9

Из собрания ваз ГМИИ в Москве

Рис. 1.	Итало-Коринфский кувшин. Собрание ГМИИ	12
Рис. 2.	Коринфская пиксида с крышкой. Собрание ГМИИ	13
Рис. 3.	Коринфская пиксида с крышкой. Собрание ГМИИ	13
Рис. 4.	Коринфский скифос. Собрание ГМИИ	14
Рис. 5.	«Беотийско-коринфская» пиксида с двумя ручками. Собрание ГМИИ	14
Рис. 6.	«Беотийско-коринфский» арибалл. Геракл. Собрание ГМИИ	15
Рис. 7.	«Беотийско-коринфский» арибалл. Лев. Собрание ГМИИ	15
Рис. 8.	«Беотийско-коринфский» арибалл. Пантера. Собрание ГМИИ	15
Рис. 9.	Аттическая чернофигурная крышка пиксиды. Собрание ГМИИ	15
Рис. 10.	Аттический мелкофигурный килик. Собрание ГМИИ	18
Рис. 11.	Аттический чернофигурный килик. Собрание ГМИИ	19
Рис. 12.	Чернофигурная амфора. Лицевая сторона. Собрание ГМИИ	18
Рис. 13.	Чернофигурная амфора. Обратная сторона. Собрание ГМИИ	19
Рис. 14.	Чернофигурная амфора. Лицевая сторона. Собрание ГМИИ	20
Рис. 15.	Чернофигурная амфора. Обратная сторона. Собрание ГМИИ	20
Рис. 16.	Краснофигурная гидрия. Собрание ГМИИ	20
Рис. 17.	Краснофигурная гидрия. Роспись на плечах вазы. Собрание ГМИИ	21

Уничтоженное граффито

Рис. 1.	Фрагмент чернолакового блюда с зачеркнутой надписью. Собрание ГМИИ	23
Рис. 2.	Прорись уничтоженного текста. Выполнена автором	23

Граффито Афродисии

Рис. 1.	Фрагмент чернолаковой котилы с надписью. Собрание ГМИИ	24
Рис. 2.	Прорись текста. Выполнена автором	24

Сосуд с надписью ЕФΩ

Рис. 1.	Пантикапей. Роспись на боковой стороне сосуда. Собрание ГМИИ	27
Рис. 2.	Пантикапей. Надпись под ручкой сосуда. Собрание ГМИИ	27
Рис. 3.	Пантикапей. Остатки росписи лицевой стороны сосуда. Собрание ГМИИ	27
Рис. 4.	Керченский сосуд. Собрание Одесского Археологического музея	27

Раскопки в Аполлонии Иллирийской	
Рис. 1. Общий вид Аполлонии с востока. Фото Г. А. Аргиропуло	31
Рис. 2. Оборонительная стена III в. до н. э. Фото Г. А. Аргиропуло	36
Рис. 3. Полукруглое помещение, устроенное в оборонительной стене. Фото Г. А. Аргиропуло	36
Рис. 4. Мраморная портретная голова. Фото Г. А. Аргиропуло	41
Рис. 5. Мраморная статуя Афины. Фото Г. А. Аргиропуло	42
Рис. 6. Мраморная статуя магистрата. Фото Г. А. Аргиропуло	43
Рис. 7. Мозаика. Женская голова. Фото Г. А. Аргиропуло	44
Рис. 8. Мозаика. Гиппокамп. Фото Г. А. Аргиропуло	45
Рис. 9. Мозаика. Нереида на дельфине. Фото А. Г. Аргиропуло	45
Рис. 10. Мраморная голова юного атлета. Фото Г. А. Аргиропуло	46
Рис. 11. План раскопок в Орике. Фото Г. А. Аргиропуло	47
О развитии эллинского храма	
Рис. 1. Храм в Дреросе. Схема автора	51
Рис. 2. Герайон в Олимпии. Схема автора	51
Рис. 3. Храм Зевса в Олимпии. Схема автора	51
Древнейшее свидетельство о Синдике	
Рис. 1. Схематическая карта Синдики. Сравнительное обилие поселений в северо-западной части при отсутствии таковых в юго-восточной вызвано тем, что вторая в меньшей мере, чем первая, подвергалась археологическим исследованиям. Схема автора	57
Искусство Пантикапея и Крыма	
Рис. 1. Голова Афродиты, найденная в Пантикапее в 1949 г. Собрание ГМИИ	70
Греко-скифское искусство	
Рис. 1. Портретная статуя из Горгиппии. Собрание ГМИИ	160
Рис. 2. Портретная статуя из Горгиппии. Деталь. Собрание ГМИИ	161
Рис. 3. Деревянная голова пантеры из Пантикапея. I в. н. э. Самшит. Собрание ГМИИ	161
Античные города на северном берегу Понта	
Рис. 1. Голова курiosa из Кеп VI в. до н. э.— Собрание ГИМ	184
Античные традиции в византийском серебре	
Рис. 1. Серебряное ведро с изображением олимпийских богов и Геракла. Деталь. Собрание ГЭ	218
Рис. 2. Блюдо с изображением пастуха и стада. Деталь. Собрание ГЭ	218
Эллинское искусство в городе и в хоре	
Рис. 1. Изображение Диониса Дендрита на кранофигурной вазе. <i>Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, Bd. III, S. 232, Abb. 582.</i>	263
Рис. 2. Святилище в хоре. Деталь рельефа. Мюнхен.— <i>Schreiber Th. Die hellenistischen Reliefbilder. Leipzig. 1894, Taf. LXXX.</i>	263
Античная археология Северного Причерноморья	
Рис. 1. Пантикапей. Голова актера (терракота). Собрание ГМИИ	269

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГ — Античные города. М., 1963
 АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955, I
 АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
 АО — Археологические открытия
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва)
 ГИМ — Годишникъ на Народния музей (София)
 Гра- — Эпиграфические документы. — *Граков Б. Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее — ИГАИМК, 1934, вып. 104.
 ГХМ — Государственный Херсонесский музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДБК — Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Эрмитаже. СПб., 1854
 ДГС — Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866, т. I—II
 ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
 Записки — Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИА — Институт археологии АН СССР
 ИАДК — История и археология древнего Крыма
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество
 ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 Известия — Известия Отделения Гуманитарных наук Академии наук СССР
 ОГН
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 КАМ — Культура античного мира. М., 1966
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России

- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1953
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА — Советская археология
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СХМ — Сообщения Государственного Херсонесского музея
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 ТОАМГЭ — Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира, Гос. Эрмитажа
 ХС — Херсонесский сборник
 АА — *Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts*
 Acta Ant. — *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*
 AJA — *American Journal of Archaeology*
 AM — *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. Berlin*
 BCH — *Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris*
 BMC — *British Museum Catalogue*
 BSA — *The Annual of the British School at Athens*
 CIL — *Corpus Inscriptionum Latinarum*
 CI Rhódos — *Clara Rhodos. Studi e materiali pubblicati a cura dell' Istituto storico-archeologico di Rhodi, 1924—1944*
 CVA — *Corpus Vasorum Antiquorum*
 Hesperia — *Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies of Athens*
 IGB — *Michailov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae*
 IOSPE — *Latyshev B. Inscriptiones antiquae, graecae et latinae orae septentrionalis Ponti Euxini*
 JDAI — *Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts*
 Jahresh. — *Jahresheft des Österreichischen archäologischen Instituts*
 JHS — *Journal of Hellenic Studies*
 JRS — *Journal of Roman Studies*
 OGIS — *Dittenberger W. Orientis graeci Inscriptiones selectae. Leipzig, 1903—1905.*
 RA — *Revue archéologique. Paris*
 SCIV — *Studii și Cercetări de Istorie Veche*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	3
---------------------------------	---

ПУБЛИКАЦИИ

Новая амфора Полигнота	7
Из собрания ваз Государственного музея изобразительных искусств в Москве	11
Уничтоженное граффито	22
Граффито Афродисии	24
Сосуд с надписью ΕΦΩ	25
Раскопки Аполлонии Иллирийской	30

ИССЛЕДОВАНИЯ

О развитии эллинского храма	50
Древнейшее свидетельство о Синдике	55
Об имущественном положении боспорцев в VI—II вв. до н. э.	59
Искусство Пантикапея и Крыма античного времени	67
Об искусстве Боспора	75
Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья	95
Период протоэллинизма на Боспоре	109
О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье	123
Греко-скифское искусство	132
Имена мастеров искусства в Северном Причерноморье	165
Подводные археологические исследования на северных берегах Понта в 1957—1962 гг.	167
Иррадиация античной культуры в странах Северного Причерноморья	173
Античные города на северном берегу Понта	182
О культе римских императоров на Боспоре	191
Афинские тиранофилы конца VI — начала V в. до н. э.	195
Основание Аполлонии Иллирийской	200
Воззрения боспорского анонимного историографа конца IV в. до н. э.	203
О происхождении боспорских Археанактидов	207
Аполлония и иллирийцы (до 229 г. до н. э.)	211
Античные традиции в византийском серебре из Восточной Европы	216
Подводные археологические работы в северной части Черного моря	221
О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э.	228
Доряне в XIV—XIII вв. до н. э.	234
Вопрос о фракоязычном населении в Прикубанье и в Боспорском государстве	237
Боспорское царство в позднеантичное время	242
Эллинское искусство в городе и в хоре (различные слои граждан и искусство)	261

ОБЗОРЫ

Античная археология Северного Причерноморья за последние десятилетия	265
От редакции	274
Список иллюстраций	275
Список сокращений	277

**Владимир Дмитриевич
Блаватский**

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства
Г. Н. Улуян

Художник
М. В. Версоцкая

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Л. В. Каскова

Корректоры
Т. С. Козлова, Г. Н. Лащ

ИБ № 28466

Сдано в набор 4.06.84. Подписано к печати 7.02.85
Г'-02720. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1
Гарнитура латинская. Печать высокая. Усл. печ.
л. 20,61. Уч.-изд. л. 22,8. Усл. кр. отт. 20,91. Тираж
4350 экз. Тип. зак. 4075. Цена 2 р. 40 к. Ордена Тру-
дового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука» 121099, Моск-
ва, Г-99, Шубинский пер., 6

**СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ
В КНИГЕ: В. Д. БЛАВАТСКИЙ «АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ»**

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
29	7 сн.	0,4 м.	0,04 м.
88	11—10 сн.	стены, сложенные... прерывались... дверными проемами, перекрытыми	стена, сложенная... прерывалась дверным проемом, перекрытым
95	13 сн.	рода	города
121	14 св.	Аракс	Аркас
122	15 св.	IV, III	III
129	9 сн.	ем и на Боспоре, особенно в Пантикапее, где увеличение площади горо-	ском Востоке развитие ремесла тесно связано с основанием новых горо-
146	11 сн.	Борисфана	Борисфена
149	8 св.	скрепленные	скругленные
195	20 св.	520	510
201	17, 19, 20 св.	Ликофон	Ликофрон
250	4 сн.	coloniāt	coloniagum
258	12 св.	X, 63	I, 63
274	9 св.	I.	II.